І. Каблицъ (І. Юзовъ).

ОСНОВЫ НАРОДНИЧЕСТВА.

Часть II.

ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., 8.
1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

		стр.
Глава	I. Субъективизмъ въ соціологіи	1
«	II. Интеллигентный бюрократизмъ и народничество.	57
«	III. Либерализмъ и народничество	206
«	IV. Разнообразіе типовъ общественной жизни и отношеніе къ нему интеллигентнаго бюрократизма .	283
«	V. Борьба западничества съ національзмомъ . . .	312
«	VI. Національные вопросы Россіи, включая и еврейскій	342
«	VII. Свободная торговля и протекціонизмъ	418
«	VIII. Современные моралисты: 1. Плакальщики и злобники. 2. Восточники—проповѣдники буддійскаго отношенія къ животнымъ	448
«	IX. Заключеніе	488

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШЕЧАТКИ:

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
45	3	Ирскезы	Ирокезы
46	28	Вайтиа	Вайтца
181	32	прярода	природѣ
195	32	И. Ломброзо	Ц. Ломброзо
220	30	Т. Ш-й	Т. II-й
255	4	экономиской	экономической
378	3	изъ	ихъ
416	13	отросль	отрасль
495	2	Боржинскаго	Бобржинскаго

ГЛАВА I.

Субъективизмъ въ соціологіи.

Принято думать, что обыденное мышленіе страдаетъ большей неясностью и путаницей понятій, нежели научное. Справедливѣе было бы признать, наоборотъ, что это послѣднее именно и содержитъ въ себѣ массу неопредѣлившихся еще понятій, находящихся въ періодѣ развитія и совершенствованія. Понятно, что иначе и быть не можетъ: научное мышленіе, имѣя дѣло съ отвлеченными понятіями и вырабатывая ихъ для своихъ потребностей, не рождаетъ ихъ вполнѣ готовыми, а постепенно и съ трудомъ выдѣляетъ изъ остальной массы понятій, подобно тому, наприм., какъ молотъ приготовляется изъ желѣзной руды путемъ цѣлаго ряда процессовъ механическаго производства. Когда научное мышленіе достаточно выяснитъ извѣстное понятіе, т. е. придастъ ему болѣе или менѣе опредѣленную форму, такъ сказать, вычеканитъ его,— только тогда оно поступаетъ въ обращеніе обыденнаго мышленія, а потому нечего и удивляться, что научное мышленіе больше загромождено не ясными понятіями, нежели обыденное. Научное мышленіе, будучи фабрикой, на которой вырабатываются новыя понятія, не можетъ не заключать

въ себѣ массу зародышевыхъ понятій, способствующихъ дальнѣйшему движенію научнаго мышленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не видѣть, что результатомъ этой неясности зародышевыхъ понятій является масса безплодныхъ научныхъ споровъ, при которыхъ противники не понимаютъ другъ друга, говоря о разныхъ вещахъ, но называя ихъ одинаковыми словами или же наоборотъ. Къ сожалѣнію, бываютъ и такіе случаи, когда научное мышленіе дало уже довольно ясную чеканку употребляющимся въ спорѣ понятіямъ, а между тѣмъ, спорящіе употребляютъ ихъ, какъ Богъ на душу положитъ. Къ числу послѣднихъ случаевъ необходимо отнести и споръ о субъективизмѣ и объективизмѣ въ соціологіи, происшедшій отъ разнообразнѣйшаго и, большей частью, самаго туманнаго пониманія терминовъ, положенныхъ въ основу спора. Соціологическая важность этого спора—несомнѣнна и по существу ведется уже многія сотни лѣтъ, хотя спорящіе и употребляли при этомъ термины, выходящіе изъ употребленія въ настоящее время. Какъ извѣстно, Ог. Контъ первый пустилъ въ ходъ слова: «субъективный» и «объективный». Въ настоящее время эти термины достаточно укрѣпились, такъ что нельзя не признать, что смыслъ ихъ необходимо опредѣлять не на основаніи своихъ личныхъ взглядовъ, а только по пониманію, принятому въ научномъ обращеніи, т. е. принимая во вниманіе употребленіе этого термина всѣми науками вообще. Дѣйствуя иначе, каждый изъ насъ будетъ больше тѣшить свое авторское самолюбіе, нежели способствовать разработкѣ соціологіи, которая можетъ быть полезна только постольку, поскольку является результатомъ не единоличнаго, а коллективнаго сознанія.

Соціологія, какъ извѣстно, есть только часть нашего

познанія и хотя «соціальная философія стоитъ значительно выше всѣхъ прочихъ философій» [1]), но изъ этого всетаки не слѣдуетъ, чтобы она имѣла право игнорировать смыслъ, придаваемый научной философіей (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) терминамъ «субъективный» и «объективный». Поэтому прежде рѣшенія вопроса о субъективизмѣ въ соціологіи, необходимо разрѣшить вопросъ о субъективизмѣ въ познаніи вообще. Мы уже касались этого вопроса въ V главѣ I части «Основъ народничества» и просимъ нашихъ читателей прежде всего вспомнить сказанное нами раньше и только затѣмъ обратиться къ нижесказанному.

Субъективнымъ или объективнымъ признается философами, достойными этого имени, наше познаніе вообще? Извѣстно, что подъ терминомъ «объективнаго познанія» въ современной научной философіи подразумѣвается такого рода познаніе, при которомъ оно вполнѣ соотвѣтствуетъ самой познаваемой вещи, иначе, бытію какъ «вещи въ себѣ». Возможность такого рода познанія отвергается научной философіей, опирающейся на физіологію. При современномъ развитіи физіологическихъ знаній, афоризмъ Протагора «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей» сдѣлался безспорной истиной [2]). То, на что указывали всѣ глубокомысленные философы древности, вполнѣ подтвердилось современной наукой: человѣкъ не знаетъ «вещи въ себѣ» такою, какою она есть, а только въ

---

[1]) Ж. Тардъ. Законы подражанія. Стр. 13.

[2]) «Житейскій здравый смыслъ человѣчества, дисциплинированный и расширенный соотвѣтственнымъ воспитаніемъ, становится однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ орудій научнаго изслѣдованія, представляя во многихъ случаяхъ лучшее и часто единственное основаніе для разумныхъ выводовъ». (Вильямъ Карпентеръ. Основанія физіологіи ума, ч. II, стр. 50).

той формѣ, какую допускаютъ его собственныя орудія познанія. И такъ какъ мы знаемъ, что познающія существа составляютъ какъ бы лѣстницу развитія этихъ орудій познанія, то, понятно, что познаніе каждаго изъ нихъ соотвѣтствуетъ только его субъективнымъ орудіямъ познанія. Познаніе «вещи въ себѣ», сдѣланное, напр., кротомъ, будетъ сильно отличаться отъ познанія обезьяны уже однимъ тѣмъ, что у перваго, за отсутствіемъ глазъ, не будетъ цвѣтовыхъ представленій объ окружающемъ мірѣ, неговоря уже о тѣсномъ кругѣ этихъ представленій, благодаря подземному образу жизни крота. Если мы замѣчаемъ, что человѣчество обладаетъ самымъ многочисленнымъ арсеналомъ орудій познанія, сравнительно съ остальными познающими существами, то это еще не доказываетъ, что эволюція этихъ орудій закончилась и что человѣчество обладаетъ всѣми орудіями познанія, необходимыми для воспріятія «вещи въ себѣ» въ полномъ ея объемѣ, всесторонне. Но не будемъ уже говорить о возможности дальнѣйшаго развитія самыхъ орудій познанія, прирожденныхъ человѣку,—достаточно указать на искусственное усиленіе этихъ существующихъ уже орудій, чтобы доказать полнѣйшее несоотвѣтствіе нашего познанія съ «вещью въ себѣ». Такъ, наприм., до изобрѣтенія микроскопа, мы, будучи окружены существами самыми разнообразными, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весьма вліятельными въ нашей жизни, не имѣли, однако, понятія о ихъ существованіи въ той формѣ, въ какой знаемъ ихъ нынѣ. Поэтому всѣ современные философы, достойные этого имени, считаютъ себя вправѣ заключить, что наше познаніе объ окружающемъ не исчерпываетъ всего его содержанія, а только даетъ намъ знаніе той его части, къ воспріятію которой приспособилось человѣчество. Слѣ-

довательно, объ объективности познанія, въ философскомъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть и рѣчи, не только въ томъ смыслѣ, что человѣчество только и можетъ знать «вещь въ себѣ» въ субъективныхъ формахъ своего познанія, но и въ томъ, что мы не имѣемъ права быть увѣренными въ такомъ соотвѣтствіи этихъ субъективныхъ формъ познанія съ «вещью въ себѣ», при которомъ она можетъ быть исчерпана познаніемъ всесторонне.

Многіе указываютъ на существованіе понятія о безконечномъ пространствѣ и времени, какъ на доказательство, что познаніе человѣка не ограничено орудіями его познанія, такъ какъ это понятіе будто бы не можетъ быть выведено изъ опыта. Если бы это было такъ, то субъективность человѣческаго познанія могла бы быть оспариваема, потому что въ немъ находились бы элементы, происхожденіе которыхъ немыслимо изъ опыта, а слѣдовательно, необходимо было бы признать, что наше познаніе не ограничено своими орудіями и что въ немъ существуютъ такія понятія о «вещи въ себѣ», которыя мы не вправѣ считать субъективными. Но ближайшій анализъ происхожденія понятія о безконечномъ вполнѣ оправергаетъ измышленія метафизиковъ. Понятіе о безконечномъ несомнѣнно выводится нами изъ опыта. Такъ, извѣстно, что наши понятія вырабатываются изъ ощущеній, данныхъ нашими орудіями познанія; нѣтъ сомнѣнія, что ни одно изъ этихъ ощущеній не указываетъ намъ на существованіе конца пространства или времени. А потому при выработкѣ понятій изъ ощущеній мы не можемъ найти элементовъ для созданія понятія о конечномъ пространствѣ и времени, а только о конечности вещей, занимающихъ извѣстное пространство—отсюда

выводъ о безконечности ихъ обоихъ. Такимъ образомъ, то обстоятельство, что опытъ не даетъ намъ ни одного ощущенія о концѣ пространства и времени, необходимо приводитъ насъ къ умозаключенію, что конца ихъ и не существуетъ, хотя, быть можетъ, въ дѣйствительности это и не такъ. Метифизики, слѣдовательно, напрасно раскрываютъ ротъ отъ удивленія при видѣ понятія о безконечномъ, имѣющемся у конечнаго существа; наоборотъ, было бы удивительно, если бы это конечное существо, не получая ощущеній о концѣ пространства и времени, вдругъ, вздумало умозаключить о ихъ конечности. Разъ мы поняли опытное происхожденіе понятія о безконечности, то этимъ самымъ подорвали возможность утверждать необходимое существованіе этой безконечности пространства и времени, такъ какъ логическая необходимость этого понятія, быть можетъ, зиждется на ограниченности нашихъ орудій познанія, т. е. на его субъективности. Извѣстно, что законы логики единственнымъ основаніемъ своимъ имѣютъ соціальное сознаніе [1]), являющееся результатомъ взаимодѣйствія индивидуальныхъ сознаній, такъ какъ существуютъ лишь индивидуумы; видъ же, по ученію, наприм., Дарвина, есть лишь группа индивидуумовъ, стоящихъ, по своей организаціи, ближе всего другъ къ другу. «Для насъ нѣтъ достовѣрности большей, говоритъ Вундтъ, чѣмъ всеобщность»; «лучшаго основанія для очевидности не существуетъ и въ логическихъ, равно какъ и въ математическихъ аксіомахъ» [2]). Им. Кантъ утверждаетъ, что хотя «объектъ

[1]) А. Риль. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Стр. 90.

[2]) Вильг. Вундтъ. Этика. Стр. 67 (ч. 3-я).

самъ по себѣ всегда остается неизвѣстнымъ; но когда посредствомъ разсудочнаго понятія связь представленій, полученныхъ объ этомъ объектѣ нашей чувственностью, опредѣляется какъ всеобщая, то этимъ отношеніемъ опредѣляется предметъ, и сужденіе въ такомъ случаѣ имѣетъ объективное значеніе»... «Такимъ образомъ, объективное значеніе и необходимая всеобщность суть тождественныя понятія» [1]). И такъ, лучшіе философскіе умы согласны въ томъ, что основы нашего познанія и логики лежатъ въ соціальномъ сознаніи; разница только въ томъ, что Кантъ, напримѣръ, называетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, объективнымъ все, что «опредѣляется какъ всеобщее». Мы не считали бы себя въ правѣ отрицать право Канта на употребляемую имъ терминологію, еслибы это не вело къ путаницѣ въ философскихъ спорахъ, такъ какъ, въ дѣйствительности, то, что философъ называетъ объективнымъ, имъ самимъ, по существу, опредѣляется какъ субъективно-видовое въ отличіе отъ субъективно-индивидуальнаго. Тѣмъ болѣе, что существуютъ многочисленные философы-метафизики, которые подъ «объективнымъ» подразумѣваютъ нѣчто противуположное субъективному вообще, какъ видовому, такъ и индивидуальному,—особенно въ этическихъ своихъ ученіяхъ.

Если же познаніе человѣчества (равно какъ и другихъ познающихъ существъ) должно быть признано субъективнымъ, то и соціологія не можетъ не быть субъективнымъ знаніемъ въ философскомъ смыслѣ этого слова. Тутъ возникаетъ вопросъ: чѣмъ же отличаются соціальныя явленія, изучаемыя соціологіей, отъ

---

[1]) Им. Кантъ. Пролегомены... Стр. 69.

остальныхъ міровыхъ явленій, составляющихъ предметъ другихъ наукъ? Такъ какъ все наше познаніе—субъективно, то нѣтъ сомнѣнія, что не въ субъективности лежитъ корень этого различія.

Многіе пытаются обосновать это различіе на томъ, что явленія внутренняго міра для насъ будто бы болѣе извѣстны, чѣмъ явленія внѣшняго міра. Эта бо́льшая для насъ извѣстность внутреннихъ явленій утверждается, наприм., и г. Генр. Струве, хотя и указывающимъ, что «всякое знаніе, какъ процессъ ума, субъективно», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждающимъ, что «истинное познаніе возможно только на основаніи объясненія неизвѣстныхъ намъ явленій внѣшняго міра при помощи извѣстныхъ намъ явленій нашего сознанія» [1]). Такъ какъ явленія внѣшняго міра ничего больше, какъ явленія нашего сознанія, то мы никакъ не вправѣ утверждать, что эта часть явленій нашего сознанія будто бы намъ меньше извѣстна, нежели другая. Вѣдь все наше познаніе и состоитъ только въ познаніи явленій нашего сознанія, а потому ставить одну часть явленій сознанія б л и ж е к ъ с о з н а н і ю, нежели другую—нѣтъ никакихъ основаній. Принципіальной разницы въ познаніи одного и другого рода явленій не можетъ быть уже потому, что познаніе имѣетъ дѣло съ однороднымъ элементомъ: явленіями нашего сознанія. Если эти явленія чѣмъ и отличаются, то только интенсивностью сознательности; но это послѣднее различіе можетъ равно относиться какъ къ явленіямъ внѣшняго, такъ и внутренняго міра. Такимъ образомъ, явленія психической жизни человѣка, лежащія въ основѣ соціальныхъ явленій, не могутъ прин-

[1]) Генр. Струве. Введеніе въ философію Стр. 25 и 140.

ципіально отличаться, какъ явленія сознанія, отъ другихъ явленій того же сознанія; поэтому и выдѣленіе соціальныхъ явленій изъ другихъ, на основаніи мнимой ихъ близости къ сознанію—совершенно фантастично.

Всѣ міровыя явленія, составляющія предметъ человѣческаго познанія, могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: 1) явленія субъективно-созерцательныя, въ которыхъ человѣкъ только воспринимаетъ въ субъективныхъ формахъ «вещь въ себѣ», посредствомъ орудій своего познанія; если эти явленія и не соотвѣтствуютъ «вещи въ себѣ», то не въ силу активнаго претворенія ее орудіями познанія, а вслѣдствіи ихъ несовершенной приспособленности къ воспріятію всѣхъ сторонъ «вещи въ себѣ», и 2) явленія субъективно-творческія, въ которыхъ человѣкъ является не только наблюдателемъ, а и активнымъ дѣятелемъ, творящимъ самыя явленія; сюда относятся всѣ явленія соціально-культурныя. Нельзя не видѣть, что доля субъективности въ обѣихъ группахъ явленій неравномѣрна. Такъ, въ первой группѣ явленій субъективность ограничивается только тѣмъ, что человѣчество воспринимаетъ вліяніе «вещи въ себѣ» черезъ субъективныя формы своего сознанія, наприм., наблюдаетъ смѣну дня и ночи, фазъ луны, временъ года, а также движеніе вѣтровъ, приливовъ и отливовъ, затмѣніе солнца и т. п.; во второй же—дѣло не ограничивается субъективнымъ воспріятіемъ вліяній извнѣ, а человѣчество стремится устроить дѣло сообразно своимъ мыслямъ, чувствамъ и желаніямъ, напр., группируется въ артель для ловли рыбы, осушаетъ болото, добываетъ желѣзо для разнаго рода

орудій и т. п. [1]). Такимъ образомъ, если первая группа явленій можетъ считаться пассивно-субъективной, то вторую необходимо признать активно-субъективной, т. е. субъективной, такъ сказать, вдвойнѣ. Поэтому-то нельзя было бы ничего возразить противъ терминологіи, при которой первая группа явленій называлась бы объективной и только вторая—субъективной, еслибы философы-метафизики не употребляли терминъ «объективный» для обозначенія явленій въ дѣйствительности не существующихъ, т. е. явленій, бытіе которыхъ опредѣляется помимо сознанія познающаго существа [2]). Но употребленіе термина «объективный» въ примѣненіи къ субъективно-творческой группѣ явленій, какъ то дѣлалъ Кантъ, въ смыслѣ противоположенія субъективно-видовыхъ явленій субъективно-индивидуальнымъ, вноситъ не только хаосъ въ философскіе споры, но и сбиваетъ съ толку

---

[1]) О третьей—смѣшанной, изъ указанныхъ двухъ группъ явленій, мы не будемъ говорить, ради упрощенія своей задачи.

[2]) Многими отвергается и существованіе самой «вещи въ себѣ», понятіе о ней считаютъ метафизическимъ, не обоснованнымъ на нашихъ ощущеніяхъ. Но уже Кантъ утверждалъ, что «непосредственное ощущеніе» равно свидѣтельствуетъ намъ какъ о нашемъ собственномъ существованіи, такъ и существованіи внѣшнихъ вещей, а потому и служитъ достаточнымъ доказательствомъ ихъ дѣйствительности. (Куно-Фишеръ. Критика Кантовской философіи. Перев. Н. Иванцова. Стр. 303). Гельмгольцъ утверждаетъ, что «хотя наши чувственныя ощущенія въ своихъ качествахъ суть не болѣе какъ знаки, особая форма которыхъ зависитъ отъ нашей организаціи, все же ими нельзя пренебрегать какъ пустыми призраками, такъ какъ они знаки чего-то, все равно будутъ-ли они знаками чего-то существующаго или же совершающагося». (Г. Гельмгольцъ. Факты въ воспріятіи. Стр. 15).

людей не вполнѣ способныхъ самостоятельно оріентироваться въ употребляемыхъ въ философіи понятіяхъ и терминахъ. Между тѣмъ, въ ученіяхъ соціально-нравственныхъ особенно важно не смѣшивать субъективно-видовыхъ явленій съ тѣми мнимыми объективно-нравственными явленіями, существованіе которыхъ утверждаютъ метафизики сознательно, а безсознательно — всякаго рода фельетонные мыслители. Метафизики не признаютъ той несомнѣнной истины, что «нравственное имѣетъ одинъ источникъ съ логичнымъ: соціальное (общежительное) сознаніе» [1]). Такъ, напримѣръ, Гегель, по словамъ г. Ник. Ланге, «гоняясь за призракомъ объективнаго блага, утратилъ единственное руководство—нравственныя чувства» [2]).

По справедливому мнѣнію г. Н. Ланге:

Всего яснѣе выражается Риль: «Убѣжденіе, что, кромѣ насъ самихъ, существуетъ еще и нѣчто другое,—выходитъ вовсе не изъ мышленія, а просто изъ ощущенія, опирается стало быть на ту же основу, на которую опертa и увѣренность въ нашемъ собственномъ существованіи». (А. Риль. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Стр. 73 и 74).

«Я долженъ отвергнуть, говоритъ Риль, допускъ всякой первоначально чистой субъективности ощущеній». «Внѣшняя подмѣта столь же непосредственна, какъ и подмѣта самаго себя, и дается при томъ вмѣстѣ съ послѣднею. «Я» можетъ сознавать свое собственное существованіе, только благодаря тому, что чувствуетъ себя затронутытъ чѣмъ-то, чье существованіе онъ ощущаетъ стало быть вмѣстѣ съ своимъ собственнымъ. Не только по своему понятію субъектъ и объектъ коррелаты (соотносительные термины); они сопринадлежны и въ ощущеніи, и въ подмѣтѣ; ихъ можно различать, но разорвать ихъ нѣтъ никакой возможности». (Тамъ же. Стр. 64 и 73).

[1]) А. Риль. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Стр. 90.

[2]) Ник. Ланге. Исторія нравств. идей XIX вѣка. Стр. 169.

«Всякая объективная этика, т. е. такая, которая основывается на мнимомъ знаніи цѣлей Божества, развитія міра или какой-нибудь другой метафизической гипотезѣ, всякая такая этика имѣетъ, кромѣ несовершенствъ субъективной этики (ибо подобно ей она въ дѣйствительности ничего не знаетъ о цѣляхъ мірозданія), еще два другихъ недостатка: во-первыхъ—неискренность, подтасовку мнимаго знанія, во-вторыхъ—затемненіе непосредственнаго нравственнаго чувства совершенно недостаточными метафизическими теоріями» [1]). Это затемненіе случалось даже съ Кантомъ. Въ своихъ «Чтеніяхъ о психологіи» онъ утверждаетъ:

«Нравственные поступки суть поступки долга и сама нравственность есть не больше какъ совокупность правилъ, дѣлающихъ человѣка достойнымъ счастья, дающихъ право на счастье. Мораль указываетъ условія, при которыхъ счастье возможно, но самаго счастья она не даетъ. Сплошь и рядомъ здѣсь, на землѣ, благополучіе вовсе не есть удѣлъ людей добродѣтельныхъ. Кривда ходитъ въ пурпурѣ и атласѣ, а благочестіе и справедливость—въ жалкомъ рубищѣ, протягивая руку за подаяніемъ. И еслибы не было вѣры въ грядущее возмездіе, нравственность была бы безполезнымъ и даже вреднымъ стѣсненіемъ человѣческой свободы. Надо быть глупцомъ, чтобы жить въ послушаніи какимъ-то законамъ, не имѣя вѣры въ иной міръ, гдѣ счастье соразмѣрно съ правомъ, гдѣ жизнь не крестъ, не Голгофа, а свободное и безмятежное созерцаніе духа» [2]).

---

[1]) Ник. Ланге. Исторія нравств. идей XIX вѣка. Стр. 166.

[2]) А. Волынскаго. Критическіе и догмат. элементы въ философіи Канта. («Сѣв. Вѣстн.» 1889 г., № 9, стр. 71).

Эти антихристіанскія идеи Канта объ объективныхъ опорахъ нашей субъективной нравственности могутъ послужить наглядным примѣромъ вреднаго вліянія исканій объективныхъ началъ этики. Несомнѣнно, что только слабое развитіе нравственныхъ чувствъ могло побуждать людей искать опоры для своихъ нравственныхъ дѣйствій не въ наслажденіяхъ доставляемыхъ ими самими, а въ постороннемъ мотивѣ—грядущемъ вознагражденіи. Это послѣднее было духовнымъ костылемъ для слабыхъ въ нравственномъ отношеніи предковъ нашихъ, въ томъ числѣ, можно полагать, и для Канта Разумѣется, нельзя отрицать значеніе этого духовнаго костыля и для большинства людей современныхъ намъ, но утверждать, что нравственность безъ загробнаго вознагражденія—глупость, можетъ только тотъ, кто нравственно слабъ настолько, что не понимаетъ нынѣшняго христіанства. Ученіе Христа доказываетъ, что нравственность обязательна сама по себѣ, безъ мысли о вознагражденіи ее на томъ свѣтѣ; подобное же ученіе можетъ зиждиться только на томъ, что имъ признается самоудовлетвореніе нравственныхъ дѣйствій. Безпристрастно анализируя нравственныя дѣйствія человѣчества, необходимо признать, что въ основѣ ихъ лежитъ вовсе не надежда на будущее вознагражденіе, такъ какъ самая идея о вознагражденіи рождается уже послѣ признанія нравственныхъ обязанностей. Затѣмъ, устраняя мотивъ заслужить похвалу людей, такъ какъ возникаетъ вопросъ, почему желаютъ похвалы за свои нравственныя дѣйствія, а не добиваются ихъ болѣе легкими путями, напр., раздачей наворованныхъ денегъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, мы должны прійти къ заключенію, что нравственные поступки доставляютъ

людямъ наслажденіе, довольство собою, вслѣдствіе совершенія самыхъ нравственныхъ дѣйствій.

Кантъ не замѣчаетъ, что его идеи приводятъ къ противорѣчію; загробное вознагражденіе, собственно говоря, ничего не вознаграждаетъ, такъ какъ не способно уничтожить земныхъ страданій и всегда можетъ возникнуть вопросъ: кому и для чего они были нужны? Этотъ вопросъ долженъ ставить въ тупикъ большинство проповѣдниковъ объективной этики. «Чтобы стать выше человѣческой, субъективной этики, говоритъ г. Ланге, Гегель долженъ былъ бы объяснить, для чего въ мірѣ существуетъ зло, его оправдать, какъ необходимое» [1]).

Субъективность общественныхъ явленій признавалась уже искони: такіе, во многомъ противоположные, мыслители, какъ Гоббезъ и Локкъ, Монтескье и Руссо одинаково признавали субъективность общественныхъ явленій. Вся юриспруденція насквозь проникнута этимъ взглядомъ и только немногіе юристы стоятъ за независимость общественныхъ явленій отъ человѣческихъ желаній и понятій. Здравый смыслъ человѣчества давно уже выяснилъ ему, что общественныя явленія — ничего больше, какъ отношенія между людьми и не могутъ имѣть независимаго отъ людей существованія. Легкомысленно ошибаются тѣ, кто полагаетъ, что субъективизмъ общественныхъ явленій открытъ впервые въ Россіи. Громаднѣйшее большинство теоретиковъ обществознанія сознательно или безсознательно признавали видовой субъективизмъ общественныхъ явленій и боролись противъ объективизма такихъ авторовъ, примѣромъ которыхъ

[1]) Ник. Ланге. Исторія нравств. идей XIX вѣка. Стр. 168.

можетъ быть г. Дебольскій, утверждающій, что «необходимо рѣшительно отвергнуть тотъ весьма распространенный взглядъ, будто общественный союзъ существуетъ для блага составляющихъ его недѣлимыхъ» [1]).

Въ нашей литературѣ дѣлались попытки добыть дешевые лавры мнимыми побѣдами надъ Герб. Спенсеромъ, путемъ искаженія его коренныхъ идей; при этомъ предполагалось, что англійскій мыслитель нѣчто вродѣ г. Дебольскаго. Упускали изъ вида характерную черту соціологовъ-объективистовъ, всегда утверждающихъ, что общественныя формы не создаются совокупностью человѣческихъ понятій и желаній, а образуются по сознательному или безсознательному плану, предначертанному какой-либо внѣшней для человѣчества силой. Между тѣмъ, Спенсеръ самъ указываетъ на слѣдующее коренное отличіе общественнаго организма отъ біологическаго: «Благосостояніе аггрегата, разсматриваемое независимо отъ благосостоянія составляющихъ его единицъ, никогда не можетъ считаться цѣлью общественныхъ стремленій. Общество существуетъ для блага своихъ членовъ, а не члены его существуютъ для блага общества» [2]). Такимъ образомъ, Спенсеръ является въ дѣйствительности не тѣмъ, чѣмъ его старался представить г. Н. Михайловскій. Если англійскій мыслитель увлекался проведеніемъ аналогій между общественнымъ и біологическимъ организмомъ, то это скорѣе имѣетъ видъ иллюстрированія общественныхъ явленій картинками изъ біологической жизни, чѣмъ утвержденія, что общественныя

---

[1]) Н. Г. Дебольскій. О высшемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности. Стр. 289.

[2]) Герб. Спенсеръ. Основанія соціологіи. Т. II, стр. 513.

явленія должны считаться объективными, т. е. независящими отъ человѣческихъ желаній. Съ нами согласится всякій, кто приметъ во вниманіе всю совокупность психологическихъ и соціологическихъ работъ Спенсера, въ которыхъ онъ далъ глубоко основательный и разносторонній матерьялъ для обоснованія видового субъективизма въ соціологіи. Вѣдь и Руссо употреблялъ выраженіе «общественный организмъ» [1]), т. е. проводилъ аналогію между обществомъ и организмомъ, хотя въ основу этого организма ставилъ «общественный договоръ», а слѣдовательно былъ видовымъ субъективистомъ. Правда, Спенсера можно упрекать въ томъ, что своими аналогіями онъ распространилъ моду на объясненіе соціальныхъ явленій путемъ изученія всякаго рода первоначальныхъ біологическихъ организмовъ, что, въ концѣ концовъ, по меньшей мѣрѣ, было безплоднымъ препровожденіемъ времени, а по большей—завело соціологію въ бездонное болото, въ которомъ указателями будущихъ общественныхъ формъ являлись сифонофоры. Впрочемъ, наши сифонофорники были только подражателями и г. Михайловскому нисколько не принадлежитъ даже честь первому нарядить свои соціальныя воззрѣнія въ біологическій сифонофорный костюмъ. «Полагали, говоритъ Тардъ, что соціологіи не иначе можно придать научную окраску, какъ только присвоивъ ей біологическій или, еще лучше, механическій характеръ. А это все равно, что стараться освѣтить извѣстное неизвѣстнымъ, стараться представить солнечную систему въ видѣ нсразложимаго туманнаго

---

[1]) Жанъ-Жакъ Руссо. Собраніе сочиненій. Т. 1. Эмиль, или воспитаніе. Стр. 4.

пятна, чтобы лучше понять ее. Въ области соціальныхъ явленій намъ приходится имѣть дѣло—и это составляетъ исключительную привиллегію этой области—съ непосредственными причинами, съ индивидуальными поступками, представляющими факты, совершаемые человѣкомъ, что обсолютно недоступно нашимъ взорамъ во всякой другой области» [1]).

Насколько возня съ сифонофорами вредно дѣйствуетъ на мыслителя-соціолога видно изъ того, что г. Михайловскій пришелъ къ слѣдующему заключенію о субъективизмѣ соціолога и объективизмѣ натуралиста:

«Когда изслѣдованіе начато, увѣряетъ г. Михайловскій, натуралистъ не вводитъ въ него,—по крайней мѣрѣ не долженъ вводить,—элементъ субъективный. Онъ можетъ сказать: я желаю перечислять виды клоповъ, но не можетъ сказать: я желаю, чтобы видовъ клоповъ было столько-то. Соціологъ, напротивъ, долженъ прямо сказать: я желаю познавать отношенія, существующія между обществомъ и его членами, но, кромѣ познанія, я желаю еще осуществленія такихъ-то и такихъ-то моихъ идеаловъ, посильное оправданіе которыхъ при семъ прилагаю».

Спрашивается: почему нашъ авторъ запрещаетъ натуралисту субъективно отнестись къ видамъ клоповъ? Неужели натуралистъ не вправѣ сказать: «хочу, чтобы ни одного вида клоповъ не осталось на землѣ, всю жизнь употреблю на борьбу съ ними и постараюсь истребить до единаго». Неужели только соціологъ вправѣ сказать: «буду бороться съ кулачествомъ и употреблю всѣ силы, чтобы подвинуть общество на

[1]) Ж. Тардъ. Законы подражанія. Стр. 1 и 2.

уничтоженіе этого зла. Таковъ мой идеалъ и я вправѣ его осуществлять». Вѣдь натуралистъ можетъ имѣть свой идеалъ при изученіи клоповъ, а именно—ихъ истребленіе; соціологъ, изучая кулачество, наоборотъ, можетъ имѣть цѣлью его размноженіе, какъ и было съ буржуазными мыслителями. Куда же дѣлась принципіальная разница между объективизмомъ натуралиста и субъективизмомъ соціолога? И натуралистъ, и соціологъ равно могутъ имѣть цѣли-идеалы и не имѣть ихъ; поэтому и говорить объ объективизмѣ одного и субъективизмѣ другого значитъ говорить традиціонный вздоръ. «Природу, говоритъ Дюрингъ, не слѣдуетъ считать ни безошибочной, ни всемогущей. Внѣ насъ она не является бытіемъ совершенно другого рода, чѣмъ внутри нашего собственнаго существа и сознательнаго дѣйствія... Человѣкъ имѣетъ право съ своей точки зрѣнія производить оцѣнку и судить, что негодно и подлежитъ по возможности устраненію» [1]).

Мы уже указывали на то, что всѣ явленія культурно-соціальныя носятъ на себѣ характеръ субъективно-творческій; и соціальныя явленія отличаются отъ культурныхъ вообще только тѣмъ, что субъективное творчество въ нихъ направлено на измѣненіе отношеній между людьми, а не на отношеніе людей къ внѣшней природѣ. Необходимо помнить, что только тамъ, «гдѣ нѣтъ основаній допускать жизнь и сознаніе, тамъ нѣтъ никакого основанія предполагать и цѣль» [2]).

И такъ, слѣдуя лучшимъ традиціямъ соціальной науки, мы утверждаемъ, что въ основѣ соціаль-

---

[1]) Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Стр. 104. (Изд. «Рус. Богатства»).

[2]) А. Риль. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Стр. 401.

ныхъ явленій должно лежать субъективно-видовое творчество. Это не значитъ, что мы отрицаемъ субъективно-индивидуальное творчество въ области соціологіи [1]), такъ какъ несомнѣнно, что это послѣднее весьма часто и весьма сильно вліяетъ на соціальныя явленія; но, по нашему мнѣнію, это вліяніе можетъ быть только вреднымъ, если не проходитъ черезъ горнило субъективно-видоваго творчества,—не разбирая, носитъ-ли оно на себѣ консервативный или прогрессивный, будто бы, характеръ.

Уже Кантъ утверждалъ, что, такъ какъ счастіе не есть нѣчто безусловное и состоитъ только въ исполненіи моихъ желаній, то тотъ, кто хочетъ дѣлать людей счастливыми, долженъ исполнять ихъ желанія, а не свои предположенія о томъ, что было бы для нихъ лучше [2]).

Поэтому-то вполнѣ правъ Вундтъ, говоря о «безусловномъ преимуществѣ общей воли надъ единичною» [3]). Къ сожалѣнію, господствующее у насъ интеллигентно-бюрократическое міросозерцаніе не признаетъ истины, высказанной Кантомъ, а потому и старается оправдать свои поползновенія къ господству надъ общей волей путемъ софистическихъ теорій о большей прогрессивности субъективно-индивидуальнаго творчества соціальныхъ явленій надъ субъективно-ви-

---

[1]) «Индивидуальная воля, говоритъ Вундтъ, переходитъ въ общую волю для того, чтобы изъ послѣдней снова создать индивидуальные умы творческой силы». Вильг. Вундтъ. Этика. Стр. 33. (Ч. 3-я).

[2]) Ник. Ланге. Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка. Ч. I. Стр. 43.

[3]) Вильг. Вундтъ. Этика. Стр. 80 (ч. 3).

довымъ. Наши интеллигентные бюрократы, исповѣдуя, по Карлейлю, культъ героевъ и, разумѣется, наивно считая себя этими героями, призванными вести толпу къ соціальному блаженству, доходятъ до тупоумной увѣренности, что научно обосновываютъ соціологію на своихъ личныхъ (индивидуальныхъ) воззрѣніяхъ. Впрочемъ, въ ихъ оправданіе нужно сказать, что ихъ бюрократизмъ не является такой твердо выработанной системой, какъ напр., у Карлейля, а скорѣе стихіенъ и полусознателенъ,—такъ что многіе изъ нихъ, навѣрное, отвернутся отъ логическаго вывода, сдѣланнаго Карлейлемъ, изъ принимаемыхъ ими посылокъ о необходимости господства людей знанія надъ невѣжественной толпой, ради прогресса.

По Карлейлю необходимо поступать слѣдующимъ образомъ: «Отыщите человѣка самаго способнаго въ данной странѣ, поставьте его такъ высоко, какъ только можете, неизмѣнно чтите его и вы получите вполнѣ совершенное правительство, и никакой баллотировочный ящикъ, парламентское краснорѣчіе, голосованіе, конституціонное учрежденіе, никакая вообще механика не можетъ уже улучшить положеніе такой страны ни на одну іоту» [1]).

Наши послѣдователи культа героевъ идутъ дальше: ихъ герой или кучка героевъ сами должны себя «отыскать» и «поставить» (говоря выраженіями Карлейля), не заботясь, чтобы «общество» или народъ сдѣлали это. Впрочемъ, есть между ними и умѣренные, которые, вопреки Карлейлю, готовы допустить, чтобы герои были отысканы и поставлены «обществомъ», но, во всякомъ случаѣ, не народомъ.

---

[1]) Т. Карлейль. Герои и геропческое въ исторіи. Стр. 277.

Только что указанный бюрократическій индивидуализмъ никакимъ образомъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ соціологическимъ индивидуализмомъ, вообще лежащимъ въ основѣ всѣхъ формъ общежитія, складывающихся на началахъ субъективно-видовой формы. Въ дѣйствительности, какъ мы это уже указывали, ссылаясь на Дарвина, существуютъ только индивидуумы, а не виды; поэтому и цѣлями соціальныхъ организмовъ могутъ быть только осуществленія индивидуальныхъ цѣлей, ради которыхъ и образовались общества Нѣтъ никакихъ основаній противопоставлять коллективную волю общества волямъ индивидуальнымъ, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, она должна быть только равнодѣйствующей всѣхъ индивидуальныхъ воль. Если же этого нѣтъ, то слѣдовательно въ обществѣ нѣтъ и коллективной воли, а въ немъ господствуетъ бюрократическій индивидуализмъ въ болѣе широкомъ или узкомъ смыслѣ этого слова.

«Въ государствѣ, утверждалъ уже давно К. Францъ. не могутъ существовать элементы или силы, которые какимъ бы то ни было образомъ не рождались бы изъ индивидуальной жизни, ибо человѣкъ есть альфа и омега въ государствѣ»... Свойства присущія государству «не только отличны отъ органическихъ, но даже стоятъ съ ними отчасти въ явномъ противорѣчіи»,— особенно «если мы взглянемъ на его элементарныя частицы, которыя у государства суть индивидуальныя люди». Эти элементарныя частицы «организованы гораздо совершеннѣе, нежели все государство, и далеко не желаютъ существовать только ради государства, а напротивъ государство должно служить ихъ цѣлямъ. Гдѣ тутъ аналогія съ организмомъ, спрашиваетъ К. Францъ?»... «Государство съ одинаковымъ

правомъ можетъ быть названо какъ организмомъ, такъ и машиною» [1]).

«Поэтому государство по его физической сторонѣ слѣдуетъ назвать продуктомъ, по его правовой сторонѣ учрежденіемъ, по его моральной сторонѣ задачею, такъ какъ моральное всегда есть нѣчто долженствующее быть. Правда, эти выраженія говорятъ немного, но не говорятъ ничего невѣрнаго. Они оставляютъ открытымъ поле изслѣдованія, тогда какъ выраженіе «организмъ» содержитъ просто неправду и стѣсняетъ дальнѣйшее изслѣдованіе» [2]).

Мысль К. Франца объ отношеніи между обществомъ и индивидуумомъ является коренной идеей народничества, полученной имъ по наслѣдству отъ такихъ мыслителей какъ Руссо и т. п.,—неговоря уже о здравомъ смыслѣ всего человѣчества. Между тѣмъ, г. Ланге утверждаетъ, что народничество «въ извѣстной степени» не видитъ въ индивидуумѣ основного камня бытія нравственности и общественной жизни [3]). Тутъ, очевидно, полное незнакомство автора съ этимъ ученіемъ, какъ оно выразилось въ нашей литературѣ, такъ какъ, въ дѣйствительности, личность въ глазахъ народниковъ является альфой и омегой этики и соціологіи. Ради нея они пожертвовали и тѣмъ, такъ пріятнымъ для интеллигенціи, прогрессомъ, при которомъ этому современному Молоху готовы принесть въ жертву милліоны жизней изъ рабочаго класса. Въ то

---

[1]) Константинъ Францъ. Физіологія государства, какъ основаніе политическихъ наукъ. (Историко-политич. и юридич. сборникъ. Изд. Н. И. Ламанскаго. 1870 г. Т. Ш, стр. 22—26).

[2]) Тамъ же, стр. 47.

[3]) Ник. Ланге. Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка. Ч. I. Стр. 9.

время какъ противники народниковъ искали своихъ боговъ внѣ человѣческой личности: въ прогрессѣ науки и общественныхъ формъ или въ распространеніи русской территоріи и поглащеніи наибольшаго количества національностей,—только они одни, во всѣхъ своихъ сужденіяхъ исходили изъ потребностей и нуждъ народа, т. е. совокупности индивидуумовъ. Проповѣдь подчиненія коллективной волѣ народа противопоставлялась ими только бюрократическому индивидуализму, а не вообще соціологическому индивидуализму, изъ котораго и выростаетъ самая коллективная воля. Болѣе того, они самымъ тщательнымъ образомъ старались подчеркнуть ту мысль, что въ основѣ всѣхъ ихъ разсужденій лежитъ забота о личности. Г. Ланге ничего этого не знаетъ или не хочетъ знать. Свое, можно сказать, странное обвиненіе онъ, очевидно, обосновалъ только на своемъ полномъ незнакомствѣ съ трудами народниковъ. Правда, народники всегда ратовали за мысль, выраженную Ж. Тардомъ слѣдующимъ образомъ: «Будемъ остерегаться того банальнаго индивидуализма, который объясняетъ соціальныя измѣненія капризами великихъ людей» [1]). Но выводить изъ этого, что народники «не видятъ въ индивидуумѣ основного камня бытія нравственности и общественной жизни», значитъ подмѣнить бюрократическимъ индивидуализмомъ истинный индивидуализмъ, имѣющій цѣлью удовлетворить желанія не только героическихъ или вообще прогрессивно-интеллигентныхъ личностей, а по возможности всѣхъ вообще; при чемъ, разумѣется, придется прибѣгать къ взаимнымъ уступкамъ, къ

---

[1]) Ж. Тардъ. Законы подражанія. Стр. 2.

разнаго рода компромиссамъ,—въ которыхъ и выразится, такъ называемая, коллективная воля.

Основной заботой при выработкѣ коллективной воли должно быть стараніе какъ возможно меньше стѣснять индивидуальную волю, такъ какъ существованіе коллективной воли имѣетъ смыслъ только при условіи, по возможности, наибольшаго удовлетворенія индивидуальныхъ воль. Разумѣется, бываетъ, что воля нѣкоторыхъ индивидуумовъ иногда настолько отклоняется отъ общечеловѣческаго типа, что человѣчество не можетъ допускать ея осуществленія и, называя ее преступной, старается уничтожить всякаго рода мѣрами. Случается и такъ, что «нѣкоторые невропаты, по словамъ Рибо, находятъ запахъ розъ непріятнымъ и съ наслажденіемъ вдыхаютъ валеріану или ассафетиду» [1]),—человѣчество смотритъ на такія отклоненія снисходительно и наказываетъ ихъ только общественнымъ презрѣніемъ, такъ какъ все таки считаетъ нежелательнымъ дальнѣйшее распространеніе подобнаго рода невропатовъ. Соціальный невропатизмъ не можетъ не возбуждать противъ себя бо́льшей вражды, чѣмъ тотъ, на который указываетъ Рибо, и бюрократическій индивидуализмъ необходимо считать одной изъ самыхъ распространенныхъ невропатическихъ склонностей нашей интеллигенціи. Вундтъ опредѣляетъ преступленіе слѣдующимъ образомъ. «поступокъ, направленный на отрицаніе цѣлей общей воли ради удовлетворенія индивидуальныхъ влеченій» [2]). Нашъ же бюрократическій индивидуализмъ устами г. Михайловскаго горделиво заявлялъ, что его

---

[1]) Ш. Рибо. Психологія вниманія. Стр. 119.

[2]) Вильг. Вундтъ. Этика. Стр. 102 (ч. 3-я).

идеалъ: удовлетвореніе «интересамъ» народа помимо того, что самъ народъ считаетъ своимъ интересомъ. Если мы примѣнимъ опредѣленіе преступленія, сдѣланное Вундтомъ, къ нашимъ интелигентнымъ бюрократамъ. то увидимъ, что эгоистическое влеченіе ихъ къ господству надъ себѣ подобными, подъ благовиднымъ предлогомъ облагодѣтельствованія ихъ, въ дѣйствительности, есть только преступленіе,—каковымъ оно обыкновенно и считается народомъ, стремящимся всякими способами отбиться отъ этихъ благодѣтелей.

Извѣстно, что «въ тѣсной связи съ развитіемъ самосознанія развивается знаніе другихъ людей, какъ сознательныхъ существъ» [1]). Эту психологическую истину необходимо имѣть въ виду при обсужденіи бюрократическихъ клеветъ на человѣчество. Очевидно, что бюрократы судятъ по себѣ, придавая такъ мало цѣны стремленіямъ людей къ независимости и заботясь только объ «интересахъ» народа, и отнюдь не желая считать независимость интересной народу.

Впрочемъ, бюрократическій индивидуализмъ прибѣгаетъ и къ разнаго рода психологическимъ увертками для оправданія себя. Эти увертки стары, какъ самъ бюрократическій индивидуализмъ; Руссо отзывался о нихъ такъ: «Богатые утѣшаются въ страданіяхъ, причиняемыхъ ими бѣднымъ,—тѣмъ, что считаютъ ихъ настолько тупыми, чтобы не чувствовать этихъ страданій. Не удивляйтесь, слѣдовательно, и тому, что политики съ такимъ пренебреженіемъ отзываются о народѣ, а большинство философовъ стараются изобразить человѣка такимъ злымъ» [2]).

---

[1]) Дж. Селли. Основныя начала психологіи и ея примѣненія къ воспитанію. Стр. 190.

[2]) Ж. Ж. Руссо. Собр. соч., т. I. Эмиль. Стр. 236.

Одной изъ самыхъ распространенныхъ научныхъ увертокъ было ученіе Мальтуса. «Врядъ-ли можно сомнѣваться, говоритъ Ингрэмъ, что благосклонность, съ которой были приняты взгляды Мальтуса въ нѣкоторыхъ кругахъ, зависѣла, отчасти, отъ благопріятнаго интересамъ высшихъ сословій общества впечатлѣнія, которое они производили: отъ того, что выводы его ученія стремились освободить богатаго и сильнаго властью отъ отвѣтственности за положеніе рабочихъ классовъ, указывая что послѣднія должны пенять на самихъ себя, а не на небрежность высшихъ классовъ или неудовлетворительность учрежденій въ странѣ» [1]).

У насъ сильно развитъ бюрократическій индивидуализмъ въ литературѣ. Это объясняется Салтыковымъ-Щедринымъ, тѣмъ, что «большинство писателей нашихъ принадлежитъ къ такимъ общественнымъ сферамъ, которыя не имѣютъ съ народомъ ничего общаго, и потому весьма естественно, что въ ихъ отношеніи къ послѣднему невольнымъ образомъ вносятся всѣ недоумѣнія и предубѣжденія, которыя такъ свойственны кастамъ» [2]).

Между тѣмъ, даже экономисты, въ настоящее время, прямо требуютъ внесенія альтруистическаго чувства въ науку. Такъ, Ингрэмъ говоритъ о необходимости, чтобы жизнь рабочаго класса была «изучена глубже, а также и съ большей симпатіей» [3]). Онъ же утверждаетъ, что «сильныя соціальныя симпатіи»... «являются наиболѣе цѣннымъ пособіемъ, какъ это признаютъ всѣ величайшіе умы, въ такой области

---

[1]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи, стр. 155.

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1889 г., № 12, стр. 659.

[3]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи. Стр. 154.

изслѣдованія, какъ народное хозяйство» [1]). Нечего и говорить, что изученіе остальныхъ областей соціологіи не меньше требуетъ «сильныхъ соціальныхъ симпатій». «Тотъ, говорилъ уже Аристотель, кто хочетъ съ пользой слушать изслѣдованіе о прекрасномъ и справедливомъ и вообще о политикѣ, должен*ъ* быть нравственнымъ человѣкомъ, ибо началомъ изслѣдованія должно быть понятіе нравственности» [2]).

Бюрократическій индивидуализмъ, проповѣдуемый въ нашей литературѣ съ полнымъ успѣхомъ, благодаря обстоятельству, указанному Салтыковымъ-Щедринымъ, въ послѣднее время получилъ подкрѣпленіе еще въ томъ, что «характернымъ недугомъ нашей эпохи является преувеличенная любовь къ успѣху и могуществу, желаніе достигнуть ихъ во что бы то ни стало и непомѣрная жажда величія» [3]).

Эта непомѣрная жажда величія привела одного изъ проповѣдниковъ бюрократическаго индивидуализма къ убѣжденію, что онъ имѣетъ право на своихъ личныхъ воззрѣніяхъ обосновать соціологію, какъ науку. Но присутствіе въ его изслѣдованіяхъ нравственнаго, если можно такъ выразиться, дальтонизма, благодаря которому онъ игнорировалъ всю важность для народа жить независимо отъ насильственной указки, ради будто бы той громадной пользы, которую принесетъ съ собою указка,— показало даже его многимъ послѣдователямъ, что дѣло не совсѣмъ ладно. Извѣстно, что современные астрономы, дѣлая наблюденія надъ движеніями небесныхъ тѣлъ, понимаютъ, что въ ихъ наблюденія вплетается

---

[1]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи. Стр. 173.

[2]) Этика Аристотеля. Перев. съ греч. Э. Радлова. Стр. 8.

[3]) П. Рекьяръ. Умственныя эпидеміи. Стр. 219.

субъективно-индивидуальный элементъ познанія, а потому, съ цѣлью сдѣлать эти наблюденія научными, т. е субъективно-видовыми. они вводятъ въ нихъ поправки, которыми устраняются индивидуальныя отклоненія способностей даннаго наблюдателя отъ типично-видовыхъ способностей вообще. Соціологія, какъ наука, не можетъ идти другимъ путемъ; она должна руководствоваться субъективно-видовымъ методомъ познанія; тѣмъ болѣе, что она изучаетъ факты, творцомъ которыхъ является само человѣчество. Индивидуальное пониманіе соціологическихъ фактовъ только тогда можетъ считаться научнымъ, если въ него введена поправка, устраняющая особенности этого пониманія, присущія только данному индивидууму, — чѣмъ оно превращается изъ индивидуальнаго въ видовое. «Тѣ говорятъ пустое, которые утверждаютъ, что то, къ чему всѣ стремятся, не есть благо. Мы утверждаемъ, что принимаемое всѣми и составляетъ дѣйствительность. Отвергающій эту увѣренность врядъ-ли найдетъ болѣе достовѣрную» [1]). Недаромъ въ числѣ философскихъ аргументовъ Лейбница встрѣчаемъ и слѣдующій: «вопреки всякой очевидности и общему мнѣнію человѣческаго рода» [2])

Субъективно-видовое пониманіе соціальныхъ явленій или. иначе, общее мнѣніе человѣческаго рода, въ дѣйствительности, является единственно-правильнымъ, а слѣдовательно, и научнымъ пониманіемъ соціальныхъ явленій. Бюрократическій индивидуализмъ стремится отыскать другія опоры для общественныхъ явленій, кромѣ общественнаго мнѣнія въ широкомъ смыслѣ этого слова; и отыскиваетъ ихъ въ разнаго рода индивидуаль-

[1]) Этика Аристотеля. Перев. Э. Радлова. Стр. 192.

[2]) Г. В. Лейбницъ. Новые опыты о человѣческомъ разумѣ. Стр. 218. (Тр моск. псих. об—ва, вып. IV).

ныхъ построеніяхъ прогрессивнаго или консервативнаго характера, утверждая, что необходимо насильно благодѣтельствовать человѣчество (или часть его), такъ какъ само оно по глупости не способно слѣдовать научному пути. Египетскій фараонъ Аменофисъ «безъ всякаго затрудненія выполнилъ актъ грандіознаго улучшенія человѣческой породы, низвергнувъ въ каменоломни 80,000 египтянъ, страдавшихъ различными тѣлесными недугами» [1]). Этотъ поступокъ древняго фараона, по нашему мнѣнію, можетъ служить прекрасной иллюстраціей научно-бюрократически-индивидуальнаго пониманія соціальныхъ задачъ.

Наши бюрократическіе индивидуалисты прогрессивнаго оттѣнка, трактуя о научности своего субъективно-индивидуальнаго метода, забываютъ, что ихъ же методомъ могутъ идти и люди науки консервативно-ретрограднаго оттѣнка. Разумѣется, что при этомъ результаты научныхъ работъ двухъ главныхъ группъ ученыхъ будутъ противоположны. Кто же рѣшитъ, какъ не общественное мнѣніе, какія поправки должны быть внесены въ результаты ихъ работъ для признанія ихъ годными къ осуществленію, т. е. научными, если устранить элементъ насилія, который въ данномъ случаѣ является обоюдоострымъ.

Въ настоящее время у насъ, пишетъ г. С. Капустинъ, вслѣдствіе развитія кулачества разныхъ видовъ, «стойко и хитро дѣйствующаго во всемъ, что можетъ послужить къ обездоленію народа» и современнымъ остаткамъ крѣпостничества, которое «адски-лукаво ведетъ дѣло порабощенія ему массъ», о народѣ разсказывается много всякаго рода унижающихъ его

[1]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр 157.

небылицъ. «Смѣтливый деревенскій кулакъ пробрался уже въ самые верхніе слои общества, въ самыя авторитетныя газеты, гдѣ онъ и изрыгаетъ клеветы на пьянствующій будто бы народъ, а авторитетная газета свидѣтельствуетъ на своихъ страницахъ устами кулаковъ иной формы о томъ, что мужики не имѣютъ понятія о томъ, что растетъ на свѣтѣ капуста, морковь, что ихъ нужно учить садить огородныя овощи, что при общинномъ землевладѣніи невозможно травосѣяніе и и проч.» [1]).

И вся эта антинародническая пропоганда всегда идетъ подъ знаменемъ будто бы науки, а въ дѣйствительности подъ руководствомъ своихъ субъективно-индивидуальныхъ вожделѣній къ паразитной жизни.

Необходимой поправкой, выводящей соціальныя явленія изъ хаотическаго состоянія сталкивающихся между собою силъ, можетъ быть только рѣшеніе общенароднаго мнѣнія, добываемое субъективно-видовымъ путемъ. Здѣсь мы должны оговориться. Строго говоря, субъективно-видовымъ мнѣніемъ должно считаться мнѣніе, принадлежащее всему виду, т. е. всему человѣчеству. Но такихъ общечеловѣческихъ, международныхъ соціальныхъ явленій сравнительно меньше, нежели остальныхъ, происходящихъ въ предѣлахъ различныхъ подраздѣленій человѣческаго рода: расъ, народовъ, племенъ, государствъ, городовъ, общинъ, клубовъ и т. п. Въ примѣненіи къ этимъ подраздѣленіямъ человѣчества субъективно-видовымъ мнѣніемъ, въ противоположность субъективно-индивидуальному, необходимо считать только общее мнѣніе данной группы че-

---

[1]) С. Капустинъ. Зеркало Россіи. («Русская Мысль» 1883 г. № 1, стр. 8 и 9).

ловѣчества и, такимъ образомъ, субъективно-видовое мнѣніе должно сокращаться до субъективно-расоваго, народнаго, племеннаго, общиннаго и т. д. Принципіальной разницы между субъективно-видовомъ методомъ добыванія научной соціальной истины и субъективно групповымъ—нѣтъ никакой; разница только въ количествѣ лицъ, участвующихъ въ поправкахъ къ соціальнымъ положеніямъ, добытымъ субъективно-индивидуальнымъ методомъ. Такъ какъ человѣчество, будучи единымъ въ общемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздѣляется на массу группъ, отличающихся между собою въ частностяхъ, то субъективно-групповой методъ долженъ имѣть въ *жизни* громадное значеніе; субъективно-видовыхъ истинъ сравнительно мало и большинство соціологическихъ истинъ состоитъ изъ субъективно-групповыхъ, приспособленныхъ къ потребностямъ подраздѣленій человѣчества.

Для доказательства важности субъективно-групповаго метода добыванія соціальныхъ истинъ мы приведемъ ниже нѣсколько примѣровъ соціальныхъ различій группъ человѣчества. Изъ этихъ примѣровъ можно ясно видѣть, что человѣчество отнюдь не является однороднымъ цѣлымъ по своимъ соціальнымъ свойствамъ, почему и не можетъ быть объединено единой соціальной формой, какъ бы идеальна она ни была. Не въ космополитическо-идеальной формѣ нуждаются группы людей, а въ формахъ, приспособленныхъ къ ихъ частной соціальной природѣ, чувству, волѣ, уму,—разнообразіе которыхъ, въ настоящее время, является научно-установленнымъ фактомъ. По словамъ Ингрэма, «космополитизмъ, или увѣренность, что существуетъ одинаково истинная для всѣхъ странъ правовая и экономическая система, а также «перпетуализмъ», или при-

знаніе, что существуетъ одна равно истинная для всѣхъ стадій развитія система—потеряли кредитъ какъ научныя теоріи» [1]). Такъ, напримѣръ, «фазы скотоводства, считавшейся нѣкогда соціологически необходимой. у мексиканцевъ совсѣмъ не было» [2]). «У древнихъ евреевъ имѣло значеніе только священническое сословіе, у германцевъ, напротивъ, очень рано являются различныя сословія, которыя позднѣе развились до самого пестраго разнообразія» [3]).

Группы человѣчества отличаются другъ отъ друга не только физической своей природой, но и психической. Многіе пытаются объяснить это разнообразіе разницей въ происхожденіи этихъ группъ. Такъ, Карлъ Фогтъ производитъ въ своихъ «Лекціяхъ о человѣкѣ» три расы человѣческія отъ трехъ существующихъ человѣкоподобныхъ обезьянъ: гориллы, шимпанзе и орангъ-утанга» [4]). Агасси увѣрялъ, что «негръ настолько же братъ бѣлаго, насколько сова сестра орла или оселъ братъ лошади» [5]).

Другіе, опасаясь, что мысль объ отсутствіи единства происхожденія можетъ вредно повліять на отношенія европейцевъ къ такъ называемымъ дикарямъ, стараются поддержать библейскія традиціи. Проф. Э. Ю. Петри говоритъ: «понятіе объ единствѣ человѣческаго рода, окончательное усвоеніе котораго должно существенно измѣнить наше отношеніе къ племе-

---

[1]) Дж. Ингрэм'. Исторія политич. экономіи. Стр. 260·

[2]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 143.

[3]) К. Францъ. Физіологія государства, какъ основаніе политич. наукъ. Стр. 131. (Истор.-полит. и юридич. сборникъ. Изд. Н. И. Ламанскаго. 1870 г. Т. III).

[4]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 54.

[5]) Тамъ же. Стр. 94.

намъ мало-культурнымъ, все еще довольно чуждо образованной публикѣ» [1]). Г. Петри забываетъ, что іудейство, а за нимъ и христіанство искони проповѣдывали единство человѣческаго рода, какъ и многія другія религіи; однако, по его мнѣнію, понадобилось «существенно измѣнять» наши отношенія къ дикарямъ. Дѣло въ томъ, что не идеи, а чувства руководятъ жизнью человѣчества. При этомъ извѣстно, что «лучшія намѣренія и лучшія представленія встрѣчаются не у однихъ и тѣхъ же людей, а нѣкоторые имѣютъ обширный разумъ, но вслѣдствіе порочности характера выбираютъ не то, что должно» [2]). То, что Аристотель говоритъ про отдѣльныхъ людей, вполнѣ примѣнимо и къ отдѣльнымъ племенамъ.

Не удивительно поэтому, что европейцы, отличающіеся своей умственной культурой, стоятъ нравственно ниже многихъ изъ дикихъ племенъ. Благодаря этому, они издавна прибѣгали ко всякаго рода софизмамъ, съ цѣлью оправдать свое эгоистическое отношеніе къ мало-культурнымъ народамъ.

Такъ въ буллѣ отъ 9-го іюня 1537 года римскій папа «опровергалъ мнѣніе, по которому дикари (индѣйцы) должны были пройти сначала рабство, чтобы стать христіанами» [3]). Всѣ эти софизмы выростаютъ не изъ ложнаго представленія объ отсутствіи единства происхожденія человѣчества, а изъ эгоистическихъ вожделеній, старающихся только о прикрытіи своей отврати-

---

[1]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 75.

[2]) Этика Аристотеля. Пер. Э. Радлова. Стр. 45.

[3]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 13.

тельной наготы. Развѣ крѣпостники не пытались у насъ поддержать свое насильственное господство указаніемъ на разницу въ своемъ происхожденіи отъ крестьянъ: одни-де—отъ Сима, другіе—отъ Хама.

Единство человѣчества есть цѣль, къ которой стремится человѣчество; оно получаетъ свое реальное содержаніе по мѣрѣ накопленія нравственныхъ чувствъ въ отдѣльныхъ индивидуумахъ,—затѣмъ, слѣдовательно, и въ группахъ ихъ: племенахъ, народахъ, расахъ.

Какимъ же образомъ развивается нравственное чувство?

«Наслѣдственныя привычки суть лишь вѣками аккумулированныя привычки... Лекарствомъ противъ такихъ капитализированныхъ привычекъ можетъ быть лишь живая дѣятельность, изъ которой, съ теченіемъ времени, могутъ капитализироваться новыя привычки, противоположныя наслѣдственнымъ» [1]). «Мы становимся справедливыми—творя справедливыя дѣла, умѣренными—дѣйствуя съ умѣренностью, мужественными—поступая мужественно» [2]). «Мотивами воли являются представленія цѣли, но они могутъ возбудить волю только черезъ посредство неразрывно соединенныхъ съ ними чувствованій» [3])

---

[1]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 47.

[2]) Этика Аристотеля. Пер. П. Радлова. Стр. 26.

[3]) Вильг. Вундтъ. Этика. Стр. 86. (Ч. 3-я). Объ этихъ «представленіяхъ цѣли», служащихъ «мотивами воли», въ нашей литературѣ имѣется ученый трактатъ Тимоѳея Соловьева: «Теорія волевыхъ представленій. Отношеніе ея къ спеціаціи и элеваціи органическаго міра». Къ сожалѣнію, авторъ увлекся и придалъ

«Не абстрактное сознаніе, а чувство создало понятіе несправедливости... Еслибъ не было стремленія къ воздаянію, еслибъ не было мести, тщетно стали бы мы искать обоснованія нашихъ понятій о правѣ. Такимъ образомъ, реагирующій аффектъ лежитъ въ основѣ отвлеченныхъ и въ силу уже одного этого, блѣдныхъ понятій о справедливости и долгѣ... Стремленія и чувства необходимы, какъ основаніе, на которомъ разумъ могъ бы построить свою абстрактную систему правилъ того, что должно быть и чего быть не должно. Разумъ исключительно теоретическій не въ состояніи извнутри самого себя создать идею долга; онъ не можетъ сдѣлать большаго, какъ только снабдить яснымъ пониманіемъ существующія уже стремленія и заставить ихъ дѣйствовать въ смыслѣ единства и гармоніи» [1]).

«Знаніе имѣетъ малое значеніе или вовсе его не имѣетъ по отношенію къ добродѣтели, другіе же условія немаловажны, но, напротивъ, составляютъ все. Эти-то условія и возникаютъ въ насъ отъ частаго повторенія справедливыхъ и умѣренныхъ дѣйствій»... «И такъ, вѣрно, что справедливымъ человѣкъ становится, творя дѣла справедливости, а умѣреннымъ—поступая съ умѣренностью, а безъ подобной дѣятельности пусть никому и въ голову не приходитъ стать хорошимъ человѣкомъ. Большинство же людей не поступаютъ такъ, а, прибѣгая къ теоріи, думаютъ, что философствуя они могутъ стать людьми

вліянію «волевыхъ представленій» чрезмѣрное значеніе на развитіе органическаго міра.

[1]) Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Стр. 46.

нравственными» [1]). Вундтъ говоритъ: «не то, чтобы человѣкъ одинъ разъ дѣйствовалъ по непосредственному чувствованію, а другой разъ — по размышленію; нѣтъ, онъ дѣйствуетъ всегда по чувствованію». «Мы считаемъ чувствованія ближайшими условіями всякой волевой дѣятельности. Такъ какъ чувствованія представляютъ изъ себя состоянія, предшествующія опредѣленнымъ дѣйствіямъ и предваряющія ихъ, сообразно ихъ общему качеству и направленію, то, вслѣдствіе этого, мы принимаемъ чувствованія за непосредственныя двигателя (мотивы) волевой дѣятельности. Всѣ другія внутреннія состоянія могутъ вліять на волю, только перейдя, предварительно, въ мотивы чувствованій; слѣдовательно, они могутъ быть только посредственными, а не непосредственными двигателями (мотивами) воли» [2]).

«Невѣжество, само по себѣ, по словамъ Гюйо, не имѣетъ деморализующаго вліянія» [3]). «Вѣрно дѣйствовать безъ размышленія есть главнѣйшій признакъ нравственной зрѣлости, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда столкновеніе обязанностей не затрудняетъ рѣшенія» [4]).

Воля не есть желаніе, говоритъ Хэкъ-Тьюкъ, она проистекаетъ непосредственно изъ желанія дѣйствовать, которому не противорѣчитъ другое, болѣе сильное или, по крайней мѣрѣ, болѣе вліятельное желаніе; она рождается изъ чувства или эмоціи, которыми со-

---

[1]) Этика Аристотеля. Перев. съ греч. Э Радлова. Стр. 30.

[2]) Вильг. Вундтъ. Этика. Стр. 81 и 6 (ч. 3-я).

[3]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 187.

[4]) Вильг. Вундтъ. Этика. Стр. 83 (ч. 3-я).

знаніе стремится къ достиженію или избѣжанію извѣстнаго предмета [1]). «Аффектъ не можетъ быть ни укрощенъ, ни уничтоженъ иначе, какъ противоположнымъ и болѣе сильнымъ аффектомъ, чѣмъ аффектъ, подлежащій укрощенію» [2]). «Истинное познаніе добра и зла, поскольку оно только истинно, не можетъ укротить никакого аффекта; но оно сдерживаетъ аффектъ лишь постольку, поскольку само оно есть аффектъ болѣе сильный, нежели тотъ, который нужно сдержать» [3]).

Признавъ психологическія аксіомы Спинозы, Аристотеля, Дюринга, Вундта, Хэкъ-Тюка, Гюйо, только что цитированныя нами, мы нисколько не должны удивляться тому, что умственныя и нравственныя качества разныхъ племенъ являются несоотвѣтственными другъ другу: болѣе умныя племена очень часто оказываются менѣе нравственными, нежели менѣе умныя, но болѣе добродѣтельныя. Многимъ трудно вѣрится въ нравственное превосходство полуголыхъ дикарей, питающихся первобытнымъ способомъ, одѣвающихся въ шкуры звѣрей и живущихъ въ шалашахъ и вигвамахъ, но необходимо помнить, что весьма часто «моральное величіе не прямо, а обратно пропорціонально потребностямъ» [4]).

Обратимся къ фактамъ племенныхъ соціальныхъ особенностей, имѣющихъ своимъ корнемъ разницу въ физіологической и психологической природѣ племенъ. Предупреждаемъ, что не имѣемъ намѣренія доказывать

---

[1]) Хэкъ-Тьюкъ. Духъ и тѣло и т. д. Стр. 290.

[2]) Бен. Спиноза. Этика. Перев. В. И. Модестова. Стр. 250.

[3]) Тамъ же. Стр. 257.

[4]) Эм. Лавеле. Соврем. соціализмъ. Стр. 357.

только что высказанную мысль, а потому и ограничимся самымъ незначительнымъ количествомъ фактовъ. Цѣль наша—наглядно иллюстрировать мысль о важности субъективно групповыхъ опредѣленій соціальныхъ истинъ и о громадномъ вредѣ, приносимомъ человѣчеству стремленіемъ подвести его подъ одинъ шаблонъ, хотя бы самый прогрессивный изъ прогрессивнѣйшихъ.

Начнемъ съ семьи. Извѣстно, что даже разныя породы обезьянъ устраиваютъ свою семью различно. «Шимпанзе живутъ по нѣсколько моногамическихъ семей на одномъ деревѣ»; гориллы же, повидимому, живутъ полигамически [1]). Поэтому было бы совершенно напрасно искать общей формулы развитія семьи для всего человѣчества. Субъективно-групповыя различія въ области семейныхъ отношеній чрезвычайно разнообразны. Такъ, извѣстенъ «обычай многихъ народовъ предлагать гостю свою жену или дочь»; «арабы охотно заботятся объ улучшеніи своего рода, приглашая къ сношенію со своими женами людей достойныхъ». У аранъ-сакаевъ на Малаккѣ и у обитателей восточныхъ Молуккскихъ острововъ «отцы пользуются правомъ jus primae noctis по отношенію къ дочерямъ». У финикіянъ же, по словамъ св. Аѳанасія, обязанности новобрачнаго должны были исполнять рабы; Блюментритъ разсказываетъ, что на Филиппинскихъ островахъ эти обязанности исполняются людьми, нанимающимися за деньги» [2]).

По словамъ Ливингстона, у племени Балановъ, живущихъ на р. Замбези, женщины пользуются полити-

---

[1]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 447 и 448.

[2]) Тамъ-же. Стр. 434, 443 и 444.

ческими правами и засѣдаютъ въ народномъ совѣтѣ. Мужъ переселяется въ домъ жены и находится въ полной зависимости отъ нея; онъ не можетъ принимать на себя даже самыхъ ничтожныхъ обязательствъ безъ ея согласія. Жена можетъ отпустить своего мужа, но не наоборотъ. У Наировъ, по словамъ Николо-ди-Конти, женщины берутъ себѣ столько мужей, сколько имъ угодно, такъ что среди нихъ можно найти такихъ, которые для удовлетворенія своихъ страстей имѣютъ до десяти мужей. Небезъинтересно видѣть, говоритъ Нахтигаль про ауланъ-солимановъ, живущихъ въ Сагарѣ, какъ эти грубые мужчины, вся жизнь которыхъ—сплошная цѣпь трудовъ и опасностей, эти разбойники и головорѣзы, нагоняющіе страхъ на всѣ окрестности,— какъ они безсильны въ своихъ собственныхъ домахъ. Необходимо прибавить, что у этихъ племенъ женщины отличаются поразительной красотою [1]). «На островахъ Тонга, также какъ на нѣкоторыхъ другихъ группахъ Океаніи, женщины избавлены отъ всякаго труда. Мужчины сами варятъ, женщины же заняты исключительно почетнымъ трудомъ, онѣ изготовляютъ матерію тапа». «На Сандвичевыхъ островахъ, на группѣ Самоа, въ Новой Зеландіи, женщина принимаетъ участіе въ общественныхъ собраніяхъ и можетъ быть избрана регентшею. Въ Малайскомъ Архипелагѣ, на Целебесѣ и на Явѣ женщины также неоднократно занимали тронъ и играли выдающуюся роль въ общественныхъ собраніяхъ» [2]).

---

[1]) К. Kautsky. Возникновеніе брачныхъ союзовъ. Стр. 85, 90, 86 и 88 («Сѣв. Вѣстн.» 1891 г., № 10).

[2]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 456 и 457.

У другихъ племенъ положеніе женщины приблизительно тоже, что и у насъ. Такъ: «съ женщинами австралійцы обращаются возмутительно; по свидѣтельству Ира, трудно встрѣтить женщину, не имѣющую рубцовъ на головѣ отъ ударовъ палкою» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣчается и слѣдующая оригинальность въ ея положеніи: «между масаями и водягами идетъ война на жизнь и смерть, но по договору женщины имѣютъ право безпрепятственнаго передвиженія между ними и не нуждаются ни въ какой защитѣ». Точно также «и у австралійцевъ женщина стоитъ внѣ распрей мужчинъ» [2]).

Понятія о семейномъ счастіи, о семейномъ очагѣ и т. п. не менѣе разнообразны, какъ и отношенія между мужчинами и женщинами Такъ, напримѣръ, по словамъ Банкрофта, у одного индѣйскаго племени мужчины живутъ и спятъ въ общемъ домѣ, кашимѣ, въ которомъ часто помѣщается 300—400 человѣкъ, женщины же съ своими дѣтьми живутъ въ собственныхъ хижинахъ. Утромъ женщины приносятъ своимъ мужьямъ завтракъ, послѣ котораго мужчины уходятъ на охоту. Вернувшись съ охоты, они снова идутъ въ кашимъ. Женъ своихъ они могутъ посѣщать только ночью, но съ разсвѣтомъ они уже снова должны быть въ кашимѣ [3]).

Отношеніе къ дѣтямъ также вполнѣ разнообразно. Вайтцъ говоритъ про индѣйцевъ: «Бить дѣтей, какъ это дѣлаютъ бѣлые, они считаютъ почти преступленіемъ,

---

[1]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 461.

[2]) Тамъ-же. Стр. 304.

[3]) К. Kautsky. Возникновеніе брачныхъ союзовъ. Стр. 88. («Сѣв. Вѣстн.» 1891 г., № 10).

жестокостью. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между Сѣверной Америкой и Южной» [1]).

Разнообразно устраивая свое семейное счастье, человѣчество не менѣе разнообразно относится и къ своимъ соціальнымъ отношеніямъ вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что Гоббезъ, основавшій свое понятіе о государствѣ на признаніи факта, что homo hominі lupus, былъ правъ по отношенію къ нѣкоторымъ племенамъ. И вся его ошибка состоитъ въ распространеніи на все человѣчество истины, извлеченной имъ изъ отношеній людей его окружавшихъ. Приведемъ сначала примѣры, подтверждающіе мысль Гоббеза. Казались говоритъ о кафрахъ: «нравственность среди этого народа настолько зависитъ отъ общественнаго порядка, что каждый случай политическаго неустройства немедленно ведетъ за собой состояніе полной распущенности, которое можетъ быть исправляемо только возстановленіемъ порядка» [2]). «У нѣкоторыхъ негритянскихъ сбродовъ, по смерти вождя ихъ, начинается всеобщій грабежъ и безначаліе. сосѣдъ обкрадываетъ и грабитъ сосѣда, такъ что все обращается въ хаосъ, пока кто-нибудь одинъ опять не всплыветъ на верхъ, не займетъ мѣсто вождя и не возстановитъ новый порядокъ» [3]).

Къ счастью, человѣчество не выкроено по одному шаблону, а потому, и всѣ огульныя сужденія о немъ являются вздоромъ. «Прибрежные чукчи, говоритъ Норденшельдъ, обходятся безъ какой-либо достойной упо-

---

[1]) К. Kautsky. Общественные инстинкты у людей. Стр. 81. («Сѣв. Вѣсти.» 1890 г. № 9).

[2]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 324.

[3]) А. Стронинъ. Исторія общественности. Стр. 276.

минанія религіи, безъ гражданскаго порядка, безъ главы. Еслибы примѣръ американскихъ полярныхъ народовъ не научилъ насъ лучшему, то мы могли бы предположить, что у такого въ буквальномъ смыслѣ слова безбожнаго сброда анархистовъ нѣтъ помина о безопасности личности и имущества, нѣтъ границъ для безнравственности и нѣтъ болѣе слабому защиты отъ болѣе сильнаго. Но это столь мало сходится съ истиною, что здѣсь была бы невозможна даже статистика преступленій, за неимѣніемъ таковыхъ, если только исключить насилія, совершаемыя въ опьяненномъ состояніи» [1]) Объ упоминаемыхъ Норденшельдомъ племенахъ Шарльвуа говоритъ, что они, живя «безъ видимыхъ властителей, пользуются всѣми выгодами благоустроеннаго правительства» [2]). «Во всѣхъ чукотскихъ деревняхъ, говоритъ Норденшельдъ, которыя мы посѣтили позже, господствовала полная анархія. Тѣмъ не менѣе въ этой безначальной общинѣ царило полное единомысліе. Дѣти здѣсь здоровы и сильны; туземцы относятся къ нимъ съ большой нѣжностью; дѣтей очень много» [3]).

«Постоянный миръ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, говоритъ Спенсеръ, и тамъ, гдѣ онъ существуетъ, чувство справедливости необыкновенно сильно и чутко. Я радъ, что мнѣ снова представился случай указать на то, что среди племенъ, называемыхъ нецивилизованными, нѣкоторыя отличаются пол-

---

[1]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 263.

[2]) Тамъ же Стр. 363.

[3]) К. Kautsky. Общественные инстинкты у людей. Стр 79. («Сѣв. Вѣстн.». 1891 г. № 9).

нымъ отсутствіемъ военной дѣятельности и что нравственныя свойства этихъ племенъ служатъ укоромъ для націй, называемыхъ цивилизованными» [1]).

Въ противоположность этой идилліи, какъ бы выхваченной изъ нашихъ соціальныхъ утопій, въ Новой Каледоніи «отъ времени до времени вождь убиваетъ кого-нибудь изъ своихъ низшихъ подданныхъ, и затѣмъ часть убитаго идетъ тутъ же на семейную трапезу вождя, а часть весьма предусмотрительно солится про запасъ» [2]).

Такому политическому строю соотвѣтствуетъ слѣдующій экономическій: «Здѣсь землевладѣльцемъ является вся область, и воздѣланная часть земли дѣлится по числу мужчинъ, населяющихъ эту область. Участки бываютъ неравной величины. Самые большіе отводятся вождю, затѣмъ поменьше—членамъ знати и наконецъ самые маленькіе плебеямъ. Каждому новорожденному отводится изъ общественной земли часть, соотвѣтствующая общественному положенію, къ которому онъ принадлежитъ по праву рожденія. Со смертью человѣка, его участокъ снова переходитъ къ общинѣ; но періодическихъ передѣловъ не бываетъ» [3]). Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ такимъ экономическимъ строемъ, который, въ концѣ концовъ, заканчивается современнымъ намъ капитализмомъ. Указанный экономическій порядокъ, къ счастью человѣчества, не является единственнымъ корнемъ обще-

---

[1]) Герб. Спенсеръ. О справедливости. («Рус. Мысль» 1890 г. № 5, стр. 114).

[2]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 80.

[3]) Тамъ же. Стр. 82.

человѣческаго экономическаго строя и имѣетъ издревле свой противовѣсъ. Летурно говоритъ, что «нельзя себѣ представить двухъ болѣе противоположныхъ вещей, чѣмъ современный общественный строй Экваторіальной Африки съ одной стороны и центральныхъ частей Явы—съ другой. Въ Африкѣ царство дикости развертывается передъ нами во всемъ своемъ ужасѣ. Каждая деревня воюетъ съ сосѣдями. Въ дикомъ африканскомъ обществѣ человѣкъ одинокъ и покинутъ даже между своими: тамъ короли торгуютъ подданными, мужья продаютъ женъ, родители—дѣтей, а иногда и дѣти—родителей... Напротивъ того, въ яванской дессѣ большинство членовъ общины связано тѣсной солидарностью: выборный голова есть представитель общихъ интересовъ, передъ которыми стушевывается личный эгоизмъ. Слабые не только не угнетены, но даже не покинуты; попеченіе о женщинахъ и дѣтяхъ составляетъ главную заботу общины» [1])

Сильное развитіе альтруистическихъ чувствъ у американскихъ индѣйцевъ сказалось и въ томъ, что среди нихъ еще въ древности осуществленъ былъ государственный коммунизмъ. Въ Перу инка Манко-Копаку приказалъ «всю шерсть отъ ламъ и всѣ земледѣльческіе продукты складывать въ общественные магазины, откуда уже и раздавали ихъ частнымъ лицамъ соотственно нуждамъ каждаго». Въ настоящее время у американскихъ отомаковъ «обработка участковъ, болѣе или менѣе раздѣланныхъ и засаженныхъ маисомъ, маніакомъ и пр., производится сообща, такъ же, какъ и сборы продуктовъ. Собранные продукты складываются

[1]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 133.

въ особыя хижины (нѣчто въ родѣ общественныхъ амбаровъ) и впослѣдствіи дѣлятся вождями между тѣми, кто имѣетъ на нихъ право». Ирокезы живутъ въ общихъ домахъ; при чемъ «общность жилья естественно влекла за собою общность имущества», которое «складывалось въ магазины, состоявшіе обыкновенно подъ надзоромъ какой-нибудь почтенной старухи, которая дѣлила ихъ между членами общины» [1]).

Жилища пуэблосовъ - индѣйцевъ Новой Мексики «представляютъ родъ фаланстеровъ»; «каждое изъ этихъ жилищъ состоитъ или изъ одного большого дома или изъ двухъ, трехъ и даже четырехъ отдѣльныхъ домовъ, часто построенныхъ на почти неприступныхъ мѣстахъ». Впрочемъ, «въ наше время у нихъ есть богатые и бѣдные»; «но въ древности коммунизмъ ихъ былъ несравненно шире»,—«всѣ наблюдатели, и древніе, и новѣйшіе, признавали за краснокожими великодушныя свойства и часто восхищались ими». Это великодушіе распространялось не только на членовъ своей общины, но и на чужихъ; такъ, «если во время охоты достаточно снабженный кланъ краснокожихъ встрѣтитъ другой, менѣе счастливый кланъ, то члены перваго клана великодушно дѣлятся своимъ имуществомъ съ членами второго, не ожидая, чтобы тѣ ихъ объ этомъ попросили» [2]). «Въ итогѣ продолжительное существованіе общественной собственности породило у краснокожихъ—какъ это и

---

[1]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 148, 45, 50 и 51.

[2]) Тамъ-же. Стр. 56 и 57.

должно было быть—чувство человѣчности, тѣсной солидарности. Для психологіи и соціологіи существенно важно констатировать этотъ фактъ» 1).

Необходимо прибавить, что общественная собственность у американцевъ существовала только потому, что они были болѣе нравственно развиты, чѣмъ другія племена; иначе они ее бы не приняли, какъ не приняли и не принимаютъ племена хищническаго типа.

«Ни одинъ изъ жителей острововъ Самоа, говоритъ Везенбергъ, не знаетъ что̀ такое бѣдность: это понятіе совершенно чуждо ему. Онъ даже представить себѣ не можетъ того, что есть на свѣтѣ бѣдные, у которыхъ нѣтъ ни пищи, ни платья, ни жилища. «Какъ это возможно? говоритъ онъ;—каждый же гдѣ-нибудь да родился, есть, значитъ, у него родное племя, друзья: отчего же они не возьмутъ его въ свои дома, не дадутъ пищи и платья?! Неужели у этихъ людей нѣтъ любви другъ къ другу?» У самоанцевъ «существуетъ коммунизмъ въ очень широкихъ размѣрахъ. Каждый изъ нихъ соотвѣтственно съ своими потребностями и желаніями имѣетъ извѣстное право на имущество всего своего рода или клана, къ которому онъ принадлежитъ по происхожденію или вслѣдствіе брака». «Пока есть хоть кусокъ мяса въ запасѣ, разсказываетъ Ключакъ про эскимосовъ, до тѣхъ поръ на него имѣютъ право всѣ и всѣ принимаются въ разсчетъ при дѣлежѣ, въ особенности же бездѣтныя вдовы и больные». По словамъ Вайтиа, «кафры-amkosa называютъ воромъ

---

1) Тамъ же. Стр. 58.

того, кто не пригласитъ своихъ соплеменниковъ къ убитому имъ животному» [1]).

И такъ, племена, прозванныя европейцами дикими, будучи вполнѣ некультурными въ умственномъ отношеніи, не являются такими же и въ нравственномъ смыслѣ. Наоборотъ, нѣкоторыя изъ нихъ нравственно выше европейцевъ, что доказывается, можно сказать, гнуснымъ поведеніемъ этихъ послѣднихъ при столкновеніяхъ съ дикарями. «Варварство и невѣроятныя свирѣпства, говоритъ Вильямъ Говиттъ, совершонныя, такъ называемыми, христіанскими народностями во всякой части свѣта и надъ всякимъ народомъ, котораго только удавалось имъ подчинить себѣ, не находятъ себѣ ничего подобнаго ни въ одной эпохѣ всемірной исторіи и ни у одной народности, какъ бы дика, необразованна, безпощадна и безстыдна она ни была» [2]). Чѣмъ же отвѣчали бѣдные дикари на эти гнусности? «Обитатели Маріанскихъ острововъ прибѣгали цѣлыми тысячами къ самоубійству; антильскіе островитяне умерщвляли себя по уговору цѣлыми общинами, частью съ помощью яда, частью съ помощью веревки. Одинъ миссіонеръ въ Ойякѣ признался испанскому историку Сурита, что орды хонталовъ и михезовъ сговорились воздерживаться отъ всякихъ сношеній со своими женами или же удалять плодъ до рожденія съ помощью яда. Алеуты русско-американской компаніи не переносили тѣлесныхъ наказаній; чтобы избавиться отъ нихъ, они прибѣгали

---

[1]) К. Kautsky. Общественные инстинкты у людей. Стр. 63, 62 и 64 («Сѣв. Вѣсти.» 1891 г., № 9).

[2]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 147 и 148.

къ самоубійству. Въ Бразиліи рабы-негры зачастую прибѣгали къ массовымъ самоубійствамъ» [1]).

Такимъ образомъ, дикари дѣйствовали очень часто по программѣ Льва Толстого: «непротивляйся злу насиліемъ». И что же!—развѣ европейцы устыдились своего поведенія? Развѣ они обратили вниманіе на немногочисленные голоса лучшихъ изъ европейцевъ, старавшихся защитить мнимыхъ дикарей отъ мнимыхъ христіанъ? Не лучше ли было бы, если бы дикари приняли во вниманіе ту истину, что «на существо, неспособное любить правду и ненавидѣть неправду ради нихъ самихъ, можно вліять только съ помощью ожиданія имъ награды, или страха наказанія, и все направленіе его поведенія опредѣляется перевѣсомъ подобныхъ побужденій» [2]). Къ сожалѣнію, у нихъ не хватило энергіи и нравственной приспособленности къ борьбѣ съ культурными варварами. И можно только пожалѣть, что, прибѣгая къ массовому самоубійству, они не взяли себѣ за образецъ способъ самоубійства, господствующій на островѣ Целебесѣ и извѣстный подъ именемъ «бѣжать амокъ». Вотъ что говоритъ о немъ Уолласъ: «Человѣкъ считаетъ себя оскорбленнымъ обществомъ, онъ въ долгахъ и не можетъ ихъ заплатить, попадаетъ въ рабство или проиграетъ въ рабство жену и дѣтей, не видитъ никакого средства возвратить себѣ то, что потерялъ, и приходитъ въ отчаяніе; онъ не хочетъ терпѣливо переносить своей жестокой судьбы, и хочетъ отмстить человѣчеству и умереть героемъ, онъ беретъ свой крисъ, выхватываетъ

---

[1]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 154 и 155.

[2]) Вил. Карпентэръ. Основанія физіологіи ума. Ч. II, стр. 323.

его изъ ноженъ и вонзаетъ его въ грудь перваго попавшагося ему человѣка, онъ бѣжитъ далѣе съ окровавленнымъ крисомъ въ рукахъ и поражаетъ имъ всякаго встрѣчнаго. «Амокъ, амокъ»—раздается по улицамъ. Копья, крисы, ножи и ружья направляются противъ него. Какъ бѣшенный, бѣжитъ онъ далѣе, убиваетъ все, что можно убить, мужчинъ, женщинъ, дѣтей и наконецъ умираетъ, подавленный превосходными силами, среди самаго пыла сраженія». И этотъ-то амокъ у жителей Целебеса есть ‹національный и потому почетный родъ самоубійства и самое приличное средство выйти изъ затруднительнаго положенія› [1]). Изъ отношенія общества къ «амоку» ясно видно, что оно именно себя считаетъ отвѣтственнымъ за несчастія отдѣльнаго члена, а потому и оправдываетъ его месть всему обществу,—хотя каждое лицо въ отдѣльности и старается защитить себя отъ нея.

Напрасно было бы прекраснодушничать и надѣяться на измѣненіе отношеній европейскихъ варваровъ къ дикарямъ въ ближайшемъ будущемъ,—пока они не отнимутъ у нихъ ихъ землю, рыбныя ловли, тюленьи и котиковые промыслы и т. п. ‹Еще недавно въ законодательномъ собраніи штата Эйдаго положено было, чтобы трое мужчинъ, набравши команду въ 25 человѣкъ, отправились на охоту за индѣйцами, чтобы за каждый скальпъ ‹бека›, т. е. мужчины-индѣйца, выплачивалось 100 долларовъ, за каждую женщину—50 долларовъ, за каждаго ребенка до 10 лѣтъ—25 дол. ‹Эта охота за людьми была прекращена отнюдь не изъ гуманности, а лишь потому, что были вѣскія причины (?),

---

[1]) Ал. Р. Уолласъ. Малайскій архипелагъ. Ч. I, стр. 195.

указывавшія на то, что на ряду съ скальпами индѣйцевъ къ уплатѣ предъявлялись и скальпы бѣлыхъ людей, убитыхъ алчными охотниками. Бёртонъ указываетъ на то, что въ пустынѣ Юта колодцы, которыми пользовались индѣйцы, были отравлены стрихниномъ. Въ 30-хъ годахъ между индѣйцами пани распространяли искусственно оспу; португальцы оставляли въ лѣсахъ одежды умершихъ отъ оспы и скарлатины для того, чтобы индѣйцы, польстившіеся на эти одежды, заразились и по возможности скорѣе вымерли»... «Европейскія женщины давали австралійцамъ во время голодовокъ въ видѣ милостыни муку, смѣшанную съ мышьякомъ» [1]).

Всѣ приведенные выше факты указываютъ на то, что человѣчество подраздѣлено на группы съ разными нравственными наклонностями и особенностями, отражающимися на соціальномъ ихъ устройствѣ, и что ошибочно было бы считать лучшимъ соціальнымъ устройствомъ выработанное европейцами на томъ только основаніи, что они опередили другіе народы въ умственной [2]) и технической культурѣ. Нравственная культу-

[1]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 139 и 141.

[2]) Впрочемъ, не надо забывать, что и умственное превосходство европейцевъ надъ дикарями можетъ быть признано только относительно нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, такъ какъ есть и такія племена, которыя не только не уступаютъ по умственнымъ своимъ способностямъ европейцамъ, но даже превосходятъ ихъ. Французъ Ле-Женъ утверждалъ, что «индѣйцы въ общемъ производятъ болѣе интеллигентное впечатлѣніе, чѣмъ наши европейскіе крестьяне»,—при чемъ онъ ихъ сравнивалъ съ французскими крестьянами. Макъ-Джиливрей описываетъ туземцевъ австралійцевъ, какъ стоящихъ «гораздо выше средняго уровня обыденнаго европейца». «Среди дикарей существуютъ ясные умы, отрицающіе возможность колдовства и глубоко задумывающіеся надъ

ра, имѣющая наибольшее вліяніе на выработку соціальныхъ отношеній, является, наоборотъ, рѣшающимъ моментомъ въ созданіи общественнаго устройства. Оттого-то у многихъ дикарей мы встрѣчаемъ общественное устройство болѣе высокаго типа, нежели европейское, стремящееся къ всемірному господству подъ предлогомъ своего мнимаго превосходства.

При обсужденіи будущихъ судебъ русскаго народа нельзя не принимать во вниманіе того нравственнаго оттѣнка, какимъ отличается онъ отъ европейцевъ. Намъ уже приходилось указывать въ I-ой части «Основъ народничества», въ главѣ «Капитализмъ и мірское владѣніе», на сравнительно сильное развитіе въ русскомъ народѣ общинно-артельнаго духа. Къ несчастью для европейскихъ народовъ, они отстали въ этомъ отношеніи отъ русскаго народа. «Въ глубинѣ характера своего голландскіе соціалисты обнаруживаютъ мало наклонности къ кооперація; можно даже сказать, что они выказываютъ къ ней замѣтное отвращеніе»... «Во Франціи и Германіи между соціалистами встрѣчается по отношенію къ кооперація аналогическое чувство, но гораздо болѣе опредѣленное» [1]). Неспособность

жизненными вопросами». Э. Ю. Петри, Антропологія. Стр. 147, 118 и 521).

Мы не будемъ удивляться этимъ фактамъ, если будемъ помнить, что накопленіе знаній не есть еще развитіе умственныхъ способностей; тѣмъ болѣе, что средній европеецъ, забитый трудомъ и не имѣющій времени упражнять свой умъ, мало чѣмъ отличается отъ дикарей и по своимъ познаніямъ,—у него только иные, болѣе культурные, техническіе навыки.

[1]) Ѳ. Рабочая Голландія. («Вѣст. Европы» 1891 г., № 1, стр. 426).

къ кооперації приведетъ Западъ къ централистическо-бюрократическому соціализму; при чемъ пульверизированная нація будетъ объединяться только соціалистической іерархіей, стоящей во главѣ чисто бюрократическихъ формъ общественной организаціи. Въ Россіи же, гдѣ кооперація-артель является любимой формой какъ въ сферѣ производства, такъ и потребленія, мы м о ж е м ъ обойтись безъ этого. Личность на Западѣ, благодаря предполагаемой національзаціи земли и отсутствію кооперацій, будетъ имѣть дѣло непосредственно съ государствомъ; у насъ же—съ своей общиной-артелью и дальше съ союзомъ этихъ общинъ-артелей. Тамъ капиталистовъ только и можетъ замѣнить государство, у насъ ихъ могутъ замѣнить артели-общины и союзы ихъ. Отсюда можетъ возникнуть громадная разница въ политическомъ и экономическомъ строѣ. Космополитизмъ, опираясь на единство происхожденія человѣчества, старался отрицать субъективно-групповую разницу въ соціальныхъ стремленіяхъ человѣчества, но, какъ мы уже указывали, потерпѣлъ крушеніе даже въ теоріи, не говоря о практической жизни.

Считаемъ необходимымъ опять напомнить, что субъективно-групповая разница имѣетъ свое основаніе въ индивидуальныхъ особенностяхъ и что конечной цѣлью соціальнаго устройства являются индивидуальныя потребности, такъ какъ индивидуумы соединились въ общества только ради самихъ себя. Общественная цѣль должна быть только равнодѣйствующей индивидуальныхъ цѣлей и ничѣмъ больше. Въ этомъ и состоитъ соціологическій субъективизмъ. Внесеніе же элемента насилія въ опредѣленіе равнодѣйствующей индивидуальныхъ цѣлей искажаетъ истинный субъективизмъ въ

бюрократическій индивидуализмъ, которымъ и стараются разные прогрессивные бюрократы подмѣнить соціальный субъективизмъ.

Уже издавна философы сопоставляли индивидуальный субъективизмъ съ групповымъ, общественнымъ и приходили къ тому или другому взгляду на ихъ отношенія. Такъ, напримѣръ, философскій индивидуализмъ Лейбница былъ, можно сказать, безпредѣленъ Онъ увѣряетъ, что одинъ Богъ «производитъ то, что свойственное каждому отдѣльному индивидууму становится общимъ имъ всѣмъ; иначе между ними не было бы никакой связи» [1]). Здравый смыслъ человѣчества отвергъ эту метафизическую гипотезу, такъ какъ всѣмъ намъ достаточно извѣстно, что между индивидуумами каждаго общества имѣется больше физическихъ и психическихъ сходствъ, нежели различій.

Существованіе сходствъ обусловливаетъ возможность объединенія стремленій индивидуумовъ въ разнаго рода союзы-общества. Фабрики, заводы, магазины, трактиры, театры и т. д. существуютъ только потому, что у многихъ индивидуумовъ имѣются сходныя потребности. Всѣ общественныя учрежденія въ основѣ своей имѣютъ удовлетвореніе потребностей многихъ индивидуумовъ и существованіе индивидуальныхъ различій въ потребностяхъ нисколько не можетъ подорвать существованія общественныхъ учрежденій, такъ какъ индивидуумъ будетъ искать удовлетворенія своихъ вполнѣ исключительныхъ потребностей самъ по себѣ; достаточно, если общество не будетъ ему

---

[1]) Г. В. Лейбницъ. Разсужденіе о метафизикѣ. Стр. 71. (Труды Моск. псих. об-ва. Вып. IV).

мѣшать въ этомъ. Въ дѣйствительности, вполнѣ индивидуальныхъ потребностей окажется весьма и весьма мало. Особенно, если принять во вниманіе, что всѣ общественныя учрежденія опираются не только на сходства въ физической и психической природѣ человѣка, но и на стремленіе къ этому сходству, выражающемся въ традиціонныхъ нравахъ и обычаяхъ, а также и модѣ.

Въ послѣднее время подъ вліяніемъ моды на гипнотическое внушеніе стали даже черезъ-чуръ преувеличивать стремленіе людей къ подражанію,—тѣмъ болѣе, что у насъ это было на руку проповѣдникамъ бюрократическаго индивидуализма, воспѣвающимъ «героевъ», которымъ будто бы слѣпо подражаетъ гипнотизированная «толпа». При чемъ, портретъ «толпы», надо полагать, списывали съ кучки поклонниковъ г.г. проповѣдниковъ. Разумѣется, что и мода на придаваніе громадной важности подражанію въ общественной жизни заимствована нами съ Запада.

Тардъ, увлекаясь своею проповѣдью значенія въ обществѣ «законовъ подражанія», говоритъ: «Безъ моды и обычая не было бы соціальнаго количества, не было бы въ частности ни цѣнностей, ни денегъ, не было бы слѣдовательно и науки ни о богатствѣ, ни о финансахъ. Возможно ли было бы экономистамъ думать о созданіи теоріи цѣнности тамъ, гдѣ идея подражанія вовсе не обнаруживаетъ своего дѣйствія?» [1]). Мы отвѣтимъ на это, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что теорія цѣнности должна была бы возникнуть въ каждомъ обществѣ, организованномъ подобно нынѣшнимъ,—такъ какъ

[1]) Ж. Тардъ. Законы подражанія. Стр. 15

общность цѣнностей, удовлетворяющихъ потребности людей, основана не только на модѣ и подражаніи, а, главнымъ образомъ, на общности организаціи людей. Развѣ люди ѣдятъ мясо только извѣстныхъ животныхъ, плоды только извѣстныхъ растеній и т. п. — изъ подражанія? Развѣ они одѣваются въ шкуры животныхъ, а не въ кору растеній, строятъ дома изъ дерева или камня, а не изъ песку и воздуха—изъ подражанія? Неужели стерлядь предпочитается плотвѣ, а мясо курицы вороньему и собачьему только изъ подражанія предкамъ или другимъ нынѣ живущимъ людямъ? Понятно, что цѣнности возникаютъ не изъ подражанія, а вслѣдствіе извѣстнаго присущаго намъ однообразія въ удовлетвореніи нашихъ потребностей, сообразующихся съ свойствами внѣшняго міра.

Законы подражанія имѣли всегда свое значеніе, но не надо ихъ преувеличивать. Нѣтъ сомнѣнія, что преувеличеніе значенія ихъ имѣетъ своимъ источникомъ психопатическое стремленіе унизить толпу и возвысить героя,—при чемъ каждый изъ проповѣдниковъ считаетъ себя героемъ, а всѣхъ остальныхъ—толпою. Впрочемъ, нашъ упрекъ относится не столько къ Тарду, сколько къ нашимъ проповѣдникамъ бюрократическаго индивидуализма, воспользовавшимся только первоначальными набросками его идей [1]).

[1]) По мнѣнію Тарда, то отдѣльные герои, въ образѣ Наполеона, Магомета и т. д. магнетизируютъ народы, то, обратно, «въ демократическія времена», «милліоны людей коллективно начинаютъ обмораживать своихъ старыхъ медіумовъ» (Ж. Тардъ. Законы подражанія. Стр. 86). Такимъ образомъ, бываютъ времена, когда «героемъ» является «толпа», а «герои»—«толпой». Таковы истинные результаты изслѣдованія «законовъ подражанія». Нельзя не признать ихъ вполнѣ ничтожными, такъ какъ обѣ стороны оказались способными играть попеременно то роль «героевъ», то

Въ заключеніе прибавимъ, что какъ бы мы ни рѣшали вопросъ о количественномъ и качественномъ вліяніи общества на индивидуумъ, но, принимая во вниманіе, что общество есть только совокупность тѣхъ же индивидуумовъ, все-таки необходимо будетъ признать незыблемость положенія о субъективизмѣ соціальнаго устройства, такъ какъ мы всегда имѣемъ дѣло только съ взаимодѣйствіемъ личностей.

«толпы». Наши проповѣдники героическаго бюрократизма вряд-ли будутъ этимъ довольны.

ГЛАВА II.

Интеллигентный бюрократизмъ и народничество.

Глубокая рознь, существующая между интеллигенціей и народомъ, ихъ полное незнаніе и непониманіе другъ друга, тяжело отзываются на ходѣ русской жизни. Эта рознь—горькое наслѣдіе прошлыхъ временъ рабства—еще долго будетъ смущать нашу интеллигенцію, если она не пойметъ, что въ этомъ главнымъ образомъ виновата она сама [1]). Нечего удивляться, что народъ совершенно ею не интересуется и не знаетъ ея. Вѣдь она, по преимуществу, сосредоточивается въ городахъ и если завязываетъ сношенія съ мужикомъ, то не ради его самого и его нуждъ, а имѣетъ въ ви-

[1]) Рознь между интеллигенціей и народомъ существуетъ не только у насъ въ Россіи. Риль говоритъ о нѣмецкомъ крестьянинѣ слѣдующее: «неиспорченный крестьянинъ не стыдится своего званія; онъ, напротивъ, гораздо болѣе склоненъ оцѣнивать низко каждаго, на комъ нѣтъ армяка»... «Въ буряхъ 1848 г. тирольскіе крестьяне полагали, что они могутъ прекрасно управиться съ своими дѣлами безъ «господъ», если только имъ не будутъ мѣшать»... «Тирольскіе крестьяне не предвидѣли ничего добраго отъ свободы печати и конституціи, «потому, что господа ужъ что-то слишкомъ радовались этимъ вещамъ»... «Крестьянинъ недовѣрчивъ къ господамъ, даже тогда, когда онъ сидитъ съ ними въ сеймѣ на одной скамьѣ». («Гражданское общество» соч. В Г. Риля. Стр. 63, 100 и 122)

ду свои собственные интересы. Представителями интеллигенціи мужикъ видитъ у себя помѣщика, сдающаго ему землю въ аренду или загоняющаго его скотъ, станового пристава, взыскивающаго подати, судебнаго пристава, продающаго его пожитки по иску того-же помѣщика или-же его сосѣда деревенскаго кулака, и т. д., и т. д. Всѣ эти сношенія—не симпатичнаго для него свойства, въ которыхъ мужику достается пассивная, страдательная роль. И такъ было сотни лѣтъ. Взглядъ мужика сложился и успѣлъ окрѣпнуть до полнаго, несокрушимаго убѣжденія именно подъ вліяніемъ этихъ отношеній. Взгляды его на эти отношенія разъясняются народной картиной «широкій и тѣсный пути», на которой «изображены господа и дамы въ курьезнѣйшихъ кафтанахъ и платьяхъ, направляющіеся черезъ широкія ворота въ адъ, и нѣсколько мужиковъ, странниковъ и монаховъ, проникающихъ черезъ узкія ворота въ царство небесное» [1]). А что сдѣлала интеллигенція, чтобы внести больше любви и пониманія въ свои отношенія къ мужику? Рѣвно ничего. Если часть ея и пыталась въ послѣднее время помочь нуждамъ мужика, то, благодаря вѣковой розни и полному незнанію его быта, эти попытки оставались безплодны. Мужикъ, правду говоря, ихъ и не замѣтилъ. Да и трудно было замѣтить эту тонкую струйку среди сильнаго противоположнаго теченія. Для мужика вся интеллигенція окрашена въ одинъ цвѣтъ, однимъ муромъ мазана. Какъ свѣтлякъ, сидящій гдѣ-нибудь подъ кустомъ, не превращаетъ глубокой ночи въ свѣтлый день, такъ

[1]) П. Астыревъ. Въ гостяхъ у духоборцевъ Иркутской губ. («Сѣв. Вѣст.» 1891 г. № 4, стр. 57).

разные народолюбцы, со всѣми своими затѣями, имѣющими цѣлью облагодѣтельствовать мужика, не могутъ измѣнить его взгляда на интеллигенцію. Что значатъ ихъ усилія въ сравненіи съ усиліями цѣлой интеллигентной массы? Да и давно-ли появились попытки сломить ту вѣковую стѣну недовѣрія, которая раздѣляетъ насъ отъ народа?

Кромѣ того, нужно сознаться, первые опыты благодѣтельствовать были вполнѣ неудачны. Въ гордой увѣренности относительно своего умственнаго и нравственнаго превосходства надъ мужикомъ,—увѣренности, полученной нами въ наслѣдство отъ нашихъ отцовъ, а не явившейся, какъ результатъ изученія мужика,—мы и не подумали обратиться къ нему съ вопросомъ, что собственно ему нужно [1]). Мы сами рѣшали, что ему нужно и при этомъ терпѣли неудачи.

Причинъ этихъ неудачъ, разумѣется, много; но основная заключается въ презрѣніи къ коллективной мысли своего народа. Мы не съумѣли понять, что коллективная мысль въ области общественныхъ вопросовъ имѣетъ громадное преимущество надъ индивидуальной. Увлекаясь успѣхомъ индивидуума въ области изученія природы, давшимъ ему возможность, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, пренебрежительно относиться къ понятіямъ толпы, мы вообрази-

[1]) «Одна изъ основныхъ причинъ, говоритъ Е. Некрасова, нашихъ неудачъ въ дѣлѣ народной газеты: редакціи не знали того, для кого брались издавать; вотъ объясненіе неудачъ, постигшихъ лучшія газеты 60-хъ годовъ, редакціи которыхъ не щадили ни силъ, ни средствъ, только бы дать народу полезное, пріятное и цивилизующее чтеніе; но незнаніе, неумѣнье, неопытность разрушали всѣ добрыя попытки». («Русская

ли, что то же право остается за нимъ и въ области общественныхъ наукъ. Мы позабыли, что общественныя формы должны соотвѣтствовать мыслямъ и чувствамъ народа, а кто съумѣетъ лучше опредѣлить ихъ. какъ не онъ самъ? Мы вообразили, что общественныя явленія подчинены какимъ то «естественнымъ законамъ», которые откроютъ ученые, и тогда по нимъ заживутъ народы въ мирѣ и счастіи; что эти законы достаточно будетъ узнать, чтобы увѣровать въ ихъ истинность; что ботокуды, англичане и русскіе съ одинаковымъ жаромъ и пониманіемъ кинутся насаждать у себя эти «научныя» общественныя формы. Для открытія этихъ «научныхъ» формъ общежитія не нужно изучать міросозерцаніе русскаго мужика,—оно вѣдь наполнено разными ненаучными понятіями, предназначенными нами къ уничтоженію и замѣнѣ вновь открытыми нами, на основаніи изученія не русскаго или англичанина, а вообще человѣка «въ полномъ смыслѣ этого слова». Но, къ счастію, мы скоро замѣтили, что добытыя нами «научныя» формы годятся *только* для человѣка «въ полномъ смыслѣ этого слова», а такъ какъ таковыхъ оказалось весьма и весьма немного даже среди насъ, то и сѣли наши изобрѣтенія на мель, гдѣ остаются и до сихъ поръ.

Необходимость ознакомиться съ тѣмъ, кого хотѣлось осчастливить, была очевидна. Мы знали только внѣшнюю сторону жизни мужика и не знали его души, его сокровенныхъ чувствъ и мыслей. Намъ были извѣстны ширина его избы, число его лошадей, коровъ и даже куръ; мы знали, что онъ ѣстъ въ обѣдъ и ужинъ,

Мысль», 1889 г., № 12. Были-ли у насъ газеты для народа? Е. Некрасовой. Стр. 87).

сколько у него рубахъ и лаптей, но не знали одного—мужицкой души. Вѣковая рознь мѣшала намъ заглянуть въ эту душу; она была закрыта для насъ тяжелымъ прошлымъ. Закрытой остается она и до сихъ поръ для громаднѣйшаго большинства изъ насъ. Особенно печально въ этомъ случаѣ то, что мы совсѣмъ не признаемъ своего полнаго незнанія мужицкой души и смѣло разсуждаемъ о ней и вкривь, и вкось. Мы не сознаемъ, что вѣковая рознь заставила ее спрятаться, подобно улиткѣ, въ раковинѣ и что никакія наши причитанья не выводятъ ее наружу. Нелегко справиться съ тѣмъ, что создавалось въ теченіи вѣковъ нашими же собственными руками.

Страннымъ можетъ показаться многимъ то явленіе, что мы, интеллигенція, мало знакомы съ деревней, между тѣмъ какъ представителей нашей группы можно встрѣтить чуть-ли не въ каждой деревнѣ, въ качествѣ помѣщика, станового пристава, сельскаго учителя, купца и т. п. Тутъ, очевидно, вліяютъ сословные предразсудки и рознь, не дающіе разсмотрѣть истинныхъ чертъ деревенской жизни. «Я встрѣчалъ здѣсь, говоритъ Энгельгардтъ, помѣщиковъ—про барынь ужъ и не говорю—которые лѣтъ 20 живутъ въ деревнѣ, а о бытѣ крестьянъ, о ихъ нравахъ, обычаяхъ, положеніи, нуждахъ никакого понятія не имѣютъ; болѣе скажу,—я встрѣтилъ, можетъ быть, всего только трехъ человѣкъ, которые понимаютъ положеніе крестьянъ, которые понимаютъ, что говорятъ крестьяне, и которые говорятъ такъ, что крестьяне ихъ понимаютъ».. «Сидишь у какого-нибудь богатаго помѣщика, давно уже живущаго въ деревнѣ, разговоръ коснется мужицкаго дѣла и быта,—понятно, кого что интересуетъ, тотъ о томъ го-

воритъ,—и вдругъ слышишь такія несообразности, такія недѣйствительныя представленія о народѣ, его жизни, что удивляешься только... точно эти люди живутъ не на землѣ, а въ воздухѣ» [1]). Мы, интеллигентные люди, обыкновенно воображаемъ, что изучить деревню легко, стоитъ только отправиться туда и черпать свѣдѣнія о мужицкомъ міросозерцаніи обѣими руками. Оттого-то многіе, поживъ нѣкоторое время въ деревнѣ, считаютъ себя знатоками мужицкой души, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ они не имѣютъ понятія о самыхъ коренныхъ воззрѣніяхъ крестьянства. Происходитъ это потому, что они неспособны замѣтить ту вражду, которую питаютъ крестьяне ко всѣмъ намъ вообще, а потому и не могутъ доискаться до сокровенныхъ идей народа. О существованіи этой непріязни нашъ экспертъ свидѣтельствуетъ такъ «Живя въ деревнѣ, хозяйничая, находясь въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ мужику, вы постоянно чувствуете это затаенное чувство, и вотъ это-то дѣлаетъ деревенскую жизнь тяжелою до крайности... Согласитесь, что тяжело жить среди общества, всѣ члены котораго, если не къ вамъ лично, то къ вамъ, какъ къ пану, относятся непріязненно [2])». Не всякій можетъ, слѣдовательно, считать себя знающимъ деревню, только потому, что нѣсколько времени пожилъ въ ней. Для этого нужно имѣть много прозорливости или же находиться въ болѣе благопріятной обстановкѣ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ.

Рознь между интеллигенціей и народомъ служитъ характерной чертой русской жизни вотъ уже почти три столѣтія. *Такой рѣзкой розни* мы не встрѣчаемъ нигдѣ

---

[1]) и [2]) А. Н. Энгельгардтъ «Изъ деревни».

на Западѣ. Интеллигенція въ западно-европейскихъ государствахъ народилась сама собою, вслѣдствіе естественныхъ потребностей народа. Государство пользовалось ея силами наравнѣ съ другими и нигдѣ не съумѣло заставить ее служить въ свою исключительную пользу. Интеллигенція, по преимуществу, принадлежала къ третьему сословію и помогла ему занять то высокое положеніе, которое оно занимаетъ теперь. Вмѣстѣ они зачались въ городахъ и вмѣстѣ вышли на арену исторіи. Ни интеллигенція, ни третье сословіе никогда не теряли своей связи съ народомъ и даже очень долго считались преимущественными его представителями. Интеллигенція и до сихъ поръ не потеряла своего вліянія, хотя и скомпрометирована въ глазахъ народа своею тѣсною связью съ третьимъ сословіемъ, въ послѣднее время вполнѣ обособившимся отъ народа. Она можетъ служить безпристрастнымъ посредникомъ, который необходимъ для примиренія двухъ враждующихъ сторонъ, не желающихъ знать требованій другъ друга. Интересы всѣхъ требуютъ этого.

Исторія нашей интеллигенціи совершенно своеобразна. Первые ея зачатки были внесены вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи. Апостолы христіанства имѣли быстрый и, можно сказать, небывалый успѣхъ, потому что орудіемъ своей проповѣди избрали славянскую письменность, а слѣдовательно первые положили основаніе нашей русской наукѣ. Въ глазахъ нашихъ предковъ христіанство и наука были одно и то-же; единственнымъ представителемъ интеллигенціи было духовенство, Съ распространеніемъ христіанства по всѣмъ уголкамъ русской земли, съ увеличеніемъ туземнаго элемента въ средѣ духовенства, церковные по-

рядки мало-по малу вполнѣ обрусѣли. Удѣльно-вѣчевая Русь внесла свой вольнолюбивый духъ и въ русскую церковь. Отношенія народа къ духовенству были вполнѣ свободны; «міръ» самъ выбиралъ себѣ духовнаго руководителя и считалъ священника въ числѣ своихъ выборныхъ общинныхъ должностныхъ лицъ. Понятно, что священники старались пріобрѣсти нравственное вліяніе на своихъ прихожанъ,—а потому тѣсная связь духовенства съ народомъ была результатомъ этихъ свободныхъ отношеній.

Но такіе порядки были несогласны съ общимъ строемъ вновь народившейся Московской Руси. Патріархъ Никонъ задумалъ преобразовать эти отношенія и успѣлъ въ этомъ. Приходское духовенство было изъято изъ-подъ власти «міровъ»; связь между ними была порвана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, зависимость низшихъ церковныхъ чиновъ отъ высшихъ была усилена и приходъ становится, по словамъ г. Андреева, «чѣмъ-то въ родѣ духовно-правительственнаго участка» [1]). Результатомъ этихъ преобразованій было постепенное паденіе нравственнаго авторитета духовенства и образованіе особеннаго замкнутаго духовнаго сословія. Эта замкнутость отчасти нарушена только въ прошлое царствованіе.

Такова исторія духовной интеллигенціи. Посмотримъ теперь на судьбы свѣтской. Зачатки ея можно найти, разумѣется, и въ удѣльно-вѣчевой Руси, и въ Московской. Но мы не сдѣлаемъ большой натяжки, если начнемъ ея исторію съ Петра Великаго. Онъ осо-

---

[1]) В. Андреевъ, Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи. Стр. 96.

бенно заботился о насажденіи на русской почвѣ разныхъ западно-европейскихъ учрежденій и порядковъ, въ томъ числѣ и науки.

Главной и, можно сказать, единственной цѣлью Петра было—сдѣлать Россію могущественной военной державой, какъ сухопутной, такъ и морской. Онъ ясно видѣлъ, что достигнуть этого нельзя безъ помощи науки и ея представителей—интеллигенціи. Нужно-ли построить корабль, вылить пушку, устроить фабрику солдатскаго сукна и т. п., вездѣ нужна помощь интеллигенціи, вездѣ нужно знаніе «цифирныхъ» и другихъ наукъ. И вотъ нашъ преобразователь со свойственной ему желѣзной энергіей сталъ насаждать благодѣтельное сѣмя науки. Но не наука, не интересы просвѣщенія были его цѣлью, а могущество русскаго государства. Эта цѣль и опредѣлила надолго характеръ русской интеллигенціи. Она была создана съ цѣлью служить государству, но государство Петра стало во враждебныя отношенія къ народной русской жизни, а вмѣстѣ съ нимъ и интеллигенція. Интеллигенція сдѣлалась исключительно слугою государства и никогда не имѣла связей съ народомъ. Рекрутировалась она, почти исключительно, изъ дворянскаго сословія, успѣвшаго къ этому времени обособиться отъ остальныхъ классовъ. Заимствованные изъ Запада одежда, обычаи и привычки еще болѣе закрѣпили образовавшуюся рознь. Рознь духовная поддерживалась сословной и еще болѣе усиливалась рознью обычаевъ и привычекъ.

Понятіе объ интеллигенціи въ умахъ людей изъ народа сливалось, да и до сихъ поръ сливается, съ понятіемъ о дворянствѣ, чиновничествѣ, съ понятіемъ чего-то внѣшняго, посторонняго, «нѣмецкаго». Интеллигенція не только не заботилась о сближеніи съ на-

родомъ, но, напротивъ, кичились этой рознью, видѣла въ ней залогъ дальнѣйшаго прогресса, т. е. дальнѣйшаго движенія въ хвостѣ западно-европейской цивилизаціи, съ механическимъ заимствованіемъ устарѣвшихъ европейскихъ формъ жизни. Такимъ образомъ, своеобразное происхожденіе нашей интеллигенціи отразилось на ея послѣдующей судьбѣ тѣмъ, что вполнѣ оторвало ее отъ народа. Почти полтораста лѣтъ дѣло шло такимъ образомъ.

Освобожденіе крестьянъ и реформы Александра II измѣнили положеніе какъ интеллигенціи, такъ и народа. 19 февраля 1861 года можно считать поворотнымъ пунктомъ къ сближенію двухъ, разрозненныхъ исторіею, силъ русской земли. Положеніе интеллигенціи стало измѣняться; она понадобилась не только государству, которое и теперь осталось главнымъ ея потребителемъ, но и вообще русскому обществу. Такимъ образомъ, интеллигенція хотя нѣсколько эманципировалась отъ государства и сдѣлала шагъ къ тому, чтобы сдѣлаться интеллигенціей общенародной. Такъ называемое «общество» стало быстро развиваться у насъ только подъ условіями послѣдняго времени,—до нынѣшняго царствованія его, можно сказать, не существовало. Вмѣстѣ съ обществомъ развивается и получаетъ болѣе или менѣе самостоятельное значеніе и интеллигенція. Какъ самостоятельная сила, хотя и очень малыхъ пока размѣровъ, она выступила только въ прошлое царствованіе; сила ея растетъ не по днямъ, а по часамъ, и, надо думать, она скоро займетъ должное мѣсто среди другихъ элементовъ русской жизни.

Но кому много дается, съ того много и спросится. Пока интеллигенція была только слугою государства и не имѣла самостоятельнаго значенія, она могла доволь-

ствоваться въ своей дѣятельности тѣмъ поверхностнымъ знаніемъ народа, которое она имѣетъ; но для положенія, занимаемаго ею теперь, это знаніе недостаточно. Многимъ изъ насъ крестьянинъ представляется какимъ-то дикаремъ, котораго представленія, понятія и чувства—совершенно первобытны.

Полнѣйшее незнаніе интеллигенціею умственныхъ и нравственныхъ качествъ своего народа—не единственный результатъ розни. Состоя на службѣ у государства, интеллигенція привыкла не обращать никакого вниманія на мнѣнія народа о томъ или другомъ необходимомъ нововведеніи. Эта привычка мало-по малу превратилась въ убѣжденіе, что народъ имѣетъ только предразсудки, съ которыми насильственно бороться предстоитъ интеллигенціи. Все живое содержаніе жизни должно быть внесено ею и, понятно, она стала искать его тамъ, гдѣ привыкла находить все нужное для своего прежняго патрона, т. е. на Западѣ. Заимствуя свои идеалы отъ европейцевъ, она думала, что они всецѣло могутъ быть перенесены на русскую почву. Но если подобные опыты удавались государству, то интеллигенція должна помнить, что ея сила совершенно другого характера: народъ, уступая давленію государства, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ не пожелать уступить той духовной власти, которой одной можетъ и должна владѣть интеллигенція.

Въ качествѣ независимой силы русской жизни, интеллигенція должна бросить прежнія привычки и заняться изученіемъ народа, такъ какъ только знаніе его дастъ возможность успѣшнаго воздѣйствія. Она можетъ заимствовать свои идеалы откуда хочетъ, но практическія мѣры для осуществленія этого идеала должны быть основаны на знакомствѣ съ условіями русской

жизни, а слѣдовательно, главнымъ образомъ, съ понятіями и чувствами народа; иначе голосъ интеллигенціи будетъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Душа русскаго крестьянина не грифельная доска, на которой всякій можетъ писать, что вздумаетъ, легко стирая написанное предшественниками. Понятія и чувства народа должны служить исходной точкой для дальнѣйшаго общественнаго развитія; поэтому рознь интеллигенціи и народа служитъ очень сильнымъ тормазомъ для этого развитія. Все что будетъ сдѣлано помимо той исходной точки, о которой мы говорили, будетъ больше фразой и фейерверкомъ, нежели настоящимъ дѣломъ. Разумѣется, что интеллигенція можетъ имѣть свои потребности и стремиться къ ихъ удовлетворенію,—въ этихъ случаяхъ ей нечего справляться съ мнѣніями и чувствами народа,—это будетъ ея личное дѣло. Но все то, что будетъ дѣлаться во имя народа, должно имѣть въ основаніи понятія самого народа. Пора намъ съ любовью и уваженіемъ отнестись къ тому, о которомъ мы такъ много хлопочемъ (по крайней мѣрѣ на словахъ); это поможетъ намъ заглядить слѣды дѣлъ нашихъ предковъ. Поднять значеніе личности—задача нашего времени, а она неисполнима при томъ презрѣніи, которое питаетъ интеллигенція къ народу, т. е къ громаднѣйшему большинству личностей.

«Для каждаго политическаго дѣятеля, говоритъ Спенсеръ, должно быть самымъ первымъ и самымъ главнымъ вопросомъ, такъ сказать, вопросомъ изъ вопросовъ:—«какой типъ общественнаго строя намѣренъ онъ создать?» Но этотъ-то именно вопросъ практическимъ политикамъ никогда и не приходитъ въ голо-

ву [1]). А между тѣмъ нельзя не видѣть, что всякій общественный дѣятель необходимо нуждается въ обоснованіи своей практической дѣятельности на той или другой системѣ принциповъ; — иначе онъ будетъ идти наугадъ, ощупью и подчасъ разрушать лѣвой рукой то, что насаждаетъ правой. Къ сожалѣнію, люди съ систематически построеннымъ міросозерцаніемъ встрѣчаются у насъ гораздо рѣже, чѣмъ это можно было-бы предполагать. Даже выдающіеся публицисты, вродѣ г. Михайловскаго, строютъ свое міросозерцаніе изъ осколковъ различныхъ системъ и этимъ вносятъ путаницу въ практическую общественную дѣятельность. Названный сейчасъ публицистъ весьма враждебно относится къ основному положенію народничества, гласящему, что общественная жизнь народной массы должна подчиняться только «мнѣнію» самого народа. Возражая противъ этого положенія, онъ съ побѣдоносной (по его мнѣнію) ироніей указываетъ на то, что мужикъ не знаетъ, чѣмъ держится земной шаръ въ міровомъ пространствѣ, и думаетъ, что его поддерживаютъ три кита. Почтенный, но нѣсколько легкомысленный публицистъ забываетъ при этомъ, что Моисеи, Солоны, Ликурги, Гракхи и т. п. люди тоже имѣли достаточно нелѣпыя на нашъ взглядъ понятія о землѣ и ея положеніи въ міровомъ пространствѣ, однако, въ области общественныхъ вопросовъ ихъ идеи до сихъ поръ останавливаютъ на себѣ наше вниманіе. Будемъ надѣяться, что хоть подобные факты заставятъ послѣдователей нашего публициста обратить вниманіе на нелѣпость того соціологическаго положенія, вслѣдствіе котораго г. Михайловскій считаетъ мужика неспособнымъ быть

[1]) Герб. Спенсеръ. «Грядущее рабство», стр. 31.

руководителемъ своей собственной общественной жизни только потому, что онъ не получилъ извѣстныхъ школьныхъ познаній [1]). Но рядомъ съ подобною мыслью мы встрѣтимъ у нашего публициста, напримѣръ, и защиту суда присяжныхъ. Извѣстно, что присяжными засѣдателями могутъ быть и люди неграмотные; для того, чтобы имѣть право и даже быть обязанными разрѣшать очень сложныя судебно-общественныя задачи, присяжнымъ засѣдателямъ не нужно держать экзамена изъ космографіи, такъ что многіе изъ людей, судящихъ напримѣръ дѣло о банковой растратѣ, быть можетъ, убѣждены въ томъ, что земля стоитъ на трехъ китахъ. Спрашивается: логично-ли требовать подчиненія «мнѣнію» мужика такихъ дѣлъ, о которыхъ онъ дѣйствительно имѣетъ мало понятія, и въ то-же время утверждать, что онъ неспособенъ обойтись безъ интеллигентно-бюрократической палки при устройствѣ своей собственной жизни? Не очевидно-ли, что мнѣніе г. Михайловскаго

[1]) Дѣло идетъ, разумѣется, не объ одномъ русскомъ мужикѣ, а о вселенскомъ,—если можно такъ выразиться. И если наши писатели-прогрессисты, въ родѣ гг. Михайловскаго и Пыпина, выступаютъ противъ русскаго мужика, то ихъ собратья выступаютъ противъ мужика англійскаго, французскаго и т. п.:

«Постепенное пріобрѣтеніе массами власти, говоритъ Г. Мэнъ, есть самое мрачное предвѣщаніе для всякаго законодательства, основаннаго на научномъ мнѣніи, требующемъ напряженія мысли для своего пониманія и самоотверженія, чтобы подчиниться ему». (Генри Мэнъ. Опыты о народномъ правительствѣ. Стр. 80. Изд. «Рус. Бог.» 1891 г.).

Къ сожалѣнію, англійскій прогрессистъ не разъяснилъ, что защищаемое имъ «законодательство, основанное на научномъ мнѣніи», требуетъ отъ интеллигенціи только «напряженія мысли», а «самоотверженія» только отъ народа. Было-бы болѣе сообразнымъ съ христіанской моралью, чтобы и «напряженіе мысли», и «самоотверженность» доставались каждому въ равной долѣ.

о судѣ присяжныхъ взято имъ изъ той самой народнической системы общественныхъ принциповъ, надъ которою онъ въ другихъ случаяхъ старается трунить? Какъ извѣстно, нынѣшнее судоустройство почти во всѣхъ государствахъ «содѣйствуетъ тому, чтобы устранить народъ отъ развитія права и отдать его исключительно въ руки ученыхъ юристовъ» [1]). Г. Михайловскій долженъ былъ бы только радоваться этому и забыть про судъ присяжныхъ, забыть, что «непосредственное чувство внутренней правды (aequitas), по утвержденіямъ даже «Юридическаго Вѣстника», живѣе сознается крестьянскими судьями, чѣмъ нашими общими судами» [2]). Будь онъ логичнѣе, онъ замѣтилъ-бы, что его мнѣніе о судѣ присяжныхъ совсѣмъ не вяжется съ его презрѣніемъ къ «мнѣнію» народа и что, оставаясь послѣдовательнымъ, онъ долженъ-бы стоять за судъ коронный, составленный изъ юристовъ-спеціалистовъ. Если-же онъ не пожелалъ-бы сдѣлать этого шага, то долженъ-бы былъ пересмотрѣть тѣ изъ своихъ мнѣній, которыя идутъ въ разрѣзъ съ признаніемъ общественно-политической правоспособности за невѣжественнымъ крестьянствомъ, не получившимъ никакого школьнаго образованія. Тогда, нужно думать, онъ не сталъ бы утверждать, что интеллигенція должна имѣть въ виду только интересы народа, а къ его мнѣнію можетъ относиться презрительно. Теперь-же его публицистическая дѣятельность производитъ только хаосъ въ понятіяхъ читателей, считающихъ его авто-

[1]) К. Францъ. Физіологія государства, какъ основаніе политич. наукъ. (Историко-политич. и юридич. сборникъ. Изд. Н. И. Ламанскимъ. 1870 г., т. III).

[2]) П. Скоробогатый. Роль крестьянскихъ судовъ въ процессѣ. Стр. 298 («Юридич. Вѣстникъ» 1881 г., № 6).

ритетомъ, и этимъ самымъ ослабляетъ ихъ практическую дѣятельность.

Всѣ пункты, такъ называемой, либеральной программы, въ которыхъ заключается прогрессивный элементъ ея, — каковы: свобода вѣроисповѣданія, печати, сходокъ, судъ присяжныхъ и т. п., — заключаютъ въ себѣ вѣру въ то, что «мнѣніе» народа, общества, коллективности всегда выше какихъ-бы то ни было отдѣльныхъ мнѣній, что общество и народъ не нуждаются въ руководствѣ ученой цензурной коллегіи и сами въ борьбѣ мнѣній доходятъ скорѣе и лучше до истины. Проповѣдники знамени «интересовъ», съ игнорированіемъ его «мнѣній» объ этихъ интересахъ, если бы они были логичны, должны были объявить всѣ эти пункты тормазомъ прогресса и стоять за с в о ю цензуру надъ печатью, религіей, сходками и судомъ.

Хаотическое состояніе публицистической мысли не можетъ быть выгодно ни одному направленію, такъ какъ слѣдствіемъ его является неувѣренность практическихъ общественныхъ дѣятелей въ результатахъ своего труда. Поэтому слѣдуетъ возможно рѣзче обособлять различныя міросозерцанія другъ отъ друга, и бояться этого обособленія можетъ только то изъ нихъ, которое не выноситъ правдиваго освѣщенія, скрывая подъ разными красивыми знаменами старый бюрократическо-крѣпостническій хламъ. Мы попытаемся указать разницу, существующую между народничествомъ, какъ системой извѣстныхъ общественныхъ принциповъ, и тѣмъ, что мы назовемъ, пока, «народолюбіемъ», съ которымъ до сихъ поръ его смѣшиваютъ.

Если всякій народникъ—народолюбецъ, то не всякій народолюбецъ—народникъ. Любовь къ народу, если вѣрить словеснымъ и печатнымъ заявленіямъ, сильно

распространена въ нашей интеллигенціи, но нельзя этого сказать про народничество. Подчасъ любовь къ народу бываетъ своеобразна; такъ, напримѣръ, она часто смахиваетъ на любовь къ собакамъ, лошадямъ и т. п. Въ этомъ случаѣ чувство любви смѣшано съ презрѣніемъ, съ желаніемъ покровительствовать и господствовать [1]). Объектъ любви считается невѣжественнымъ и безнравственнымъ скотомъ, не имѣющимъ никакого понятія объ истинныхъ своихъ нуждахъ и потребностяхъ, но... этотъ скотъ, видите-ли, несчастенъ, а потому нѣжное сердце интеллигентнаго человѣка сжимается отъ тоскливаго чувства и онъ готовъ снизойти къ нему для руководства его мыслью, чувствомъ и дѣятельностью. Такихъ народолюбцевъ у насъ очень и очень много, но—они не народники. Народникъ любитъ народъ не потому только, что онъ несчастенъ, а вообще въ силу способности любить людей; онъ уважаетъ народъ, какъ коллективную единицу, воплощающую въ себѣ относительно высокій, для нашего времени, уровень справедливости и человѣчности. Отдѣльныя личности могутъ быть глупы и безнравственны, но коллективная мысль и чувство народа, въ области обществен-

---

[1]) Вотъ характеристика одного изъ этихъ народолюбцевъ:

«Т. считалъ себя интеллигентомъ и борцомъ за свободу и достоинство личности, но въ немъ были настолько сильны крѣпостныя привычки, въ которыхъ онъ выросъ, въ него такъ въѣлась привычка повелѣвать и командовать еще въ домѣ отца денщиками и вѣстовыми, что проповѣдь о свободѣ личности онъ примѣнялъ только къ себѣ, а затѣмъ давилъ всѣхъ своимъ авторитетомъ и непогрѣшимостью. Это былъ истинный нравственный деспотъ, такъ сказать, нравственный крѣпостникъ». (Н. В. Шелгуновъ. Переходные характеры. «Русская Мысль» 1888 г., № 3, стр. 100). Такіе типы, попадая на литературное поприще, всегда являются проповѣдниками интеллигентнаго бюрократизма.

ныхъ вопросовъ, всегда несоизмѣримо выше отдѣльныхъ мнѣній и чувствъ. Одинъ изъ критиковъ слѣдующимъ образомъ формулировалъ отношеніе Глѣба Успенскаго къ народничеству: «Свои общественные и нравственные идеалы онъ почерпаетъ изъ народной жизни, которая, несмотря на всѣ свои изъяны, все-таки, несравненно выше, по его убѣжденію, нежели наша культурная жизнь. Успенскій нисколько не идеализируетъ народъ, относится къ нему такъ же прямо и независимо, какъ и къ намъ, и тѣмъ любопытнѣе и важнѣе общій выводъ, къ которому онъ пришелъ» [1]).

Въ основѣ народническаго ученія объ устройствѣ общества лежитъ не только любовь къ народу, но и уваженіе ко всякой человѣческой личности, а слѣдовательно и къ личности крестьянина. По этому-то народничество утверждаетъ, что нельзя заботиться объ «интересахъ» народа, не принимая во вниманіе его «мнѣній» объ этихъ «интересахъ». Оно не третируетъ личности крестьянина и не считаетъ себя вправѣ обходиться съ нимъ какъ съ малолѣтнимъ, не имѣющимъ возможности жить самостоятельно, безъ опеки. Поэтому оно признаетъ, что въ числѣ главныхъ «интересовъ» народа находится и потребность руководствоваться въ своей дѣятельности собственнымъ «мнѣніемъ», а не благодѣтельнымъ приказомъ интеллигентнаго руководителя [2]). Изъ этого, впрочемъ, не

---

[1]) М. А. Протопоповъ. Глѣбъ Успенскій, стр. 182 и 183 («Русск. Мысль» 1890 г., № 8).

[2]) Въ то время, какъ наши проповѣдники интеллигентнаго бюрократизма добиваются господства интеллигенціи надъ народомъ, стараясь внушить мысль о необходимости оттѣснить народъ отъ вліянія на общественныя формы,—четыре восточные пат-

слѣдуетъ, чтобы народничество проповѣдывало невмѣшательство интеллигенціи въ жизнь народа; оно лишь утверждаетъ, что это послѣднее должно выражаться только въ видѣ духовнаго воздѣйствія на «мнѣнія» народа, и отрицаетъ всякое насильственное вторженіе въ народную жизнь: «въ рай за волоса не тянутъ». Проповѣдуя подчиненіе хода народной жизни «мнѣнію» народа, народничество, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнюдь не желаетъ насильственнаго вторженія народа въ другія сферы жизни. Несомнѣнно, что, напримѣръ, жизнь города или интеллигенціи во многомъ отличается отъ жизни народа и признаніе этихъ особенностей требуется ихъ общимъ интересомъ. Насколько нераціонально требовать подчиненія народной жизни интеллигентной опекѣ, настолько-же противно здравому разсудку подчинять интеллигенцію и городъ «мнѣнію» народа. Разумѣется, совмѣстная жизнь народа, горожанъ и интеллигенціи по необходимости во многихъ случаяхъ приводитъ ихъ къ столкновенію «мнѣній» и «интересовъ»: общая сфера интересовъ всѣхъ трехъ группъ, понятно, тоже должна быть подчинена и общему ихъ «мнѣнію». Но чѣмъ больше будетъ самостоятельности въ жизни каждой группы, тѣмъ лучше, ибо каждая изъ нихъ будетъ чувствовать себя свободнѣе и независимѣе. Таково мнѣніе народниковъ.

Перейдемъ теперь къ народолюбцамъ. Многіе изъ нихъ дѣйствительно очень искренно любятъ народъ; къ сожалѣнію, отъ этой любви ему можетъ очень не поздоровиться, такъ какъ она соединена съ полнымъ пре-

---

ріарха съ 29 митрополитами ихъ сѵнодовъ, въ 1848 г., соборне заявляли: «у насъ хранитель религіи есть самое тѣло церкви, т. е. самый народъ». (Владиміръ Соловьевъ. Вопросъ о «самочинномъ умствованіи». Стр. 868. «Вѣстн. Евр.» 1892 г., № 12).

зрѣніемъ къ его личности и ея правамъ на самоопредѣленіе своей жизни. Подобное отношеніе народолюбцевъ къ народу, очевидно, является остаткомъ крѣпостного права и привычки къ бюрократическимъ воздѣйствіямъ. Сами они, разумѣется, не замѣчаютъ того, что ихъ любовь солоно достанется народу, подобно тому какъ чадолюбивые родители-деспоты не замѣчаютъ, что своимъ насильственнымъ устройствомъ счастья взрослыхъ дѣтей они только губятъ этихъ послѣднихъ. Характерная черта народолюбцевъ—любовь къ народу, соединенная съ полнымъ неуваженіемъ правъ личности крестьянина. Они настолько глубоко презираютъ права этой личности, что даже неспособны замѣчать дѣлаемыхъ ими нарушеній этихъ правъ. Имъ все кажется, что народъ ничего больше не желаетъ, какъ только того, чтобы они устроили его «интересы», не спрашиваясь его самого, забывая, что онъ говоритъ: «За чужой головой ино и легче жить, да—тошнѣе». Они способны нарушать основныя права личности, даже не помышляя о томъ, что они дѣлаютъ, какъ будто они имѣютъ дѣло не съ людьми, а съ любимыми собаками и кошками. Съ неустрашимостью мѣдныхъ лбовъ, они заявляютъ, что имѣютъ въ виду только «интересы» народа и знать не хотятъ его «мнѣній» [1]). Впрочемъ, этою неустрашимостью отличаются

---

[1]) «Часть нашей интеллигенціи и притомъ считающая себя всего болѣе оевропеившеюся и наименѣе связанной умственно съ прошлымъ, сама того не предполагая, говоритъ г. В. В., поддерживаетъ традиціи сословности и вмѣсто прямой своей задачи—внесенія свѣта просвѣщенія въ темныя массы народа,—думаетъ о совершеніи еще какихъ-то прогрессивныхъ подвиговъ исключительно силою культурнаго общества; хочетъ и впредь служить

только болѣе логичные изъ нихъ; большинство-же, придерживаясь программы народолюбиваго бюрократизма, не выяснило самому себѣ сущности своихъ воззрѣній. Оно по-маниловски мечтаетъ о томъ, что мужикъ съ восторгомъ приметъ мѣры по устроенію его жизни, декретированныя съ интеллигентно-бюрократической высоты. Жизненный опытъ неспособенъ образумить этихъ людей и они не замѣчаютъ фактовъ, доказывающихъ, что сознаніе личнаго достоинства повысилось въ мужикѣ и онъ въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, не чувствуетъ никакого удовольствія отъ подчиненія своей дѣятельности чужой указкѣ, хотя-бы эта послѣдняя находилась въ рукахъ такъ-называемыхъ «развитыхъ» людей. Нужно думать, что разъ бы ихъ маниловская иллюзія пала и они увидѣли-бы, что ихъ народолюбивый бюрократизмъ непремѣнно встрѣтитъ сопротивленіе, то отшатнулись-бы отъ программы, требующей насажденія прогресса въ народной средѣ посредствомъ бюрократической палки. Наше предположеніе мы основываемъ на томъ, что большинство «народолюбцевъ» все-таки любитъ народъ и было-бы неспособно дѣлать его несчастнымъ; нынѣшнее же ихъ отношеніе къ массѣ народа объясняется отчасти остатками крѣпостническихъ воззрѣній, а отчасти слабымъ развитіемъ въ нихъ самихъ чувства личной независимости, что ведетъ къ непониманію важности того блага, въ которомъ они готовы отказать народу, ради болѣе быстраго, по ихъ мнѣнію, прогресса общественныхъ формъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Шопенгауэръ былъ вполнѣ правъ,

народу архаическимъ, сословнымъ способомъ превентованія сюрпризовъ». (В. В. Попытки обоснованія народничества. «Рус. Богатство» 1892 г., № 6, стр. 133).

утверждая: «Вообще для добровольнаго и свободнаго признанія и оцѣнки чужаго достоинства необходимо имѣть собственное» [1]). Они, строго говоря, хотятъ продолжать поведеніе нашего бюрократизма въ томъ видѣ, въ какомъ оно опредѣлилось со времени Петра Великаго, который въ ихъ глазахъ и до сихъ поръ остается героемъ прогресса, несмотря на то, что онъ окончательно доканалъ принципъ «совѣщательнаго элемента» въ Россіи, насадивъ западно-европейское полицейское государство [2]). По ихъ мнѣнію, необходимо подгонять сверху бюрократическимъ кнутомъ ходъ народной жизни по пути прогресса, иначе невѣжественное крестьянство навѣки останется на мѣстѣ безъ всякаго движенія. Такъ, напримѣръ, г. Пыпинъ утверждаетъ: «Если желать, чтобы народъ былъ рѣшающимъ принципомъ, онъ должень сначала выйти изъ покрывающей его темноты, и путь къ этому—не мистика и высокомѣрное отношеніе къ народу, а общественная свобода и просвѣ-

---

[1]) Шопенгауэръ. Міръ какъ воля и представленіе. Стр. 277.

[2]) В. Н. Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси. Стр. 290

По этому поводу намъ вспоминается слѣдующій историческій фактъ. «При Петрѣ Великомъ былъ человѣкъ, имъ весьма любимый, котораго онъ приближалъ къ себѣ. Это—Кикинъ. Кикинъ могъ бы сдѣлать блестящую карьеру (идея новая, внесенная преобразованіемъ). Но Кикинъ упорно держался старины и не разъ возставалъ противъ Петра. Петръ прощалъ его, но наконецъ осудилъ на казнь. Передъ казнью Петръ спросилъ: отъ чего онъ, Кикинъ, человѣкъ умный, противъ него? Кикинъ отвѣчалъ достопамятными словами. Онъ сказалъ Петру: «Умъ любитъ просторъ, а отъ тебя ему тѣсно». (Сочиненія К. С. Аксакова. Т. I, стр. 213). Нѣсколько измѣняя слова Кикина, народничество тоже можетъ сказать интеллигентному бюрократизму: душа человѣка любитъ просторъ, а отъ тебя ей тѣсно.

щеніе» [1]). Такимъ образомъ, правовой порядокъ мнимаго народолюбца состоитъ только въ общественной свободѣ, которую онъ самъ противопоставляетъ свободѣ общенародной. Г. Пыпинъ напоминаетъ намъ тѣхъ крѣпостниковъ, которые утверждали, что, прежде чѣмъ освободить крестьянъ, надо ихъ просвѣтить. По его мнѣнію, общенародное участіе въ дѣлахъ общественнаго устройства будетъ вредно до тѣхъ поръ, «пока народъ не выйдетъ изъ покрывающей его тѣмноты»; а въ ожиданіи этого блаженнаго времени, пусть «общество» само, безъ народа, вершитъ всѣ дѣла. Мысль, высказанная г. Пыпинымъ, разумѣется, не нова; уже Карамзинъ въ «Запискѣ о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ», поданной имъ императору Александру I-му 28 марта 1811 года, высказалъ: «Мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во время свободу, къ которой надо готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ» [2]). Лучшимъ отвѣтомъ на это могутъ послужить слова Салтыкова-Щедрина: «Какъ бы ни былъ младенчески неразвитъ народъ (а гдѣ же онъ развитъ?), онъ все-таки никогда не хочетъ улечься въ тѣсныя рамки искусственно задуманной административной формы»... «Рано или поздно народъ разобьетъ это Прокустово ложе, которое лишь безполезно мучило его» [3]). «Собственно такъ называемое «общество», пишетъ Салтыковъ-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1881 г., № 9.

[2]) С. Н. Южаковъ. Паденіе Сперанскаго. Стр. 116. («Рус. Мысль» 1890 г., № 11).

[3]) Матерьялы для біографіи М. Е. Салтыкова. К. К. Арсеньева. («Вѣстн. Евр.» 1890 г., № 1, стр. 345).

Щедринъ, представляетъ слишкомъ мало интереснаго, чтобы стоило много распространяться о немъ. Оно живетъ своею обычною, безцвѣтною жизнью; порою, отъ нечего-дѣлать, фантазируетъ; порою, тоже отъ нечего дѣлать, эти же самыя фантазіи преслѣдуетъ. Вѣчная жертва колебаній и судорожныхъ подергиваній, оно наглядным образомъ свидѣтельствуетъ о несостоятельности и о совершенномъ отсутствіи дѣйствительныхъ и серьезныхъ жизненныхъ основъ»... «Въ сущности всѣ его произвольныя фантазіи должны быть безразличны, ибо всѣ одинаково ничего не обозначаютъ; и если есть еще что-нибудь горькаго и страшнаго въ этой неурядицѣ, такъ это именно то, что новая, чуть чуть пробивающаяся жизнь еще слишкомъ слаба, чтобы дать сколько-нибудь надежную опору и сдѣлать возможнымъ безразличный взглядъ на неурядицу» [1]).

Извѣстный С. Т. Аксаковъ мечталъ о томъ времени, «когда русское общество привыкнетъ къ свободѣ и отложитъ ту щекотливость, ту подозрительную раздражительность, которая теперь болѣе всякой цензуры мѣшаетъ говорить откровенно, даже о давно прошедшемъ». Посѣтивъ Петербургъ, этотъ же авторъ удивлялся «крайнему тупоумію и невѣжеству высшей петербургской публики, какъ служебной, такъ и литературной» [2]). «Жвачное равнодушіе, по словамъ Щедрина, сдѣлалось какъ бы нормальною окраскою русской интеллигенціи» [3]). Недовѣріе нашихъ лучшихъ людей къ «обществу» отразилось даже въ иностранной лите-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1889 г., № 11. Журнальная дѣятельность М. Г. Салтыкова Стр 216. А. Н. Пыпина.

[2]) С. Т. Аксаковъ. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ. («Русск. Архивъ» 1890 г., кн. 8, стр. III и 25).

[3]) Н. Щедринъ. За рубежемъ, стр. 89.

ратурѣ. Такъ, въ классической странѣ интеллигентнаго бюрократизма — Франціи, въ настоящее время, существуетъ школа Ле-Пле, по ученію котораго «принципъ авторитета и соціальной іерархіи составляетъ вѣчную, неизмѣнную основу всякаго общества». Classe dirigeante «патронируетъ» рабочіе классы худо или хорошо, но всегда и неизбѣжно. Русскому крестьянству, по словамъ г. Сенъ-Раменъ, послѣдователя Ле-Пле, тоже недостаетъ «patronage intelligent», т. е. разумной опеки интеллигенціи [1]).

Такимъ образомъ, и друзья, и враги интеллигентнаго бюрократизма одинаково выражаютъ недовѣріе къ русскому «обществу», — разъ они стали на точку зрѣнія защиты народныхъ интересовъ. Даже г. Пыпинъ, разсказывая объ участіи «общества» въ освобожденіи крестьянъ, самъ принужденъ признать, что если бы это освобожденіе зависѣло отъ «общества», то оно не совершилось бы: «Освобожденіе крестьянъ затронуло матеріальные интересы именно того сословія, которому принадлежало наибольшее образованіе, въ средѣ котораго по преимуществу развивались и созрѣвали прогрессивныя стремленія. Наиболѣе просвѣщенная и великодушная часть этого сословія помирилась съ матеріальными потерями, привѣтствовала реформу и положила на ея осуществленіе прилежный, добросовѣстный трудъ; но понятно, что не такъ относилась къ дѣлу масса этого сословія».

Сначала, «консервативная точка зрѣнія замолкла и почти не высказывалась, подъ давленіемъ фактовъ, слишкомъ краснорѣчиво изобличавшихъ старый застой, а также подъ давленіемъ авторитета самой вла-

[1]) «Русское Обозрѣніе» 1890 г., № 12.

сти, которая хотя весьма осторожно и въ уклончивыхъ формахъ, но тѣмъ не менѣе рѣшительно заявила инициативу крестьянской и другихъ реформъ; отчасти въ то время эта консервативная партія еще не имѣла достаточно матеріала для нападеній на либерализмъ, отождествленный съ молодымъ поколѣніемъ, которое въ то время естественно стало его ревностнымъ прозелитомъ. Но это длилось не долго. «Либерализмъ», говоря вообще, былъ по всѣмъ историческимъ преданіямъ не во вкусѣ нашего быта, и то настроеніе, какое питалось большинствомъ, въ концѣ концовъ взяло верхъ въ общественной массѣ, а также и во взглядахъ правительства» [1]).

Очевидно, что г. Пыпинъ, вдохновленный журнальной дѣятельностью Салтыкова-Щедрина, сталъ понимать, что «общество» въ своей массѣ, отъ которой и будетъ зависѣть управленіе народомъ, всегда эгоистично, а потому и долженъ признать гибельнымъ для народа свой планъ о подчиненіи его «обществу»,—впредь до выхода его изъ «темноты». Ему остается только понять слова о народной массѣ того-же Салтыкова-Щедрина, цитируемыя имъ въ той же статьѣ, на которую мы только что ссылались: «Слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ недозволительно предполагать ее сплошь грубою, нелѣпою или пьяною. Все, на что мы можемъ указать въ массахъ достаточно утвердительно,—это на ихъ замкнутость и неразвитость, но эти существенные недостатки не мѣшаютъ, однакожъ, имъ жить своею оригинальною и притомъ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1888 г., № 12. Журнальная дѣятельность М. Е. Салтыкова. А. Н. Пыпинъ. Стр. 647 и 648.

очень разнообразною и совершенно человѣческою жизнью» [1]).

Народничество, признавая вполнѣ справедливыми мысли Салтыкова-Щедрина о нашемъ народѣ, даетъ общественному дѣятелю совѣты существенно-различные отъ совѣтовъ народолюбія, а потому и необходимо различать ихъ другъ отъ друга, такъ какъ смѣшеніе этихъ двухъ программъ можетъ только вносить хаосъ въ практическую дѣятельность. Къ сожалѣнію, многіе изъ тѣхъ, которые считаютъ себя народниками, смѣшиваютъ народничество съ народолюбіемъ и, такимъ образомъ, затушевываютъ основное положеніе народничества о необходимости не только любить народъ, но и уважать его «мнѣніе». Доказывая, что основная черта народничества есть «любовь къ народу», они этимъ самымъ зачисляютъ въ его ряды многочисленную группу народолюбивыхъ бюрократовъ и затемняютъ другую характерную черту народничества—уваженіе къ личности крестьянина, а слѣдовательно и признаніе за нимъ права руководствоваться въ своей жизни собственнымъ мнѣніемъ. Не замѣчая основного различія истинныхъ народниковъ отъ народолюбивыхъ бюрократовъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, неправильно опредѣляютъ и мѣсто, занимаемое народничествомъ среди другихъ направленій соціологической мысли. Указывая на народолюбивое направленіе нашей прогрессивной печати въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ, они думаютъ, что этимъ самымъ доказываютъ, что народничество господствуетъ въ нашей прессѣ съ шестидесятыхъ годовъ. Но достаточно присмотрѣться, напримѣръ, къ народолюбію Писарева, чтобы

[1]) Тамъ же. Стр. 660.

увидѣть разницу нынѣшняго народничества съ этимъ народолюбивымъ направленіемъ. Большинство народолюбцевъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ были только представителями народолюбиваго интеллигентнаго бюрократизма, а отнюдь не народниками. Правда, среди нихъ были и первыя ласточки народничества, но и у этихъ народниковъ не было систематическаго народническаго міросозерцанія, такъ какъ они, по преимуществу, сосредоточивали свое вниманіе на интересахъ интеллигенціи. Въ ихъ міросозерцаніи народничество было только вкраплено большими или меньшими чертами и они подготовили почву нашей соціологической мысли къ выработкѣ болѣе систематическаго народническаго міровозрѣнія. Заслуги ихъ передъ народничествомъ — громадны, и мы не думаемъ уменьшать ихъ значенія, указывая на фактъ отсутствія у нихъ стройнаго и систематическаго народничества,—ибо въ то время было еще невозможно добраться до этого, по новости самой задачи для нашихъ соціологовъ.

Но, повторяемъ, существованіе въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ зачаточныхъ, такъ-сказать, народниковъ отнюдь не характеризуетъ всего народолюбія этого времени. Общее же его теченіе ближе къ народолюбію Писарева — типичнаго представителя безсознательнаго и туманнаго интеллигентнаго бюрократизма. Нельзя называть народниками и тѣхъ публицистовъ, у которыхъ мы видимъ только нѣкоторыя разрозненныя черточки народническаго міросозерцанія; иначе намъ придется включить въ число народниковъ всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ и стоитъ за судъ присяжныхъ, такъ какъ несомнѣнно, что этотъ судъ въ основаніи своемъ имѣетъ признаніе преимуществъ народной совѣсти и мысли передъ таковыми-же судей спеціалистовъ, получившихъ

юридическое образованіе. Кто желаетъ остановить общественное вниманіе на характерныхъ чертахъ народничества (т. е. желаетъ дать ему возможно большій ходъ), тотъ долженъ заботиться не о осмѣшеніи его съ массой народолюбцевъ, издавна трактующихъ объ «интересахъ» народа съ бюрократическимъ пошибомъ мысли, а о выдѣленіи его изъ этой массы. Народничество и народолюбіе не могутъ идти подъ однимъ знаменемъ, такъ какъ каждое изъ нихъ даетъ общественному дѣятелю свою особую программу дѣятельности Любовь, соединенная съ уваженіемъ народнаго «мнѣнія», даетъ совсѣмъ иные совѣты, нежели любовь, презирающая личность крестьянина и его «мнѣніе».

Основная идея народолюбія состоитъ въ томъ, что центръ тяжести жизни лежитъ въ культурно-интеллигентныхъ классахъ и что эти классы должны оказывать, если не исключительное, то во всякомъ случаѣ преимущественное вліяніе на ходъ соціальной жизни. Если оставить въ сторонѣ нѣкоторые второстепенные признаки, которыми «народолюбіе» отличается отъ бюрократизма обыкновеннаго, то можно сказать, что по своей сущности, и именно въ отношеніи къ массѣ народа, они вполнѣ однородны между собою. И тотъ, и другой одинаково считаютъ необходимымъ мудрить надъ народомъ, устраивать его жизнь по своему образцу и насильно навязывать ему свои идеалы; вся разница тутъ только въ томъ, что бюрократизмъ дѣлаетъ это просто въ силу власти, а «народолюбіе» прикрывается знаменемъ науки и прогресса, понимаемыхъ имъ, разумѣется, на свой ладъ [1]). Въ

[1]) Въ послѣдніе годы интеллигентный бюрократизмъ съ восхищеніемъ отнесся къ эдиктамъ индійскаго царя Асоки Великаго, въ которыхъ, между прочимъ, сказано: «Счастье на семъ и томъ

этомъ-то основномъ пунктѣ «народолюбіе» и расходится съ народничествомъ.

Основная точка зрѣнія народничества та, что соціальная жизнь, находясь подъ вліяніемъ т о л ь к о культурныхъ классовъ, получаетъ уродливое, искусственное, одностороннее развитіе и направляется на удовлетвореніе потребностей не всей страны, а только однихъ культурно-интеллигентныхъ классовъ. Притомъ же, изобрѣсти путемъ научныхъ изслѣдованій абсолютно-прекрасную общественную форму невозможно, и попытки подобнаго рода уже окончательно отвергнуты соціологіей. Область соціологіи есть, по преимуществу, область дѣятельности человѣческой личности, въ которой чувства, мысли и желанія личности играютъ главную роль. Достоинство общественной формы измѣряется не тѣмъ, насколько она приближается къ какому-то научному идеалу, а тѣмъ, насколько она приспособлена къ желаніямъ живыхъ личностей, составляющихъ данное общество. С а м а я п р е к р а с н а я ф о р м а б у д е т ъ г и б е л ь н а д л я о б щ е с т в а, е с л и о н а н е с о о т в ѣ т с т в у е т ъ ж е л а н і я м ъ е г о ч л е н о в ъ, ибо въ этомъ случаѣ она можетъ держаться только насиліемъ, которое представляетъ собою начало развращающее и разрушающее [1]). Многіе

свѣтѣ достигается съ трудомъ и н е о б х о д и м а д л я т о г о п о м о щ ь м о и х ъ ч и н о в н и к о в ъ, чрезвычайное ихъ усердіе къ религіи (читай прогрессу), строгій съ ихъ стороны надзоръ, крайнее ихъ мнѣ повиновеніе, весьма живое чувство отвѣтственности передо мною, чрезвычайная дѣятельность». (В. Лесевичъ. Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго. «Вопросы философіи и психологіи» 1890. кн. I. стр. 174).

[1]) Соціальныя формы должны служить потребностямъ личности, а потому и должны зависѣть отъ взглядовъ ея самой на эти потребности. Въ соціологіи нѣтъ объективныхъ истинъ, а пото-

ошибочно думаютъ, что уважать мысль народа—значитъ подчиняться народу во всемъ, раздѣлять все его міросозерцаніе, вѣрить въ домовыхъ и лѣшихъ, признавать истиной, что земля стоитъ на трехъ китахъ и т. п. Это—очевидная нелѣпость. Народничество есть ученіе о б ъ о б щ е с т вѣ, а потому и его построенія касаются только области с о ц і о л о г і и. Этимъ мы не хотимъ сказать, что народная мысль должна признаваться несостоятельной во всемъ, что выходитъ изъ области соціологіи. Напротивъ, многія познанія нашихъ крестьянъ—напримѣръ, агрономическія—гораздо обширнѣе, чѣмъ многіе думаютъ, но все-таки, когда идетъ рѣчь о народничествѣ, какъ н а п р а в л е н і и, то слѣдуетъ помнить, что тутъ на первомъ планѣ стоитъ собственно область соціологіи, а не что-либо иное.

Мы уже говорили, что уваженіе къ народной мысли въ области соціологіи отнюдь не обусловливаетъ собою полнаго подчиненія большинству меньшинства.

му выраженіе Тэна: «десять милліоновъ невѣжествъ не составляютъ одного знанія», не можетъ относится къ ея области. Десять милліоновъ невѣждъ могутъ отвѣтить представителю знанія, что они хотятъ имѣть общественныя формы, вполнѣ соотвѣтствующими ихъ невѣжеству, такъ какъ живутъ для того, чтобы быть довольными своею жизнью, а не для того, чтобы жить несоотвѣтственно своимъ потребностямъ. Кромѣ того, нельзя забывать и той истины, которую Аристотель выразилъ слѣдующимъ образомъ: «Большинство, каждый членъ котораго, взятый отдѣльно, ничѣмъ не замѣчателенъ, все-таки выше людей самыхъ превосходныхъ, если не въ отдѣльности, то по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ, подобно тому какъ пиршество на общій счетъ бываетъ великолѣпнѣе пиршества, устраиваемаго однимъ человѣкомъ».

Напротивъ, всякое меньшинство должно имѣть право на самостоятельное устройство своихъ дѣлъ, насколько это не идетъ въ разрѣзъ съ справедливыми требованіями большинства. Вообще, *не о подчиненіи* культурныхъ классовъ народу хлопочутъ народники, а о предоставленіи простора развитію *всѣхъ* группъ народа, насколько, конечно, это возможно при необходимомъ согласованіи интересовъ всѣхъ во имя общенароднаго благополучія. Подъ именемъ свободы чаще всего, по словамъ Генри Мэна, подразумѣваютъ участіе въ политической власти. Уже Гоббезъ, извѣстный проповѣдникъ интеллигентнаго бюрократизма, утверждалъ, что политическая свобода есть политическая власть. Когда человѣкъ сгораетъ жаждою свободы, онъ, по мнѣнію Гоббеза, не желаетъ «безплодной свободы дикаго осла»; ему нужно именно участіе въ политическомъ управленіи [1]). Интеллигентно-бюрократическая душа высказалась на чистоту: желать свободы значитъ желать власти. Но вѣдь властвуютъ надъ кѣмъ-либо и не ясно-ли, что, говоря иначе, желать свободы значитъ желать самоуправствовать надъ кѣмъ-либо, чтобы не оказаться «безплоднымъ» передъ прогрессомъ подобно «дикому ослу».

Народники подъ именемъ свободы не подразумѣваютъ участіе въ политическомъ управленіи, а дѣйствительную свободу, при которой это управленіе сводится къ безконечно малой величинѣ. И только въ постепенномъ уменьшеніи «управленія» въ жизни они видятъ увеличеніе свободы. Этотъ принципъ является соціологическимъ компасомъ народниковъ при обсуж-

---

[1]) Генри Мэнъ. Опыты о народномъ правительствѣ. Стр. 27, 31 и 32. Изд. «Рус. Бог.» 1891 г.

деніи всякаго рода «мѣропріятій» правительства, общества и частныхъ лицъ.

Будучи защитниками истиннаго самоуправленія, народники являются противниками всякаго бюрократизма, въ какой-бы привлекательной формѣ онъ ни являлся. Для нихъ интеллигентный бюрократизмъ—все-же бюрократизмъ, т. е. отсутствіе самоуправленія, а слѣдовательно и правильныхъ устоевъ для прогрессивнаго развитія общества.

У насъ очень часто говорятъ о заслугахъ бюрократіи. Утверждаютъ, напримѣръ, что Петръ I, насаждая господство бюрократіи на русской землѣ своею табелью о рангахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, препятствовалъ образованію замкнутыхъ сословій, демократизировалъ нашу жизнь. Всѣ эти соображенія въ основѣ своей имѣютъ то предположеніе, что, не будь у насъ такой сильной бюрократіи, мы бы, послѣдовавъ примѣру западно-европейскихъ народовъ, допустили на русской землѣ образоваться сильной земельной аристократіи. Но это только предположеніе, и ничего больше. Наоборотъ, мы видимъ, что крупное землевладѣніе даже до сихъ поръ нуждается въ правительственной помощи. Что-же касается прошлаго, то вся исторія его можетъ быть пріурочена къ тѣмъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, которыя имѣли цѣлью поддержать и развить у насъ крупное землевладѣніе. Русская почва совершенно не способствовала развитію поземельной аристократіи съ политическими правами; на ней крѣпко держались только народъ и монархическая власть съ правительственнымъ орудіемъ въ рукахъ, въ видѣ бюрократіи. Бюрократія не спасала народъ отъ развитія поземельной аристократіи, а сама насаждала ее на русской землѣ. Правда, происхожденіе

крупнаго землевладѣнія отъ бюрократическихъ мѣропріятій наложило на него извѣстныя ограниченія въ видѣ отсутствія политическаго элемента въ помѣщичьихъ прерогативахъ; но, не будь стараній бюрократіи на пользу поземельной аристократіи, мы не видѣли бы и того, что у насъ есть теперь, ибо несомнѣнно, что не сама жизнь выдвигала эту аристократію, а, наоборотъ, бюрократія прививала ее къ жизни и постоянно заботилась о развитіи этого чахлаго растенія, чуждаго русской почвѣ. Достаточно только вспомнить исторію происхожденія нашего крупнаго землевладѣнія въ окраинахъ, сравнительно недавно перешедшихъ подъ нашу власть, и мы увидимъ, что все оно основано на пожалованіяхъ изъ Москвы и Петербурга. Та-же исторія повторяется теперь въ разныхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи. Оренбургскія и уфимскія расхищенія казенныхъ и башкирскихъ земель, происходившія въ наше время, могутъ быть прекрасной иллюстраціей исторіи нашего крупнаго землевладѣнія. Нѣтъ, бюрократія не спасала насъ отъ золъ западно-европейской жизни, а сама насаждала ихъ на русской землѣ! Она—виновница того, что крестьянину нѣтъ возможности работать только на своей землѣ, а приходится нанимать ее за баснословныя цѣны у землевладѣльцевъ, которымъ земля когда-то досталась при помощи той же бюрократіи. Однимъ словомъ — наша поземельная аристократія есть только продуктъ усилій бюрократіи, а потому и ставить ей въ заслугу отсутствіе политической власти аристократіи нѣтъ никакихъ основаній. Заслуги ея въ этомъ отношеніи — мнимыя. Не надо забывать и того, что бюрократія собственно и вытѣснила у насъ самоуправленіе. Мѣсто «излюбленныхъ» людей заняли совсѣмъ не излюбленные чиновники.

Между русскимъ интеллигентнымъ обществомъ и бюрократіей существуетъ старинная родственная связь, которая и сказывается въ любви русскаго интеллигентнаго человѣка къ бюрократическимъ мѣропріятіямъ Защищаетъ онъ горячо и умѣло принципы самоуправленія, а случится что нибудь, затрогивающее его за живое, и онъ инстинктивно хватается за привычное, унаслѣдованное отъ отцовъ средство — бюрократизмъ. Да и гдѣ было ему набраться привычекъ, необходимыхъ для самоуправленія! Правда, стремиться къ самоуправленію побуждаетъ естественная наклонность къ самоопредѣленію своихъ поступковъ; но для служенія на пользу общественнаго самоуправленія этого недостаточно. Человѣкъ желаетъ въ этомъ случаѣ самоуправленія для себя и, только въ виду невозможности достичь этого въ одиночку, говоритъ объ обществѣ. Оттого-то онъ такъ легко и переходитъ отъ принциповъ общественнаго самоуправленія къ принципамъ самоуправства.

Такимъ образомъ, русская интеллигенція и русскій бюрократизмъ вполнѣ нераздѣлимы другъ отъ друга въ прошломъ, и только недавно началось это отдѣленіе. По мѣрѣ развитія культурной жизни, оно, конечно, должно усиливаться, такъ какъ это развитіе, и только оно, открываетъ для интеллигентныхъ людей сферы труда, независимыя отъ государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, должно развиваться и стремленіе выдѣлить какъ интеллигенціею. такъ и весь народъ изъ подъ исключительной власти бюрократовъ. Теперь же, къ сожалѣнію, въ нашемъ обществѣ мало замѣтны стремленія къ самоуправленію. Къ нему такъ же мало способны наши прогрессисты, какъ и консерваторы Если прогрессисты говорятъ о самоуправленіи, то подъ этимъ

очень часто подразумѣваютъ право интеллигенціи (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) на самоуправныя дѣйствія надъ народомъ. На всякомъ шагу вы можете встрѣтить интеллигентныхъ людей, которые во имя науки, будто бы говорящей ихъ устами, требуютъ отъ государства разныхъ мѣропріятій, силою вынуждающихъ общество и чаще всего народъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ. Прогрессистъ, очень краснорѣчиво разсуждающій о необходимости самоуправленія только потому, что въ его воображеніи понятіе о самоуправленіи сливается съ понятіемъ господства интеллигенціи, тутъ же готовъ силою обуздать стремленіе народа или общества къ истинному самоуправленію. Дѣло идетъ, напримѣръ, о правѣ прихода избирать себѣ религіознаго руководителя и исправителя тѣхъ духовно-религіозныхъ требъ, въ которыхъ нуждаются члены прихода. Казалось-бы, прогрессистъ долженъ настаивать, чтобы избраніе приходомъ такого руководителя было истиннымъ критеріумомъ для опредѣленія способности этого пастыря къ исполненію своихъ обязанностей. Но попробуйте задать подобный вопросъ и вы увидите, что большинство прогрессистовъ будутъ искать другого основанія и найдутъ его въ свидѣтельствѣ объ изученіи тѣхъ или другихъ наукъ въ государственныхъ школахъ. Самая большая уступка, которую дѣлаютъ они въ подобныхъ случаяхъ, будетъ состоять въ компромиссѣ между самоуправленіемъ и такъ-называемыми требованіями науки: прогрессистъ согласится съ правомъ прихода на избраніе священника, но только изъ тѣхъ лицъ, которыя прошли тотъ или другой курсъ наукъ. И это будетъ не выраженіе только его желанія, что-де хорошо бы было поступать такъ,

а не иначе. Нѣтъ, онъ сейчасъ готовъ прибѣгнуть къ силѣ, къ приказу. Вѣдь онъ дѣйствуетъ во имя блага самого прихода, подъ знаменемъ науки; а если приходъ этого не понимаетъ, такъ вѣдь и дѣти тоже не понимаютъ цѣлесообразности тѣхъ приказаній. съ которыми къ нимъ обращаются любящіе родители. Этотъ послѣдній аргументъ, заимствованный изъ арсенала консервативныхъ пищалей и самопаловъ, приводится какъ самый неопровержимый: только-де человѣкъ науки способенъ понимать истинныя потребности общества и тѣ мѣры, которыя ведутъ къ ихъ удовлетворенію, а потому онъ не только можетъ. но и долженъ командовать, не спрашивая на то согласія общества. Очевидно, что подобные прогрессисты, говоря о самоуправленіи, подразумѣваютъ подъ этимъ только замѣну одной бюрократіи другою, болѣе интеллигентною. Не будучи въ состояніи сами по себѣ завоевать желанный постъ, они хотятъ, чтобы общество и народъ помогли имъ въ этомъ дѣлѣ, а послѣ этого все останется по старому: общество и народъ будутъ повиноваться, а интеллигенція подъ знаменемъ науки— командовать. Какимъ образомъ можетъ быть достигнутъ этотъ упрощенный идеалъ самоуправленія—прогрессисты не говорятъ. Они просто надѣются на установленіе подобныхъ порядковъ, ибо повиноваться интеллигенціи «не токмо за страхъ, но и за совѣсть» сама наука повелѣваетъ Дѣйствительно народная интеллигенція разсуждаетъ иначе: «Мы слушаемъ нашихъ пастырей, говорятъ старообрядцы, но не потому и не соображаясь съ тѣмъ на сколько они титулованы и орденованы, а потому, на сколько ученіе ихъ согласовано съ ученіемъ и преданіемъ св. апостольской церкви.

Пастыри насъ учатъ, но мы—не на слово, а съ разсужденіемъ должны принимать ихъ ученіе» [1]).

Принято думать, что бюрократизмъ является только консервативнымъ дѣятелемъ въ обществѣ. Но достаточно вспомнить, что во Франціи революціонный конвентъ создалъ такую могучую бюрократическую машину, какой не бывало въ другихъ государствахъ, чтобы понять, что бюрократизмъ есть орудіе управленія, служащее всякому правительству, будь оно республиканское или монархическое. Съ другой стороны, многіе изъ самодержцевъ обходились безъ бюрократіи и управляли своими народами посредствомъ выборныхъ, земскихъ людей. Всѣмъ извѣстна попытка подобнаго управленія, сдѣланная Іоанномъ Грознымъ; народъ нашъ не забылъ этой попытки, и въ его памяти личность Грознаго не является въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, какъ можно было бы предполагать по его кровавой борьбѣ съ боярской и новгородской крамолой. Такимъ образомъ, бюрократизмъ нисколько не связанъ съ какимъ-нибудь однимъ образомъ правленія, и бюрократія является слугою всякаго рода правительствъ. За нее, какъ за удобное орудіе, привыкли хвататься всякія партіи, начиная съ ретроградной и кончая буржуазно-либеральной и интеллигентно-соціалистической. Г. Катковъ, напримѣръ, проповѣдуя усиленіе власти бюрократіи ради усиленія будто-бы консервативныхъ элементовъ, въ сущности ничѣмъ не отличался отъ тѣхъ изъ нашихъ интеллигентныхъ соціалистовъ, которые думали навязать русскому народу коммунальную жизнь бюрократическими декретами свер-

[1]) В. М. К. Историч. изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ. Стр. 296.

ху. Какъ, по мнѣнію г. Каткова, институтъ консервативныхъ урядниковъ является необходимымъ орудіемъ управленія, точно такъ-же и по мнѣнію нѣкоторыхъ соціалистовъ необходимо организовать нѣчто вродѣ соціалистическихъ урядниковъ, которые-бы силою внушали народу, какъ ему жить, чтобы быть счисливымъ. Буржуазно-либеральные элементы съ своей стороны не прочь воспользоваться силою бюрократіи для расчищенія мѣста капиталистическому производству въ Россіи, а потому и стараются о подчиненіи этой силы своему вліянію.

Къ сожалѣнію, нужно признать тотъ фактъ, что русская интеллигенція вообще склонна къ бюрократизму. Бюрократія и интеллигенція до 60-хъ годовъ были связаны другъ съ другомъ самымъ тѣснымъ образомъ; независимыхъ отъ бюрократіи интеллигентныхъ профессій почти не существовало. Да и вообще у насъ пріобрѣтеніе знаній имѣетъ въ большинствѣ случаевъ цѣлью только полученіе «диплома легкохлѣбія», какъ выразился одинъ расколоучитель, обличавшій интеллигенцію. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что наша интеллигенція въ большинствѣ своемъ придерживается мнѣній, которыя мы называли «интеллигентнымъ бюрократизмомъ». Разница только та, что г. Катковъ желалъ насадить на русской почвѣ посредствомъ урядника такія учрежденія, которыя измыслилъ онъ, г. Катковъ, а г. Лавровъ, изо всѣхъ силъ стараясь этому помѣшать, утверждаетъ, что урядникъ долженъ насаждать учрежденія, которыя считаетъ наплучшими онъ, г. Лавровъ.

Общая основа, связующая консервативныхъ, буржуазно-либеральныхъ и нѣкоторыхъ прогрессивныхъ публицистовъ въ одну группу «интеллегентныхъ, или

иначе, просвѣщенныхъ бюрократовъ», состоитъ въ томъ, что всѣ они относятся презрительно къ «мнѣнію» народа и берутъ подъ свое покровительство только его «интересы». Намъ уже приходилось говорить о той наивной уловкѣ, къ которой прибѣгаютъ «просвѣщенные бюрократы» для оправданія резонности подобнаго взгляда, именно—что будто бы «мнѣнія» народа свидѣтельствуютъ о его «отсталости, дикости теоретическихъ воззрѣній на окружающее и грубости нравовъ». Эти господа «мелютъ всякій культурный вздоръ» (какъ выражается К. Марксъ по другому поводу) и не хотятъ понять, что дѣйствовать въ «интересахъ» народа, не уважая его мнѣній,—невозможно. Мужикъ говоритъ: «хоть щей горшокъ, да самъ большой», выражая этимъ, что потребность въ самоопредѣленіи своей судьбы составляетъ его г л а в н ѣ й ш і й и н т е р е с ъ; а разные гг. бюрократы рѣшаютъ, что мужикъ—дикъ, невѣжественъ и что поэтому они вправѣ лишить его л у ч ш а г о б л а г а ж и з н и и заставить плясать по своей дудкѣ.

Они забываютъ, что «психическія блага—наиболѣе важныя и ихъ по преимуществу мы называемъ благами» [1]).

Интеллигентный бюрократизмъ не составляетъ особенности русской жизни; и на Западѣ мы его встрѣчаемъ дѣйствующимъ такъ же энергично, какъ и у насъ Такъ, графъ Ревентловъ, главный дѣятель крестьянской реформы Даніи, въ концѣ XVIII вѣка, «увѣренный въ полезности уничтоженія общинныхъ земель, п р о н и к н у т ы й и д е я м и т о г д а ш н и х ъ э к о н о м и с т о в ъ, впдѣвшихъ въ общинѣ остатокъ феодальнаго режима,

[1]) Аристотель. Этика. Перев. Э. Радлова. Стр. 15.

произвелъ въ коронныхъ имѣніяхъ раздѣлъ земель на участки и добился отъ крестьянъ, долго сопротивлявшихся раздѣлу, того, что всѣ постройки ихъ и дома были перенесены ими на земли каждаго хозяина отдѣльно» [1]). Ученый графъ насильственно насаждалъ принципы экономическаго индивидуализма и такимъ образомъ сѣялъ сѣмена пролетаріата, т. е. былъ однимъ изъ ученыхъ акушеровъ капитализма. Быть можетъ, наши народолюбивые бюрократы возразятъ, что дѣятельность графа была вредна только потому, что онъ насильственно насаждалъ капитализмъ, не понимая его вреда, и что все дѣло только въ томъ, чтобы насаждать гуманность и истину, а не ретроградныя начала жизни. Но вотъ мы видимъ, какъ другой графъ, а именно—графъ Аракчеевъ, задумалъ насильственно насаждать экономическій и нравственный порядокъ въ русской деревнѣ, попутно съ устройствомъ въ ней чего-то въ родѣ казачества. «Устройство военныхъ поселеній,—объявлялъ одинъ изъ окружныхъ начальниковъ въ своемъ приказѣ,—имѣетъ цѣлью благоденствіе ихъ жителей, а достиженіе этой цѣли зависитъ отъ успѣховъ земледѣлія и скотоводства поэтому ротные камандиры обязаны благоразумными внушеніями указывать способы, какъ достигнуть цѣли, для собственной поселянъ выгоды, богатства и изобилія». Далѣе, въ этомъ же приказѣ было сказано: «Грѣшно не поддержать сосѣда, бѣднѣющаго не по лѣности, но по несчастію. Нужно входить въ положеніе нуждающагося, предупреждать нищету, происходящую отъ стеченія несчастныхъ случаевъ Я знаю уже многихъ поселянъ, которые ссужали другихъ зер-

[1]) И. Лучицкій. Крестьяне и крестьянская реформа въ Даніи XVI—XVIII в.в. («Сѣв. Вѣст.» 1890 г. № 12, стр. 151).

номъ на посѣвъ и помогали сосѣдямъ работою. Да послужитъ это примѣромъ для всѣхъ».

Надо прибавить, что интеллигентные бюрократы военныхъ поселеній въ числѣ «благоразумныхъ внушеній» считали необходимымъ употреблять самое по ихъ мнѣнію благоразумное: палку,—такъ какъ «съ этими хамами иначе ничего не подѣлаешь». «Замѣчательно, говоритъ одинъ изъ историковъ военныхъ поселеній, какъ все это насиліе надъ русскою душою производилось съ самыми гуманными, даже сентиментальными намѣреніями» [1]). Эта странная смѣсь сентиментализма, по отношенію къ мужику, съ полнымъ игнорированіемъ его «мнѣній», доходящимъ до отрицанія за нимъ всякихъ правъ личности, составляетъ характерную черту нашего интеллигентнаго бюрократизма. Но народъ мало обратилъ вниманія на добрыя намѣренія и, «издавна привыкшій къ хозяйству по собственному усмотрѣнію, не разомъ подчинился новымъ требованіямъ и мѣстами появлялось сопротивленіе» [2]). Въ концѣ концовъ, какъ извѣстно, побѣда осталась за народомъ, несмотря на оффиціальную силу противника.

Попытки къ насильственной гуманизаціи русскаго крестьянина были дѣлаемы и со стороны представителей крайнихъ мнѣній нашей общественной мысли; такъ, напримѣръ, извѣстный Петрашевскій устроилъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ Новгородской губ. общій домъ съ соединеннымъ хозяйствованіемъ (фаланстеръ);

---

[1]) П. П. Карцевъ. О военныхъ поселеніяхъ при графѣ Аракчеевѣ. Стр. 161 и 140 («Рус. Вѣстн.» 1890 г., № 2).

[2]) Тамъ же. Стр. 160.

но крестьяне отбились отъ фаланстера тѣмъ, что сожгли его 1).

Кстати, не можемъ не привести и другихъ мелкихъ фактовъ, подтверждающихъ мысль, что благодѣтельствованіе крестьянъ, съ игнорированіемъ ихъ «мнѣнія». ни къ чему хорошему не приводитъ.

«Одинъ помѣщикъ перевелъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ изъ Орловской губ. въ Пензенскую, при чемъ каждому семейству былъ выстроенъ кирпичный домикъ въ два окна на улицу съ досчатымъ поломъ, съ трубою, съ сѣнями и высокою черепичною кровлею; но орловскіе выходцы этихъ домовъ «не похотѣли», называли ихъ «каторжными» и, по переходѣ ихъ села къ другому владѣльцу, тотчасъ построили себѣ «на задахъ» курныя избы и стали въ нихъ жить; а въ каменные домики загоняли скотъ или вовсе бросали ихъ безъ всякого употребленія» 2).

«Нѣкая помѣщица-филантропка выстроила своимъ крестьянамъ прелестную швейцарскую деревушку и перевела ихъ въ нее. Изящные рѣзные домики, однако, быстро опустѣли: эстонцы вновь переселились въ свои курныя избы» 3).

Врядъ-ли къ лучшимъ результатамъ приведутъ и усилія современной русской интеллигенціи, которая, въ образѣ земскаго начальника, должна, на основаніи 39 ст. «Положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ» заботиться не только «о хозяйственномъ благо

---

1) В. Р. Зотовъ. Петербургъ въ сороковыхъ годахъ. («Истор. Вѣстн.» 1890 г., № 6, стр. 541—543).

2) Л. Весинъ. Жилье нашего великорусскаго крестьянина. Стр. 4 и 5 («Сѣв. Вѣстн.» 1892 г., № 7).

3) Э. Ю. Петри. Антропологія Стр. 153.

устройствѣ», но даже и о «нравственномъ преуспѣяніи» крестьянъ.

Къ сожалѣнію, самообожаніе интеллигентнаго бюрократизма дѣлаетъ его слѣпымъ и глухимъ ко всѣмъ фактамъ, несовпадающимъ съ его желаніями и мыслями. Интеллигентные бюрократы, видите-ли, потому не могутъ не вмѣшиваться въ жизнь русской общины, что тамъ есть кулачество, варварская расправа мужей съ женами и родителей съ дѣтьми, а также сожиганіе вѣдьмъ, знахарство, пьянство и т. п. Но развѣ народъ не вправѣ отвѣтить интеллигенціи: «врачу, исцѣлися самъ; въ твоей средѣ тоже есть и кулачество, и знахарство, и пьянство еще большее, нежели у насъ; есть также и варварская расправа мужей съ женами и родителей съ дѣтьми». И какъ много уголовныхъ процессовъ могъ-бы напомнить этотъ оплевываемый народъ въ доказательство истины своихъ словъ! Опираясь на эти факты, крестьянинъ тоже могъ-бы потребовать, чтобы нашу интеллигенцію отдали ему подъ начало для исправленія ея нравовъ, еще болѣе въ сущности порочныхъ, хотя по формѣ и менѣе грубыхъ. Но что сказали бы гг. интеллигентные бюрократы, если-бы кто-нибудь съ цѣлью отъучить интеллигенцію отъ пьянства, отдалъ ее подъ власть какихъ-нибуть приставовъ трезвости, которые заглядывали-бы къ Кюбà, Дюссо и къ «Медвѣдю» съ цѣлью начальственнаго воздѣйствія на интеллигенцію? Сколько громоносныхъ рѣчей было-бы произнесено о поруганіи правъ личности, по поводу подобнаго распоряженія! А, между тѣмъ, когда дѣло идетъ о правахъ личности крестьянина, то тутъ оказывается, что эти-то самыя права и требуютъ начальственнаго воздѣйствія со стороны гг. просвѣщенныхъ бюрократовъ. Иначе-де мужикъ перебьетъ женъ и дѣтей, въ качествѣ вѣдьмъ

сожжетъ старухъ, а самъ умретъ отъ пьянства и лекарствъ знахарей. Какой-нибудь фактъ, вродѣ сожженія колдуньи или убійства колдуна, радостно подхватывается и съ нимъ носятся, по истинѣ, какъ дурни съ писанной торбой [1]). Никто не хочетъ изслѣдовать вблизи это явленіе, оно осуждается, какъ народный предразсудокъ, просто на основаніи невозможности существованія факта «колдовства». Только въ послѣднее время эта сторона народной жизни, хотя нѣсколько, разъяснилась русской интеллигенціи. Оказалось, что колдуны очень сильно смахиваютъ на отравителей. Народъ горькимъ опытомъ убѣдился въ реальной силѣ «колдунскихъ чаръ», а потому и боится ихъ. Пользуясь этимъ, они «охальничаютъ» надъ крестьянами и эксплo-

---

[1]) Большинство, такъ называемыхъ, образованныхъ людей увѣрено, что только у насъ случаются подобнаго рода факты. Они думаютъ, что нѣмецкій, французскій, англійскій крестьянинъ не способенъ къ подобнымъ суевѣріямъ. Факты опровергаютъ ихъ мнѣніе. «Въ нѣкоторыхъ германскихъ мѣстностяхъ при постройкѣ монументальныхъ віадуковъ желѣзныхъ дорогъ, два или три десятка лѣтъ тому назадъ, крестьяне нерѣдко бунтовали, утверждая, будто эти новыя сооруженія только потому и не разваливаются, что ихъ охраняютъ души погребенныхъ въ ихъ основаніи живыхъ людей, дѣтей или дѣвушекъ». («Дѣло» 1879 г., № 2. Статья Л. Мечникова. Стр. 169). Шарль Рише свидѣтельствуетъ, что во Франціи и понынѣ въ деревняхъ вѣрятъ «дурному глазу», который можетъ испортить молоко и др. продукты. («Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта», Ш. Рише. Стр. 387).

Еще въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія въ Англіи, въ графствѣ Кентъ, появился нѣкто Thoms (Томъ); крестьяне вѣрили въ его божественное происхожденіе и считали его за Іисуса Христа. Въ смерть его, первоначально, положительно отказывались вѣрить и думали, что онъ неуязвимъ. («Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ». Н. Каблукова. Стр. 131).

атируютъ ихъ. Колдуны, поневолѣ, не только угрожаютъ, но и приводятъ угрозы въ исполненіе,—иначе имъ перестанутъ повиноваться. Прикрывшись «колдовствомъ», какъ надежнымъ щитомъ, отъ каръ закона, они свободно отравляютъ кого хотятъ. Вздумай крестьяне жаловаться,—интеллигенція только обхохочетъ ихъ и станетъ доказывать что никакого «колдовства» не можетъ быть. Такимъ образомъ «колдунъ» остается безнаказаннымъ только потому, что носитъ имя не «эксплоататора народнаго невѣжества» и не «отравителя», а «колдуна».

Что же касается реальнаго значенія колдовства, то оно должно быть признано даже и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ «колдунъ» не употребляетъ никакихъ снадобій, а дѣйствуетъ на воображеніе своихъ кліентовъ. «Обыкновеннымъ результатомъ твердой увѣренности жертвъ колдовства въ томъ, что какой-нибудь старикъ или старуха, имѣющіе репутацію обладанія пагубной силой, наложили на нихъ (жителей Вестъ-Индіи) «оби», бывало медленное истощеніе, оканчивающееся смертью». «Можно утверждать, продолжаетъ Карпентеръ, съ полнымъ основаніемъ, что даже между образованными классами нашей страны твердая увѣренность въ томъ, что организмъ находится во власти смертельной болѣзни, или что такая-то операція или система леченія должны оказаться недѣйствительными, во многихъ случаяхъ бывали причиной пагубныхъ послѣдствій». Наоборотъ, «довѣрчивое ожиданіе исцѣленія есть самое могущественное средство сдѣлать это исцѣленіе дѣйствительнымъ, могущественнѣе всевозможныхъ медицинскихъ способовъ леченія». Про заговариваніе бородавокъ Карпентеръ говоритъ:

«исчезновеніе этихъ наростовъ въ тѣсной связи съ психическимъ леченіемъ такъ часто бывало наблюдаемо людьми, заслуживающими полнаго довѣрія, что если мы не признаемъ дѣйствительности этого средства, то не можемъ вѣрить въ дѣйствительность какихъ бы то ни было средствъ» [1]). Такимъ образомъ, оказывается, что твердая увѣренность народа въ силу колдуна дѣйствительно даетъ ему могущественное средство вредить или быть полезнымъ народу. Эксплоатируя народное невѣжество, онъ живетъ на счетъ трудовой массы, припѣваючи, и если попадаетъ въ бѣду, то только благодаря тому, что самъ же увѣрилъ окружающихъ въ свой колдунской силѣ. «Зачастую, говоритъ С. Понаморевъ, колдунъ пользуется къ своей выгодѣ своимъ званіемъ и не старается опровергать слуховъ о себѣ; иной лечитъ, ворожитъ и вдобавокъ для большей популярности мистифицируетъ. Колдунъ въ обществѣ громадная сила. У него заискиваютъ, ведутъ съ нимъ необходимое знакомство, величаютъ по имени-отчеству и, при встрѣчѣ, ломаютъ шапку для низкаго поклона. Въ иныхъ деревняхъ къ нему непремѣнно идутъ на поклонъ и несутъ подарокъ.. Въ самыхъ видныхъ дѣлахъ крестьяне бояться стать въ оппозицію къ опасному человѣку... Въ Карачевскомъ уѣздѣ Орловской губ. на колдуновъ никто не рѣшается жаловаться, а тѣмъ болѣе заводить съ ними судебныя тяжбы изъ опасенія, что послѣ судьбища будетъ и того хуже [2]).

---

[1]) В. Карпентэръ. Основанія физіологіи ума. Ч. II-ая, стр. 238—241.

[2]) С. Пономаревъ. Очерки народнаго права. Стр. 77. («Сѣв. Вѣстн.» 1890 г., № 5).

Какъ же было нашей интеллигенціи не взять подъ свое покровительство подобнаго рода людей, составляющихъ, такъ сказать, ея первообразъ?

Русскій человѣкъ, хотя немного лизнувшій изъ той чаши, которую ему преподносятъ оффиціальные и неоффиціальные педагоги подъ именемъ «науки», любитъ поострить и поглумиться надъ народными понятіями вообще, а въ частности и надъ его понятіями о причинахъ болѣзней и способахъ ихъ леченія. Такой представитель русской интеллигенціи, глубоко постигшій ту истину, что «корни ученія горьки, за то плоды его (въ видѣ аттестата зрѣлости и всякаго рода дипломовъ)—сладки», только съ улыбкой презрѣнія и жалости можетъ говорить о народныхъ лекаряхъ и лекаркахъ. Обыкновенно, въ концѣ своихъ филиппикъ онъ требуетъ строгаго преслѣдованія всѣхъ народныхъ врачей и запрещенія имъ лечить кого-бы то ни было. Дѣлается все это, по его словамъ, во имя огражденія невѣжественнаго люда отъ всякаго рода шарлатановъ и мошенниковъ, стремящихся эксплоатировать невѣжество. Отъ народа онъ требуетъ, чтобы тотъ лечился только у дипломныхъ врачей, и способенъ глубоко возмутиться мнѣніемъ народа объ этихъ ученыхъ мужахъ, резюмированномъ въ слѣдующихъ словахъ одной деревенской бабы: «ихнее дѣло людей только морить».

Быть можетъ, что деревенская баба и не права; но ея мнѣніе не такъ ужъ нелѣпо, чтобы общество было вправѣ заставить ее насильно лечиться у дипломныхъ врачей. Подобныя мнѣнія высказывали и знаменитые философы. Руссо, напримѣръ, говоритъ про медицину, какъ «искусство болѣе вредоносное для людей, чѣмъ всѣ

болѣзни, которыя оно имѣетъ претензію излечивать» [1]). И это мнѣніе не покажется парадоксальнымъ, если принять во вниманіе, что наука о дѣйствіи лекарствъ на организмъ отдѣлена цѣлымъ океаномъ отъ физіологіи и патологіи и что связью между ними служитъ только опытъ, при чемъ это суденышко до сихъ поръ не имѣетъ компаса. Нельзя не принять во вниманіе и того, что современные врачи приходятъ къ слѣдующему убѣжденію: «во всѣхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ врачи являются разносчиками заразы» [2]).

Извѣстно то недовѣріе, съ которымъ относится къ интеллигентнымъ врачамъ нашъ простой народъ. Г. Минорскій объясняетъ это недовѣріе тѣмъ, что народъ «пріучился считать себѣ братомъ, помощникомъ и сосѣдомъ только того, кто ходитъ какъ и онъ въ овчинномъ полушубкѣ, носитъ крашенинные порты и нестрядинную рубаху; но кто одѣваетъ брюки, сюртукъ и чистое бѣлье, тотъ, кажется ему, желаетъ не добра, а зла» [3]). Нельзя не пожалѣть о такомъ явленіи въ нашей общественной жизни. Намъ остается только утѣшить себя, что недовѣріе крестьянъ къ интеллигенціи завѣщано намъ нашей исторіей и мало-по-малу разсѣется подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ.

Врачи упрекаютъ крестьянъ въ недовѣріи въ себѣ, а въ особенности къ госпиталямъ. Но подобное же недовѣріе мы встрѣчаемъ и у самихъ врачей. А. П. Чеховъ, извѣстный врачъ-беллетристъ, слѣдующимъ обра-

---

[1]) Ж. Ж. Руссо. Собр. соч. т. I. Эмиль, или воспитаніе. Стр. 20.

[2]) М. О. Перфильевъ. О положеніи медицинскаго дѣла въ Россіи. Стр. 74, 75 и 151.

[3]) «Древняя и Новая Россія» 1879 г. № 7.

зомъ описываетъ наши больницы: «и заборъ, и самый флигель имѣютъ тотъ особый унылый, о к а я н н ы й видъ, какой у насъ бываетъ только у больничныхъ и тюремныхъ построекъ» [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что сами врачи много способствуютъ недовѣрію народа къ ихъ особамъ. Много-ли въ самомъ дѣлѣ наберется на Руси такихъ добросовѣстныхъ врачей, которые со вниманіемъ отнесутся къ болѣзни бѣдняка, твердо помня тѣ гигіеническія и экономическія условія, въ которыя онъ поставленъ? Не тонутъ ли усилія этихъ врачей въ морѣ равнодушія и недобросовѣстности большинства ихъ товарищей? Нельзя упрекать народъ за то, что онъ судитъ на основаніи многочисленныхъ фактовъ равнодушія и недобросовѣстности, на которые ему приходится наталкиваться въ своихъ отношеніяхъ къ ученой медицинѣ. «Намъ вполнѣ понятенъ,—говоритъ одинъ изъ добросовѣстныхъ врачей, — страхъ простыхъ людей къ госпиталямъ. Мнѣ случалось замѣчать, что страхъ этотъ доходитъ иногда до ненависти, при чемъ крестьяне совершенно справедливо обвиняютъ больницы въ томъ, что люди въ нихъ нерѣдко умираютъ послѣ самыхъ несложныхъ хирургическихъ операцій. Объ этомъ едва-ли станетъ спорить какой-нибудь врачъ, которому приходилось дѣлать операціи не только въ больницахъ, но и въ хатахъ крестьянъ» [2]).

Оказывается, что сами спеціалисты медицинской науки вполнѣ признаютъ справедливость недовѣрія простого народа къ нынѣшней медицинѣ, въ лицѣ современныхъ

---

[1]) А. П. Чеховъ, Палата № 6. Стр. 1 («Русск. Мысль» 1892 г. № 11)

[2]) «Дѣло» 1879 г., № 5. Статья С Подолинскаго.

ея жрецовъ. Въ то-же время тѣ-же добросовѣстные врачи, ближе ознакомясь съ дѣятельностью народныхъ лекарей и лекарокъ, утверждаютъ, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ, цитированный ужъ нами, г. Подолинскій: «О томъ, какъ именно лечатъ бабки, могу сказать лишь весьма немного, потому что онѣ обыкновенно держатъ свои способы леченія въ строгой тайнѣ. Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы онѣ лечили только травами и ваннами. Напротивъ, онѣ пользуются самыми сильными средствами врачебной фармакопеи. Ртуть, ляписъ, синій камень, маточные рожки—одни изъ главныхъ лекарствъ въ ихъ рукахъ и часто бываетъ не мало зла отъ неумѣнія крестьянъ соразмѣрить дозы этихъ сильныхъ средствъ. Нерѣдко, впрочемъ, врачеваніе бабокъ оказываетъ и большую пользу. Мнѣ случалось видѣть людей, вылеченныхъ бабками отъ застарѣлаго сифилиса». Искусство «костоправокъ» признаютъ и врачи. Такъ, г. Чистяковъ говоритъ, что «костоправки, въ самомъ дѣлѣ, повидимому дѣйствуютъ съ успѣхомъ» [1]). «Съ понятіемъ о знахарствѣ, говоритъ г. Слюнинъ, всегда соединялось что-то нелѣпое, уродливое, фантастическое; дѣйствительно, трудно понять, почему народъ глазную боль лечитъ присыпкой изъ девяти зеренъ перцу и девяти шариковъ овечьяго помету; но мнѣ кажется, что изъ-за этой смѣшной стороны всегда у п у с к а л и с у щ е с т в е н н о е, доказательствомъ чему служитъ значительное число фармакологическихъ препаратовъ, будто-бы открытыхъ учеными, тогда какъ въ дѣйствительности эти препараты почти въ такой-же

[1]) М. А. Чистяковъ. О сифилисѣ въ крестьянскомъ населеніи. Стр. 21.

формѣ первоначально составляли достояніе народа, стоили жизни не одной сотнѣ людей». «Такое отношеніе врачей къ народной мудрости, выработанной вѣковымъ опытомъ и наблюденіями, продолжаетъ онъ, болѣе чѣмъ несправедливо». Желая лично пополнить недостатокъ знанія народной медицины, г. Слюнинъ въ каникулярное время занялся собираніемъ свѣдѣній о ней; при этомъ оказалось, что въ разныхъ мѣстахъ существуютъ народныя аптеки и цѣлая писанная литература, происхожденіе которой иногда восходитъ до цвѣтущей эпохи арабскаго просвѣщенія. Предварительныя изслѣдованія его показали, что фармакологія и внутренняя терапія могутъ почерпнуть нѣчто новое для себя въ тѣхъ средствахъ, которыя употребляются народомъ [1]). Докторъ Костюринъ утверждаетъ, что «русская паровая баня, уже не говоря о содержаніи тѣла въ чистотѣ, составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ вѣковымъ убѣжденіемъ нашего народа, и могучее терапевтическое средство» [2]).

Вообще, можно было бы многое сказать въ пользу народной медицины. Еще недавно наши врачи заимствовали изъ нея два лекарства: ландышъ—отъ сердцебіенія, и тараканъ—отъ водянки. Кромѣ того, развѣ хина и кокаинъ не заимствованы изъ народной медицины американскихъ индѣйцевъ? Медицина наша тѣмъ и хороша, что она, такъ сказать, впитала въ себя болѣе или менѣе ей извѣстныя средства народной медицины.

---

[1]) Слюнинъ. Матеріалы для изученія народной медицины въ Россіи.

[2]) С. Д. Костюринъ. Русскія бани и дѣйствіе ихъ на организмъ человѣка.

Всякій врачъ знаетъ, насколько сильно вліяетъ на ходъ болѣзни довѣріе или недовѣріе больного къ врачу; этимъ вліяніемъ, нужно предположить. сильно пользуются народные врачи, и вырывать насильно у народа это могущественное психическое средство къ выздоровленію, не замѣняя его другимъ вліяніемъ, было-бы и жестоко, и глупо. Запрещеніе лечить народнымъ врачамъ имѣло бы хоть тѣнь основанія въ томъ случаѣ, еслибы интеллигенція могла предложить ему взамѣнъ своихъ ученыхъ врачей. Но возможно ли это? Число этихъ послѣднихъ такъ не велико, что не хватаетъ даже для удовлетворенія потребностей лицъ. пользующихся извѣстнымъ достаткомъ и могущихъ довольно щедро оплачивать ихъ услуги. Что же станетъ дѣлать крестьянинъ, который не въ состояніи ни добраться къ доктору, живущему подчасъ очень далеко. ни оплатить его услугъ? Ему остается только болѣть при самыхъ скверныхъ условіяхъ, безъ надежды на какую бы то ни было врачебную помощь. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ надѣяться, что наши ученые мужи бросятъ свои теплыя мѣста среди культурнаго слоя и отправятся въ деревни лечить мужиковъ за ковригу хлѣба, да за пятокъ яицъ. Такого казуса, конечно, не случится, а слѣдовательно наши деревни еще долго будутъ ждать визитовъ нашихъ врачей. Вполнѣ неразумно и несправедливо дозволять лечить только людямъ, получившимъ дипломъ, не имѣя въ то же время этихъ дипломныхъ врачей въ достаточномъ количествѣ для удовлетворенія потребностей всего народа.

Дипломные врачи стараются выставлять народныхъ знахарей и знахарокъ злокозненными шарлатанами; но шаманъ-бурятъ, напримѣръ, при посвященіи своемъ клянется, что, «если позовутъ его вмѣстѣ богатый и

бѣдный, то онъ пойдетъ сперва къ бѣдному, а потомъ къ богатому», и будетъ брать съ нихъ, что дадутъ [1]).

Необходимо признать, что люди вездѣ люди и что шарлатановъ между дипломными врачами не меньше, чѣмъ между знахарями и знахарками.

Указываютъ на ошибки въ знахарскомъ леченіи. Но вѣдь при обсужденіи вопроса надо имѣть въ виду общую картину народной медицины; иначе, вѣдь легко забраковать и нашу интеллигентную. Безобразій вѣдь у нея, по отношенію къ народу, пожалуй не меньше, если не больше, чѣмъ у знахарей. Народъ недаромъ боится больницъ! Въ тишинѣ госпитальной жизни производятся опыты, быть можетъ и полезные для будущихъ больныхъ, но весьма вредные для существующихъ. Или быть можетъ и здѣсь народъ обязанъ вынимать для интеллигенціи каштаны изъ огня? Авторъ этой книги, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, слышалъ о госпитальныхъ научныхъ опытахъ гг. врачей, способныхъ возмутить всякаго, кто способенъ возмущаться за обиды другихъ. Правда, интеллигенція, зная, что надъ нею этихъ опытовъ не производятъ, относится къ нимъ даже благосклонно, такъ какъ они-де нужны для счастья будущихъ поколѣній, но думаемъ, что мнѣніе ея сильно-бы измѣнилось, если-бы опыты производились и надъ ней. Впрочемъ, необходимо помнить, что госпитальныя насилія совершаются не только во имя науки, а и по другимъ поводамъ. Такъ, въ газетахъ сообщали изъ Керчи, что тамъ «засѣдаетъ присутствіе военнаго суда по обвиненію начальника керченскаго военнаго госпиталя, полковника Оленскаго,

[1]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 517 и 518.

старшаго врача того же госпиталя, доктора медицины Честнѣйшаго-Барышевскаго, и офицеровъ 57-го резервнаго батальона Узунова и Нѣмчинова, въ бездѣйствіи власти, слѣдствіемъ котораго было крайне плохое содержаніе больныхъ госпиталя и грубое обращеніе съ ними младшаго доктора госпиталя Соколова и прислуги госпиталя. Изъ свидѣтельскихъ показаній обращаетъ на себя вниманіе заявленіе одного изъ бывшихъ больныхъ нижнихъ чиновъ о томъ, что послѣ претензіи на дурное содержаніе, заявленной свидѣтелемъ, докторъ Соколовъ, на осмотрѣ, приказавъ свидѣтелю высунуть языкъ, обвернулъ его полотенцемъ и дернулъ такъ, что надорвалъ до крови, говоря, что такъ слѣдуетъ поступать со всякимъ, приносящимъ претензію. Фактъ подтверждается нѣсколькими другими свидѣтелями» [1]).

И такъ дѣятельность дипломныхъ врачей среди простого народа подчасъ даже подвергается уголовной карѣ,—разъ она появилась на свѣтъ Божій изъ укромныхъ уголковъ госпитальной жизни. Поэтому всѣ указанія на уголовные же проступки знахарей являются только борьбою за существованіе и ничѣмъ больше. Обществу же и народу извѣстно, что среди знахарей и «бабокъ» существуютъ своего рода знаменитости, излечивающіе разнаго рода болѣзни не менѣе удачно, какъ и дипломированные врачи. Корреспондентъ «Недѣли» сообщаетъ объ одной изъ такихъ бабокъ слѣдующее:

«Больные съѣзжаются къ «бабкѣ» въ большомъ количествѣ, ища у нея спасенія послѣ долголѣтнихъ странствованій по докторамъ и клиникамъ, какъ русскимъ, такъ и заграничнымъ. Ежедневно пріѣзжаютъ

[1]) «Новое Время» 1888 г., № 4598.

къ «бабкѣ» по желѣзной дорогѣ изъ самыхъ отдаленныхъ губерній, съ разныхъ концовъ Россіи: изъ губерній Минской, Виленской, Волынской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической, съ Кавказа и т. д. И надо сознаться, что не даромъ люди забиваются сюда, собравъ иногда послѣдніе гроши: большинство лечившихся здѣсь остаются благодарными бабкѣ. Особенно удачно она лечитъ болѣзни венерическія, золотушныя, катарры желудка, ревматическія и грыжи. У нея есть своя опредѣленная система леченія (горячія ванны и декоктъ), несомнѣнно полезная во многихъ болѣзняхъ, какъ въ томъ убѣдился лично пишущій эти строки и многіе другіе паціенты «бабки», которые буквально обязаны ей жизнью. Доктора и профессора посылаютъ сюда своихъ родственниковъ. Прошлый годъ здѣсь лечилось семь докторовъ. Я здѣсь видѣлъ больныхъ сифилисомъ; многіе изъ нихъ мучились этой ужасной болѣзнью втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ; нѣкоторые, будучи очень богатыми людьми, истратили много тысячъ на леченіе этой болѣзни въ Россіи, на Кавказѣ и у заграничныхъ профессоровъ, но не могли вылечиться и приходили уже въ полнѣйшее отчаяніе, даже подумывали о самоубійствѣ. Въ качествѣ послѣдняго средства они рѣшились пріѣхать сюда—и пріѣхали недаромъ: съ каждымъ днемъ здоровье ихъ все улучшается, они стали веселѣе и бодрѣе, почувствовали, какъ они говорятъ, «свѣжесть какую-то»; иные, окончивъ леченіе, съ новой надеждой на жизнь уже укатили домой. При очень застарѣлыхъ болѣзняхъ приходится иногда повторять леченіе» [1]).

Какъ бы ни объяснять эти факты, но нельзя не

[1]) «Недѣля» 1887 г. № 30.

возмущаться, что даже этой знаменитости «приходится переносить массу непріятностей со стороны представителей аттестованной медицины». Ея дѣятельность прерываютъ «частые наѣзды, допросы, осмотры, тосканія по судамъ за безпатентное оказаніе помощи людямъ» [1]). Мы, оказывается, обязаны лечиться не у тѣхъ, которые, по нашему мнѣнію, способны насъ излечить, а только у тѣхъ, кто получилъ такую привиллегію у государства,—насъ взяли на откупъ и лишаютъ насъ одного изъ основныхъ правъ свободной личности. Намъ говорятъ, что дѣлаютъ это для нашихъ же интересовъ и что игнорируютъ наши мнѣнія за ихъ невѣжество и отсталость. Но насиліемъ трудно заслужить довѣріе, а во врачебномъ дѣлѣ довѣріе чуть-ли не половина дѣла. Холерные безпорядки 1892 г. могутъ служить лучшимъ доказательствомъ ненормальной постановки врачебнаго дѣла въ Россіи. Принципы интеллигентнаго бюрократизма, примѣняемые врачами, вызываютъ къ нимъ недовѣріе и вражду со стороны народа, тѣмъ болѣе, что указанія г. Минорскаго, приведенныя нами выше, не потеряли своего значенія и до сихъ поръ [2]). Къ сожалѣнію, вра-

[1]) Тамъ же.

[2]) «Взаключеніе, пишутъ изъ Саратовской губ., не могу не высказать глубокой грусти о томъ, что холерные безпорядки разсѣяли въ прахъ тѣ взаимныя дружескія отношенія, которыя начали-было создаваться въ минувшій голодный годъ между деревенской интеллигенціей и народомъ. Мнѣ лично, несмотря на мою косвенную принадлежность къ медицинѣ, никто нетолько не дѣлалъ угрозъ, но многіе выказали столько сочувствія и въ такой формѣ, что я была искренно тронута. Старухи, хлопая меня по спинѣ, обѣщали «чуть-что» за меня «вклещиться»; случайно я слышала разговоръ одного деревенскаго мальчика съ моимъ сыномъ: «Ты не скучай и не бойся, а сними сапоги и все ходи бо-

чи въ наше время являются самыми горячими защитниками насилій, во имя науки. Ихъ проповѣдь особенно дѣйствуетъ на интеллигенцію, такъ какъ разсчитана на инстинктъ самосохраненія личности: безъ мѣръ насилія надъ народомъ будетъ-де въ опасности даже жизнь интеллигенціи [1]).

сакомъ, все ходи, чтобы ноги заскорузли, и я тебѣ принесу свою рубашку и портки; какъ начнется бунтъ, ты скорѣй и переодѣнься, а мамочку твою бабы схоронятъ: я ужъ знаю!» И все-таки послѣ того, какъ все у насъ успокоилось, войска ушли, холерные случаи перестали возбуждать паническій ужасъ, жизнь вошла въ обычную колею, и я снова встрѣтилась съ своими деревенскими пріятелями и знакомыми,—я вдругъ съ необыкновенной силой почувствовала, что между нами что-то порвалось, что изъ нашихъ простыхъ и дружелюбныхъ отношеній выпало самое главное звено и что мы не можемъ попрежнему смотрѣть другъ-другу прямо въ глаза; что я—находящаяся въ подозрѣніи барыня и сама-по-себѣ, а они—замкнувшійся въ себѣ простой народъ, бунтовавшій и разносившій больницы,—тоже самъ-по-себѣ». («Недѣля» 1892 г., № 46).

[1]) Весьма поучительна исторія холерныхъ безпорядковъ въ Неаполѣ въ 1884 году. Сначала, тамъ были употреблены мѣры насилія и въ результатѣ оказалось, что «медики не знаютъ, какъ приступиться къ больнымъ, прячущимся отъ нихъ какъ отъ враговъ и отравителей». Представители власти «осыпаются проклятіями и оскорбленіями. Народъ и въ нихъ видѣлъ отравителей, сторонился отъ нихъ, а если удавалось, то и изгонялъ ихъ насильно не только изъ жилищъ, но даже изъ нѣкоторыхъ улицъ». Къ счастію, образовавшіяся частныя благотворительныя общества «лечили и излечивали больныхъ на домахъ, избѣгая переносить ихъ въ больницы, къ которымъ темная масса относилась съ безумной боязнью». Дѣйствовали они «не насильно» и если помѣщали больныхъ въ госпиталя, то только «убѣдивъ семью въ полезности этой мѣры». Этими мѣрами «они успокоили населеніе и расположили его относиться съ довѣріемъ къ представителямъ науки и администраціи, въ которыхъ ранѣе народъ

Въ числѣ этихъ насильственныхъ мѣръ было и обязательное оспопрививаніе, противъ котораго особенно возставали старовѣры. Совершивъ многолѣтнее насиліе надъ народомъ и обществомъ, во имя науки, въ настоящее время сами врачи начинаютъ все болѣе и бо-

---

видѣлъ «отравителей», устроившихъ больницы на погибель народу». (Л. Рускинъ. Холера въ Неаполѣ 1884 г. и роль интеллигенціи въ борьбѣ съ нею. Стр. 5 и 29. «Сѣв. Вѣс.» 1892 г. № 9).

Въ одномъ изъ нумеровъ газеты «XIX Siècle» за 1884 г., въ отдѣлѣ хроники, появилось сообщеніе изъ Марселя, утверждающее, что между тамошнимъ рабочимъ населеніемъ сильно распространилось убѣжденіе, будто-бы доктора отравляютъ заболѣвшихъ холерою рабочихъ, вслѣдствіе чего многіе отказываются получать медицинскую помощь въ госпиталяхъ. Хроникеръ вышеназванной газеты приводитъ выписку изъ письма, полученнаго имъ по этому поводу: Въ фаросскомъ госпиталѣ, въ которомъ въ самый разгаръ эпидеміи врачи оказали столько мужества, выздоравливаетъ больной. Врачъ, выписывая его, задаетъ вопросъ:—ну что, любезный, радъ, что такъ дешево отдѣлался?—«Какъ-же, г. докторъ, не радъ, когда я и не думалъ выйти отсюда живымъ!»—Почему-же это ты не думалъ?—«Да у насъ болтали, что слишкомъ много стало рабочихъ, такъ докторамъ приказано отравлять ихъ».—И ты повѣрилъ подобному вздору?—«Отчего-же мнѣ не повѣрить! Доктора, вѣдь, тоже люди подчиненные,—прикажутъ, такъ и будутъ отравлять!» Стоявшій въ двухъ шагахъ префектъ слышалъ это и обратился къ другому выздоравливающему больному: — А ты, — ты тоже вѣрилъ, что васъ отравляютъ?—Ну, нѣтъ, положимъ, я не очень вѣрилъ, но, все-таки и я говорилъ, что Богъ знаетъ... можетъ быть...» «Съ глубокимъ прискорбіемъ, — говоритъ «XIX Siècle», — намъ приходится дать мѣсто подобному разговору, доказывающему, какъ велика еще человѣческая глупость! Люди взрослые вѣрятъ, что правительство можетъ приказать отравлять рабочихъ, и не только вѣрятъ, но даже не видятъ въ этомъ ничего удивительнаго! И это въ третьемъ по населенію городѣ Франціи, переполненномъ школами и считающемся однимъ изъ передовыхъ городовъ въ Европѣ».

лѣе высказываться противъ обязательнаго оспопрививанія [1]). Будемъ надѣяться, что хотя въ будущемъ врачи не будутъ самыми ярыми представителями про свѣщеннаго бюрократизма.

Мы должны особенно подчеркнуть то, что въ разногласіи между интеллигентнымъ бюрократизмомъ и народничествомъ по вопросу о вліяніи интеллигенціи на народъ рѣчь идетъ не о духовномъ вліяніи и воздѣйствіи, а о насильственномъ устройствѣ общественнаго управленія съ игнорированіемъ «мнѣнія» народа. Народничество отнюдь не стоитъ за воздержаніе отъ духовнаго вліянія интеллигенціи; оно только требуетъ, чтобы права личности крестьянина были вполнѣ обезпечены отъ насильственныхъ вліяній интеллигенціи. Что же касается умственнаго и нравственнаго вліянія этой послѣдней, то никто изъ народниковъ и не споритъ, что лучшая часть интеллигенціи могла бы многому научить крестьянина. Но пусть она подходитъ къ нему не съ палкой, а съ уваженіемъ къ его человѣческимъ правамъ, памятуя, что эти права народу дороже, нежели что нибудь другое. Просвѣщенный бюрократизмъ является только мнимымъ защитникомъ народныхъ «интересовъ», такъ какъ несомнѣнно, что въ числѣ этихъ послѣднихъ на первомъ планѣ стоятъ права личности крестьянина, и игнорировать эти права, хотя бы даже ради болѣе скораго улучшенія нравовъ, никто не вправѣ. Иначе интеллигентные бюрократы должны были бы признать, что кто-нибудь, считая себя выше ихъ, напримѣръ, въ нравственномъ отношеніи,

[1]) М. О. Перфильевъ. О положеніи медицинскаго дѣла въ Россіи. Стр. 90 и 91.

вправѣ насильно подчинять и ихъ своей власти, съ цѣлью улучшенія ихъ нравовъ.

Многіе изъ защитниковъ просвѣщеннаго бюрократизма указываютъ на то, что общественный прогрессъ будетъ совершаться гораздо быстрѣе, если заправлять общественнымъ дѣломъ будетъ интеллигенція, а не самъ народъ. Но тутъ прежде всего является вопросъ: прогрессъ-ли существуетъ для человѣка или человѣкъ для прогресса? Если мы рѣшимъ, что прогрессъ существуетъ для человѣка, какъ это дѣлаютъ народники, то намъ будетъ понятно, что мы прежде всего должны заботиться о самомъ человѣкѣ и не добывать мнимаго прогресса путемъ попиранія правъ большинства личностей, а, слѣдовательно, и ихъ счастья. Счастье личности — вотъ истинная цѣль всякаго общественнаго дѣятеля. Что ведетъ къ этому счастью, то только и можно назвать прогрессомъ. Намъ могутъ возразить, что попираніе правъ существующаго поколѣнія, ради болѣе быстраго хода общественнаго прогресса, вполнѣ раціонально, ибо этимъ достигается болѣе интенсивное счастье будущаго поколѣнія. Но при такой постановкѣ вопроса, игнорированіе счастья живущихъ поколѣній никогда не прекратится, такъ какъ слѣдующее за нами поколѣніе тоже должно быть принесено въ жертву за нимъ слѣдующему и т. д. Слѣдовательно, разсуждая подобнымъ образомъ, мы обратимъ въ ничто самую цѣль общественнаго прогресса,—счастье личности [1]). Очевидно,

[1]) Одинъ изъ нашихъ педагоговъ, ссылаясь на идеи Руссо, высказанныя въ «Эмилѣ», упрекаетъ нашу педагогику въ подобномъ же основномъ заблужденіи. «Младшіе возрасты не представляются цѣнными сами по себѣ, но цѣнятся только по своему под-

что мы прежде всего должны заботиться о счастьи существующаго поколѣнія, а никакъ не жертвовать имъ въ пользу какой-то фикціи «будущихъ поколѣній», такъ какъ, если каждое живущее поколѣніе принесетъ себя въ жертву, то, въ общемъ, этимъ самымъ они превратятъ нашу земную жизнь въ безконечный рядъ жертвъ, и цѣлью общественнаго прогресса окажется не счастье людей, а счастье только фиктивнаго послѣдняго поколѣнія, которое одно пожнетъ плоды всего процесса развитія. Мы не имѣемъ никакого основанія предпочитать будущія поколѣнія настоящему и должны прежде всего стремиться къ удовлетворенію потребностей современныхъ поколѣній, достигая этимъ путемъ улучшенія жизни и нашихъ потомковъ. Вѣдь только по вздорному ученію пессимистовъ нравственность требуетъ отъ насъ пожертвованія своей личностью на ускореніе мірового прогресса, который есть непрерывное приближеніе къ спасенію міра. Единственная задача нравственности, по ихъ мнѣнію, состоитъ въ помощи этому прогрессу, въ принесеніи въ жертву всего слабаго и мало развитаго и въ поддержкѣ сильнаго и высоко развитаго [1]). Разумѣется, говоря о томъ, что никто не вправѣ жер-

---

готовительному характеру къ слѣдующимъ; они—ступеньки, чтобы взобраться на верхъ и, чѣмъ скорѣе пробѣгаются, тѣмъ лучше. Человѣкъ спѣшитъ отъ настоящаго къ будущему, не пользуется достаточно настоящимъ и гонитъ все впередъ. Достигъ человѣкъ старости, и тутъ подготовка еще не кончилась; говорятъ: готовся къ переходу въ новую безконечную жизнь, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. И такъ всю жизнь человѣкъ только «готовится жить» и никогда надлежащимъ образомъ не живетъ». (П. Ѳ. Каптеревъ. Соврем. воспит. въ отношеніи къ возрастамъ. Стр. 63—66. «Наблюдатель» 1889 г., № 8).

[1]) Эд. Гартманъ. Сущность мірового процесса и философія безсознательнаго. Вып. II, стр. 375.

твовать интересами современнаго поколѣнія въ пользу нашихъ будущихъ наслѣдниковъ, мы хотимъ только сказать, что никто не вправѣ распоряжаться чужою судьбою; своими-же личными интересами имѣетъ право жертвовать всякій общественный дѣятель, если это доставляетъ ему удовольствіе. Подобныхъ людей мы всѣ называемъ высоконравственными и они въ дѣйствительности являются таковыми до тѣхъ поръ, пока жертвуютъ только собою. Но разъ они захотѣли-бы силою заставить свое поколѣніе послѣдовать ихъ примѣру, то этимъ самымъ вступили-бы на безсмысленный путь, такъ какъ стали-бы предпочитать счастье будущаго поколѣнія счастью современнаго. Такъ поступили, напримѣръ, якобинцы (во время великой французской революціи, въ концѣ прошлаго столѣтія), считая себя защитниками народныхъ интересовъ, понимаемыхъ ими, разумѣется, на свой ладъ [1]). А между тѣмъ по существу дѣла якобинизмъ мало чѣмъ отличается отъ тираніи. Во имя свободы, горсть энергичныхъ, страстныхъ, способныхъ на самопожертвованіе людей стала господствовать надъ массою народонаселенія; казнями и тюрьмами грозили всѣмъ тѣмъ, кто иначе понималъ принципы свободы, нежели эти фанатики бюрократическаго насажденія принциповъ вольности. Огромное большинство гильотинированныхъ, говоритъ Мишле, какъ то доказываютъ составленные списки, принадлежало къ народнымъ классамъ [2]). Гильотина стала

---

[1]) «Революціонеры 1789 года, говоритъ А. Пренсъ, ставши хозяевами положенія, эксплуатировали его въ пользу одной буржуазіи, не заботясь о прочихъ классахъ общества». (Л. З. Слонимскій. Основ. вопр. политики. Стр. 133).

[2]) Мишле. Исторія XIX вѣка. Директорія. Т. I. Происхожденіе Бонапарта.

пропагандировать свободу и безпощадно уничтожать всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ въ рядахъ ея противниковъ. Ряды же эти состояли не только изъ членовъ прежней монархической партіи, а изъ тѣхъ истинныхъ защитниковъ свободы народовъ, которые не видятъ большой разницы между насиліемъ, идущимъ будто-бы подъ знаменемъ свободы, и тѣмъ насиліемъ, которое прикрывается другими принципами. Для нихъ всякое насиліе надъ народомъ,—будетъ ли оно совершаться во имя свободы или другого принципа,—всегда является только насиліемъ и ничѣмъ больше, т. е. попраніемъ тѣхъ принциповъ свободы, во имя которыхъ совершаются эти насилія. Таковъ, напримѣръ, былъ качественный якобинцами Геберъ съ своими единомышленниками.

Бонапартизмъ есть только логическое развитіе тѣхъ же принциповъ насилія, которыхъ держался якобинизмъ. Правда, якобинцы насиловали общественное мнѣніе, ради того, что они называли свободой, но для общества вѣдь это являлось только въ видѣ насилія. Подъ страхомъ попасть въ число «заподозрѣнныхъ», французскіе граждане должны были нехотя слѣдовать тому, что приказывается свыше гг. якобинцами. Полное господство якобинцевъ надъ обществомъ пріучало это послѣднее не къ свободѣ, а къ подчиненію бюрократическому произволу. Революціей якобинскаго оттѣнка была не только поддержана, но еще и усилена бюрократическая машина Франціи. Не свободѣ сослужили службу ея мнимые апостолы, а насилію, бюрократизму, Наполеону. Во время революціи, благодаря якобинцамъ, этимъ бюрократамъ свободы, Франція не жила на свободѣ, не дышала вольной грудью, а изнывала отъ постояннаго страха и подчиненія кучкѣ людей, вздумавшихъ свободу насаждать тиранією. И ихъ тиранія была тѣмъ

тяжеле и безпощаднѣе, что вытекала не изъ чисто эгоистическихъ инстинктовъ стяжанія, а была основана на желаніи добра людямъ; къ сожалѣнію, непомѣрная горделивость помѣшала имъ идти путемъ уваженія къ коллективной мысли народа и толкнула на путь бюрократическаго насажденія свободы. Эгоистическіе тираны бываютъ гораздо сноснѣе для народа именно потому, что ихъ эгоизмъ очень часто побуждаетъ дѣлать уступки народному мнѣнію; якобинцы же, вообразивъ себя носителями принциповъ свободы и будучи готовы на самопожертвованіе ради этихъ принциповъ, не дѣлали никакихъ уступокъ, такъ какъ это было бы съ ихъ точки зрѣнія только слабостью. Оттого-то они съ такою легкостью проливали кровь французскаго народа. Нечего удивляться, что французы, пріученные якобинцами трепетать передъ властью, легко подчинились власти Бонапарта. Принцъ Жеромъ Наполеонъ, племянникъ одного изъ крупныхъ parvenu интеллигентно-бюрократическаго лагеря, умершій въ 1891 г., въ своемъ завѣщаніи сыну писалъ: «надѣюсь, что онъ будетъ представителемъ дѣла Наполеоновъ, будетъ стремиться къ организаціи французской демократіи, будетъ постоянно и глубоко любить народъ и научный прогрессъ, служащій великимъ закономъ человѣчества, будетъ уважать всѣ религіозныя убѣжденія, сохраняя самъ просвѣщенную терпимость, и главное—будетъ французомъ и патріотомъ». Если откинуть послѣдніе четыре слова, какъ выраженіе специфически-французскаго духа, то программа интеллигентнаго бюрократизма вполнѣ исчерпывается въ этихъ словахъ.

И такъ, цѣлью всякаго общественнаго дѣятеля должно быть только счастье людей, а не мнимый «прогрессъ». Заботясь только объ этомъ послѣднемъ и игно-

рируя счастье современныхъ людей, мы теряемъ почву подъ ногами и начинаемъ витать въ области фикцій, гибельныхъ для людского счастья. А между тѣмъ, истиннымъ общественнымъ прогрессомъ и можно считать только такой, который увеличиваетъ количество счастья на землѣ. Глубоко ошибаются тѣ, которые отдѣляютъ прогрессъ отъ увеличенія счастья современныхъ поколѣній и думаютъ усилить прогрессъ путемъ игнорированія народнаго «мнѣнія» и попранія, слѣдовательно, его личныхъ правъ, т. е. путемъ уменьшенія его счастья. Подобный прогрессъ будетъ только тормазомъ истиннаго прогресса, такъ какъ его заманчивая для бюрократическаго ума внѣшность скрываетъ подъ собою рабство и разложеніе [1]).

---

[1]) Корсиканскому населенію, говоритъ г. Вешюковъ, прививаются *насильно* учрежденія, законы и бытъ, которые вовсе не соотвѣтствуютъ его многовѣковому прошлому и даже потребностямъ настоящаго. Французы хотятъ, чтобы «департаментъ» Корсики управлялся и *жилъ* точно такъ-же, какъ департаментъ Сены и Марны, и чтобы житель Корте или Сартеня былъ такъ же безличенъ, какъ обитатель какого-нибудь Сюренія или Пюто. И какъ корсиканцы, очень дорожащіе личною и политическою свободою, на это несогласны, то возникаетъ съ ихъ стороны оппозиція, за проявленіе которой французскіе централисты мстятъ наводненіемъ страны административными угнетателями всякаго рода. При живости характера корсиканцевъ, при ихъ исторической ненависти къ пришельцамъ завоевателямъ,—фокейцамъ, карфагенянамъ, римлянамъ, вандаламъ, сарацинамъ, испанцамъ и генуэзцамъ,—при сознаніи ими невозможности составить отдѣльное государство и невыгодности присоединенія къ одноязычной Италіи или близкой по крови Испаніи,—въ душахъ ихъ назрѣваютъ горечь и злоба, и имъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ выдѣлять изъ себя такихъ-же мстителей, какъ были клефты, у грековъ и гайдуки у болгаръ. Эти мстители уходятъ въ лѣсную чащу и оттуда тревожатъ тѣхъ, кто оскорбляетъ ихъ достоинство національное и особенно личное, которое у нихъ развито какъ у

Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду и то, что исторія намъ доказываетъ полную неосуществимость попытокъ меньшинства общества на господство надъ большинствомъ, во имя будто бы наиболѣе быстраго прогресса. Примѣромъ можетъ служить англійская революція въ половинѣ XVII вѣка. Фактивнымъ девизомъ ея было: «Послѣ Бога народъ есть первый источникъ законной власти» [1]). Но на самомъ дѣлѣ происходило совсѣмъ другое: «Недовѣріе и вытекающее отсюда нерасположеніе къ народной толпѣ, по словамъ М. Ковалевскаго, составляетъ общую черту круглоголовыхъ» [2]). Несмотря на то, что партіей Кромвеля многое сдѣлано было на пользу Англіи, «въ странѣ не было довольства», говоритъ Руд. Гнейстъ. Недовольна была даже господствующая партія, такъ какъ «состояніе окружающаго общества было таково, что она очутилась съ нимъ въ антагонизмѣ»,—«общество это стояло въ непримиримомъ противорѣчіи съ государственными идеалами пуританскихъ партій». «Населеніе отказывалось уплачивать налоги, назначавшіеся декретами регента, и противъ ослушниковъ не было возможности добиться обвинительныхъ приговоровъ отъ присяжныхъ». «Исключительное господство этихъ партій превратилось бы въ деспотизмъ по отношенію къ значитель-

---

басковъ или албанцевъ. Къ ужасу французскихъ легистовъ, въ родѣ Бурда, число такихъ обитателей чащи, т. е. попросту бандитовъ, нетолько не уменьшается съ теченіемъ времени, а ростетъ». Благодаря этой насильственной политикѣ, Франція приплачиваетъ по $46^1/_2$ франковъ въ годъ на каждаго жителя Корсики (М. Венюковъ. Въ странѣ бандитовъ. Стр. 13 и 12. «Книжки Недѣли» 1892 г., № 10).

[1]) Гейссеръ. Исторія реформаціи.

[2]) Максимъ Ковалевскій. Кавалеры и круглоголовые. Стр. 96. («Сѣвер. Вѣстн.» 1892 г., № 7).

ному большинству народа» [1]). Большинство народа стояло за королевскую власть и только меньшинство его, фанатизированное своими религіозными воззрѣніями, требовало республики. «Королевская власть была уничтожена, говоритъ Гейссеръ, но монархическіе элементы остались. Республиканское правленіе было введено, но оно не имѣло основы для себя въ расположеніи и настроеніи народа. Кромвель долженъ былъ управлять при содѣйствіи меньшей части народа, представителями которыхъ были 50,000 «святыхъ». Поэтому «онъ мало-по-малу отдаляется отъ своей собственной партіи, все яснѣе и яснѣе усматривая самъ ея несостоятельность». Кромвель «былъ человѣкъ, который могъ лично отрѣшиться отъ узкихъ воззрѣній своей партіи, но эту самую партію нельзя было склонить ни на какой компромиссъ. Для республики не было элементовъ въ націи, а королемъ онъ быть не могъ». Этого не дозволила бы его армія «святыхъ»; «они стояли на переднемъ планѣ, показывали ему страшный призракъ обезглавленнаго короля и стараго демократическаго знамени». «Король, говорили они, есть тиранъ, мы не хотимъ короля». Господство «святыхъ» надъ англійскимъ народомъ кончилось тѣмъ, что «при ликованіи народа, при безмолвномъ озлобленіи индепендентовъ былъ призванъ Карлъ II въ Англію; умершее туловище парламента снова воскресло и утвердило возстановленіе Стюартовъ» [2]) При этомъ Оксфордскій университетъ заявлялъ, что онъ «никогда не отступитъ отъ тѣхъ религіозныхъ принциповъ, въ силу которыхъ онъ обязанъ повиноваться королю безъ какихъ

[1]) Руд. Гнейстъ. *Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. Стр. 660, 670 и 662.*

[2]) Гейссеръ. *Исторія реформаціи. Стр. 693—717.*

бы то ни было оговорокъ или ограниченій». Кембриджскій университетъ порицалъ въ строгихъ выраженіяхъ «насиліе и измѣну тѣхъ необузданныхъ людей, которые злонамѣренно пытались отклонить потокъ престолонаслѣдія отъ стараго его русла». Ожесточеніе реставраціи противъ пуританства, по словамъ Гнейста, находило себѣ пищу повсюду, осмѣивая его въ свѣтской жизни, въ области искусства, науки, театра и даже домашнихъ нравовъ. Народъ соперничалъ съ высшими классами въ строгомъ осужденіи революціи и ея принциповъ. Правда, Гнейстъ утверждаетъ, что «революція расчистила дорогу для парламентскаго образа правленія», но нельзя не видѣть, что сдѣлала это революція, а не тотъ революціонно-бюрократическій режимъ, который былъ введенъ пуританами. «Слово «республика», которое и всегда звучало чуждо для народа, теперь было связано съ воспоминаніемъ о продолжительномъ періодѣ правительственныхъ насилій, о секвестрахъ, конфискаціяхъ, непомѣрно тяжелыхъ налогахъ, о военно-полицейскомъ режимѣ и объ угрюмой строгости пуританскихъ нравовъ» [1])

Идеи просвѣщеннаго бюрократизма глубоко укорены въ нашей интеллигенціи и являются прямымъ наслѣдствомъ крѣпостного права, отразившагося на міросозерцаніи даже тѣхъ, кто горячо способствовалъ его уничтоженію. Вотъ почему указаніе на необходимость уваженія къ народному «мнѣнію» было встрѣчено многими изъ нашей интеллигенціи какъ нѣчто парадоксальное, и они всѣми силами старались скомпрометировать народничество въ глазахъ общества.

---

[1]) Гнейстъ. Исторія госуд. учрежденій Англіи. Стр. 678, 679 и 681.

Они именно представляли это послѣднее врагомъ прогресса, высшаго образованія, науки и т. п. Но въ основѣ народничества лежатъ такія нравственныя истины, которыя признаются непреложными даже его врагами; поэтому всѣ усилія просвѣщенныхъ бюрократовъ могутъ повести только къ временному недоразумѣнію и хаотическому состоянію соціологической мысли. Можно надѣяться, что нынѣшнее смѣшеніе языковъ быстро пройдетъ и каждое направленіе займетъ должное мѣсто. Тогда выяснится, что декретированный сверху прогрессъ, проповѣдуемый прогрессивной фракціей интеллигентнаго бюрократизма, есть только послѣдній остатокъ крѣпостныхъ временъ, стремящійся удержать наше общественное развитіе въ прежней бюрократической колеѣ.

Проповѣдники просвѣщеннаго бюрократизма, получивъ возможность осуществлять свою программу на практикѣ, мало чѣмъ будутъ отличаться отъ лихой памяти инквизиторовъ. Правда, содержаніе, насильно вталкиваемое ими въ народную жизнь, было-бы совершенно иное, нежели оно было у инквизиторовъ; но ихъ поведеніе относительно человѣческой личности вполнѣ тождественно. Бокль считаетъ несомнѣннымъ тотъ фактъ что «огромное большинство лицъ, воздвигавшихъ гоненія за религію, были люди съ самыми чистыми намѣреніями, съ самою высокою и безукоризненною нравственностью» [1]); если, прибавимъ мы уже отъ себя, не считать необходимымъ условіемъ «безукоризненной нравственности» уваженіе къ человѣческой личности, къ ея правамъ на свободу дѣйствій, пока эти дѣйствія не

[1]) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. I, стр. 207.

нарушаютъ правъ другой личности. Инквизиторы подобно нынѣшнимъ проповѣдникамъ интеллигентнаго бюрократизма, были людьми искренно, повидимому, стремящимися къ счастью людей, «мнѣніе» и совѣсть которыхъ они насиловали. Будучи убѣждены, что они, просвѣщенныя божественнымъ свѣтомъ, не могутъ и не должны равнодушно смотрѣть, какъ непросвѣщенные этимъ свѣтомъ еретики будутъ погибать въ вѣчномъ адскомъ огнѣ,—инквизиторы, сначала, готовы были довольствоваться словомъ и убѣжденіемъ для наставленія на путь истины; но, какъ извѣстно, невѣжество любитъ свои непросвѣщенныя идеи и готово отстаивать ихъ до послѣдней крайности. И вотъ просвѣщенные инквизиторы рѣшили спасти невѣжественныхъ еретиковъ противъ ихъ воли—силою; не бѣда, если при этомъ прійдется поджарить пятки или содрать полоску кожи у этихъ невѣждъ,—вѣдь иначе они попадутъ въ вѣчныя муки, безконечно мучительнѣйшія, нежели тѣ земныя непріятности, которыя имъ прійдется перенести отъ своихъ просвѣтителей [1]).

Тотъ, кто поглубже вдумается въ программу дѣйствій инквизиторовъ и сравнитъ ее съ программой дѣйствій нашихъ соціалистическихъ, радикальныхъ, либеральныхъ и иныхъ бюрократовъ,—тотъ увидитъ полную

[1]) Цвингли, Кальвинъ и Ноксъ, по словамъ d-r Ireland'a, были вполнѣ готовы употребить оружіе современной власти противъ католиковъ также точно, какъ іезуитъ Ксавье противъ язычниковъ. Послѣдній высказывалъ самое скромное о себѣ мнѣніе, но церковь была безгрѣшна, и тѣхъ, кто умиралъ внѣ ея лона, ждали вѣчныя муки. Что же было дурного, иронизируетъ нашъ авторъ, нанести легкую временную непріятность ослѣпленному идолопоклоннику, если была надежда спасти его въ будущемъ отъ вѣчныхъ мученій? (D-r Ireland'a. Психозы въ исторіи. Стр. 127)

тождественность ихъ отношеній къ человѣческой личности. Вся разница между ними заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой кодексъ истинъ, который и считаетъ непреложнымъ. Соціалистическій бюрократъ навѣрное будетъ весьма обиженъ сравненіемъ съ инквизиторомъ и станетъ указывать, что-де инквизиторы совершенно не понимали, въ чемъ состоитъ истинное благо человѣчества, а онъ-де, если и готовъ насиловать «мнѣніе» и «чувство» народа, то только потому, что обладаетъ несомнѣнной истиной. При этомъ, разумѣется, этотъ наивный мыслитель забываетъ, что и инквизиторъ не только не менѣе, а, пожалуй, еще болѣе былъ увѣренъ въ спасительности своихъ истинъ для человѣчества. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что онъ былъ вправѣ не уважать свободу личности? Зачѣмъ же нападать на инквизиторовъ, когда вы сами, гг. интеллигентные бюрократы, дѣйствуете такъ-же?! Правда, врядъ ли вы будете употреблять для распространенія вашихъ просвѣщенныхъ идей поджариваніе на медленномъ огнѣ и т. п.; но вѣдь суть дѣла отъ этого не измѣнится и разъ вы рѣшили просвѣщать кого-либо силою, то должны приготовиться къ сопротивленію, а, слѣдовательно, и къ наказыванію, за это невѣжественное дѣйствіе, всѣхъ, нежелающихъ вашего просвѣщенія. Такъ и понимали свое дѣло болѣе логичные изъ васъ: «Жанъ-Жакъ Пилло въ своей газетѣ и отдѣльныхъ книгахъ проповѣдывалъ введеніе коммунизма при помощи террористическихъ мѣръ безъ всякаго вниманія къ чувствамъ и желаніямъ населенія, подобно тому, какъ въ Бисетрѣ лечатъ сумасшедшихъ, не справляясь съ ихъ желаніями». О. Контъ не менѣе смѣло развивалъ идеи интеллигентнаго бюрократизма. Во имя прогресса онъ признавалъ, что стремленіе къ господ-

ству нѣкоторыхъ фамилій, организованныхъ, приготовленныхъ и поставленныхъ въ обществѣ такъ, что онѣ могутъ господствовать съ достоинствомъ—есть истинное соціальное благодѣяніе» [1]). Въ письмѣ къ императору Николаю онъ старался убѣдить его, что позитивная философія и политика имѣетъ одинъ характеръ и однѣ задачи съ неограниченною монархіею. Главнымъ образомъ задачи эти состоятъ въ обузданіи анархическихъ стремленій. Авторъ письма «съ самаго начала еще, съ 1822 года, постоянно ратовалъ противъ верховной власти народа и равенства во имя прогресса, а не ради ретроградныхъ цѣлей» [2]). Такъ, напримѣръ, «исполненіе общественныхъ обязанностей, по словамъ Конта, соединено было бы съ чрезвычайными затрудненіями, если бы патриціи и жрецы обязаны были трудами членовъ своихъ семействъ исполнять всякія хозяйственныя дѣла» [3]).

Публицисты просвѣщеннаго бюрократизма стараются выставить публицистовъ народничества врагами интеллигенціи, стремящимися уничтожить ее въ самомъ корнѣ. По нашему мнѣнію, это—клевета, недостойная даже опроверженія. Дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ, быть или не быть интеллигенціи—подобнаго глупаго вопроса народничество никогда и не думало возбуждать—а лишь о томъ, чей взглядъ правильнѣе и сообразнѣе съ народными пользами: народниковъ-ли, утверждающихъ, что естественная роль интеллигенціи состоитъ въ воздѣйствіи на народъ, исключительно умственномъ и нравственномъ, которое не должно опираться на политиче-

[1]) Д. Щегловъ. Исторія соціальн. системъ. Т. II, стр. 418 и 838.

[2]) Тамъ же. Стр. 788.

[3]) Тамъ же. Стр. 825.

ское господство интеллигенціи надъ народомъ,—или-же интеллигентныхъ бюрократовъ, требующихъ вооруженія интеллигенціи бюрократической палкой, безъ помощи которой, по ихъ мнѣнію, прогрессъ будетъ двигаться черезчуръ медленно.

Прежде всего мы должны рѣшить вопросъ: что такое интеллигенція? Какими признаками отличаются люди, которые обыкновенно зачисляются въ разрядъ интеллигентныхъ? Наиболѣе общимъ и даже единственнымъ признакомъ является здѣсь умственный трудъ. Всякій, кто живетъ не физическимъ трудомъ, а умственнымъ, зачисляетъ себя въ интеллигенцію и имѣетъ полное право на это. Есть мнѣніе, причисляющее къ интеллигенціи только литераторовъ и ученыхъ. Но почему-же, спрашивается, сотрудника какой-нибудь мелкой газетки можно включать въ ряды интеллигенціи, а учителя, инженера, священника—нѣтъ? Если интеллигентность измѣрять количествомъ знаній, то вѣдь многіе десятки тысячъ людей, не состоящихъ въ цехѣ ученыхъ и литераторовъ, окажутся знающими гораздо болѣе, чѣмъ присяжные литераторы и ученые [1]). Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ согласному и съ обыденнымъ взглядомъ—къ интеллигенціи необходимо отнести всѣхъ умственныхъ работниковъ, т. е. руководителей народа во всѣхъ сферахъ его жизни: религіозной, умственной, нравственной, промышленной, торговой, военной и т. д., и т. д. Слѣдовательно, въ интеллигенцію имѣютъ право быть зачисленными нетолько литераторы и ученые, а и проповѣдники всякаго рода идей, учителя, лица духовнаго званія, офицеры, про-

[1]) «Опасное мнѣніе, говоритъ Риль, будто при обученіи другого можно и самому научиться, породило безчисленныхъ невѣжлыхъ писакъ». (Гражданское общество. В. Г. Риля. Стр. 347).

мышленники, сельскіе хозяева, торговцы, наконецъ, чиновники и администраторы. Разумѣется, въ обществѣ всегда найдутся такія группы лицъ, которыя трудно зачислить въ ту или другую категорію, такъ какъ они составляютъ нѣчто среднее: не то умственныхъ, не то физическихъ работниковъ. Но существованіе подобныхъ группъ не можетъ быть выставляемо какъ аргументъ противъ классифицированія членовъ общества въ двѣ главныя, основныя группы, подобно тому какъ въ біологіи существованіе органическихъ формъ жизни, составляющихъ промежуточную ступень между растеніями и животными, не служитъ аргументомъ противъ раздѣленія всей органической жизни на два отдѣла: растительный и животный.

Характерная черта всякаго интеллигентнаго человѣка состоитъ въ обладаніи извѣстнымъ родомъ знанія, необходимымъ почему-либо обществу. Будетъ-ли это священникъ, адвокатъ или чиновникъ, онъ прежде всего обладатель знанія, которымъ и пользуется общество, вознаграждая его добровольными приношеніями, гонораромъ или жалованьемъ. Подъ словомъ «интеллигенція» мы подразумѣваемъ только то, что подъ нимъ разумѣетъ наше образованное общество, и считаемъ себя не вправѣ поступать иначе, такъ какъ это повело-бы только къ путаницѣ понятій, которой въ нашей литературѣ и такъ достаточно. Интеллигенціею, говоритъ г. Астафьевъ, «называется въ наши дни та часть современнаго человѣчества, которая является представительницею его средней образованности» [1]). Это опредѣленіе, по нашему мнѣнію, вполнѣ вѣрно констатируетъ фактъ.

[1]) П. Е. Астафьевъ. Перерожденіе слова. Стр. 154 («Рус. Вѣстн.» 1892 г., № 11).

Какъ извѣстно, пріобрѣтеніе знанія не ведетъ за собою непремѣнно и нравственнаго развитія. Когда-то ученые люди были настолько наивны, что вѣрили въ нравственное усовершенствованіе путемъ пріобрѣтенія знанія. Они не задавались вопросомъ: какая-же существуетъ связь между умѣньемъ строить мосты и увеличеніемъ симпатіи къ людямъ? На какомъ основаніи можно предполагать, что изученіе строительной механики или анатоміи разовьетъ въ человѣкѣ уваженіе къ чужой личности? Въ настоящее время лучшіе европейскіе мыслители вполнѣ отвергли этотъ наивный предразсудокъ и возвратились къ обыденному взгляду, всегда указывавшему на существованіе ученыхъ негодяевъ и невѣжественныхъ святыхъ людей. Платонъ изгонялъ поэтовъ изъ своей Республики на томъ основаніи, что они разслабляютъ душу изображеніемъ неумѣренныхъ страстей. Дѣйствительно, нельзя не видѣть, что чтеніе, напримѣръ, романовъ притупляетъ реальное чувство интереса къ людямъ: всѣ они кажутся мелкими и малоинтересными сравнительно съ героями и героинями романическихъ и трагическихъ исторій. Читатель и читательница, проливающіе обильныя слезы по поводу бѣдствій героевъ и героинь, поставленныхъ на пьедесталъ, мало-по-малу привыкаютъ презрительно фыркать, сталкиваясь съ реальной нуждой, окруженной всей неприглядностью обыденной обстановки. Принявъ за фактъ, что пріобрѣтеніе знаній не дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ, мы должны будемъ прійти къ выводу, что средній уровень нравственности интеллигентныхъ людей никакимъ образомъ не можетъ быть выше общенароднаго [1]. Если-же вспомнить, что нашъ народъ воспи-

[1]) Ар. Шопенгауэръ говоритъ: «Въ республикѣ ученыхъ всякій

тывается на мірскихъ порядкахъ, а интеллигенція живетъ обособленными семьями, связанными только формально, то мы придемъ къ заключенію, что у народа уровень нравственности долженъ быть нетолько не ниже, но даже выше. Извѣстно, что мірскіе порядки гораздо больше упражняютъ соціальныя и нравственныя чувства, нежели интеллигентная жизнь, при которой люди поставлены другъ къ другу гораздо враждебнѣе, а, слѣдовательно, и менѣе имѣютъ случаевъ къ развитію симпатіи и любви другъ къ другу. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что интеллигенція сильно злоупотребляетъ выгодами своего нынѣшняго привилегированнаго положенія. Большинство ея членовъ заботится гораздо больше о себѣ, чѣмъ о другихъ, и если-бы оно имѣло въ рукахъ политическую власть, то и ее стало-бы употреблять въ свою пользу. Интеллигентные бюрократы, требуя подчиненія народа политической власти интеллигенціи, не могутъ не понимать, что эта послѣдняя (называемая ими очень часто ‹обществомъ› въ отличіе отъ народа) сдѣлаетъ изъ политики орудіе для упроченія своего экономическаго господства, какъ это и было на Западѣ. Отстаивая необходимость господства интеллигенціи надъ народомъ, они увѣряютъ, что эта послѣдняя будетъ дѣйствовать безкорыстно; когда-же имъ указываютъ, что большинство интеллигенціи всегда дѣйствовало эгоистично и только меньшинство ея стояло за общенародные интересы, то они начинаютъ ссылаться на освобожденіе крестьянъ въ Россіи. Но эта ссылка не выдерживаетъ ника-

---

старается выдвинуть свое собственное значеніе, чтобы составить себѣ положеніе: одно на чемъ всѣ они сходятся,—это чтобъ не дать выдвинуться дѣйствительно выдающемуся человѣку, если онъ одинаково опасенъ для всѣхъ». (Афоризмы и Максимы. Стр. 298).

кой критики. Не говоря уже о томъ, что самое закрѣпощеніе крестьянъ было дѣломъ интеллигенціи, совѣтовавшей московскимъ царямъ прикрѣпить крестьянъ къ землѣ во имя насажденія порядка и экономическаго довольства среди народонаселенія, но и самымъ освобожденіемъ своимъ народъ обязанъ вовсе не интеллигенціи, какъ утверждаютъ интеллигентные бюрократы. Они забываютъ прежде всего, что тутъ кое-что значила страстная жажда свободы со стороны самихъ крѣпостныхъ [1]), а затѣмъ—что настроеніе большинства членовъ губернскихъ комитетовъ было вполнѣ эгоистично и сдерживалось только велѣніемъ самодержца, опиравшагося въ этомъ случаѣ на желаніе народа и сочувствіе м е н ь ш и н с т в а интеллигенціи [2]). Еслибы дѣло было предоставлено на волю всей интеллигенціи, то хотя освобожденіе и совершилось бы подъ давленіемъ снизу,

---

[1]) «Я увѣренъ, говорилъ Я. И. Ростовцевъ въ засѣданіи редакціонной коммиссіи отъ 29 ноября 1859 г., что если у нихъ совсѣмъ отрѣзать земли, будетъ пугачевщина (я говорю между своими, въ дружескомъ обществѣ), и не могу не предвидѣть въ такомъ случаѣ страшныхъ обстоятельствъ, страшныхъ потрясеній, которыя ожидаютъ бѣдную Россію». (Н. П. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ Россіи).

[2]) Предсѣдатель редакціонной коммиссіи по освобожденію крестьянъ Я. И. Ростовцевъ въ своемъ письмѣ къ Императору Александру II отъ 23 октября 1859 года свидѣтельствовалъ: «Большинство дворянскихъ комитетовъ смотрѣло на дѣло съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ и гражданскаго права, меньшинство же съ точки зрѣнія общественной пользы, государственной необходимости и государственнаго права. Огромное число враговъ реформы, не понимая ея необходимости, придумало противъ редакціонной коммиссіи обвиненіе въ желаніи обобрать дворянъ и произвести анархію». (Н. П. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ Россіи. Т. II, стр. 951).

но, во всякомъ случаѣ, безъ надѣла и въ менѣе энергичной формѣ. Вообще исторія освобожденія крестьянъ можетъ служить яркимъ доказательствомъ эгоистичности большинства интеллигенціи.

Тѣмъ удивительнѣе, что интеллигентный бюрократизмъ указываетъ на освобожденіе крестьянъ какъ на доказательство, что господство «общества» будетъ выгодно народу. Одинъ изъ нихъ слѣдующимъ образомъ передаетъ исторію этого освобожденія «Первымъ извѣстнымъ выразителемъ въ литературѣ идеи освобожденія явился Радищевъ, съ надѣлавшимъ такого переполоха Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву. Державинъ, отмѣтивъ въ книгѣ всѣ предосудительныя мѣста, представилъ ее Екатеринѣ II и императрица отправила Радищева въ Илимскій острогъ. Ужъ одна строгость этого наказанія и поспѣшность, съ какой Державинъ сдѣлалъ свои замѣтки, служила доказательствомъ, что идея освобожденія начинала носиться въ воздухѣ и проникать въ умы. И идея эта дѣйствительно носилась въ воздухѣ и проникала въ умы, и проникала съ такою энергіей. что при Александрѣ I были освобождены остзейскіе крестьяне. До русскихъ пока дѣло не доходило; но за то тѣмъ энергичнѣе и упорнѣе разрабатывалась эта идея интеллигенціей двадцатыхъ и сороковыхъ годовъ, пока въ шестидесятыхъ годахъ она не покорила даже самые неподатливые умы и не выразилась въ грандіозной реформѣ освобожденія 20-ти милліоннаго населенія» [1]).

Наивный авторъ не замѣчаетъ, что даже по его пересказу событій выходитъ такъ: одинъ интеллигентъ

---

[6]) «Русская Мысль» 1889 г., № 11. Очерки русской жизни. Н. Ш. Стр. 167.

чуть-ли не изобрѣлъ изъ своей головы идею освобожденія крестьянъ, а двое другихъ, даже болѣе извѣстныхъ писателей, засадили его за это въ тюрьму. Очевидно, что дѣло плохо будетъ идти, если въ такомъ же отношеніи останется количество интеллигенціи, стоящей за общее благо и противодѣйствующей ему. У нашего автора лазейкою является невысказанная мысль, что разъ идея была пущена, то она сама собою пробиваетъ себѣ путь. Но извращать факты общественной психологіи—не дозволительно. Радищевъ не изобрѣталъ идеи освобожденія,—она была жива среди народа съ самаго его закрѣпощенія, что доказываютъ дѣйствія Стеньки Разина, Пугачева, проповѣди расколоучителей и т. п. Наконецъ, вопли и стоны народа пробудили совѣсть у Радищева и другихъ; большинство же интеллигенціи продолжало вооруженной рукой подавлять возстанія народной массы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сажать въ тюрьму немногочисленныхъ защитниковъ ея изъ интеллигенціи. Мало-по-малу на сторону этого меньшинства интеллигенціи и народныхъ массъ стала самодержавная власть—и картина измѣнилась. А насъ имѣютъ смѣлость увѣрять, что интеллигенція изобрѣла идею освобожденія и ее осуществила. Развѣ не интеллигентному обществу Самодержавный Царь говорилъ, что «лучше освободить сверху, чѣмъ ждать его снизу»?

Кромѣ того, поучительна и исторія освобожденія крестьянъ въ другихъ странахъ. Мы уже имѣли случай говорить объ этомъ въ 1-й части этого труда. Здѣсь же прибавимъ, что въ XV столѣтіи въ Англіи «съ введеніемъ системы арендъ для землевладѣльца упраздняется надобность въ крѣпостныхъ услугахъ его подданныхъ и потому эти послѣдніе получаютъ возможность массами выкупаться изъ крѣпостной зависимости»...

«Законъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, изданный въ то время, былъ взятъ назадъ по настоянію парламента», такъ что освобожденіе отъ крѣпостного права произошло путемъ выкупа [1]).

«Наука, говоритъ Эли Реклю, еще слабо проникласъ нравственностью и распложаетъ бездарныхъ людей, у которыхъ достаетъ ума лишь на то, чтобы приспособить ее къ услугамъ своего эгоизма, и которые учатся для того только, чтобы съ большей выгодой для себя эксплуатировать другихъ. А между тѣмъ настоящій прогрессъ заключается единственно въ справедливости, и всякій шагъ на пути цивилизаціи—мы говоримъ о той цивилизаціи, которая не есть миражъ и обманъ зрѣнія—ведетъ къ уменьшенію прежняго страданія [2])». На этомъ основаніи мы считаемъ себя вправѣ утверждать, что политическое господство интеллигенціи надъ народомъ могло-бы только ухудшить положеніе этого послѣдняго. Съ другой стороны, для правильнаго исполненія своихъ общественныхъ функцій интеллигенція отнюдь не нуждается въ этомъ политическомъ господствѣ: дѣятельность инженера, ветеринара, профессора, учителя нисколько не улучшилась-бы оттого, что въ ихъ руки попала-бы власть надъ народомъ, а скорѣе даже наоборотъ. Дѣло въ томъ, что при этомъ каждый, по свойственной людямъ слабости, старался-бы не столько о расширеніи своего умственнаго и нравственнаго вліянія, сколько о проведеніи своихъ плановъ чисто бюрократическимъ путемъ. Исторія именно и доказываетъ намъ, что вооруженіе интеллигенціи по-

[1]) Руд. Гнейстъ. Исторія госуд. учрежденій Англіи. Стр. 510 и 511.

[2]) Эли Реклю. Сравнительная этнологія. («Рус. Богатство» 1892 г., № 8, стр. 42).

литической силой только деморализируетъ ее и сбиваетъ на бюрократическій путь воздѣйствія на народъ. Къ сожалѣнію, просвѣщенный бюрократизмъ старается игнорировать вредъ, происходящій отъ извращенія естественной дѣятельности интеллигенціи при захватѣ ею политической власти надъ массами народа, а когда на это указываетъ народничество, старающееся удержать интеллигенцію въ предѣлахъ ея функціи, то онъ прибѣгаетъ къ клеветѣ и утверждаетъ, будто народники требуютъ уничтоженія самой интеллигенціи [1]).

---

[1]) Повторяемъ, нападая на современное направленіе науки и указывая на ея буржуазность, игнорированіе народныхъ интересовъ и т. п., мы нисколько не нападаемъ на самую науку въ принципѣ, подобно тому, какъ нападеніе на современное земледѣліе и указаніе на его хищническое отношеніе къ землѣ нисколько не указываетъ на нападеніе на принципъ земледѣлія, съ желаніемъ уничтоженія этого послѣдняго. Интеллигентные бюрократы, въ родѣ гг. Михайловскаго, Пыпина и т. п., очевидно, опасаясь умаленія значенія представителей науки въ глазахъ «толпы», притворились, будто-бы они понимаютъ наши нападенія въ смыслѣ стремленія уничтожить самую науку, а не современное ея направленіе. Но оболгать противника не значитъ его побѣдить. И эти защитники науки не прочь запѣть намъ въ униссонъ, когда этого потребуютъ ихъ личные интересы. Такъ, напримѣръ, съ г. Пыпинымъ случилось слѣдующее: Профессоръ Соболевскій, въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія за 1891 г. (№ 2), упрекнулъ его въ томъ, что свѣдѣнія его по этнографіи, выразившіяся въ книгѣ «Исторія русской этнографіи», «поразительно скудны». Вслѣдъ затѣмъ нашъ защитникъ современной науки сталъ указывать «на очень грубое отношеніе къ интересамъ науки и общественнаго образованія въ самой ученой средѣ». (А. Н. Пыпинъ. «Вѣстн. Европы» 1891 г. № 4). Отъ себя прибавимъ: если ученая среда грубо относится къ интересамъ науки, то какова-же должна быть та наука, которую

Что касается того м е н ь ш и н с т в а интеллигенціи, которое старается служить интересамъ всего общества, т. е. главнымъ образомъ интересамъ народа, то его

они вырабатываютъ и распространяютъ въ обществѣ. Можно возразить, что г Пыпинъ говоритъ объ «у ч е н о й с р е д ѣ», исключая изъ нея ученыхъ журналистовъ, къ которымъ, быть можетъ, его упрекъ не долженъ относиться? Къ сожалѣнію, мы видимъ иное. Собратъ г. Пыпина по профессіи заявляетъ: «Нынче журналъ, за весьма малыми исключеніями, сдѣлался коммерческимъ дѣломъ, и само собою разумѣется, ведется какъ кулацкое предпріятіе, въ которомъ принципы, мнѣнія, идеалы — лишь пустыя слова, и составляютъ совершенно ненужный балластъ». («Наблюдатель» 1891 г. № 5. Письма о современной журналистикѣ. О. В. Стр. 267). Къ сожалѣнію и сотрудникъ «Наблюдателя» не вполнѣ правъ, такъ какъ журналъ не только въ наше время сталъ «коммерческимъ предпріятіемъ», а былъ имъ издавна, опять-таки, за малымъ исключеніемъ. «Мнѣ, вѣроятно, выпала доля, говорилъ Бѣлинскій, весь вѣкъ свой остаться батракомъ въ литературѣ и работать на хозяевъ, чтобы они разживались, да подсмѣивались надо мною»... «Господи, да неужели настанетъ такая счастливая минута въ моей жизни, что я сброшу съ себя ярмо батрака». (А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія. Стр. 161 и 162).

«Ежедневная пресса, говоритъ Рише, слѣпая вездѣ, а въ Германіи и въ Италіи къ тому же еще продажная (Рише врядъ-ли правъ, исключивъ изъ списка Францію, Австрію, Соединенные Штаты и т. д.) содѣйствуетъ распространенію самыхъ нелѣпыхъ слуховъ, которыми можно довести народы до полнаго остервенѣнія и заставить ихъ кинуться другъ на друга». (Ш. Рише. Черезъ сто лѣтъ. Стр. 97. «Русск. Бог.» 1892 г. № 10). Даже самъ г. Пыпинъ въ послѣднее время понялъ, что литература не есть синонимъ истины и добра. Онъ говоритъ: «Литература есть слишкомъ широкій терминъ. Она заключаетъ въ себѣ прямо противоположныя теченія мысли: въ ней имѣютъ голосъ и друзья, и враги народа, друзья и враги просвѣщенія». «Вѣсти. Евр.» 1890 г. № 11. Литературное обозрѣніе. А. П. Стр. 443). Намъ, вѣроятно,

дѣятельность, при политическомъ господствѣ всей вообще интеллигенціи надъ народомъ, была-бы съужена и доведена до минимума. Дѣло въ томъ, что, будучи меньшинствомъ въ интеллигенціи, оно не могло-бы имѣть вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ и его народолюбивыя попытки разбивались бы объ эгоистическія вожделѣнія большинства. Съ точки зрѣнія этого меньшинства, гораздо цѣлесообразнѣе то положеніе дѣлъ, при которомъ народъ независимъ отъ интеллигенціи вообще, такъ какъ при этомъ нравственное и умственное вліяніе меньшинства на ходъ общественной жизни можетъ только усилиться. Такъ какъ мы предполагаемъ, что это меньшинство, руководясь альтруистическими чувствами, готово работать исключительно только на пользу народа, то понятно, что его народническія идеи, если они соотвѣтствуютъ народнымъ потребностямъ, скорѣе могутъ осуществляться тогда, когда ходъ общественныхъ дѣлъ зависитъ отъ самого народа, нежели тогда, когда имъ стала-бы заправлять вообще интеллигенція, т. е. ея эгоистическое большинство. Намъ, пожалуй, возразятъ, что защитниками господства интеллигенціи надъ народомъ могутъ оказаться люди нетолько того пошиба, при которомъ хлопочутъ о господствѣ интеллигентнаго большинства, но и съ другимъ, болѣе народолюбивымъ характеромъ, при которомъ стараются о господствѣ только народолюбиваго меньшинства. Но тутъ прежде всего является вопросъ: возможно-ли предполагать практическую осуществимость проектовъ о господствѣ альтруистическаго мень-

---

остается не долго ждать того времени, когда г. Пыпинъ поймет, что интеллигенція тоже слишкомъ широкій терминъ, обнимающій и друзей, и враговъ народа; при чемъ враговъ народа среди ея больше, нежели друзей.

шинства интеллигенціи надъ эгоистическимъ большинствомъ ея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надъ народомъ? По нашему мнѣнію, подобные проекты должны быть отнесены къ области чистыхъ химеръ, и притомъ химеръ очень вредныхъ, пріучающихъ людей къ мысли о насиліи надъ личностью. Что-же касается до практической осуществимости подобныхъ теорій, то о ней не можетъ быть и рѣчи, нетолько потому, что ни большинство интеллигенціи, ни народъ не потерпѣли-бы этого, но и потому, что у насъ нѣтъ никакого критерія для отдѣленія альтруиста отъ эгоиста. Разъ-бы дѣло клонилось къ тому, что, сверхъ всякаго чаянія, альтруистическое меньшинство получило бы надежду на господство, то сейчасъ-же въ его рядахъ очутилась-бы масса всякихъ проходимцевъ, честолюбцевъ и эгоистовъ, которые-бы и успѣли испортить все дѣло. Разумѣется, для людей, вѣрующихъ, что высшее образованіе даетъ нетолько знанія, но и дѣлаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, людей высоконравственными, не существуетъ подобнаго затрудненія и они готовы мѣрить нравственность людей дипломами учебныхъ заведеній; но подобный способъ отдѣленія альтруистовъ отъ эгоистовъ не можетъ имѣть никакой цѣны въ глазахъ людей, не потерявшихъ здраваго смысла. А разъ мы не имѣемъ возможности выдѣлить альтруистическихъ общественныхъ дѣятелей изъ массы эгоистовъ, то было-бы вполнѣ безсмысленно основывать общественный порядокъ на господствѣ альтруистическаго меньшинства [1]).

[1]) Генри Мэнъ, расхваливая новый избирательный законъ въ Бельгіи, говоритъ: «Право голоса дается не только платящимъ налоги съ извѣстной суммы доходовъ, но и каждому, имѣющему ученыя степени отъ университета или другого высшаго учебнаго заведенія, каждому, способному удовлетворительно выдержать со-

Впрочемъ, для болѣе полнаго выясненія вопроса, предположимъ на минуту, что господство альтруистическаго меньшинства надъ обществомъ практически осуществимо, и посмотримъ, каковы могутъ быть его результаты. Народолюбивое меньшинство можетъ задаться двумя цѣлями: или дѣйствовать согласно народному мнѣнію, то есть осуществлять его желанія и идти по указываемому имъ самимъ пути; или же не обращать вниманія на народныя мнѣнія и желанія, а дѣйствовать согласно с в о е м у пониманію народныхъ интересовъ. Въ первомъ случаѣ интеллигенція, очевидно, ломилась-бы въ отворенную дверь, и было-бы гораздо цѣлесообразнѣе предоставить самому народу осуществлять свои желанія и мысли; захватывать-же господство надъ народомъ съ цѣлью только осуществить его желанія и мысли—было-бы вполнѣ безсмысленно, тѣмъ болѣе, что всякое насиліе вноситъ деморализацію какъ въ управляемыя, такъ и въ управляющія группы. Счастье-же народа при этомъ только уменьшилось-бы, такъ какъ одно изъ главныхъ благъ человѣка состоитъ въ независимости и свободѣ отъ насилія. Во второмъ случаѣ,—т. е. тогда, когда меньшинство интеллигенціи пожелало-бы устраивать народную жизнь согласно своимъ идеямъ и своему пониманію народныхъ интере-

---

ответствующій экзаменъ, и каждому помощнику главнаго мастера фабрики и завода. Идея этого закона,—дать избирательное право не толпѣ, но л у ч ш и м ъ людямъ этой толпы». (Генри Мэнъ. Опыты о народномъ правительствѣ, стр. 89. Изд. «Рус. Бог.» 1891 г.). По истинѣ странное, если не сказать больше, заключеніе. Съ какихъ это поръ люди наживы и дипломовъ стали лучшими людьми? Съ нѣкоторой натяжкой довволительно еще утверждать, что люди наживы и дипломовъ умнѣе толпы, но говорить, что они болѣе нравственны можно только въ угоду классовымъ интересамъ людей наживы и диплома.

совъ — оно, въ глазахъ народа, ничѣмъ-бы не отличалось отъ бюрократовъ, предписывающихъ народу жить такъ, а не этакъ, причемъ онъ не понимаетъ, на какомъ основаніи у него этого требуютъ, и подчиняется предписаніямъ только потому, что не имѣетъ возможности не исполнять ихъ. Подобный образъ дѣйствій меньшинства интеллигенціи былъ-бы гибеленъ для общественнаго прогресса, такъ какъ истинное развитіе общественной жизни и ея формъ не поддается насилію. Насильно подчиняя жизнь народа своимъ идеямъ, интеллигенція вмѣстѣ съ тѣмъ нарушала-бы основное благо всякой личности (а слѣдовательно и личности крестьянина), состоящее въ правѣ на свободное опредѣленіе своихъ дѣйствій и своей жизни. Она, такимъ образомъ, являлась-бы, въ глазахъ народа, въ видѣ тирана, компрометируя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и себя, и свои завѣтныя, быть можетъ, вполнѣ правильныя идеи. Только отсутствіе вѣры въ свои идеи можетъ толкать интеллигенцію на путь насилія. Для распространенія лучшихъ соціальныхъ идей гораздо важнѣе усиленіе чувства справедливости и любви, нежели какихъ-либо знаній. Кромѣ того, нельзя смѣшивать невѣжество съ глупостью и ученость съ умомъ. Можно быть ученымъ глупцомъ и невѣжественнымъ, но умнымъ человѣкомъ. Недаромъ, Герб. Спенсеръ въ 1892 году писалъ въ «Figaro»: «Всю свою жизнь я употреблялъ свое время на наблюденія, на размышленія, а не на чтеніе» [1]). Если народъ не читаетъ, то вѣдь никто не можетъ отрицать, что онъ наблюдаетъ и размышляетъ. И этого уже достаточно, чтобы обезпечить распространеніе соціальныхъ идей, имѣющихъ въ виду народное благо

[1]) «Новое Время» 1892 г., № 5973.

путемъ убѣжденія; насиліемъ же можно только оттолкнуть отъ нихъ.

Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что господство альтруистическаго меньшинства интеллигенціи надъ народомъ и эгоистическимъ большинствомъ интеллигенціи не только практически неосуществимо, но и будучи осуществлено явилось бы только элементомъ разложенія и вражды, а не факторомъ прогресса и любви. Потому-то это меньшинство должно понять, что его стремленія помочь осуществленію народнаго блага должны быть ограничены только умственнымъ и нравственнымъ воздѣйствіемъ на народъ; насиліемъ оно тутъ ничего не сдѣлаетъ, а только еще больше отвратитъ отъ себя народъ. И такъ какъ это умственное и нравственное воздѣйствіе будетъ легче при томъ положеніи дѣлъ, когда народъ будетъ самъ опредѣлять свою жизнь, нежели тогда, когда надъ нимъ будетъ господствовать интеллигенція (т. е. большинство ея), то ради расширенія своего вліянія меньшинство интеллигенціи и должно отстаивать независимость народной жизни. Слѣдовательно не о «самоупраздненіи» интеллигенціи хлопочутъ народники, какъ говорятъ ихъ враги, а наоборотъ — о расширеніи вліянія альтруистической части интеллигенціи, хотя и ограничиваютъ это вліяніе вполнѣ духовной областью, не признавая цѣлесообразности насилія въ подобныхъ дѣлахъ.

Проекты подчиненія общества и народа господству альтруистическаго меньшинства исходятъ не только изъ прогрессивнаго лагеря, въ обыденномъ смыслѣ этого слова, а и изъ дебрей мистическаго идеализма. Г. Влад. Соловьевъ, въ книгѣ своей «Критика отвлеченныхъ началъ», проектируетъ устройство «свободной теократіи»,

въ основаніи которой лежитъ господство альтруистическаго меньшинства. По словамъ г. Соловьева, «единеніе существъ, опредѣляемое безусловнымъ или божественнымъ началомъ въ человѣкѣ, основанное психологически на чувствѣ любви и осуществляющее собою положительную часть общей нравственной формулы,— образуетъ общество мистическое и религіозное, т. е. церковь». Въ церкви господствуетъ полное единство всѣхъ въ безусловной любви. Но еслибы между всѣми не было никакого различія, то и любви не на чемъ или не въ чемъ было-бы проявляться; единство было-бы пустымъ и мертвымъ безразличіемъ. А потому въ церкви люди раздѣляются на множество степеней, смотря по ихъ нравственному достоинству. Чѣмъ болѣе усвоилъ человѣкъ идею, тѣмъ болѣе онъ долженъ имѣть вліяніе на другихъ; иначе сказать, степенью идеальности должна опредѣляться степень значенія и власти лица. Объемъ правъ долженъ соотвѣтствовать высотѣ внутренняго достоинства. Одно и то же начало любви, примѣняясь къ существамъ, стоящимъ на различныхъ ступеняхъ развитія, по необходимости становится различнымъ. Любовь, сохраняя свое существенное тождество, тѣмъ не менѣе въ своемъ дѣйствительномъ проявленіи должна принимать тотъ или другой видъ, соотвѣтствующій относительному состоянію того, къ кому она примѣняется, т. е. соотвѣтствовать степени развитія каждаго. «Такъ что неравные неравное и получаютъ; но неравенство воздѣйствія, обусловленное неравенствомъ дѣйствія, есть возстановленное равенство или справедливость. Такимъ образомъ, распредѣленіе добра (въ силу любви) между всѣми, по необходимости, сообразуется (въ силу справедливости) съ относительнымъ качествомъ каждаго, а это значитъ, что

«справедливость есть необходимая форма любви». Любовь посредствомъ справедливости должна быть реализована въ пользѣ, а потому дѣятельность, исходящая изъ любви и принимающая форму справедливости, воплощается и въ матеріальной пользѣ. Но такъ какъ матеріальное благосостояніе не есть само по себѣ цѣль, а только условіе и средство, то, по мнѣнію г. Соловьева, очевидно, что идея любви не требуетъ, чтобы каждому доставлялось возможно наибольшее экономическое благосостояніе. Разъ существуетъ неравенство личнаго достоинства и значенія, то равенство богатства было-бы при этомъ несправедливостью, такъ какъ «богатство есть необходимое средство для полной реализаціи личнаго достоинства и значенія». Также несправедливо было-бы, если-бы лицо, обладающее высшимъ внутреннимъ достоинствомъ, а потому и высшимъ значеніемъ, въ нормальномъ обществѣ принуждено было заниматься физическимъ трудомъ наравнѣ съ другими. Справедливость требуетъ, чтобы трудъ и богатство были распредѣлены въ обществѣ соотвѣтственно внутреннему достоинству и гражданскому значенію его членовъ. Нашъ философъ увѣряетъ, что, при предлагаемомъ имъ порядкѣ вещей, возможность эксплуатаціи труда капиталомъ устранится, благодаря тому, что обладателями капитала являются въ нормальномъ обществѣ лучшіе люди, опредѣляющіе свою дѣятельность нравственнымъ началомъ и слѣдовательно не могущіе злоупотреблять своими преимуществами [1]).

---

[1]) Владиміръ Соловьевъ. Критика отвлеченныхъ началъ. Стр. 172, 187, 190, 192, 193—199.

Въ основаніи дѣтски-наивнаго плана общественной реформы г. Соловьева лежитъ понятіе о нравственномъ аристократизмѣ. Нравственная аристократія не можетъ быть родовой, а потому сейчасъ же является вопросъ: кто будетъ распредѣлять человѣчество на нравственные ранги, соотвѣтственно которымъ будетъ распредѣляться и матеріальное благосостояніе? Не произойдетъ-ли при этомъ такихъ смутъ, какихъ не видало еще до сихъ поръ человѣчество? Вѣдь отъ этого распредѣленія зависитъ не только матеріальное благосостояніе, но и всѣ нравственные интересы человѣка. Разъ будетъ извѣстно, что добродѣтель награждается чинами и капиталами,—не сдѣлаются-ли самыми добродѣтельными именно тѣ проходимцы, тѣ ловкіе люди, которые и теперь не остаются въ накладѣ? Вѣдь въ концѣ концовъ самому обществу придется разбирать, кто въ какомъ чинѣ добродѣтели долженъ состоять, а тутъ-то и будетъ лафа проходимцамъ. Если мы видимъ жестокую борьбу между честолюбцами изъ-за одной власти, то какова же будетъ борьба изъ-за той же власти, да еще съ прибавкой славы добродѣтельнаго человѣка и капиталовъ. Кромѣ того, не будетъ-ли толпа заподозрѣвать свою нравственную аристократію въ честолюбіи и корыстолюбіи,—легко быть добродѣтельнымъ, когда за это вознаграждаютъ и деньгами, и чинами. «Положи душу за други своя», говоритъ намъ наше нравственное чувство, а вмѣсто того, нравственный аристократъ преспокойно будетъ пользоваться тѣмъ, чего нѣтъ у другихъ. Не явятся-ли поэтому передъ толпою люди, которые скажутъ: «Смотрите на насъ, мы не хуже вашей нравственной аристократіи, но не желаемъ за это никакихъ матеріальныхъ вознагражденій; для насъ достаточно и того, что мы будемъ имѣть на

васъ нравственное вліяніе и будемъ двигать по пути добродѣтели». Не посчитаетъ-ли толпа этихъ людей истинной нравственной аристократіей, такъ какъ будетъ ясно, что они не корыстолюбивы? Но можетъ быть г. Соловьевъ возразитъ, что и его нравственная аристократія докажетъ свое безсребренничество тѣмъ, что будетъ употреблять капиталы не въ свою пользу, а для другихъ; но въ такомъ случаѣ ихъ лучшее матеріальное благостостояніе сдѣлается фиктивнымъ. Незачѣмъ въ такомъ случаѣ было говорить о правѣ добродѣтельнаго человѣка на лучшій кусокъ мяса, на лучшую квартиру и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что даже нынѣшнее наше нравственное чувство требуетъ, чтобы добродѣтель не искала себѣ наградъ, а довольствовалась тѣмъ наслажденіемъ, которое даетъ намъ исполненіе нашихъ нравственныхъ потребностей.

Г. Соловьевъ увѣряетъ, что капиталы въ его «свободной теократіи» не будутъ служить орудіемъ эксплуатаціи, такъ какъ ими будутъ владѣть нравственные аристократы. Но мы должны спросить у него: какъ попадутъ капиталы въ руки этихъ аристократовъ? Куда дѣнутся тѣ капиталы, которые будутъ въ рукахъ у другихъ людей, способныхъ пользоваться ими во вредъ другимъ? Если это перемѣщеніе будетъ сдѣлано самимъ обществомъ, то не захочетъ-ли оно оставить ихъ въ сво ихъ рукахъ? Или можетъ быть онъ думаетъ, что самый ходъ вещей приведетъ къ тому, что капиталы окажутся въ рукахъ добродѣтельныхъ людей? Кромѣ того, разъ капиталы будутъ употребляться только на пользу другихъ, то этимъ самымъ они теряютъ характеръ личной собственности и дѣлаютъ какъ бы общественнымъ достояніемъ. Если у нравственнаго обладателя капиталовъ будетъ сынъ низшаго нравственнаго ранга, то

получаетъ-ли онъ этотъ капиталъ или нѣтъ? На этотъ вопросъ можетъ быть два отвѣта: да и нѣтъ. Въ первомъ случаѣ капиталъ попадаетъ въ ненадежныя, способныя къ эксплуатаціи руки; во второмъ, капиталъ теряетъ вполнѣ характеръ личной собственности, и обладатели капиталовъ скорѣе могутъ считаться общественными слугами, нежели собственниками. А такъ какъ г. Соловьевъ увѣрилъ насъ, что капиталы будутъ въ рукахъ только у добродѣтельныхъ людей, то остается предположить, что на нашъ вопросъ онъ долженъ отвѣтить словомъ: нѣтъ, т. е. отвергнуть возможность частныхъ капиталистовъ въ своей «свободной теократіи». Это, что называется, начать за здравіе, а кончить за упокой.

Дальнѣйшее развитіе мыслей г. Соловьева о «свободной теократіи» мы встрѣчаемъ въ его брошюрѣ «Еврейство и христіанскій вопросъ». Эта теократія должна выйти изъ союза Россіи, Польши и израильтянъ, такъ какъ только русскіе, поляки и евреи до сихъ поръ не отреклись отъ «теократической идеи». Для образованія этой теократіи, кромѣ политической неограниченности царской власти. необходимо, чтобы власти христіанскаго государства руководились указаніями самостоятельнаго духовнаго авторитета, какъ явнаго представителя церкви Христовой на землѣ; для чего нужно, чтобы духовная власть, олицетворяющая религіозный элементъ въ обществѣ, имѣла полную самостоятельность. А между тѣмъ, по словамъ нашего автора, церковь у насъ лишена подобающаго ей значенія и не руководитъ жизнью Россіи. Мы не можемъ отрицать, говоритъ г. Соловьевъ, того факта, что только католичесво представляетъ безусловную самостоятельность церковной власти передъ государствомъ и обществомъ. Возсоединеніе между православіемъ и

католичествомъ должно освободить и усилить церковь на Востокѣ, а на Западѣ возстановить христіанскую государственность. И такъ какъ государственная власть Востока принадлежитъ Россіи въ ея царѣ, а духовная власть Запада принадлежитъ римскому первосвященнику, то не являются-ли, спрашиваетъ авторъ, естественными посредниками соединенія наши поляки, подданные русскаго царя и духовные дѣти римскаго папы, поляки-славяне и близкіе русскимъ по крови, а по духу и культурѣ,—примыкающіе къ романо-германскому Западу? Служить католичеству—вотъ высшее назначеніе польской націи. И первая, и величайшая служба—возсоединеніе католичества съ православіемъ, примирительное посредничество между папой и царемъ, — первое начало христіанской теократіи. Наступитъ день, прямо пророчествуетъ далѣе г. Соловьевъ, и исцѣленная отъ долгаго безумія Польша станетъ живымъ мостомъ между святыней Востока и Запада. Могущественный царь протянетъ руку помощи гонимому первосвященнику. Тогда возстанутъ и истинные пророки изъ среды всѣхъ народовъ и будутъ свидѣтелями царю и первосвященнику. Тогда прославится вѣра Христова, тогда обратится народъ израилевъ [1]).

Считаемъ вполнѣ безполезнымъ дѣломъ опроверженіе мысли г. Соловьева о необходимости, для духовнаго единенія людей и народовъ, безусловно неограниченной духовной власти папы, — такъ какъ врядъ-ли эта мысль найдетъ себѣ приверженцевъ въ русскомъ обществѣ по своей крайней нелѣпости. Замѣтимъ только, что поддержка духовнаго единенія путемъ палки, хотя бы и духовной, не можетъ найти себѣ сочувствія

[1]) Влад. Соловьевъ. Еврейство и христіанскій вопросъ. Стр. 48—62

у лучшихъ русскихъ людей. Надо думать, что духовное единеніе будетъ достигнуто человѣчествомъ просто путемъ духовнаго взаимодѣйствія и соглашенія, и отнюдь не будетъ сопровождаться уничтоженіемъ духовныхъ особенностей отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ. Единеніе же посредствомъ духовной власти папы пахнетъ не столько дѣйствительнымъ единеніемъ, сколько духовной казармой. Идея г Соловьева — одно изъ безчисленныхъ видоизмѣненій бюрократическаго міросозерцанія, такъ сильно укоренившагося въ русской интеллигенціи. Впрочемъ, только-ли въ русской? Не являются-ли эти бюрократическія повадки простымъ заимствованіемъ съ Запада? Тутъ невольно вспоминается Контъ, у котораго, по словамъ Ланге, «является рѣшительное расположеніе къ іерархическому руководству народамъ». Въ его системѣ принятъ тотъ факторъ «пережитой» христіанской религіи, который безъ сомнѣнія принадлежитъ къ самымъ сомнительнымъ и опаснымъ: организованное духовенство и авторитетъ сана. «Слѣдуетъ серьезно спросить, не рѣшили ли бы мы дѣло совершенно иначе, если бы намъ дано было на выборъ: или удержать извѣстныя несостоятельныя ученія и мистически темныя положенія вѣры и за то имѣть возможность свергнуть іерархію, или же, при полномъ просвѣщеніи относительно ученій, снова наложить на себя цѣпь іерархіи» [1]).

Какъ извѣстно, теоріи замѣнить общественное и народное мнѣніе диктаторствомъ науки и ученыхъ появлялись уже издавна; примѣромъ могутъ служить Платонъ, Сенъ-Симонъ и др. Фальшь всѣхъ этихъ теорій заключается въ томъ, что онѣ признаютъ въ соціоло-

---

[1]) Фр Ал. Ланге. Исторія матерьялизма. Т. II-ой, стр. 433.

гіи существованіе объективныхъ истинъ, существующихъ помимо признанія ихъ человѣкомъ. На дѣлѣ-же въ соціологіи постоянно существуютъ самыя противоположныя теоріи, и говорить о ней, какъ о наукѣ, дающей однообразныя рѣшенія—значитъ дѣлать крупную ошибку. Не говоря уже о томъ, что «наука какъ говоритъ Фр Ланге, часто ради денегъ и почестей, позволяла злоупотреблять собой для того, чтобы поддерживать отжившія силы, и служила хищническому интересу указаніемъ на прошлое великолѣпіе и историческое пріобрѣтеніе общевредныхъ правъ» [1]). Намъ придется всегда отыскивать такую общественную силу, которой мы предоставимъ выборъ, что считать истиной, изъ многочисленныхъ теорій, господствующихъ въ наукѣ. Лучшіе умы и справедливѣйшія сердца признали, что этотъ выборъ только и можно предоставить обществу и народу, а никакъ не отдѣльнымъ лицамъ.

Г. Лихтанскій, въ нашей литературѣ, является наиболѣе систематическимъ защитникомъ диктаторства науки въ общественной жизни. Онъ стремится доказать, что соціологія, какъ наука, можетъ отыскивать помимо общественнаго и народнаго мнѣніи то, что является «жизненно-истиннымъ» для каждаго общественнаго строя [2]). Но всѣ попытки отыскать жизненно-истинное въ сферѣ общественныхъ вопросовъ помимо общественнаго и общенароднаго мнѣнія—совершенно безплодны уже именно потому, что всѣ эти добытыя истины ока-

---

[1]) Фр. Альб. Ланге. Исторія матеріализма. Т. II, стр. 151.

[2]) К. Л. Лихтанскій. Основанія научныхъ государственныхъ строеній и польскій вопросъ. (Авторъ, очевидно, полякъ, незнающій русскаго языка, а потому книга написана просто невозможнымъ языкомъ).

жутся безжизненными, не имѣя возможности воплотиться въ жизнь. Жизненно-истинными онѣ становятся только тогда, когда дѣлаются достояніемъ общественнаго и общенароднаго мнѣнія. Таковъ уже своеобразный характеръ общественныхъ истинъ. Истины естествознанія существуютъ помимо того, признаетъ-ли ихъ человѣчество или нѣтъ; такъ, напримѣръ, земля вертѣлась и вертится, хотя объ этомъ мы и не знали прежде. Въ области соціологіи совершенно не то, напримѣръ, истина, что слѣдуетъ любить ближняго, какъ самого себя, лишь настолько осуществляется въ жизни, насколько человѣчество считаетъ ее истиной. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, закрывать глаза на эту существенную разницу двухъ сферъ истины!

Исходя изъ того принципа, что жизненно-истинное существуетъ помимо общественнаго и общенароднаго мнѣнія, г. Лихтанскій приходитъ къ заключенію, что мы вправѣ насильно устраивать и просвѣщать всякаго рода дикарей. Это заключеніе довольно логично, хотя и не ново. При этомъ авторъ забываетъ, что «всякій хочетъ жить по своему», какъ говорили представители племени Сіу президенту Гранту въ 1870 г. [1]).

Извѣстный путешественникъ и философъ-натуралистъ А. Р. Уолласъ утверждаетъ, что «туземные жители тропическихъ странъ имѣютъ мало потребностей и, удовлетворивъ ихъ, они не станутъ работать свыше необходимаго, безъ какого-нибудь сильнаго къ тому понужденія» [2]) Казалось бы, намъ нѣтъ нужды хлопотать о томъ, чтобы насильно осчастливить этихъ ди-

---

[1]) Н. И. Зиберъ. Очерки первобытной экономич. культуры. Стр. 220.

[2]) Ал. Уолласъ. Малайскій архипелагъ, ч. I, Стр. 106.

карей, навязавъ имъ наши взгляды на людское счастье. Почему, въ самомъ дѣлѣ, счастливѣе тотъ, кто работаетъ сверхъ своихъ силъ, чтобы ѣздить въ хорошемъ экипажѣ и быть наряженнымъ въ роскошный костюмъ и т. п. и т. п., а не тотъ, который работаетъ только по мѣрѣ охоты къ труду, довольствуясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе плохимъ экипажемъ и костюмомъ или даже, пожалуй, обходится совсѣмъ безъ нихъ? Погоня за улучшеніемъ матерьяльной обстановки выставляется теперь необходимымъ условіемъ прогресса, а потому и трудъ сверхъ силъ является въ европейскомъ обществѣ господствующимъ явленіемъ. Но, быть можетъ, даже это общество уже стоитъ на точкѣ поворота къ болѣе правильному и нравственному пониманію того, что необходимо считать прогрессивными явленіями? Не болѣе-ли важно для человѣка умственное и нравственное развитіе и не доставляетъ-ли оно болѣе счастья, нежели прогрессъ матерьяльной обстановки? Для насъ это—несомнѣнно, а потому мы должны заключить, что время, истрачиваемое теперь европейцами на улучшеніе матерьяльной обстановки, должно бы идти на отдыхъ отъ трудовъ; при чемъ, досугъ далъ бы возможность болѣе интенсивнаго умственнаго и нравственнаго развитія. Теперь, европейское общество, находясь въ фазисѣ увлеченія матерьяльнымъ прогрессомъ, можно сказать, затормазило весьма сильно ходъ умственнаго и нравственнаго развитія народа, подавивъ его массою физическаго труда. У народа нѣтъ досуга для умственной дѣятельности, а потому мы и видимъ въ немъ сильное паденіе политическаго, напримѣръ, пониманья. Заурядный индѣецъ, будучи отъ природы одаренъ менѣе щедро, нежели европейцы, все-таки, благодаря досугу отъ поглощающаго европей-

скаго рабочаго труда и постояннымъ бесѣдамъ на общественныхъ собраніяхъ (тоже обусловленныхъ свободой отъ всепоглощающаго труда),—является болѣе политикомъ и вообще общественнымъ дѣятелемъ, нежели европейскій рабочій. У насъ часто удивляются, что теперь какъ бы оскудѣваетъ творческая дѣятельность массъ народа, сравнительно съ древними временами, оставившими намъ былины, сказки, массу послови цъ и т. п.; но скорѣе надо удивляться, что умственная жизнь народа еще держится, несмотря на тотъ трудъ, который онъ несетъ. Впрочемъ, здравый смыслъ народа уже подсказалъ ему всю опасность подобнаго хода дѣлъ и мы видимъ, что первые попытки борьбы трудовыхъ массъ съ капиталистами, дающими тонъ нынѣшней европейской жизни, проявились главнымъ образомъ въ стремленіи ограничить время рабочихъ часовъ, разросшееся до безобразныхъ размѣровъ. И надо думать, что нынѣшній фазисъ европейской жизни, въ которомъ господствуетъ не общенародная мысль, а идеи торгово-промышленнаго класса (буржуазіи), уступитъ свое мѣсто другому, а вмѣстѣ съ тѣмъ придетъ конецъ и преклоненію передъ матерьяльнымъ прогрессомъ въ ущербъ духовному. Если же это такъ, то трудно понять, почему мы должны хлопотать, чтобы какіе-нибудь дикари работали «свыше необходимаго». Мы ни слова бы не сказали противъ этого, если бы хлопоты европейскихъ цивилизаторовъ ограничивались миссіонерскими рѣчами или чѣмъ-нибудь подобнымъ, но, къ сожалѣнію, они хватаются за другія орудія. На проповѣди дикари могли бы отвѣтить такъ, какъ имѣли обыкновеніе говорить караибы при видѣ тоскующаго европейца: «Кумъ! Страсть имѣть собственность заставляетъ тебя выносить большіе труды и награждаетъ тебя многими за-

ботами; ты безпокоишься не менѣе о томъ богатствѣ, которое ты уже пріобрѣлъ, какъ и о томъ, котораго ты ищешь. Ты постоянно опасаешься, чтобы кто-нибудь не обокралъ тебя въ твоей странѣ или на морѣ, или чтобы твои товары не потерпѣли кораблекрушенія. Ты старѣешь раньше времени, твои волосы сѣдѣютъ, лобъ покрывается морщинами, тысячи недуговъ работаютъ надъ твоимъ тѣломъ, тысячи печалей роются въ твоемъ сердцѣ, и ты приближаешься быстрыми шагами къ могилѣ. Отчего ты недовольствуешься вещами, которыя производитъ для тебя твоя страна? Почему, подобно намъ не презираешь богатства? Мѣшаетъ-ли вамъ богатство умирать? Идетъ-ли оно съ вами въ могилу? [1])».

Такъ какъ дикари, какъ выше уже сказано, не хотятъ работать «свыше необходимаго», то «у такихъ народовъ трудно ввести новое или систематическое земледѣліе», а, по мнѣнію гг. цивилизаторовъ, это—непорядокъ, и наша обязанность, по мнѣнію г. Уолласа, «пріучить ихъ къ работѣ, которая имъ можетъ быть и не совсѣмъ пріятна, но которая, какъ мы знаемъ, есть неизбѣжное условіе физическаго и нравственнаго прогресса». При исполненіи этой обязанности передъ прогрессомъ (о счастіи дикарей цивилизаторы не заботятся, ибо что такое счастье, сравнительно съ прогрессомъ—химера, звукъ пустой) гг. цивилизаторы идутъ двумя путями: англійскимъ и голландскимъ. Первый изъ нихъ, по словамъ Уолласа, есть «примѣненіе англійской политической экономіи и неминуемо приводитъ къ вымиранію и порабощенію низшей расы». Во имя либеральной политической экономіи гг. цивилизаторы требуютъ, чтобы

[1]) *Н. И. Зиберъ. Очерки первобытной экономич. культуры.* Стр. 158.

дикари и варвары (китайцы) отнюдь не препятствовали имъ пріучать себя къ труду путемъ соблазна спиртными напитками и опіумомъ. Если дикарь захочетъ оградить себя отъ соблазна запрещеніемъ ввоза ядовитаго продукта, то, во имя либеральной политической экономіи, его вразумятъ пушками и картечью. Кромѣ того, его запутаютъ долгами, такъ что онъ «нерѣдко цѣлую жизнь остается должникомъ и почти рабомъ», т. е. пріучается къ труду и готовится идти по стезѣ прогресса. Уолласъ признаетъ, что англійская система «деморализуетъ туземцевъ, препятствуетъ истинной цивилизаціи и не ведетъ къ постоянному возрастанію богатства страны», а, слѣдовательно, и не ведетъ къ матеріальному даже прогрессу, ради котораго будто-бы былъ предпринятъ весь этотъ походъ на дикаря.

Посмотримъ же теперь, какова голландская система, которую англичанинъ Уолласъ предпочитаетъ англійской. Систему эту онъ называетъ «отеческимъ деспотизмомъ» и говоритъ, что «мы не должны слишкомъ бояться словъ «деспотизмъ» и «рабство» и должны пользоваться нашей властью надъ дикарями, чтобы пріучить ихъ къ работѣ». Правда, говоритъ онъ, эта система не годится для англичанъ, такъ какъ «примѣръ и ученіе, сила общественнаго мнѣнія и медленное, но постоянное распространеніе образованія сдѣлаютъ современемъ все, что нужно, не вызывая горькихъ чувствъ и не развивая того раболѣпства, лицемѣрія и чувства зависимости, которыя являются неизбѣжными слѣдствіями деспотической системы. Но что бы мы сказали о человѣкѣ, который бы вздумалъ примѣнять принципы безусловной свободы въ семьѣ или школѣ? Мы сказали-бы, продолжаетъ Уолласъ, что онъ примѣняетъ хорошій принципъ

къ случаю, къ которому онъ непримѣнимъ». Но на какомъ же основаніи мы имѣемъ право ставить дикаря въ положеніе ребенка, нуждающагося въ попеченіи взрослыхъ, родившихъ его на свѣтъ и обязанныхъ заботиться о немъ до періода совершеннолѣтія? Развѣ взрослые люди могутъ считаться ребятами? Если подобное смѣшеніе дозволительно, то по какимъ же признакамъ мы будемъ отличать тѣхъ взрослыхъ людей, которые имѣютъ право считаться взрослыми, отъ тѣхъ, которые должны быть на положеніи дѣтей? Не являются ли подобныя смѣшенія только прикрытіемъ злоупотребленій болѣе сильныхъ людей? Вѣдь, мы постоянно слышимъ, что подобныя сравненія взрослыхъ людей съ ребятами касаются и массъ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, русскаго и проч. народовъ, когда желаютъ оправдать какія-либо бюрократическія вожделѣнія интеллигенціи. Приходитъ англичанинъ или нѣмецъ въ Россію и объявляетъ себя цивилизаторомъ, а русскій народъ, если не свиньею, то ребенкомъ, нуждающимся въ его просвѣщенно-бюрократическомъ руководствѣ. Но развѣ не съ такимъ же правомъ русскій могъ бы прійти въ Германію или Англію, въ качествѣ взрослаго человѣка и цивилизатора? Вся эта пошлая аргументація прикрываетъ только эгоистическія вожделѣнія европейцевъ въ ихъ обираніи дикарей. Извѣстно, что дѣтей поятъ и кормятъ взрослые, пользующіеся поэтому извѣстнымъ авторитетомъ, который не оспаривается дѣтьми между прочимъ и потому, что родителямъ было бы достаточно сказать: не хотите насъ слушать, такъ живите, какъ знаете, а мы васъ кормить и поить не намѣрены! Что же мы видимъ въ отношеніяхъ европейцевъ къ дикарямъ? Тамъ, оказывается, наоборотъ, дѣти кормятъ и поятъ своихъ взрослыхъ

попечителей, которые занимаются только тѣмъ, что пріучаютъ своихъ строптивыхъ дѣтей къ труду; тамъ— дѣти могли бы прекрасно жить безъ попеченій своихъ опекуновъ, чего нельзя сказать про этихъ послѣднихъ, если бы они были лишены права пріучать мнимыхъ дѣтей къ труду; тамъ — дѣти только о томъ и хлопочутъ, чтобы избавиться отъ попеченій цивилизаторовъ и отнюдь не остались бы безпомощными, если бы были оставлены непрошенными опекунами. Эти опекуны «поддерживали и усиливали власть туземныхъ начальниковъ, которымъ народъ привыкъ безпрекословно повиноваться (зачѣмъ понадобилось усиливать власть, если ей повиновались безпрекословно, объ этомъ г. Уолласъ благоразумно умалчиваетъ), и, дѣйствуя на интеллигенцію и эгоизмъ начальниковъ, они (голландцы) измѣняли нравы и обычаи народа, что могло бы имѣть слѣдствіемъ неудовольствіе, а можетъ быть и возстаніе, еслибы измѣненія эти были навязаны народу непосредственно иностранцами».

Что же въ концѣ концовъ выходитъ изъ этихъ іезуитски-коварныхъ цивилизаторскихъ операцій. Извѣстно, что благосостояніе народовъ, неискусившихся въ цивилизаціи (которая подчасъ ведетъ къ такъ называемому «новому мальтузіанству», состоящему въ искусственномъ ограниченіи количества дѣтей) измѣряется увеличеніемъ численности народонаселенія; посмотримъ же, что произошло въ этомъ отношеніи въ мѣстахъ, подвергшихся нашествію цивилизаторовъ съ ихъ системой «отеческаго деспотизма». «Въ этой прекрасной и здоровой странѣ, гдѣ жители имѣютъ въ изобиліи пищу и все необходимое для жизни, говоритъ Уолласъ, населеніе увеличивается далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ это должно было бы быть». Нашъ авторъ

объясняетъ это «невѣжествомъ въ дѣлѣ гигіеническаго ухода за дѣтьми», но вѣдь подобный уходъ былъ и до того благоденствія, которое будто бы было внесено г.г. цивилизаторами. а слѣдовательно, новый факторъ жизни — увеличеніе благосостоянія—долженъ былъ бы отразиться на относительномъ увеличеніи народонаселенія, не смотря на оставшійся плохой уходъ за дѣтьми. Если же этого не произошло, то значитъ никакого дѣйствительнаго увеличенія благосостоянія не было; чего, въ дѣйствительности, и надо было ожидать, такъ какъ улучшеніе матерьяльныхъ условій жизни, сопутствуемое уменьшеніемъ духовныхъ благъ ея (лишеніе личной независимости), нельзя считать улучшеніемъ благосостоянія [1]).

Просвѣщенный деспотизмъ и бюрократія издавна дѣйствуютъ именемъ общественныхъ истинъ, въ созданіи которыхъ ни общество, ни народъ не участвовали. Правда, г. Лихтанскій, очевидно, желалъ-бы внести въ эту программу нѣкоторыя поправки Насколько мы его поняли, эти поправки должны состоять въ томъ, чтобы бюрократія насаждала только «жизненно-истинное», которое откроетъ наука. Но тутъ является вопросъ: кто-же будетъ выбирать изъ многихъ научныхъ теченій то, которое должно считаться «жизненно-истиннымъ»? Очевидно, что выборъ будетъ предоставленъ или самой бюрократіи или какому-нибудь ареопагу ученыхъ мужей, составленному по мысли той-же бюрократіи,—вродѣ академіи наукъ. Исторія подобныхъ ученыхъ учрежденій доказываетъ намъ, что истинѣ труднѣе проникнуть къ нимъ, нежели въ публику вообще. За примѣромъ ходить недалеко: въ то время, когда ученіе Дарвина

---

[1]) Ал. Р. Уолласъ. Малайскій архипелагъ, ч. I, стр. 107, 282—286 и 323.

производило на публику громадное впечатлѣніе, французская академія наукъ закрывала для него свои двери. Какъ извѣстно, теперь научныя заслуги Дарвина признаны уже почти всѣми. Оказывается, что общество чутче къ истинѣ, нежели ученые ареопаги,—и это еще въ вопросахъ, мало затрогивающихъ личные интересы. Каковы-же будутъ рѣшенія ученаго ареопага, если съ этими рѣшеніями будутъ связаны, напримѣръ, матеріальныя выгоды! Г. Лихтанскій не понимаетъ того, что самый короткій путь отъ науки къ жизни лежитъ черезъ общественное и общенародное мнѣніе, а не черезъ ученую бюрократію. «Принято думать, что возвышенныя идеи съ трудомъ проникаютъ въ массы; но это великая ошибка, которую будущее несомнѣнно разсѣетъ», говоритъ Гюйо [1]).

Но, быть можетъ, научныя открытія жизненно-истинаго будутъ считаться таковыми не по признанію ученаго бюрократа или ученаго ареопага, а вообще всего ученаго міра? Тогда возникаетъ вопросъ: что считать ученымъ міромъ? Единственный отвѣтъ: группу людей, имѣющихъ отъ государства ученые дипломы; иначе, очевидно, всякій можетъ записать себя въ ученые. Но евангельскіе фарисеи и книжники, тормазящіе дѣло распространенія христіанства, могутъ вполнѣ доказать намъ, что истина не всегда находитъ себѣ мѣсто среди ученыхъ. Буржуазность современной интеллигенціи—несомнѣнный фактъ; предоставить ей неприкосновенное право на власть надъ обществомъ и народомъ—это значитъ дать буржуазное направленіе нашимъ складывающимся общественнымъ формамъ. Кромѣ того,

[1]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность Стр. 191.

дипломная интеллигенція настолько немногочисленна, что сама не въ силахъ поставить себя властодержцемъ народа, а потому на практикѣ, въ жизни, всѣ подобныя поползновенія оканчиваются тѣмъ, что понятіе «интеллигенція» расширяется, поглощая нетолько, такъ-называемые, «высшіе классы», но и всѣхъ тѣхъ, которые заимствовали у нихъ внѣшній лоскъ образованія.

Можно думать, что г. Лихтанскій, смотря съ точки зрѣнія своей туманной «жизненной истины», тоже не хочетъ господства подобной интеллигенціи. Такъ, онъ говоритъ: «притязанія интеллигенціи на правительственное верховенство и вообще на плоды человѣческаго труда—такъ-же неосновательны, какъ подобныя-же претензіи нижняго слоя». По его мнѣнію, государственная жизнь должна складываться подъ вліяніемъ двухъ силъ: правительственной опеки и сейма, парламента. О томъ-же, каковы должны быть взаимныя ихъ отношенія, опредѣляетъ опять никто иной, какъ та-же «жизненная истина». Правительственная опека, по мнѣнію г. Лихтанскаго, является обыкновенно защитницей слабыхъ и угнетенныхъ; сеймъ-же и парламентъ состоитъ изъ представителей, избранныхъ подъ давленіемъ интеллигенціи, а потому и беретъ подъ свое покровительство сильныхъ и преуспѣвающихъ. Съ этою мыслью нашего автора нельзя не согласиться. Извѣстно, что въ Англіи, въ эпоху Ричарда II «законъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, изданный въ то время, былъ взятъ назадъ по настоянію парламента»... «Хотя англійское государство XVIII столѣтія управлялось найлучшею изъ европейскихъ аристократій, говоритъ Гнейстъ, тѣмъ не менѣе въ немъ замѣчалось отсутствіе заботы о благѣ слабѣйшихъ общественныхъ классовъ»; они

«оставались заброшенными и предоставленными на жертву нищетѣ и деморализаціи» [1]). Нечего удивляться, что народъ, по словамъ г. Лихтанскаго, становится подъ знамя правительственной опеки и противъ сейма. Но и правительственная опека можетъ попасть тоже въ крайность,—вотъ тутъ-то и необходимъ сеймъ, какъ сила, исправляющая односторонность правительственной опеки. Сеймъ, по мысли г. Лихтанскаго, состоитъ не изъ представителей всего народонаселенія, а только изъ болѣе достойныхъ. Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, чѣмъ можно измѣрять достоинство личностей, а потому его выходки противъ политической равноправности личности могутъ быть сведены и на то, чтобы достоинство личности измѣрялось имуществомъ. Еслибы мы имѣли какой-нибудь этикометръ (инструментъ для измѣренія нравственности человѣка), то всѣ разсужденія г. Лихтанскаго имѣли-бы реальный смыслъ,—теперь-же намъ придется мѣрять достоинство личности или ея имуществомъ, или школьнымъ дипломомъ.

«Развѣ у чиновниковъ и ученыхъ, говоритъ К. Францъ, недовольно дѣла на ихъ должностномъ посту, на каѳедрѣ или въ печати, чтобы они еще разглагольствовали въ народномъ представительствѣ? Къ чему же народное представительство, какъ не къ тому, чтобы каждый классъ народа могъ сказать, гдѣ у него болитъ? Ученость, и даже юридическія знанія при этомъ вовсе не первое, важнѣе безъискусственная рѣчь опытнаго человѣка, часто столь мѣткая по своей природной

---

[1]) Руд. Гнейстъ. Исторія госуд. учрежденій Англіи. Стр. 511, 843 и 844.

остротѣ, тогда какъ другіе переливаютъ только изъ пустаго въ порожнее» [1]).

Вообще соціологическія понятія г. Лихтанскаго крайне туманны. Всѣ вопросы онъ предоставляетъ рѣшать наукѣ, не опредѣляя тѣхъ силъ, которыя на дѣлѣ будутъ рѣшать, что научно и что нѣтъ. Онъ не желаетъ, чтобы это рѣшеніе было предоставлено самому обществу и народу, а между тѣмъ не указываетъ никакого другого практическаго пути. «Историческое прошедшее, говоритъ онъ, совершенно право, предпочитая критеріи, доставляемые собирательностью и событіями, критеріямъ, доставляемымъ псевдоучеными рѣшеніями. Но при настоящемъ уровнѣ знаній, ошибки науки на этой почвѣ не могутъ быть слишкомъ грубы». Г. Лихтанскій упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что намъ прежде всего прійдется рѣшать вопросъ: какое изъ предлагаемыхъ рѣшеній мы должны считать научнымъ. Вѣдь соціологія не есть собраніе общепризнанныхъ истинъ, а полна научныхъ теченій, идущихъ въ разрѣзъ другъ съ другомъ. Такъ, напримѣръ, по словамъ Ингрэма, «вообще замѣчается крайнее разногласіе мнѣній въ отношеніи какъ метода, такъ и самыхъ доктринъ политической экономіи» [2])—одной изъ отраслей соціологіи. Кого намъ считать истиннымъ представителемъ науки Маркса или Бастіа? Маркса или Пру-

[1]) К. Францъ. Физіологія государства, какъ основаніе политич. наукъ. Стр. 307. (Историко-политич. и юридич. сборникъ. Изд. Н. И Ламанскимъ. 1870 г. Т. III).

[2]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. Стр. 5. Другія науки, хотя и находятся въ лучшемъ положеніи, но и тамъ обыкновенно существуютъ исключающія другъ друга научныя теченія. Недаромъ Бэконъ Верулампскій сказалъ: «Въ университетахъ молодые люди учатся вѣрить». (Арт. Шопенгауэръ. О четвертомъ корнѣ закона достаточнаго основанія. Стр. 38).

дона? Спенсера или Конта? и т. д., и т. д. Необходимо опредѣлить: кто собственно будетъ рѣшать вопросъ, что говоритъ наука о томъ или другомъ общественномъ явленіи. Такъ какъ этотъ вопросъ, по мнѣнію г. Лихтанскаго, не можетъ быть рѣшенъ общественнымъ и народнымъ мнѣніемъ, то его должны рѣшать какія-нибудь отдѣльныя группы народонаселенія. Тутъ необходимо будетъ прибѣгнуть къ академикамъ и т. п. ученымъ людямъ, имѣющимъ узаконенные дипломы, подтверждающіе ихъ притязанія на ученость.

Спрашивается, о какихъ качествахъ своего владѣльца свидѣтельствуетъ дипломъ?

Всѣмъ извѣстно, что дипломы, аттестаты и т. п. даются по выдержаніи испытанія, доказывающаго знаніе извѣстной части наукъ, искусствъ или ремеслъ. Объ оцѣнкѣ при этомъ нравственныхъ качествъ вовсе не можетъ быть и рѣчи; поэтому необходимо помнить, что при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ дипломы и аттестаты указываютъ только на познанія своихъ владѣльцевъ, а отнюдь не на какія-либо нравственныя качества. Принимая же во вниманіе, что не только одно накопленіе знаній, но даже и развитіе умственныхъ способностей нисколько не развиваетъ нравственныхъ качествъ людей, необходимо признать, что нравственный уровень интеллигенціи не можетъ быть выше нравственнаго уровня народной массы. Извѣстно, что при руководительствѣ общественными дѣлами, во всякомъ случаѣ, больше требуется высокій уровень нравственности, чѣмъ высокій уровень познаній,—такъ какъ высокій уровень познаній у безнравственнаго человѣка будетъ только сильнымъ орудіемъ его эгоизма,

направленнымъ во вредъ обществу и народу [1]). Кромѣ того, нельзя не принять во вниманіе и то, что «если-бы, какъ сказалъ Руссо, все человѣческое знаніе раздѣлить на двѣ части: одну общую всѣмъ людямъ, другую принадлежащую только ученымъ, послѣдняя оказалась бы весьма ничтожною, сравнительно съ первою» [2]). Эта истина особенно примѣнима къ области соціальныхъ знаній,—въ основѣ которой лежитъ знаніе общественной психологіи. Было-бы вполнѣ безумно отдавать общественную власть въ руки людей только на томъ основаніи, что они владѣютъ большими познаніями, нежели масса народа, такъ какъ, нѣтъ сомнѣнія, они воспользуются своими познаніями и властью только для возвеличенія себя и своего потомства. Исторія намъ уже это прекрасно доказала.

Въ Египтѣ «знаніе вскорѣ стало великою общественною силою. Отъ знанія руководителей зависѣла жизнь и будущность всего народа. Такимъ образомъ, самою экономическою жизнью выдвинута была извѣстная умственная аристократія, и эта аристократія, почувствовавшая въ своихъ рукахъ власть и охваченная обаяніемъ власти, приложила съ своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы выдѣлить себя еще болѣе изъ толпы, чтобы оградить свое знаніе, обезпечивавшее ей всѣ жизненныя преимущества, сдѣлать его достояніемъ своихъ близкихъ людей, своей касты» [3]).

---

[1]) Фулье въ книгѣ своей L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience даже задается вопросомъ: не открывается-ли существо міра человѣку нравственному лучше, чѣмъ физику, астроному, механику и вообще ученому?—такъ какъ законы дѣйствія существеннѣе для бытія, чѣмъ законы мысли. (Вопросы философіи и психологіи. 1891 г. Кн. 10. Стр. 27).

[2]) Ж. Ж. Руссо. Собраніе соч. Т. 1. Эмиль или воспитаніе. Стр. 28.

[3]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 370.

Въ Индіи «превосходство касты брамановъ надъ остальнымъ народомъ было громадно, говоритъ Ле Бонъ въ книгѣ своей «Цивилизація Индіи». «Авторитетъ знанія. въ пріобрѣтеніи котораго они проводили свою жизнь, давалъ имъ это исключительное положеніе» [1]). По законамъ Ману: «Браманъ. хорошо знающій всю Ригъ-Веду, не загрязнится никакимъ преступленіемъ, хотя бы онъ убилъ всѣхъ обитателей трехъ міровъ и принялъ бы пищу самаго низкаго человѣка» [2]).

Въ Западной Европѣ высшее образованіе «давно уже сдѣлалось наслѣдственнымъ достояніемъ буржуазіи» [3]). Понятно, что наука получила тоже сословный характеръ; вспомнимъ, напримѣръ, такъ называемыхъ, «гуманистовъ». Сколько слащаваго славословія всѣмъ намъ приходилось читать по поводу этихъ будто-бы радѣтелей интересовъ человѣчества. Но вотъ какъ характеризуютъ стремленія ихъ въ настоящее время: «Традиціонныя формы церкви должны были остаться,—имъ нужно было дать только иное содержаніе. Церковь должна была остаться всеобъемлющимъ и всемогущимъ учрежденіемъ, но она должна стать гуманистической церковью: гуманисты должны быть ея священниками (и понятно, обладателями ея теплыхъ мѣстъ), самъ папа долженъ быть верховнымъ гуманистомъ. И какъ таковой, папа долженъ, посредствомъ гуманистовъ, повелѣвать государями и народами и пользоваться ими для достиженія гуманистическихъ цѣлей»... «Прекрасной иллюстраціей къ этому служитъ идеальный монастырь Телемитовъ Рабеле. Въ своей «Gargantua» (гл. 52—57) Рабеле опи-

[1]) Предисловіе къ «Свѣтъ Азіи» Эдвина Арнольда въ переводѣ В. Лесевича. Стр. LVI.

[2]) Тамъ же. Стр. LVIII.

[3]) М. М. Интеллигенція, какъ категорія капиталистическаго строя. Стр. 22.

сываетъ фантастическое аббатство Телема, которое онъ устроилъ совершенно во вкусѣ гуманистовъ»... «Здѣсь совершенно отчетливо видно, въ какомъ смыслѣ гуманистъ хотѣлъ реформировать церковь. Эксплоатація массъ церковью должна остаться — аббатство Телема даже немыслимо безъ эксплоатаціи, но мѣсто монаховъ должны занять гуманисты, аскетическія предписанія различныхъ орденовъ должны быть замѣнены свободой наслажденія и научныхъ занятій. Указанное нами мѣсто въ «Gargantua» чрезвычайно характеристично для гуманизма»... «Вообще гуманисты мало понимали потребности и стремленія народа, большинство же ихъ даже не интересовалось имъ» [1]).

Къ сожалѣнію, наука не потеряла своего сословнаго характера и въ настоящее время. Такъ, напримѣръ, о связи нашей исторической науки съ крѣпостными порядками свидѣтельствуетъ историкъ Забѣлинъ. «Изумительная идея, говоритъ онъ, о добровольномъ призваніи самовластія,—и именно самовластія, а не простого порядка, на извѣстной почвѣ принимала большое участіе, если не въ развитіи, то въ оправданіи внутреннихъ крѣпостныхъ отношеній государства на всѣхъ путяхъ его дѣйствій. Изобрѣтенное исторіею глупое младенчество народа давало людямъ, почитавшимъ себя возрастными, широкое основаніе и, такъ сказать, философскую точку опоры поступать съ народомъ какъ съ младенцемъ. держать его вѣчно въ люлькѣ, то-есть въ границахъ безотвѣтнаго владычества надъ нимъ и вѣчно водить его на помочахъ. Въ особенной силѣ это ученіе, какъ мы замѣтили, поддерживалось нѣмецкими

---

[1]) К. Kautsky. Вѣкъ гуманизма и реформаціи. Стр. 167, 168 и 169. («Сѣв. Вѣст.» 1890 г., № 2)

феодальными идеями, приходившими просвѣщать и преобразовывать нашу варварскую страну» [1]).

«Если авторъ почему-либо лично заинтересованъ тѣмъ, что онъ намѣренъ изображать, говоритъ Шопенгауэръ, тогда не ждите добра отъ его произведенія» [2]). Въ видѣ иллюстраціи можемъ указать на брошюру «Грядущее рабство» Герб. Спенсера, хотя и извѣстнаго философа, но все-таки не съумѣвшаго отрѣшиться отъ сословныхъ тенденцій. Уже Сисмонди указывалъ на то, что «практическая система, вытекавшая изъ ученій ортодоксальной школы экономистовъ, стремилась не только къ тому, чтобы сдѣлать богатаго еще болѣе богатымъ, но и къ тому, чтобы сдѣлать бѣдняка еще болѣе зависимымъ и бѣднымъ» [3]). Подобное же направленіе господствуетъ въ политической экономіи и до сихъ поръ. И въ настоящее время, по словамъ Гюйо, «нужно разрушить нравственные, соціальные и экономическіе предразсудки, въ распространеніи которыхъ современные экономисты играли не малую роль» [4]). «Въ практикѣ, говоритъ Стронинъ, происходитъ борьба между буржуазіей и демократіей,—и вотъ перенесенная въ теорію, она оказалась здѣсь борьбою между экономистами и соціалистами» [5]). Въ борьбѣ народничества съ интеллигентнымъ бюрократизмомъ сказывается также исконная рознь интересовъ интеллигенціи и народа. Касаясь только экономической розни, можно сказать, что «сущность дѣла заключается въ томъ, что чернорабочій

---

[1]) Ив. Забѣлинъ. Исторія русской жизни. Часть II, стр. 94.

[2]) Шопенгауэръ. (Библіотека европейскихъ писателей и мыслителей. Издав. В. В. Чуйко). Стр. 71.

[3]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи. Стр. 213 и 214.

[4]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 166

[5]) А. Стронинъ. Политика какъ наука. Стр. 202.

является представителемъ труда; интеллигентъ—представителемъ капитала» [1])... «Стоимость интеллигентнаго труда гораздо ниже его мѣновой цѣнности, а разность между ними покрываютъ другіе рабочіе» [2]).

Такимъ образомъ, рознь интересовъ и эгоистическія вожделѣнія являются истиннымъ корнемъ стремленій интеллигентнаго бюрократизма,—только сентиментально прикрытымъ знаменемъ общественнаго блага, какъ это было уже у «гуманистовъ» и есть до сихъ поръ у «экономистовъ», «соціологовъ», «историковъ» и т. п. Подобно тому, какъ Аристотель защищалъ рабство, а Гегель считалъ имущественное различіе классовъ безусловно необходимымъ, какъ выраженіе «объективнаго права духа быть своеобразнымъ» и стремленіе къ равенству называлъ «требованіемъ пустаго разсудка, принимающаго свои собственныя отвлеченія и формальныя повелѣнія за нѣчто реальное и разумное» [3]),—такъ и современные ученыя муміи твердятъ о необходимости насильственно подчинить волю человѣчества игу людей знанія. Но такъ какъ обладаніе знаніемъ не гарантируетъ обществу, что его обладатели, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ нравственными людьми, неспособными злоупотребить своими знаніями во вредъ общимъ интересамъ, то нельзя не видѣть, что инстинктивной подкладкой проповѣди интеллигентнаго бюрократизма является сословный интересъ интеллигенціи.

Возвратимся, впрочемъ, къ поставленному раньше вопросу: о какихъ качествахъ своего владѣльца свидѣтельствуетъ дипломъ? Мы только-что указывали, что

---

[1]) М. М. Интеллигенція, какъ категорія капиталистическаго строя. Стр. 25.

[2]) Тамъ же. Стр. 26 и 27.

[3]) Ник. Ланге. Исторія нравств. идей XIX вѣка. Стр. 154.

онъ не свидѣтельствуетъ о его нравственности; посмотримъ же, свидѣтельствуетъ-ли онъ о его знаніяхъ и умственныхъ способностяхъ, цѣнныхъ съ соціологической точки зрѣнія. Мы не будемъ касаться злоупотребленій при добываніи диплома, къ сожалѣнію, чрезвычайно многочисленныхъ. Какъ извѣстно, въ карьерной погонѣ за дипломами, особенно высшими, играютъ большую роль: непотизмъ, угодливость, рекомендательныя письма, контрафакція и т. п.; но это зло—еще не самое коренное [1]). Зло—въ самой постановкѣ современнаго образованія какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи, заимствующей свои системы образованія изъ той же Европы.

«Между простымъ нагруженіемъ памяти, гово-

---

[1]) Вотъ какъ описываетъ бывшій профессоръ Дюрингъ порядки въ нѣмецкихъ университетахъ: «Времена, когда человѣкъ дѣлается зрѣлымъ, для профессуры варіируются. Для профессорскихъ сынковъ зрѣлость наступаетъ очень рано, часто на 20-мъ году и безъ слушателей; у профессорскихъ зятьевъ зрѣлость, тоже независимо отъ слушателей, начинается смотря по обстоятельствамъ,—то признается авансомъ въ видѣ задатка, до свадьбы, то безъ кредита, уже тотчасъ послѣ свадьбы». (П. Милославскій. Типы современной философской мысли въ Германіи. Стр. 198 и 199).

Нашъ поэтъ Пушкинъ въ запискѣ «О народномъ образованіи», представленной въ 1826 году императору Николаю I, говоритъ: «Экзаменъ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною». (В. Н. Назарьевъ. Жизнь и люди былого времени. «Вѣстн. Евр.» 1890 г., № 11, стр. 435). Въ настоящее время, грубая форма злоупотребленій, описываемая Пушкинымъ, можно думать, исчезла, но самыя злоупотребленія процвѣтаютъ.

Въ Парижѣ «студентъ является на экзаменъ съ рекомендательными письмами къ экзаменаторамъ, которыя тутъ же подаетъ у экзаменаціоннаго стола»... «Молодой ученый долженъ идти въ

ритъ Гюйо, и полной ассимиляціей поглощеннаго — лежитъ цѣлая пропасть»... «Вмѣсто того, чтобы развить память у ребенка, нагружая ее ни къ чему ненужными мелочами, воспитатели обыкновенно забиваютъ ее, такъ какъ эти мелочи начинаютъ занимать въ умѣ мѣсто важныхъ идей. Извѣстно, что количество знаній, могущихъ вмѣститься въ среднемъ человѣческомъ мозгу, все же ограничено; что одни знанія выталкиваютъ другія, что погоня за словами вредитъ идеямъ, что пустячныя знанія вредятъ серьезнымъ и т. д.»... «Всякому изъ насъ знакомо то чувство интеллектуальнаго благосостоянія, которое слѣдуетъ за окончаніемъ экзаменовъ, когда можно уже выбросить изъ ума все, что было въ него на скорую руку напихано. Экзаменъ, для большинства учениковъ, есть позволеніе забывать, а дипломъ — привиллегія на превращеніе въ невѣжду» [1]).

«Чему мы обучаемъ нашихъ дѣтей?» спрашиваетъ извѣстный итальянскій профессоръ Мантегацца и отвѣчаетъ на это: «Экзаменъ зрѣлости, какой-то акробатическій фокусъ, надъ которымъ ломаютъ себѣ головы и руки многіе юноши съ здравымъ умомъ, но который доставляетъ тріумфъ столькимъ осламъ, одареннымъ памятью попугая. И послѣ этого мы воображаемъ, что создаемъ счастливыхъ людей, мудрыхъ мыслителей и полезныхъ гражданъ! Если у насъ случайно имѣются счастливые люди, умные мыслители и полезные граж-

---

хвостѣ какого-нибудь вліятельнаго профессора, если хочетъ сдѣлать карьеру. Молчаливство въ этомъ мірѣ—великая добродѣтель». (И. Яковлевъ. Страничка изъ исторіи медицины. «Нов. Время» 1890 г., № 5275).

[1]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 179 и 180.

дане, то это ужъ, конечно, не благодаря нашимъ школамъ, а скорѣе на зло имъ» [1]).

«Такъ называемые «зрѣлые» молодые люди, говоритъ профессоръ Лесгафтъ, совершенно не умѣютъ наблюдать, вслѣдствіе этого они не имѣютъ никакой опытности, не умѣютъ провѣрять свои мысли и выяснять себѣ причинную связь замѣчаемыхъ ими явленій. Они привыкли все усваивать памятью, упражнялись главнымъ образомъ въ томъ, какъ обходить встрѣчающіяся имъ затрудненія, и мало привыкли отвлеченно мыслить» [2]).

По словамъ г Ягна, «способности, констатируемыя дипломомъ, суть способности низшаго разряда, способности къ запоминанію, къ усвоенію всего лишь того, что другими, болѣе талантливыми, сдѣлано, указано, выяснено и разжевано имъ. Поэтому носиться со своимъ дипломомъ или преклоняться передъ дипломомъ, коль скоро у обладателя диплома нѣтъ замѣтныхъ самостоятельныхъ научныхъ работъ, можетъ только человѣкъ наивный» [3]).

Г. Перфильевъ, изслѣдовавшій около 350 докторскихъ диссертацій, утверждаетъ, что въ нихъ «мы найдемъ порядочную дозу лжи и фарисейства или ученаго авгурства»; ихъ «защита—не болѣе какъ заключительный финалъ хорошо или худо разыгранной комедіи», такъ что «наука тутъ ни причемъ, а, пожалуй, даже и при пиковомъ интересѣ»... «Докторскіе диспуты нерѣдко становятся ареной борьбы существующихъ въ

---

[1]) П. Мантегацца. Нервный вѣкъ. Стр. 36.

[2]) П. Лесгафтъ. Наслѣдственность. («Рус. Бог.» 1889 г. № 10, стр. 10).

[3]) Н. Ягнъ. Астрофизическія положенія и новая теорія образованія и жизни планетныхъ системъ. Спб. 1888 г. Стр. 51.

ученой корпораціи партій, что отражается и въ характерѣ возраженій и въ результатахъ голосованія вопроса: удостоить степени доктора или нѣтъ?» [1]).

«Исканіе истины, по мнѣнію профессора Милославскаго, всегда требуетъ самостоятельнаго труда, сопровождаемаго философскимъ одушевленіемъ и нравственной энергіей, а ученость и дипломы добываются простымъ, форменнымъ усвоеніемъ того, что даетъ современная наука, и отрицаніемъ того, что отрицаютъ ея авторитеты» [2]). Поэтому нельзя не признать вполнѣ справедливыми слова Карлейля: «Истинный университетъ нашего времени это — коллекція книгъ» [3]), — что подтверждается и многочисленными фактами признанія истинно талантливыхъ людей недостойными диплома со стороны университетовъ. Примѣромъ можетъ служить извѣстный ревнитель просвѣщенія Новиковъ, который «въ 1760 году за лѣность и нехожденіе въ классы былъ исключенъ изъ университетской гимназіи» [4]).

«Мы производимъ, говоритъ Жюль Симонъ, бакалавровъ, лиценціатовъ, докторовъ, но о человѣкѣ никто и не думаетъ, напротивъ — мы употребляемъ 15 лѣтъ для того, чтобы убить его мужество, всѣ характерныя его свойства». Эти дипломированные ученые «не знаютъ ничего, что имъ нужно было бы знать, но за то нагружены всѣми сортами безполезныхъ свѣдѣній, охотно выгружаемыхъ ими на словахъ или на

---

[1]) М. О. Перфильевъ. О положеніи медицинскаго дѣла въ Россіи. Стр. 2, 53 и 54.

[2]) П. Милославскій. Наука и ученые люди въ русскомъ обществѣ. Стр. 34 и 35.

[3]) Т. Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Стр. 229.

[4]) А. А. Бахтіаровъ. Исторія книги на Руси. Стр. 130.

бумагѣ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Люди эти не могутъ ходить безъ помочей и сами чувствуютъ свою слабость» [1]).

Не мѣшало бы намъ поучиться, хотя бы у китайцевъ. Въ Китаѣ имѣются «земли учебнаго вѣдомства, «поля науки», изъ доходовъ съ которыхъ содержатся какъ всѣ учащіеся въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и нуждающіеся ученые. Въ каждой провинціи рядомъ съ храмами и кладбищами есть особыя зданія, служащія пріютомъ для неимущихъ ученыхъ» [2]). Все это возможно только потому, что «китайскій рабочій не только пользуется такимъ же уваженіемъ, какъ врачъ или артистъ, но получаетъ почти такую же заработную плату» [3]), т. е. интеллигенція не пользуется привиллегіями, а потому и учатся только тѣ, кто наклоненъ къ этому. У насъ же достаточно лишить дипломъ его нынѣшнихъ привиллегій и «юные почитатели науки моментально разбѣгутся во всѣ стороны; немногіе останутся на мѣстахъ» [4]). Карьеризмъ и дипломъ у насъ сдѣлались неразлучными; неудивительно, что общественное мнѣніе не особенно склонно преклоняться передъ дипломами. «Нигдѣ академическое кресло, говоритъ А. Стронинъ, не составляетъ такъ мало предмета зависти, какъ у насъ, и если составляетъ предметъ исканій, то скорѣе въ качествѣ матеріальныхъ удобствъ, чѣмъ умственнаго достоинства, скорѣе во имя оклада, чѣмъ во имя славы» [5]). «Мы

---

[1]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 146.

[2]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 181.

[3]) Тамъ же. Стр. 184.

[4]) М. М. Интеллигенція, какъ категорія капиталистичего строя. Стр. 20.

[5]) А. Стронинъ. Политика какъ наука. Стр. 337.

знаемъ, говоритъ г. Ягнъ, силу рутины научныхъ возрѣній, знаемъ слѣпое фанатическое отношеніе большинства профессіоналистовъ науки къ зауженнымъ ими возрѣніямъ» [1]). По словамъ профес. К. Ярошa: «Есть люди, которымъ ихъ знанія не мѣшаютъ быть человѣконенавистниками и радоваться всякой возможности впустить въ существованіе ближняго хоть каплю отравы; есть люди, которыхъ либерализмъ дышетъ страстнымъ деспотизмомъ, и которыхъ свободолюбіе брызжетъ яростной пѣной нетерпимости» [2]). Дѣло очевидно идетъ тоже о профессорской средѣ.

«Ученые и при томъ натуралисты, по словамъ профессора Введенскаго, въ то же время бываютъ величайшими суевѣрами» [3]). Можно это объяснить только тѣмъ, что «большинство ученыхъ—учены на манеръ дѣтей. Обширная эрудиція заключается во множествѣ образовъ, а не въ многочисленности понятій» [4]).

Профессоръ И. И. Мечниковъ указываетъ на существованіе «цеховой науки и цеховаго искусства, которыя столь часто дѣйствительно тормазятъ преуспѣяніе этихъ высшихъ отраслей человѣческой дѣятельности» [5]). «Мы часто встрѣчаемъ, говоритъ В. Карпентэръ, странный недостатокъ здраваго смысла въ людяхъ ученыхъ, сужденія которыхъ о вещахъ, очевидныхъ для людей съ обыкновенными способностями,

---

[1]) Н. Ягнъ. Астрофизическія положенія и т. д. Стр. 63.

[2]) К. Ярошъ. Вопросы современной морали. Стр. 20.

[3]) А. Введенскій. Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи. Ч. I. Стр. 17.

[4]) Ж. Ж. Руссо. Собр. соч., т. I, стр. 84.

[5]) И. И. Мечниковъ. Законъ жизни. Стр. 232. («Вѣст. Европы» 1891 г.).

не заслуживаютъ никакого довѣрія» [1]). По мнѣнію Конта, «внимательная оцѣнка различныхъ классовъ современнаго общества должна показать народу, что наши литераторы и даже ученые, не смотря на свою гордость, очень часто не имѣютъ среди себя людей съ возвышеннымъ умомъ, такихъ людей, которые, напротивъ, встрѣчаются нерѣдко между такъ называемыми практиками, довольно часто презираемыми, и даже иногда между безграмотными пролетаріями. Въ средніе вѣка... умѣли цѣнить и утилизировать глубокую и дѣйствительную мудрость совершенно неграмотныхъ рыцарей» [2]).

«Наука, говоритъ Руссо, очень хорошая вещь сама по себѣ: это очевидно, и, чтобы сказать противное, пришлось бы отказаться отъ здраваго смысла»... «Но какимъ образомъ науки, источникъ которыхъ столь чистъ и цѣль столь похвальна, порождаютъ столько нечестія, ересей, ошибокъ, столько нелѣпыхъ системъ и противорѣчій, столько злобныхъ сатиръ, столько жалкихъ романовъ и непристойныхъ стиховъ, столько неприличныхъ книгъ, а въ людяхъ, которые занимаются науками, столько гордости, скупости, злобы, зависти, ревности, лжи, низости, клеветы, столько унизительной и постыдной лести?» Руссо прибавляетъ: «науками злоупотребляютъ много, ими злоупотребляютъ всегда». Происходитъ это отъ того, что «истинныхъ ученыхъ очень немного», такъ какъ для этого «надо соединять въ себѣ и большіе таланты и большія добродѣтели». Неда-

[1]) Вильямъ Карпентэръ. Основанія физіологіи ума. Ч. II, стр. 48.

[2]) Politique Positive, t. I, p. 186. (Цитату заимствуемъ у г. Позитивиста: «Г. Слонимскій и соціологія». Стр. 25).

ромъ «Христосъ не хотѣлъ ввѣрить своего ученія и управленія церковью ученымъ. Онъ руководствовался въ своемъ выборѣ предпочтеніемъ, какое всегда оказывалъ слабымъ и простымъ людямъ, и въ его наставленіяхъ ученикамъ нѣтъ ни одного слова ни о знаніи, ни о наукѣ, если только о нихъ не говорится для того, чтобы высказать къ нимъ презрѣніе» [1]). Дѣло въ томъ, что наука «губитъ чувство», какъ выразился Прудонъ въ письмѣ къ другу [2]).

Извѣстный врагъ Руссо, Вольтеръ, говоритъ устами «человѣка въ 40 талеровъ»: «Теперь я вѣрить начинаю, что на книги полагаться много не должно. Съ ними поступать надобно такъ, какъ поступаютъ съ людьми: выбирать изъ нихъ разумнѣйшія и ихъ разсматривать» [3]).

О «свѣтскомъ воспитаніи» Руссо отзывался какъ о «способномъ производить только людей двуличныхъ, которые повидимому все думаютъ о другихъ, а на дѣлѣ думаютъ только о себѣ»... «Настоящее воспитаніе, говоритъ онъ, заключается больше въ опытахъ, чѣмъ въ правилахъ» [4]).

«Будучи интеллектуалистами, говоритъ Гюйо, мы преувеличенно гонимся за образованіемъ, за развитіемъ ума» [5]). Между тѣмъ, сами ученые указываютъ на

---

[1]) Ж. Ж. Руссо. Собр. соч., т. I. Отвѣтъ королю польскому на его «опроверженіе». Стр. 590—602

[2]) Прудонъ, его жизнь и общественная дѣятельность. М. Туганъ-Барановскаго. Стр. 12.

[3]) Сочиненіе Г. Вольтера. Человѣкъ въ 40 талеровъ. Стр. 84 и 85. Спб. 1780 г.

[4]) Ж. Ж. Руссо. Собраніе сочиненій. Т. I. Эмиль, или воспитаніе. Стр. 5 и 6.

[5]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 163.

«притупляющее дѣйствіе односторонних занятій спеціальными науками: ихъ принципы, привычка обсуждать все безъ исключенія, исходя только изъ нихъ однихъ, а также и слѣпое довѣріе къ нимъ въѣдаются въ плоть и кровь и кажутся требованіями здраваго смысла» [1]). Кромѣ того, знаніе черезъ-чуръ мелкихъ подробностей, въ которыхъ умъ теряется и ослабѣваетъ, есть одинъ изъ главнѣйшихъ враговъ настоящаго знанія [2]). Неудивительно, что «умы, меблированные мертвыми знаніями, по выраженію Гюйо [3]), всегда являлись врагами новаторовъ, а потому и заслуживали отъ нихъ прозваній, вродѣ: «porci» и «asini», какъ называлъ оксфордскихъ ученыхъ Джордано-Бруно [4]).

Бэконъ утверждаетъ, что посвященіе «слишкомъ много времени на изученіе какого-либо предмета развиваетъ тупоуміе» [5]).

Мильтонъ выражалъ сожалѣніе, что «нашихъ дѣтей безразсудно заставляютъ корпѣть надъ изученіемъ грамматическихъ правилъ, только отуманивающихъ ихъ умъ» [6]). Дж. Леббокъ прибавляетъ къ этому: «я сильно опасаюсь, что наша настоящая система образованія мало способствуетъ правильному развитію умственныхъ способностей учащихся, ихъ наблюдательности, и даже не вознаграждаетъ по количе-

---

[1]) А. Введенскій. Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи. Ч. I. Стр. 17.

[2]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 184.

[3]) Тамъ же. Стр. 285.

[4]) Эл. Радловъ. Жизнь Джордано Бруно. («Русск. Обозр.» 1890 г., № 10, стр. 654).

[5]) Дж. Леббокъ. Успѣхи и радости жизни. Стр. 141 и 142.

[6]) Тамъ же, стр. 146.

ству пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, за время, потраченное на воспитаніе нашего юношества» [1]).

Нельзя упускать изъ вида и прямого, такъ сказать, идейнаго отравленія психическаго организма метафизическими гипотезами всякаго рода, которыми тщательно нашпиговываютъ незрѣлые еще умы въ гимназіяхъ. лицеяхъ, университетахъ, академіяхъ и т. п. По мнѣнію Риля, «метафизическія гипотезы—настоящіе опіаты для нашего смысла; онѣ приводятъ его въ безчувствіе, вмѣсто того, чтобъ оживлять и прояснять его. Онѣ порождаютъ видъ всеобъемлющаго знанія, которое не трудно, впрочемъ, и пріобрѣсть, если только считать желаніе и исполненіе за одно и то же» [2]). Благодаря этимъ метафизическимъ гипотезамъ, преподаваемымъ во всѣхъ школахъ, «міровоззрѣніе такъ называемыхъ образованныхъ людей обыкновенно кишитъ несообразностями и противорѣчіями» [3]).

У насъ, въ Россіи, въ послѣднее время появилось очень много изслѣдованій по метафизикѣ; объясняется это тѣмъ, что «въ этой области, по словамъ Канта, дѣйствительно нѣтъ никакой вѣрной мѣры и вѣса, чтобы отличить основательность отъ поверхностной болтовни» [4]). «Мы не можемъ, прибавляетъ онъ, признать дѣйствительность метафизики, какъ науки» [5]).

«Въ метафизикѣ, по его мнѣнію, можно беззаботно

---

[1]) Тамъ же. Стр. 147.

[2]) А. Риль. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Стр. 104.

[3]) П. Ѳ. Каптеревъ. Изъ исторіи души. Стр. 219.

[4]) Иммануилъ Кантъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки. Перев. Влад. Соловьева. Стр. 4.

[5]) Тамъ же. Стр. 32.

врать всякій вздоръ»,—стоитъ лишь не противорѣчить самому себѣ [1]). Очень часто, по словамъ Руссо, «бредни нѣсколькихъ безсонныхъ ночей важно выдаются за философію» [2]). Фейербахъ даже утверждаетъ, что специфическая примѣта философа не быть профессоромъ философіи [3]). «Кто не видитъ, говоритъ Шопенгауэръ, что университетская философія стала антагонистомъ истинной и серьезной, коей успѣхамъ сопротивляться ея обязанность. Ибо философія, заслуживающая свое имя, есть прямое служеніе истинѣ, а съ тѣмъ и высшее стремленіе человѣчества, но какъ таковое непригодное для ремесла» [4]).

«Не философы, говоритъ Руссо, лучше всего знаютъ людей; они смотрятъ на нихъ сквозь предразсудки философіи; а я не знаю другого положенія, въ которомъ бы было такъ много предразсудковъ» [5]). Благодаря этому, «шарлатанство ученыхъ не разъ заслуживало ѣдкихъ нападокъ сатиры» [6]).

Е. Дюрингъ говоритъ, что «извращенность такъ называемой науки или, вѣрнѣе, ученаго сословія... достаточно очевидна»... «Среда гелертеровъ представляетъ наибольшую нравственную негодность, какая вообще только мыслима»... «такъ называемая наука, если и не вполнѣ замѣнена ложью, то все-таки сильно и притомъ въ глав-

---

[1]) Им. Кантъ. Пролегомены... Стр. 130.

[2]) Ж. Ж. Руссо. Собр. соч., т. I. Эмиль. Стр. 84.

[3]) Фр. Альб. Ланге. Исторія матеріализма. Т. II, стр. 125.

[4]) Ар. Шопенгауэръ. О волѣ въ природѣ. Стр. XV, предисловіе.

[5]) Ж. Ж. Руссо. Собр. соч., т. I. Эмиль. Стр. 261.

[6]) Э. Эггеръ. Исторія книги отъ ея появленія до нашихъ дней. Стр. 137.

нѣ̈шихъ пунктахъ смѣшана съ нею или окутана въ ложную ткань»... «Размноженію дурного благопріятствуетъ еще то обстоятельство, что даже въ области наукъ, стоящихъ вдали отъ политики, существуютъ политическія и соціальныя партійныя связи и соглашенія разныхъ кликъ по части дѣланія новыхъ авторитетовъ и поддержанія уже существующихъ. Однако, какъ бы ни были велики на литературномъ полѣ фактическія препятствія къ распространенію и успѣху независимыхъ и достойныхъ произведеній, все-таки, вслѣдствіе благопріятствующихъ обстоятельствъ, кое-что хорошее можетъ проложить себѣ дорогу даже въ такую испорченную эпоху, какъ наша»... При этомъ «произведенія самостоятельныхъ приватныхъ людей имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ профессорскія книги» [1]). Къ сожалѣнію, наши русскіе философы выказывали полное непониманіе этой несомнѣнной истины,— мы говоримъ про главный штабъ ихъ, Московское Психологическое Общество. Оно объявило, что въ соисканіи преміи на философскую тему «могутъ участвовать всѣ лица, получившія высшее образованіе» [2]). Желаніе оттереть отъ соисканія людей «приватныхъ» трудно объяснимо: большинство истинныхъ философовъ не имѣли оффиціальнаго удостовѣренія въ полученіи высшаго образованія своего вѣка. Достаточно сказать, что Левъ Толстой, напримѣръ, не имѣетъ права участвовать въ соисканіи.

Профессоръ антропологіи во Флоренціи П. Мантегацца слѣдующимъ образомъ характеризуетъ «академическіе союзы», какъ онъ выражается: «Мнѣ во сто

[1]) Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Стр. 183, 187—191. Изд. «Русск. Богатства».

[2]) «Вопросы философіи и психологіи» 1892 г. Кн. 15.

разъ милѣе счастливое невѣдѣніе рабочаго, чѣмъ зудъ тѣхъ лже-труженниковъ, которые въ библіотекѣ или въ лабораторіи обуреваются мечтами суетнаго тщеславія. Ложные жрецы религіи, которой они не понимаютъ и никогда не поймутъ; еретики вѣры, которой они недостойны,—они никогда не войдутъ въ рай святыхъ поклонниковъ истины»... «Преступники по отношенію къ истинѣ, фальсификаторы правой вѣры, они часто соединяются въ академическіе союзы—настоящіе вертепы умственныхъ разбойниковъ, воздвигающихъ лживые храмы ложнымъ богамъ, гдѣ они взаимно курятъ ѳиміамъ другъ другу, не впуская къ себѣ скромныхъ жрецовъ религіи истины. Печальны тѣ эпохи, когда эти разбойники могутъ организоваться въ шайки и пріобрѣтать силу; постыдно то время, когда низкій уровень культуры и вѣры допускаетъ существованіе такихъ позорныхъ пятенъ въ исторіи» [1]).

Трудность рѣшеній вопросовъ о «началахъ политическаго права», по мнѣнію Руссо, «происходитъ отъ предразсудковъ дѣтства, отъ правилъ, въ которыхъ люди воспитываются, въ особенности отъ пристрастія сочинителей, постоянно толкующихъ объ истинѣ, о которой они ни мало не заботятся, и думающихъ лишь о своихъ выгодахъ, о которыхъ не говорятъ. А между тѣмъ, народъ не даетъ ни каѳедръ, ни пенсій, ни мѣстъ въ академіяхъ: можно судить, какъ должны опредѣляться его права этимъ людомъ!» [2]). Считаемъ своевременнымъ прибавить къ словамъ Руссо: народъ не подписывается на, такъ называемые, органы обще-

---

[1]) П. Мантегацца. Экстазы человѣка. Стр. 86 и 87.

[2]) Ж. Ж. Руссо. Собр. соч., т. I. Эмиль. Стр. 442.

ственнаго мнѣнія, газеты и журналы; благосостояніе этихъ послѣднихъ зависитъ отъ состоятельныхъ классовъ интеллигенціи. Въ результатѣ то, что даже лучшіе изъ нихъ безпрепятственно лягаютъ народъ и очень осторожны съ интеллигенціей. И ихъ разсчетъ вполнѣ вѣренъ: классовой инстинктъ интеллигенціи всегда будетъ толкать ее по пути эгоизма,—этому эгоизму сослужатъ службу даже немногочисленные примѣры альтруизма со стороны интеллигенціи. Органы «общественнаго мнѣнія» раздуютъ ихъ до размѣровъ, при которыхъ эта овчинка покажется съ небо, и этимъ кстати прикроютъ многочисленные грѣхи интеллигенціи. А эти грѣхи не малые.

По мнѣнію Гюйо, «знаніе страшно развиваетъ самолюбіе» [1]). «Едва ли кто нибудь, говоритъ Гартли, можетъ превзойти чванство, соперничество и зависть, встрѣчаемыя между выдающимися учеными филологіи, математики, естествознанія и даже богословія» [2]). «Повышенное образованіе, говоритъ Гартманъ, только снабжаетъ людей большими притязаніями и большимъ умѣньемъ ихъ удовлетворять, дѣлаетъ ихъ лишь болѣе сластолюбивыми, корыстолюбивыми и честолюбивыми, и дѣлаетъ ихъ уши глухими и ихъ сердца мертвыми передъ проповѣдью идеализма» [3]). У древнихъ ученыхъ и философовъ мы встрѣчаемся съ «чудовищными мерзостями, какова напримѣръ греческая любовь, удостоившаяся чести быть воспѣтою Анакреономъ и Ѳеокритомъ и возведенная въ догматъ

---

[1]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 188.

[2]) К. Ярошъ. Вопросы совреи. морали. Стр. 20.

[3]) Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Пессимизмъ и педагогика («Рус. Обозр.» 1890 г. № 1, стр. 190).

Платономъ» [1]). «Надо правду сказать, говоритъ г. Чуйко про писателей XVII столѣтія во Франціи, что они вели себя не лучше лакеевъ и въ большинствѣ случаевъ были у вельможъ чѣмъ-то вродѣ прихлебателей» [2]). Въ Dictionnaire philosophique Вольтера говорится, что Декартъ покинулъ Францію, потому что онъ искалъ истины, которая въ то время была угнетена схоластическими философами; но онъ нашелъ не больше ума въ голландскихъ университетахъ, куда направился» [3]). Не лучше были и университеты нѣмецкіе. По словамъ профессора Блунчли, «Томазій слишкомъ жестоко задѣлъ за живое корифеевъ прежней школы и слишкомъ открыто выразилъ свое презрѣніе къ старымъ гелертерскимъ привычкамъ, чтобы быть безопаснымъ среди лагеря этихъ филистеровъ. Университетъ, который изгналъ Лейбница и преслѣдовадъ Пуфендорфа, не могъ стерпѣть и Томазія» [4]). И позднѣе тамъ господствовалъ тотъ же духъ. Гегель, помѣстивъ въ своей книгѣ «безсовѣстныя инсинуаціи» на своего товарища по кафедрѣ (Фриза) и будучи въ этомъ уличенъ, не замедлилъ самъ же обратиться съ жалобой къ министру просвѣщенія, на яко-бы нанесенное ему, какъ служащему человѣку, оскорбленіе [5]).

Къ сожалѣнію, наши современные университетскіе порядки нисколько не лучше западныхъ. «Рознь, гово-

---

[1]) Ж. Тардъ. Законы подражанія. Стр. 83.

[2]) В. В. Чуйко. Французскій Теофрастъ. Стр. 398 («Наблюдатель» 1891 г., № 1).

[3]) Фэйе. Происхожденіе міра. Стр. 16.

[4]) І. К. Блунчли. Антропологическіе очерки ученія о правѣ и государствѣ. Стр. 40.

[5]) Ник. Ланге. Исторія нравств. идей XIX вѣка. Стр. 157.

ритъ г. Эльпе, всюду у насъ—и въ институтахъ, и въ университетахъ, и въ академіяхъ. Узкіе партійные интересы, кружковое дѣленіе на «своихъ» и «чужихъ» всюду вносятъ самое несправедливое пристрастіе—работы оцѣниваются не столько по ихъ значенію, ихъ внутреннему содержанію, сколько по тому, изъ какой лабораторіи онѣ вышли—изъ «своей» или «чужой»,—«дружественной» или «враждебной».

«И вотъ, въ этой-то удушливой, затхлой атмосферѣ мелкихъ партійныхъ интересовъ должна развиваться наша наука; въ ней, въ этой самой всеразлагающей атмосферѣ должны воспитываться наши молодыя, начинающія силы. Хорошій примѣръ, прекрасная почва для преуспѣянія науки и хороши должны быть плоды, выращиваемые на такой почвѣ» [1]). Каковы плоды, на это указываетъ г. Абрамовъ въ газетѣ «Недѣля». Онъ утверждаетъ, что «главные удары истинно интеллигентному (не по диплому только, но и по характеру дѣятельности) человѣку наносятся въ провинціи, какъ это ни странно, со стороны тѣхъ, кто составляетъ «мѣстную интеллигенцію».

«Трудно лицу, не испытавшему этого на себѣ самомъ, представить весь тотъ ужасъ, который охватываетъ свѣжаго человѣка, попавшаго въ среду провинціальной интеллигенціи. Прежде всего поражаетъ безсмысленность самой жизни этой интеллигенціи: карты, пьянство, посѣщеніе садовъ съ пѣвицами или оперетками—и все это безпрерывно, безъ отдыха, изо дня въ день. А между тѣмъ, все это народъ дѣловой, занятой, дѣлающій дѣла. Недоумѣваешь, когда и какъ они могутъ вершить эти дѣла, отъ которыхъ часто зависитъ участь

[1]) «Новое Время» 1891 г. № 5340. Научныя письма. Эльпе.

многихъ людей. Съ теченіемъ времени убѣждаешься, что господа эти успѣваютъ и дѣла дѣлать, но дѣлаютъ ихъ такъ, что наблюдателя положительно одолѣваетъ чувство ужаса.

«И что всего замѣчательнѣе, прежде на фонѣ провинціальной жизни первое мѣсто занимали разные люди съ образованіемъ, полученнымъ «на мѣдные гроши», и они-то и творили разныя мерзости. И всѣмъ казалось, что стоитъ только замѣнить этихъ невѣжественныхъ рутинеровъ людьми образованными,—и провинціальная жизнь процвѣтетъ. Но вотъ эта замѣна совершилась: люди «мѣднаго гроша» стушевались, и на сценѣ остались послѣдніе могикане изъ нихъ; повсюду—люди, могущіе представить въ подтвержденіе своей интеллигентности самые настоящіе дипломы, и притомъ преимущественно люди молодые, сошедшіе со школьной скамьи 5, много 10 лѣтъ назадъ, а часто и всего 2—3 года. Между тѣмъ, спросите настоящаго, коренного обывателя, не принадлежащаго къ «командующимъ классамъ», а служащаго объектомъ команды,—лучше-ли ему стало отъ указанной замѣны, и онъ съ горечью отвѣтитъ. «гораздо хуже!»—и будетъ пожалуй правъ.

«И вотъ эта-то интеллигенція, а не Деруновы и Разуваевы, *и есть* главный врагъ появленія въ провинціи истинной интеллигенціи. Человѣка одного типа съ собою она приметъ съ распростертыми объятіями, приголубитъ его, устроитъ; но человѣкъ, интеллигентный не по диплому только, а и по дѣяніямъ, человѣкъ чести и служенія общественному благу, нетолько не найдетъ среди этой «интеллигенціи» поддержки, но, напротивъ, долженъ бояться ея и ожидать отъ нея каждую минуту какой-нибудь гадости, и гадости не грубой, на какую способенъ Деруновъ и которую не

трудно парировать, а гадости тонкой, умной, хитро задуманной, гадости «на законномъ основаніи» и даже, пожалуй, съ душкомъ гражданственности» [1]).

Быть можетъ, на всѣ эти указанія о душевной низости (какъ умственной, такъ и нравственной) средней интеллигенціи намъ возразятъ словами Фулье: «Поверхностное образованіе часто лишаетъ здраваго смысла и только глубокое, дѣйствительное, вновь возвращаетъ къ нему» [2]). Но вѣдь оказывается, что средній интеллигентный человѣкъ только и получаетъ «поверхностное образованіе». Какой же это будетъ руководитель общественной жизни, когда онъ «часто» лишенъ даже здраваго смысла, не говоря уже о раздутомъ эгоизмѣ. Какъ же отличить людей съ «глубокимъ» образованіемъ отъ людей «поверхностнаго образованія?» Очевидно, не дипломомъ, такъ какъ дипломъ, оказывается, могутъ имѣть и люди «поверхностнаго» образованія. Кромѣ того, люди дѣйствительно глубокаго образованія, какъ, напримѣръ, Декартъ, подобно Сократу, заявляютъ, что они извлекли «изъ ученія только ту пользу, что вполнѣ убѣдились въ своемъ невѣжествѣ» [3]). По словамъ Декарта, даже логика «болѣе помогаетъ говорить о томъ, чего не знаешь, чѣмъ изученію того, что еще неизвѣстно. Логика, безъ сомнѣнія, содержитъ въ себѣ множество совершенно вѣрныхъ и полезныхъ правилъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой наукѣ столько есть и безполезнаго или даже вреднаго, что такъ же трудно отдѣлить въ ней хоро-

[1]) Абрамовъ. На провинціальномъ положеніи. («Недѣля» 1890 г., № 33).

[2]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 206.

[3]) Декартъ. О методѣ для правильнаго развитія разума и для изысканія истины въ наукахъ. Стр. 4.

шее отъ дурного, какъ трудно извлечь статую Діаны или Минервы изъ куска необработаннаго мрамора» [1]).

Такимъ образомъ, для большинства людей изученіе логики, по мнѣнію Декарта, будетъ только вредно, такъ какъ выдѣлить изъ нея истину съумѣютъ только люди талантливые. Этимъ объясняется, почему «важныя новыя истины рѣдко исходятъ отъ академій» [2]). «Глубокое» образованіе нельзя считать присущимъ даже ученѣйшимъ академикамъ, такъ какъ извѣстно, что «ученые, по словамъ Ломброзо, отличаются тщеславіемъ и въ этомъ отношеніи представляютъ большое сходство съ мономаніяками, страдающими горделивымъ помѣшательствомъ» [3]). Очевидно, что эти мономаніяки лишены здраваго смысла, а потому Руссо былъ вполнѣ правъ, когда, разсказывая о своей системѣ воспитанія Эмиля, между прочимъ говорилъ: «Я дамъ ему послушать, ради увеселенія, болтовню академій» [4]).

Гдѣ же искать этихъ таинственныхъ людей «глубокаго» образованія? Не среди ли писателей? Однако, всѣмъ извѣстно, что писатель писателю рознь: Левъ Толстой и Дмитрій Толстой, Катковъ и Чернышевскій— вѣдь это два полюса, отрицающіе другъ друга. Нельзя не признать, что литература въ общемъ больше отражаетъ душу интеллигенціи, правящихъ классовъ, обладателей богатствъ, нежели народа, мало читающаго, а потому и не могущаго оплачивать мысли и труды своихъ защитниковъ. Народные инте-

[1]) Тамъ же Стр. 15.

[2]) Ар. Шопенгауэръ. Афоризмы и максимы. Стр. 297.

[3]) Ц. Ломброзо. Геніальность и помѣшательство. Стр. 20.

[4]) Ж. Ж. Руссо. Собраніе сочин., т. I. Эмиль. Стр. 320.

ресы, если и фигурируть въ литературѣ, то въ большинствѣ случаевъ въ качествѣ интересовъ податной и рабочей массы, о которой надо поневолѣ заботиться, ради собственнаго благополучія, т. е. ради развитія ея податныхъ, рабочихъ и другихъ силъ, необходимыхъ для правящаго сословія и неуклоннаго хода, такъ называемаго, прогресса. Среди этого многочисленнаго хора радѣтелей будто бы народныхъ интересовъ еле слышны малочисленные голоса писателей, относящихся къ народу не съ точки зрѣнія интересовъ интеллигенціи и правящаго класса, а по совѣсти,—съ точки зрѣнія его собственныхъ интересовъ. Нельзя не видѣть, что писатель можетъ быть враждебенъ народнымъ интересамъ. «Если писатель такого разряда силенъ, то это—сила вредная; если онъ и пользуется эрудиціею, то только для подавленія противника и для проведенія какой-нибудь идеи, весьма часто парадоксальной. Въ сущности, какъ ни странно выраженіе, его умственная дѣятельность—кулачное право къ области мысли, гдѣ для того, чтобы не вредить человѣчеству, требуется еще больше добросовѣстности и справедливости, чѣмъ въ обыкновенной жизни, въ которой возможны грубыя гарантіи; въ области же мысли такія гарантіи невозможны, она настоящая республика, которая только тогда можетъ правильно развиваться, когда люди ее составляющіе обладаютъ добродѣтелью» [1]).

По словамъ Леббока, у арабовъ есть пословица: «чернило, употребляемое ученымъ, цѣннѣе крови мучениковъ» [2]); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ признаетъ, что «есть книги, которыя, по выраженію Чарльза Ламба,

---

[1]) Владовъ. «Критическое обозрѣніе» 1879 г.

[2]) Дж. Леббокъ. Успѣхи и радости жизни. Стр. 48.

не достойны того, чтобы ихъ называли книгами» [1]). Къ сожалѣнію, этихъ послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ первыхъ,—если исключить изъ счета книги, сообщающія извѣстныя знанія по разпаго рода положительнымъ наукамъ. Читателю необходимо помнить, что мы говоримъ о писателяхъ, трактующихъ общественные вопросы,—такъ какъ трактаты по физіологіи, химіи, физикѣ и т. п. наукамъ не касаются соціологіи, а слѣдовательно и нашего изслѣдованія.

Послѣдней цитаделью интеллигентнаго бюрократизма служитъ мысль о врученіи власти надъ человѣчествомъ—талантливымъ и геніальнымъ людямъ. Въ этой цитадели они чувствуютъ себя какъ бы подъ защитой геніевъ человѣчества и дѣлаютъ смѣлыя до нахальства вылазки,—въ родѣ слѣдующей, сдѣланной Карлейлемъ: «Не можетъ человѣкъ болѣе печальнымъ образомъ засвидѣтельствовать свое собственное ничтожество, какъ выказывая невѣріе въ великаго человѣка» [2]). Карлейль, очевидно, не прочь терроризировать своего читателя; но бѣда въ томъ, что онъ самъ «выказываетъ невѣріе» въ великихъ людей, разумѣется, не считая ихъ таковыми, вопреки мнѣнію большинства. Онъ слѣдующимъ образомъ отзывается, напримѣръ, о Руссо, въ которомъ видитъ сильнѣйшаго врага своему колѣнопреклоненію передъ великими людьми: «Существеннѣйшій недостатокъ Руссо и все злополучіе, проистекшее изъ него, мы можемъ назвать однимъ словомъ эгоизмъ, который дѣйствительно есть источникъ и общій итогъ всякихъ иныхъ недостатковъ и

---

[1]) Тамъ же. Стр. 58.

[2]) Т. Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Стр. 18.

злополучій»... «Я боюсь. не былъ-ли онъ крайне тщеславнымъ человѣкомъ, жаднымъ на людскія похвалы» [1]).

Руссо нельзя не признать однимъ изъ талантливѣйшихъ писателей XVIII вѣка; однако, Карлейль не боится «засвидѣтельствовать свое собственное ничтожество» критикой этого писателя. Онъ требуетъ колѣнопреклоненія передъ тѣми, кого о н ъ признаетъ великими. Да позволитъ же онъ и намъ поступить по его примѣру; и мы, быть можетъ, забракуемъ всѣхъ его великихъ людей. Прежде всего, нельзя не признать грубой нелѣпостью слѣдующее его утвержденіе: «Скажу прямо, я не могу вовсе представить себѣ, чтобы истинно великій человѣкъ въ одномъ отношеніи не могъ быть такимъ же великимъ и во в с я к о м ъ другомъ» [2]). Очевидно, «сказать прямо» не значитъ сказать вѣрно, такъ какъ при современномъ состояніи нашихъ знаній вполнѣ доказана истина объ «односторонности развитія большинства талантовъ, слѣдовательно развитія извѣстнаго участка мозга в ъ у щ е р б ъ о б щ е м у р а з в и т і ю о р г а н а» [3]).

«Всемірная исторія, исторія того, что человѣкъ совершилъ въ этомъ мірѣ, есть, по моему разумѣнію, говоритъ Карлейль, въ сущности исторія великихъ людей, потрудившихся здѣсь, на землѣ» [4]). При этомъ онъ забываетъ, что «всѣ великіе люди обязаны своею силой только великимъ идеямъ, которыхъ они были скорѣе осуществителями, чѣмъ изобрѣтателями и которыя изобрѣтены были всего чаще маленькими неизвѣ-

[1]) Тамъ же. Стр. 260.

[2]) Тамъ же. Стр. 110.

[3]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 89.

[4]) Томасъ Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Стр. 1.

стными людьми» [1]). Зачѣмъ же обижать этихъ послѣднихъ?!

Впрочемъ, врядъ-ли интеллигентный бюрократизмъ вправѣ опираться на ученіе Карлейля о „поклоненіи великимъ людямъ, такъ какъ самъ же Карлейль утверждаетъ, что его «великіе люди» при жизни не только не были признаны великими, а часто даже пресмыкались въ неизвѣстности. Именно величіе этихъ людей мы лично и склонны признать,—такъ какъ ясно, что они опередили свой вѣкъ. «Герой, какъ писатель, является всецѣло продуктомъ новыхъ вѣковъ», говоритъ Карлейль. «Этотъ человѣкъ, со своими авторскими правами и авторскимъ безправіемъ, на своемъ грязномъ чердакѣ, въ своемъ покрытомъ плѣсенью платьѣ (?), человѣкъ управляющій послѣ смерти изъ своей могилы цѣлыми націями и поколѣніями, безразлично, хотѣли-ли или не хотѣли они дать ему кусокъ хлѣба при жизни,—представляетъ по истинѣ необычайное зрѣлище!» [2]).

Если великіе люди чаще всего признаются великими только послѣ смерти, то возводить въ принципъ диктатуру этихъ людей надъ невѣжественной толпой не имѣетъ никакого смысла. Вѣдь окажется, что человѣчество будетъ находиться во всякомъ случаѣ подъ диктатурой не великихъ людей, а только жрецовъ его культа,—что совсѣмъ иное дѣло.

Г. Жоли тоже старается доказать, что для толпы будетъ выгодно подчиниться руководству геніевъ. Онъ убѣждаетъ, что демократія не должна съ подозритель-

---

[1]) Ж. Тардъ. Законы подражанія. Стр. 82.

[2]) Т. Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Стр. 217 и 218.

ностью относиться къ геніальнымъ людямъ, такъ-какъ тиранія посредственности для нея опаснѣе владычества генія [1]). Съ этимъ, сдѣлавъ нѣкоторыя оговорки, нельзя не согласиться, особенно принимая во вниманіе то обстоятельство, что тиранія посредственности мало разсчитывая на собственное внутреннее превосходство и силу убѣжденія, вынуждена (чаще, чѣмъ это случается съ геніями) прибѣгать для своего торжества къ ложному блеску, насилію и хитрости. Но спрашивается: неужели-же человѣчество должно идти только по этимъ двумъ путямъ и не можетъ избрать третьяго, на которомъ оно не встрѣтитъ ни тираніи посредственностей, ни тираніи геніевъ? Жоли говоритъ, что идеалъ общественнаго состоянія будетъ достигнутъ только тогда, когда общественное устройство, подготовляя новыхъ геніевъ и содѣйствуя ихъ усиліямъ, въ то же время съумѣетъ во-время удержать ихъ отъ увлеченій. Этимъ самымъ онъ признаетъ право общества не подчиняться никакимъ геніямъ, такъ-какъ въ концѣ концовъ рѣшающій голосъ принадлежитъ только ему одному. Впрочемъ, нашъ авторъ не выражается ясно объ этомъ предметѣ и задаетъ вопросъ: почему демократія должна непремѣнно ревниво относиться ко всякому генію? На это можно отвѣтить словами Паскаля, которыми восхищается и Жоли: великій человѣкъ не бываетъ великимъ во всемъ и во всякое время; его геній проникаетъ собою далеко не все, что онъ дѣлаетъ; если его голова и поднимается далеко выше нашихъ, за то его ноги стоятъ такъ-же низко, какъ ноги самыхъ малыхъ изъ насъ [2]). Признавъ эту истину, Жоли долженъ

[1]) Г. Жоли. Психологія великихъ людей.

[2]) Мысли Паскаля. Спб. 1843 года. Стр. 212.

былъ-бы понять право человѣчества на самый строгій контроль надъ геніями, такъ-какъ иначе вмѣстѣ съ добромъ они вносили бы въ человѣческую жизнь массу зла [1]). Да, наконецъ, этотъ контроль нуженъ и для самаго признанія геніальности человѣка, иначе всякій хвастунъ и самозванецъ могъ-бы требовать себѣ права руководить мыслью и дѣлами человѣчества. Необходимо признать, что право геніевъ на руководство должно быть основано только на ихъ умѣньи убѣдить человѣчество въ справедливости сво ихъ мыслей и дѣйствій; тиранія-же геніевъ, хотя она и выгоднѣе тираніи посредственностей, никогда не можетъ быть оправдана, разъ мы признаемъ истину, такъ картинно выраженную Паскалемъ.

Защитникамъ интеллигентнаго бюрократизма не мѣшаетъ также твердо помнить, что «самыя жестокія преслѣдованія геніальнымъ людямъ приходится испытывать именно отъ ученыхъ академиковъ, которые въ борьбѣ противъ генія, обусловливаемой тщеславіемъ, пускаютъ въ ходъ свою «ученость», а также обаяніе ихъ авторитета, по преимуществу признаваемаго за ними, какъ дюжинными людьми, правящими классами, тоже по большей части состоящими изъ дюжинныхъ людей» [2]). Такимъ образомъ, ближайшій

---

[1]) Извѣстно, что многіе геніи были, такъ сказать, умственно тронутыми. «Въ мировой исторіи, по словамъ Dr. Ireland'a, лица, въ нѣкоторой степени разстроенныя разумомъ, имѣли большое вліяніе, но чтобы производить это вліяніе—ихъ заблужденія должны гармонировать съ заблужденіями толпы». Такова была, между прочимъ, и Жанна д'Аркъ. (Dr. Ieralanda. Психозы въ исторіи. Стр. 74).

[2]) И. Ломброзо. Геніальность и помѣшательство. Стр. 27.

путь (какъ мы уже говорили), для воплощенія геніальной мысли въ жизнь не лежитъ черезъ признаніе ее учеными мужами, а черезъ признаніе самимъ обществомъ и народомъ. Тѣмъ болѣе, что уровень умственнаго развитія ученыхъ постепенно понижается, благодаря научной спеціализаціи, такъ что, по словамъ Шопенгауэра, «мы скоро увидимъ ученыхъ, которые внѣ своей спеціальности будутъ чистыми ослами» [1]). Къ сожалѣнію, это предсказаніе уже сбылось. Только этимъ и можно объяснить *усиленіе*, въ наше время, стремленій многихъ ученыхъ насиловать совѣсть и мысль народа.

«Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешнею»—за учеными тянутся и ученики ихъ. Они кичатся той ничтожной крупицей знанія, какую имъ удалось вдолбить въ себя, и вопятъ: «Народъ невѣжественъ, народъ дикъ, народъ такой-сякой; а вы, народники, еще хотите, чтобы онъ самъ опредѣлялъ тѣ общественныя формы, въ которыхъ ему приходится жить! Нѣтъ, не бывать этому! Мы, во имя народныхъ же интересовъ, устроимъ все по *своимъ* просвѣщеннымъ воззрѣніямъ; мы естественные опекуны и радѣтели народа». Эти самозванные опекуны, разумѣется, не настолько недалеки, чтобы не понимать, что народъ не пойдетъ *добровольно* за своими просвѣтителями, такъ какъ онъ, по ихъ мнѣнію, невѣжественъ и дикъ. По свойственной всѣмъ народамъ привычкѣ, онъ захочетъ жить *своимъ* умомъ и по *своей* совѣсти,— это доказываетъ тысячелѣтняя исторія мужика, который сохранилъ за собою такую, напримѣръ, долю само-

---

[1]) Ар. Шопенгауэръ. Афоризмы и Максимы, т. I, стр. 301.

управленія, о которой культурнымъ классамъ и не снилось. Недаромъ ретроградные агитаторы, стремясь разрушить общинное самоуправленіе, толковали о существованіи на Руси многихъ сотенъ тысячъ «маленькихъ республикъ». Разумѣется, ретрограды сильно привирали; имъ претило самое существованіе общественныхъ клѣточекъ, жизнь которыхъ опредѣлялась не приказомъ чиновника, а коллективнымъ рѣшеніемъ членовъ этой клѣточки. Въ своемъ стремленіи подчинить все и вся бюрократической машинѣ ретрограды натолкнулись на препятствіе—общинное самоуправленіе, и стали вопить объ опасностяхъ его. Къ счастью, здравый смыслъ практиковъ государственнаго дѣла не былъ затуманенъ этими ретроградными криками, основанными на чисто-теоретическихъ соображеніяхъ, и государство продолжало, сравнительно, мало вторгаться во внутреннюю жизнь общины. Въ то время какъ жизнь культурныхъ классовъ подчинена томамъ свода законовъ, впитавшихъ въ себя начала римскаго права, гражданская жизнь крестьянъ регулируется ихъ собственными обычаями, т. е. народнымъ мнѣніемъ. Правда, общинная самостоятельность не настолько широка, какъ-бы слѣдовало, но все-таки самобытность крестьянской жизни нельзя и сравнивать съ самобытностью культурныхъ классовъ, жизнь которыхъ, можно сказать, вполнѣ регулируется бюрократическими воздѣйствіями. Нельзя упускать изъ виду, что «каждый изъ крестьянъ вскормился и выросъ, окруженный атмосферою равенства съ своими собратами» [1]).

Вмѣсто того, чтобы способствовать укрѣпленію

---

[1]) Ал. Л—шъ. Сельская община въ Олонецкой губерніи. («Отечеств. Записки» 1874 г. № 2, стр. 232).

идеи о необходимости общиннаго самоуправленія, недоумки просвѣщеннаго бюрократизма кричатъ только о дикости и невѣжествѣ крестьянской массы и стремятся подчинить ее своимъ «просвѣщеннымъ» воззрѣніямъ. Болѣе логичные изъ нихъ понимаютъ, что разъ они считаютъ массу дикой и невѣжественной, то ждать отъ нея добровольнаго подчиненія ихъ «гуманнымъ и просвѣщеннымъ» взглядамъ было-бы нелѣпо, а потому и сочиняютъ проекты объ устройствѣ насильственнаго подчиненія. Но есть множество и такихъ, которые не задумываются надъ этимъ роковымъ вопросомъ и готовы думать, что мужикъ будетъ ослѣпленъ ихъ гуманностью и просвѣщеніемъ и не замедлитъ воскликнуть: «идите править и володѣть мною!» Близорукость этихъ Маниловыхъ просвѣщеннаго бюрократизма ясна для всякаго, въ практической жизни сталкивавшагося съ людьми вообще и съ русскимъ крестьяниномъ въ частности. Еслибы дѣло шло только о духовномъ воздѣйствіи просвѣщенныхъ людей на крестьянскую массу, то, разумѣется, никто ничего-бы не имѣлъ противъ этого. Даже напротивъ: каждый истинный защитникъ народныхъ интересовъ постоянно занятъ мыслью о развитіи народнаго міросозерцанія, объ улучшеніи его нравственности. Понимая, что насильственными мѣропріятіями здѣсь ничего не подѣлаешь, онъ тѣмъ не менѣе никогда не отказывается отъ критики народнаго міросозерцанія и распространенія результатовъ ея среди крестьянства; но народникъ долженъ дѣйствовать только путемъ распространенія идей, примѣромъ и тому подобными вполнѣ духовными средствами и отвергать всякое насиліе, какъ позорное орудіе, не могущее служить улучшенію народной совѣсти и только деморализирующее ее, такъ какъ человѣкъ, руковод-

ствующійся не собственнымъ мнѣніемъ, а чужимъ приказомъ, ставится въ положеніе безсловеснаго скота. Уже Спиноза указывалъ къ чему приводитъ честолюбіе, т. е. желаніе, чтобы всѣ жили согласно съ понятіями честолюбца: «такъ какъ всѣ одинаково желаютъ этого, говоритъ онъ, то и приходятъ въ столкновеніе между собою, и въ то время, какъ всѣ хотятъ, чтобы ихъ любили и хвалили, всѣ ненавидятъ другъ друга» [1]). Совершенный, говорилъ еще Будда, не помышляетъ о господствѣ надъ общиной, не стремится къ ея подчиненію [2]).

Впрочемъ, народники отвергаютъ насильственное внесеніе цивилизаціи и просвѣщенія въ среду крестьянъ нетолько потому, что гнушаются насиліемъ надъ чужою совѣстью, мыслью и волею, но и на томъ основаніи, что считаютъ такой способъ дѣйствія вполнѣ нецѣлесообразнымъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что самая лучшая общественная форма быстро выродится, разъ она не соотвѣтствуетъ чувствамъ и мысли тѣхъ людей, которые живутъ въ ней. Примѣровъ подобнаго явленія исторія человѣческихъ обществъ представляетъ немало. А потому всякое насильственное улучшеніе общественной формы ведетъ только къ остановкѣ ея естественнаго прогрессивнаго развитія, такъ какъ развращаетъ общественную мысль и совѣсть употребленіемъ такого, совсѣмъ не прогрессивнаго, средства, какъ насиліе. И такъ, если мы предположимъ даже такой случай, въ которомъ просвѣщенный бюрократизмъ будетъ насильственно у л у ч ш а т ь обществен-

---

[1]) Бен. Спиноза. Этика. Стр. 178.

[2]) Герм. Ольденбергъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Стр. 166.

ную форму, то и тогда онъ нанесетъ только вредъ народу. Но кто гарантируетъ намъ, что просвѣщенный бюрократизмъ будетъ ее улучшать, а не портить? Развѣ мы не видимъ, какъ на Западѣ, во имя ученій агрономической науки, старались скучивать землю въ крупные участки, создавъ, такимъ образомъ, сельскій пролетаріатъ? Извѣстно, что юридическія и экономическія науки имѣютъ тенденцію служить самому сильному элементу каждаго даннаго общества, а потому и вводятъ очень часто эгоистическія вождѣленія сильныхъ въ научный принципъ. Исторія политико-экономическихъ ученій можетъ быть прекрасной иллюстраціей этого положенія.

Ставя общественныя формы въ зависимость отъ народнаго міросозерцанія, народники вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, что мнѣнію народа должны быть подчинены только тѣ формы, въ которыхъ онъ живетъ самъ и о которыхъ, слѣдовательно, онъ думаетъ и имѣетъ свое особое мнѣніе. Такъ какъ народъ подраздѣляется на группы: крестьянъ и горожанъ, то понятно, что каждая изъ нихъ должна вполнѣ самостоятельно опредѣлять судьбу своихъ общественныхъ порядковъ. Городъ и деревня во многомъ отличаются другъ отъ друга, и было-бы нелѣпо подчинять, напримѣръ, городъ міросозерцанію села и наоборотъ. Кромѣ народа, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, у насъ существуетъ и такъ называемый культурно-интеллигентный слой общества. Строгое примѣненіе народническаго принципа не только не требуетъ подчиненія жизни этого класса народному міросозерцанію, а наоборотъ, указываетъ на то, что и здѣсь необходимо примѣнять тотъ-же народническій принципъ о зави-

симости общественной формы отъ мнѣнія людей, въ ней сгруппировавшихся. Права культурно-интеллигентнаго слоя на самостоятельное опредѣленіе своей судьбы и жизни не могутъ быть меньше правъ другихъ общественныхъ группъ: крестьянъ и горожанъ. А потому интересы, напримѣръ, высшаго образованія, о которомъ народъ не имѣетъ никакого понятія, должны стоять въ зависимости отъ міросозерцанія не народа, а интеллигенціи. Правда, народъ вправѣ отказаться въ этомъ случаѣ отъ всякихъ матеріальныхъ жертвъ на дѣло, о которомъ онъ не имѣетъ никакого понятія; но мы уже указывали въ первой части нашего труда, что дѣло высшаго образованія можетъ быть устроено помимо всякихъ матеріальныхъ жертвъ со стороны народа, при чемъ интересы этого образованія не только не пострадаютъ, а даже выиграютъ.

Слѣдовательно, народническій принципъ требуетъ чтобы всѣ общественныя группы вполнѣ самостоятельно опредѣляли свою жизнь. Но такъ какъ они живутъ въ тѣсномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, то возникаетъ сфера жизненныхъ отношеній общая для всѣхъ ихъ. Существованіе этой «общей» жизненной сферы породило государство, какъ центръ единенія всѣхъ, ради общаго блага. Дѣятельность государства должна, слѣдовательно, опредѣляться равнодѣйствующей всѣхъ сталкивающихся въ немъ общественныхъ силъ. И такъ какъ народъ является самой многочисленной общественной группой, то его интересы должны преобладать и въ государственной дѣятельности. Но государство не должно вмѣшиваться въ спеціальныя сферы жизни какъ народа, такъ и интеллигентнаго класса, а завѣдывать только общей

для нихъ сферой. Имѣя въ виду устройство «общей» сферы жизни, напомнимъ слова Монтескье: «народъ удивительно способенъ для избранія тѣхъ, которымъ онъ долженъ довѣрить нѣкоторую часть своей власти» [1]).

Истинный общественный прогрессъ только подрывается внесеніемъ въ жизнь бюрократическаго принципа,—въ какой-бы обольстительной и заманчивой формѣ онъ ни представлялся намъ въ данную минуту. Государство должно слѣдовать по пути, указываемому народно-общественнымъ мнѣніемъ, а отнюдь не вопреки ему, хотя-бы его дѣйствія при этомъ и шли вразрѣзъ, какъ съ нашимъ личнымъ убѣжденіемъ, такъ и съ тѣмъ, что проповѣдуетъ наука. Мы оставляемъ за собою только право критиковать народно-общественное мнѣніе и стараться дать ему другое направленіе; но государство, повторяемъ, должно давать общественнымъ вопросамъ только то направленіе, которое соотвѣтствуетъ народно-общественному мнѣнію. А потому, въ настоящее время, когда наша интеллигенція, можно сказать, до мозга костей проникнута бюрократическими замашками [2]), главная обязанность людей, защищающихъ интересы народа, должна состоять въ ясной постановкѣ той истины, что главный интересъ народа состоитъ въ возможности жить по своей волѣ, хотя-бы интеллигенція была увѣрена, что

---

[1]) О существѣ законовъ. Твореніе Г. Монтескье. Изданіе Василія Сопикова. Москва. 1809 г. Часть I. Стр. 19.

[2]) Мы уже приводили много примѣровъ насильственныхъ дѣйствій интеллигенціи, а потому здѣсь ограничимся только фактомъ изъ дѣятельности врачебной интеллигенціи, такъ какъ она особенно настаиваетъ на необходимости безпрекословнаго подчиненія своимъ велѣніямъ. Насъ побуждаетъ къ этому и то, что само

при этомъ народъ будетъ хуже ѣсть, пить и одѣваться. Мы должны, наконецъ, понять, что для народа его духовныя потребности выше матеріальныхъ, какъ и для насъ, и что его стремленіе имѣть экономическую независимость нельзя объяснять только въ матеріальномъ смыслѣ. Пусть наши противники сознаютъ только то, что независимость (какъ юридическая, такъ и экономическая) есть главное и основное благо личности, и они поймутъ тогда, что наша проповѣдь передъ правящими классами о необходимости принимать во вниманіе народное мнѣніе есть логически необходимый выводъ для всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ только счастья большинства людей и не примѣшиваетъ къ этому

образованное общество, смущаемое жреческой авторитетностью гг. врачей, склонно подчиняться ихъ игу болѣе, чѣмъ какому-либо другому. Фактъ, о которомъ мы говоримъ, сообщенъ «Саратовскимъ Дневникомъ» за 1885 г. Дѣло въ томъ, что въ городѣ Базулукѣ произошли довольно серьезные безпорядки, вызванные мѣрами противъ распространенія чумы. Въ одномъ изъ городскихъ табуновъ пала корова. Ветеринаръ нашелъ, что она пала отъ чумы. Освидѣтельствовавъ табунъ, онъ торжественно объявилъ, что весь табунъ зараженъ чумою и что его слѣдуетъ немедленно истребить поголовно. Такъ и рѣшили. Узнавши о такомъ рѣшеніи, обыватели собрались громадной толпой и насильно разогнали табунъ по домамъ; но чумная комиссія отправилась по дворамъ и стала убивать коровъ. Нѣкто Трофимовъ взялся за колъ и, проводивъ ими незванныхъ гостей со двора, заперъ ворота на замокъ. Подняли на ноги полицію. Городъ заволновался. Собралась тысячная толпа народа, вступилась за Трофимова и на требованіе полиціи выдачи на убой коровы, толпа дала категорическій отвѣтъ, что корову не выдадутъ, потому что она не больна. Полиція по необходимости удалилась. Въ концѣ концовъ, оказалось, что обыватели были правы: чумы не было. («Новое Время» 1885 г., № 3398).

какихъ-либо постороннихъ, хотя-бы и не личныхъ, цѣлей.

Народники никогда не отказывались имѣть свои мнѣнія по вопросамъ, о которыхъ существуетъ и народное мнѣніе. Но одно дѣло—высказывать свое мнѣніе съ цѣлью критики народнаго мнѣнія, и другое дѣло—стараться насильно навязать народу строй жизни, сообразный не съ его понятіями, а съ нашими. Въ этомъ-то пунктѣ и лежитъ пропасть, раздѣляющая народничество отъ интеллигентнаго бюрократизма.

«Лучшая» часть интеллигенціи должна помочь крестьянамъ избавиться отъ вреднаго вліянія самой интеллигенціи,—это первое и самое важное ея дѣло. Но для этого необходимо, чтобы «лучшіе» элементы интеллигенціи могли опереться на самихъ крестьянъ, т. е. необходима полнѣйшая самостоятельность крестьянъ отъ интеллигентно-культурнаго слоя. Разъ крестьянская жизнь будетъ отдана подъ опеку интеллигенціи вообще, то этимъ самымъ она будетъ направляться не тѣмъ меньшинствомъ ея, которое благожелательно крестьянскому дѣлу, а «образованными и достаточными классами». Поэтому-то, только при полной независимости крестьянской жизни отъ руководства интеллигенціи вообще, мы можемъ надѣяться на то, что меньшинство интеллигенціи сдѣлается, благодаря нравственному своему вліянію, руководителемъ крестьянской жизни. имѣя въ виду только благо всего общества.

Къ сожалѣнію, многіе не уяснили себѣ этихъ истинъ и, имѣя въ виду, какъ можно думать, вліяніе меньшинства благожелательной народу интеллигенціи, говорятъ о необходимости вліянія интеллигенціи вообще, что можетъ повести совсѣмъ къ другимъ результатамъ. Повторяемъ, только полная независимость

крестьянской жизни отъ юридическаго и экономическаго вліянія интеллигенціи вообще дастъ просторъ благожелательному для крестьянъ нравственному вліянію меньшинства интеллигенціи. На этомъ основаніи мы и желали бы ограниченія какъ юридическаго, такъ и экономическаго вліянія интеллигенціи на крестьянство.

ГЛАВА III.

Либерализмъ и народничество.

Хаотическое состояніе общественной мысли, существующее у насъ въ настоящее время, можетъ быть выгодно только тѣмъ изъ направленій, которыя прикрываютъ эгоистическія стремленія отдѣльныхъ группъ народонаселенія разными прекрасными словами, скрывающими отъ многихъ, даже вполнѣ честныхъ людей, ихъ нравственныя язвы. Благодаря этому хаотическому состоянію, либерализмъ, напримѣръ, многими считается защитникомъ общенародныхъ интересовъ, что, разумѣется, придаетъ ему извѣстный нравственный престижъ, въ сущности ему непринадлежащій. Изъ желанія сохранить этотъ престижъ либерализмъ, между прочимъ, старался избавиться отъ народническихъ обличеній тѣмъ, что указывалъ на частичное сходство своихъ воззрѣній съ народническими въ области свободы слова, вѣроисповѣданія, печати и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, упрекая народниковъ чуть-ли не въ поднятіи междоусобной распри. По словамъ либераловъ, народники должны быть ихъ друзьями во имя тѣхъ частичныхъ сходствъ ихъ программъ, на которыя мы только что указали. Но при этомъ гг. либералы забываютъ, что, по мнѣнію народниковъ, крупица истины, находящаяся въ либерализмѣ, не можетъ

закрыть его громадныхъ недостатковъ. Умалчивать объ этихъ недостаткахъ, во имя союзнаго дѣйствія народничества съ либерализмомъ, это значитъ дѣйствовать на руку своимъ врагамъ, такъ какъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ программа либерализма враждебна народничеству. Правда, и съ врагами входятъ иногда въ союзы, — напр., при баллотировкахъ, сраженіяхъ и т. п., — но въ литературной дѣятельности, имѣющей цѣлью развить критическую мысль въ читателѣ, совершенно нецѣлесообразно умалчивать о недостаткахъ, хотя-бы и будущаго только, врага. Однако, либерализмъ не есть только будущій врагъ народничества, какъ склонны думать нѣкоторые; нѣтъ, и въ прошломъ, и въ настоящемъ онъ старается склонить какъ общество, такъ и государство къ своей программѣ во всей ея цѣлости, а не только въ той части, съ которой она схожа съ народничествомъ. Осуществленіе этихъ стремленій, по нашему мнѣнію (которое мы и постараемся оправдать въ этомъ трудѣ), будетъ гибельно для русскаго народа и государства, а потому мы и считаемъ своею нравственною обязанностью раскрывать истинную сущность либерализма, прикрываемую, до сихъ поръ, знаменемъ общаго блага. На западѣ «слово либералъ сдѣлалось синонимомъ самодовольной пассивности и голаго отрицанія реформъ въ пользу сельскаго и городскаго пролетаріата» [1]). «Одинъ политическій идеалъ безъ экономическаго, говоритъ Стронинъ, въ наше время безсиленъ»... «Одной всеобщей подачи голосовъ, одной наружности и маски демократизма достаточно только для наложенія демократическаго колорита на тимократію (т. е. господство средняго класса,

[1]) Л. З. Слонимскій. Основные вопросы политики. Стр. 248.

буржуазіи); но этого слишкомъ мало еще для осуществленія чистой демократіи». Для этого «необходимо было бы, что бы эти низшіе классы обладали не только правами, но также и собственностью, не только собственностью, но также и знаніями, не только знаніями, но также и властью... Ни Соединенные Штаты, ни Франція не производятъ исключенія и подобно всѣмъ остальнымъ государствамъ... суть чистѣйшія тимократіи» [1]). Во Франціи, «въ Корсикѣ, говоритъ г. Венюковъ, до сихъ поръ сохранились широкіе остатки общиннаго владѣнія землями, особенно лѣсами и пастбищами, а для буржуа-капиталиста это—рѣшительно острый ножъ. «Соціализмъ, коммунизмъ, подлежащіе искорененію!», думаетъ онъ, и если не кричитъ этого на стогнахъ и сонмищахъ, то лишь потому, что стыдно признаться въ собственномъ идеалѣ соціально-экономическаго устройства. Вѣдь идеалъ этотъ состоитъ въ томъ, что всѣ богатства, движимыя и особливо недвижимыя, приносящія доходъ, должны принадлежать лишь немногимъ капиталистамъ. Въ такихъ наклонностяхъ признаться все еще стыдно» [2]). Ту же черту утаиванья своихъ экономическихъ воззрѣній мы встрѣчаемъ и у большинства литературныхъ представителей русскаго либерализма. Наша интеллигенція гораздо болѣе наклонна къ интеллигентному бюрократизму, нежели къ буржуазному *либерализму*,—отсюда нѣкоторая стыдливость нашихъ либераловъ въ своей проповѣди. Часто они даже довольно тщательно скрываютъ свои экономическія воззрѣнія, только стараясь отвлечь мысль интел-

---

[1]) А. Стронинъ. Политика какъ наука. Стр. 212 и 213.

[2]) П. Венюковъ. Въ странѣ бандитовъ. Стр. 21. («Книжки Недѣли» 1892 г., № 10).

лигенціи отъ работы надъ экономическимъ освобожденіемъ народа. Таковъ, напримѣръ, былъ, по описанію Н. В. Шелгунова, извѣстный редакторъ журналовъ «Русское Слово» и «Дѣло».

«Благосвѣтловъ, говоритъ Шелгуновъ, былъ именно хозяинъ-буржуа, и его грубость, заносчивость и деспотизмъ въ отношеніяхъ къ сотрудникамъ, къ рабочимъ типографіи, къ фактору и ментрампажу.., — все это было не барствомъ, а настоящею буржуазностью и нерѣдко низкаго сорта»... «Но особенность буржуазности въ томъ и заключается, что она можетъ проповѣдывать политическое братство и свободу, и при нихъ, и ничѣмъ не измѣняя имъ, отлично устраивать свои дѣла. Сдѣлавшись богатымъ хозяиномъ, Благосвѣтловъ тоже началъ обнаруживать двойственность, которая раньше, когда онъ былъ бѣднѣе, была или слабѣе, или менѣе замѣтна. Его царапали статьи, въ которыхъ говорилось противъ эксплуатаціи и въ защиту труженика, рабочаго и мужика. Мужика онъ вообще недолюбливалъ. Въ подобныхъ статьяхъ онъ точно читалъ упрекъ себѣ, а, можетъ быть, ему казалось, что авторъ и прямо думалъ или говорилъ о немъ. Статьи онъ принималъ и печаталъ, но, кажется, былъ бы довольнѣе, если бы подобныхъ статей ему не доставляли»... «И получился двойственный человѣкъ, честный политически и, въ то же время, давившій экономически,—человѣкъ, признававшій полное равенство въ политическихъ правахъ и не допускавшій равенства между собою и тѣми, кому онъ платилъ жалованье и кто на него работалъ. Живя въ роскоши, онъ не думалъ о чужой бѣдности и не обнаруживалъ къ ней сочувствія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ очень твердъ. Онъ какъ будто находилъ даже удовлетвореніе въ

томъ, что его подручные были бѣднѣе его, точно это поднимало его надъ ними, и денежная ихъ зависимость отъ него возвышала его авторитетъ и льстила его чувству власти. Въ этомъ и въ политической честности онъ и полагалъ свое достоинство» [1]).

То, что у насъ извѣстно подъ именемъ «либеральнаго направленія», главнымъ образомъ, состоитъ изъ трехъ элементовъ: «интеллигентнаго или просвѣщеннаго бюрократизма», о которомъ мы только что говорили, «либерализма» [2]) и «народничества». Для болѣе полнаго выясненія этихъ направленій оглянемся назадъ на тѣ теченія нашей общественной мысли, которыя были ихъ первообразами. Общественная мысль въ качествѣ всегдашняго піонера соціальныхъ реформъ, давно уже изыскивала лучшій путь для нихъ. Но такъ какъ наше общество, какъ и вообще всѣ современныя общества, состоитъ изъ различныхъ слоевъ, интересы которыхъ не вполнѣ солидарны, то, понятно, и общественная мысль должна была расколоться, пойти по разнымъ путямъ. Всѣ струи общественной мысли, еще въ недавнее время, могли быть схематизированы въ двухъ видахъ. Первую схему мы назовемъ «юридическимъ» направленіемъ; вторую—«экономическимъ».

---

[1]) Н. В. Шелгуновъ. Переходные характеры. Стр. 112 и 113. («Русская Мысль» 1888 г., № 3). Желающимъ ближе ознакомиться съ личностью радикала-буржуа, Благосвѣтлова, можемъ рекомендовать заглянуть въ «Критико-біографическій словарь» С. А. Венгерова т. III, стр. 345—362.

[2]) «Названіе «либералъ» впервые было введено въ политику друзьями конституціонной монархіи во Франціи въ началѣ нынѣшняго столѣтія». Сущность либерализма состояла въ стремленіи «сохранить равновѣсіе между авторитетомъ монархіи и аристократіи съ одной стороны, и демократіи—съ другой стороны». (Томасъ Ралей. Элементарная политика. Стр. 61).

Подъ названіемъ «юридическаго» направленія мы подразумѣваемъ то, которое указываетъ на увеличеніе объема политическихъ правъ русскихъ гражданъ, какъ на панацею отъ всѣхъ золъ русской земли. Экономическіе вопросы отодвигаются послѣдователями этого направленія на второй планъ; по ихъ мнѣнію, прежде всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ о правахъ личности и объ общественныхъ гарантіяхъ этихъ правъ. Основой общественной гарантіи правъ личности они считаютъ участіе общественнаго мнѣнія въ государственныхъ отправленіяхъ. Но, къ сожалѣнію, вопросъ о формѣ, въ которой общественное мнѣніе должно принять участіе въ государственной дѣятельности, не можетъ быть выясненъ, благодаря «независящимъ обстоятельствамъ». Несомнѣнно одно, что эта-то туманность и привлекала многихъ къ этому направленію. Каждый воленъ подразумѣвать что хочетъ подъ словами «общественное мнѣніе». Одинъ подразумѣваетъ подъ нимъ мнѣніе лицъ, получившихъ отъ государства свидѣтельство объ окончаніи извѣстнаго курса наукъ. Другой думаетъ, что дѣло совсѣмъ не въ наукахъ, а въ толстомъ карманѣ: цензъ—любимое словечко этихъ господъ. Одинъ изъ нихъ, въ порывѣ усердія къ насажденію у насъ въ Россіи западно-европейскаго либерализма, перевелъ книгу Германа Лотце, откровенно проповѣдующую господство имущихъ надъ неимущими. Казалось-бы, говоритъ Лотце, что названіе гражданинъ—только титулъ, который еще долженъ быть пріобрѣтенъ и который предполагаетъ, что кто-нибудь, въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, въ какой-нибудь общинѣ и, сверхъ того, въ какой-нибудь профессіи, доказалъ, что онъ дѣйствительно способенъ оказывать обществу услуги. Въ виду этого, слѣдовало-бы

скорѣе желать гораздо большаго ограниченія активной политической правоспособности, чѣмъ это практикуется въ настоящее время. При кажущейся суровости, такое ограниченіе было-бы даже въ интересахъ исключенныхъ, потому что порядокъ, которому они нисколько не способствуютъ, но изъ котораго извлекаютъ пользу, безъ ихъ содѣйствія былъ бы во всякомъ случаѣ болѣе обезпеченъ. Какою-же мѣркою мы можемъ измѣрять способность человѣка быть гражданиномъ? На это буржуазный философъ даетъ извѣстный либеральный отвѣтъ. «Полное участіе въ государственной жизни предполагаетъ, конечно, интересъ къ ея благу и способность къ управленію ею. Ни то, ни другое не поддается непосредственному измѣренію; но величина перваго можетъ съ нѣкоторою вѣроятностью считаться пропорціональною той потерѣ, какую нарушеніе порядка причинило-бы отдѣльному лицу, т. е. пропорціональною его имуществу, почему имущественный цензъ—самый обычный, не вполнѣ надежный, но и не негодный масштабъ, по которому представляется и измѣняется участіе въ гражданскихъ правахъ» [1]). Буржуазному философу слѣдовало бы помнить слова св. Іеронима: omnis dives aut iniquus, aut haeres iniqui», т. е. всякій богачъ или самъ творилъ беззаконія или наслѣдовалъ творившему ихъ. Поэтому «богатство часто ведетъ къ тому, что дѣлаетъ людей нищими духомъ» [2]). По свидѣтельству психіатра Маудсли, «у потомковъ людей, усиленно и упорно работавшихъ, чтобы достичь богатства, обнаруживается умственное и физическое вырожде-

[1]) Германъ Лотце. Основанія практической философіи.
[2]) Дж. Леббокъ. Успѣхи и радости жизни. Стр. 176.

ніе, такъ что они вымираютъ въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи» [1]). Напрасно, поэтому, цензовики стараются доказать, что только люди состоятельные достойны быть выразителями «общественнаго мнѣнія», что только они имѣютъ досугъ для размышленій и искренно стремятся къ сохраненію общественнаго порядка. Бѣднякъ, говорятъ они, легко увлекается фантастическими вымыслами и ради осуществленія ихъ готовъ жертвовать существующимъ общественнымъ порядкомъ; онъ ничего не можетъ проиграть, а потому всегда надѣется выиграть.

Многіе утверждаютъ, что эта готовность бѣдняка на всякія жертвы можетъ быть устранена, если въ общественномъ мнѣніи будетъ выражаться мысль выборныхъ всего народа. Защитники этого воззрѣнія утверждаютъ, что «цензовики» отнюдь не могутъ выражать собою народное мнѣніе, а только мнѣніе одного класса, и что ихъ мнѣнія идутъ очень часто въ разрѣзъ съ интересами какъ народа, такъ и государства. Если они ставятъ экономическіе вопросы на второй планъ, такъ только потому, что путь увеличенія объема правъ личности считаютъ самымъ короткимъ путемъ къ благосостоянію массъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они утверждаютъ, что «цензовики» способны исказить государственную дѣятельность и направить ее къ закрѣпленію бѣдности и экономическаго рабства.

Очевидно, что струи «юридическаго» направленія совсѣмъ неоднородны и быстро вступили-бы въ борьбу другъ съ другомъ, если-бы надъ ними не тяготѣли «независящія обстоятельства». Теперь-же эти разно-

---

[1]) Dr. Scholz. Діэтетика духа. Перев. проф. П. И. Ковалевскаго. Стр. 35.

родныя струи находятся въ кажущемся единеніи, что придало юридическому направленію тотъ импонирующій видъ, который оно пріобрѣло въ семидесятыхъ годахъ. Но съ уменьшеніемъ давленія «независящихъ обстоятельствъ», когда каждый долженъ будетъ выяснить детально свои общественные идеалы, всплывутъ наружу рѣзкія отличія, которыя кроются въ существѣ этихъ разнородныхъ струй, сдавленныхъ пока въ одно теченіе.

Второе направленіе общественной мысли названо нами «экономическимъ». Придерживающіеся этого направленія утверждаютъ, что въ основаніи человѣческаго счастія лежитъ экономическая независимость и благосостояніе. По ихъ мнѣнію, безъ экономической независимости всѣ юридическія права личности теряютъ всякое значеніе, дѣлаются просто фикціей, красивой игрушкой. Подобно Исаву, бѣднякъ долженъ уступать свои права за чечевичную похлебку нашего времени—рабочую плату, едва дающую ему возможность не умирать съ голоду и поставлять потребное для капиталистовъ число рабочихъ рукъ. Для человѣка, работающаго по 16 часовъ въ сутки, у котораго не хватаетъ времени думать о чемъ бы то ни было, кромѣ насущнаго хлѣба, не имѣютъ никакой цѣны всѣ юридическія права Ими воспользуются тѣ, кто держитъ рабочаго въ экономическомъ рабствѣ, и воспользуются только ради собственныхъ цѣлей, т. е. для вящаго закрѣпленія этого рабства. Юридическій бытъ народовъ есть только внѣшняя оболочка экономическаго быта, а потому тщетны всѣ усилія внести принципы равенства и свободы въ юридическій бытъ, оставляя въ то-же время

принципы рабства основой быта экономическаго. Преобразованіе экономическаго быта есть необходимое условіе, предшествующее дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ преобразованіямъ юридическаго. Реформы юридическаго быта, удовлетворяя насущныя потребности интеллигенціи, главнымъ образомъ, стремящейся къ свободѣ мысли, могутъ быть очень вредны для народныхъ массъ тѣмъ, что, умиротворяя интеллигенцію, отвлекаютъ ее отъ внимательной критики существующаго порядка. Когда не удовлетворены потребности самой интеллигенціи, она, недовольная существующимъ общественнымъ порядкомъ, чутче относится ко всѣмъ недовольнымъ голосамъ и беретъ ихъ подъ свое покровительство,—этимъ (помимо прочаго) и объясняется та внимательность русской интеллигенціи къ экономическому вопросу, какой мы не видимъ въ западноевропейскихъ интеллигенціяхъ. Всѣ мечты объ общественныхъ гарантіяхъ правъ личности, такъ обольстительныя для насъ въ отвлеченіи, въ дѣйствительности, при существованіи экономической нищеты, превратятся въ гарантіи правъ только экономически сильныхъ личностей. Поэтому устраненіе экомомической безъурядицы необходимо прежде всего. Когда она исчезнетъ, тогда по необходимости исчезнетъ и неравенство юридическое, такъ какъ оно составляетъ только наружную оболочку неравенства экономическаго. На нынѣшней-же экономической почвѣ можетъ вырастать только такой юридическій бытъ, къ которому стремятся «цензовики», изо всѣхъ силъ старающіеся затормазить развитіе экономическихъ формъ.

Таковы были основы двухъ направленій общественной мысли. По нашему мнѣнію, каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ извѣстную долю правды. Но правда ихъ

узка и односторонняя. Они указываютъ на извилистый, узкій путь, тогда какъ передъ нами лежитъ прямая дорога. Каждое изъ нихъ беретъ одну сторону народной жизни подъ свое покровительство и считаетъ только эту половину основной. Человѣческая личность берется не во всей цѣлости, а разсматривается только съ одной стороны. А между тѣмъ для всякаго изъ насъ необходимо удовлетвореніе, какъ своихъ правовыхъ, такъ и экономическихъ потребностей въ каждое данное время. Наша экономическая и правовая жизнь такъ тѣсно переплетены другъ съ другомъ, находятся въ такой зависимости одна отъ другой, что мы необходимо должны считаться съ этой связью при всякихъ соображеніяхъ о нашемъ соціальномъ бытѣ. Напрасно старались-бы мы давать преимущество той или другой сторонѣ нашей жизни,—все это можетъ только тормазить ея правильный ходъ [1]). Если жалкая экономиче-

[1]) Авторъ книги «Очерки первоначальной экономической культуры», г. Зиберъ, утверждая, что политическія формы вполнѣ зависятъ отъ экономическихъ,—является въ этомъ случаѣ рьянымъ послѣдователемъ Карла Маркса. Къ сожалѣнію, онъ ничѣмъ не подтвердилъ этого основного своего положенія, опровергаемаго жизнью на каждомъ шагу. Всѣ разсужденія приверженцевъ этой теоріи настолько-же неосновательны, какъ и заключенія ихъ противниковъ, утверждающихъ, наоборотъ, что экономическія учрежденія обусловливаются политическими формами. Такъ какъ и экономическія, и политическія формы не что иное, какъ отношенія между людьми, то можно говорить только о ихъ взаимодѣйствіи, а никакъ не объ исключительномъ преимуществѣ тѣхъ или другихъ. Трудно понять, на какомъ основаніи г. Зиберъ утверждаетъ, что «идея сильной единоличной власти нарождается соотвѣтственно историческимъ измѣненіямъ, которыя происходятъ въ экономическомъ укладѣ общества» (стр. 412). Достаточно присмотрѣться къ нашей исторіи, чтобы увидѣть, согласно цѣлому хору нашихъ историковъ, что у насъ на Руси единоличная власть

ская жизнь народа обезцѣниваетъ въ его глазахъ прелесть юридической свободы, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ нея и экономическое благосостояніе будетъ непрочнымъ и скоро сдѣлается фиктивнымъ.

Мы вполнѣ признаемъ опасности односторонней юридической реформы, на которыя указывало экономическое направленіе. Но, по нашему мнѣнію, изъ этого не слѣдуетъ, что юридическія реформы не нужны. Онѣ должны только сопровождаться такой экономической реформой, которая-бы вырвала съ корнемъ всякую возможность наложить экономическія цѣпи на большинство народа А что юридическія и экономическія реформы могутъ идти рука объ руку, это доказалъ фактъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ.

Утвержденіе экономическаго направленія, что юридическій бытъ есть результатъ экономическихъ общественныхъ силъ, опровергается въ исторіи на всякомъ шагу. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Клиффъ-

---

произошла отъ необходимости защитить себя отъ внѣшнихъ нападеній: татаръ, литвы и т. д. Слѣдовательно, не экономическія, а политическія условія были главной причиной утвержденія московскихъ царей. Разумѣется, стремленіе охранить свои «животы» отъ иноземнаго грабежа то-же играло очень видную роль въ этомъ дѣлѣ; но спрашивается, почему-же русскій народъ не искалъ этого охраненія въ подчиненіи ханской власти, въ то время, когда часто высказывалъ, что воеводы разоряютъ его пуще литвы и татаръ? Очевидно, что не одни экономическія побужденія руководили народомъ, а и цѣлый рядъ другихъ, о которыхъ такъ легкомысленно забываетъ г. Зиберъ. Послѣ завоеванія англосаксовъ норманами, говоритъ Гнейстъ, «низшее владѣніе должно носить на себѣ тяготы вассальнаго владѣнія, т. е. саксонецъ—бремя норманна». (Руд. Гнейстъ. Исторія госуд. учреж. Англіи. Стр. 302).

Лесли, что юридическія положенія относящіяся до собственности, завладѣнія и промышленности въ то же время являются и экономическими фактами [1]). Если экономическія силы оказываютъ могущественное вліяніе на складъ общественныхъ формъ, то не меньшее вліяніе на нихъ имѣютъ и юридическія силы. Правовыя привиллегіи однихъ и безправіе другихъ постоянно ведутъ къ тому, что экономическія блага распредѣляются неравномѣрно. «Соціологическая этнографія, говоритъ Летурно, утверждаетъ, приводя многочисленныя доказательства въ подтвержденіе своего положенія, что личная собственность, какъ бы ни была она незначительна возникла прежде всего изъ насилія и присвоеній». Вначалѣ война была борьбой за существованіе между враждебными племенами; съ учрежденіемъ же рабства цѣлью войны «было часто обогащеніе, захватъ невольниковъ, мѣновыхъ цѣнностей. Грабежъ сдѣлался главнымъ источникомъ власти и богатства»... «Согласно же ходячему принципу, прибавляетъ Летурно, которымъ такъ дорожатъ экономисты, первоначальнымъ источникомъ личной собственности былъ личный трудъ» [2]). Юридическія силы несомнѣнно имѣютъ такое-же самостоятельное вліяніе на общественныя формы, какъ и экономическія, а потому было-бы непростительно не обращать вниманія на юридическій бытъ народа. «Фазы развитія собственности соотвѣтствуютъ фазамъ политическаго развитія. Значеніе права собственности настолько важно, что каждое глубокое измѣненіе въ

---

[1]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи. Стр. 298.

[2]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 98.

соціальномъ устройствѣ неизбѣжно отзывается на немъ и часто даже само представляетъ лишь необходимое послѣдствіе новаго способа пониманія собственности» [1]). Надѣяться на саморазвитіе экономическихъ формъ, отказаться отъ воздѣйствія на нихъ путемъ правоваго порядка можно только въ теоріи, а отнюдь не въ дѣйствительной жизни. Мы смѣло можемъ вступать на дорогу юридическихъ реформъ, если въ то-же время вступимъ и на дорогу экономическаго освобожденія народа. Это послѣднее будетъ нейтрализировать все то зло, которое можетъ произойти при одной юридической реформѣ, и мы, въ концѣ концовъ, сдѣлаемъ шагъ впередъ по пути правоваго освобожденія, не оплачивая его, какъ это было на Западѣ, экономическимъ рабствомъ народа. Не надо забывать, что экономическое рабство можетъ повести къ возстановленію юридическаго. Руд. Гнейстъ, говоря объ англо-саксонскихъ сословныхъ отношеніяхъ, утверждаетъ, что «различіе имущественное повело за собою юридическое обособленіе сословій, причемъ много тутъ есть схожаго съ образованіемъ сословій на континентѣ» [2]).

На Западѣ реформы юридическаго быта сопровождались въ экономической сферѣ только стремленіемъ повысить благосостояніе рабочихъ классовъ,—что отчасти и достигнуто. Но повышеніе благосостоянія не давало рабочимъ классамъ того, что только и можетъ окончательно удовлетворить ихъ—экономической независимости. Будучи независимъ юридически, рабочій остается въ экономическомъ рабствѣ, а потому долженъ и въ юридической сферѣ плясать по

---

[1]) Ш. Летурно. Эволюція собственности, Стр. 25.

[2]) Руд. Гнейстъ. Исторія государ. учрежденій Англіи. Стр. 80.

дудкѣ своихъ новыхъ господъ, отъ воли которыхъ зависитъ лишить его благосостоянія и ввергнуть въ нищету. При правильномъ ходѣ общественнаго развитія необходимо столь-же тщательно заботиться о развитіи экономической независимости народа, какъ и о его юридическихъ правахъ. Одно повышеніе благосостоянія рабочаго класса (къ которому онъ всегда быстро привыкаетъ, а, слѣдовательно, и не замѣчаетъ) не можетъ дать счастья народу, такъ какъ при этомъ отсутствіе экономической независимости дѣлаетъ его фактическимъ рабомъ капиталистовъ. Несомнѣнно, что экономическая независимость, сопровождаемая меньшимъ уровнемъ благосостоянія, все-таки неизмѣримо больше доставляетъ счастья среднему человѣку, чѣмъ экономическая зависимость съ большимъ благосостояніемъ. Поэтому-то нельзя не признать, что Западъ шелъ по ложной дорогѣ, которая его и привела къ современному кризису. Уже «Фурье жаловался на то, что цивилизація идетъ видимымъ образомъ къ «комерческому феодализму», гдѣ сильные будутъ давить слабыхъ, поработятъ ихъ, какъ феодальные владѣльцы поработили въ свое время народы Европы» [1]). Въ настоящее время, оказывается, что въ Англіи болѣе $^4/_5$ всѣхъ годныхъ для обработки земель находится въ рукахъ 7,000 человѣкъ, принадлежащихъ къ nobility и landed gentry. Половина Англіи находится во владѣніи 150 лицъ; половина Шотландіи—во владѣніи 75 лицъ, половина Ирландіи—во владѣніи 35 лицъ [2]). В. Макъ-Гаханъ утверждаетъ, ссылаясь при этомъ на The Owners of

---

[1]) Д. Щегловъ. Исторія соціальныхъ системъ. Т. III-й, стр. 174.

[2]) Руд. Гнейстъ. Исторія госуд. учрежденій Англіи. Стр. 780.

the United States. By Thos. G. Shearman (Forum. November 1889 г.), что въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ «250,000 человѣкъ владѣютъ отъ 75 до 80% всего богатства, приходящагося на долю американской націи, насчитывающей теперь около 64 милліоновъ душъ» [1]).

Такой экономическій порядокъ, или правильнѣе сказать—безпорядокъ ведетъ къ тому, что «низшіе классы Нью-Іорка всѣхъ національностей насквозь проникнуты анархизмомъ и ненавистью къ высшимъ классамъ»... «Анархизмъ всѣ мысли ихъ порабощаетъ, всѣми дѣйствіями ихъ руководитъ; нѣтъ мѣры тому презрѣнію, съ которымъ они относятся къ американскимъ учрежденіямъ, измышленнымъ, по ихъ мнѣнію, на пользу однихъ паразитовъ и капиталистовъ» [2]). Дѣло въ томъ, что, какъ говоритъ извѣстный Лямене, «освобожденіе низшихъ классовъ, которое сняло съ нихъ средневѣковыя повинности относительно господъ, которое дало имъ равенство съ господами передъ закономъ, можетъ быть названо освобожденіемъ развѣ въ ироническомъ смыслѣ. «Цѣпи и бичи современнаго раба состоятъ въ голодѣ»... «Древнее рабство, измѣненное въ формахъ и притомъ къ невыгодѣ раба, продолжаетъ существовать въ современныхъ обществахъ наиболѣе образованныхъ» [3]). Для иллюстраціи этой истины приведемъ примѣръ изъ русской жизни: «На одной подмосковной мызѣ, близъ желѣзнодо-

---

[1]) В. Макъ-Гаханъ. Письма изъ Америки. Стр. 111. («Сѣв. Вѣс.» 1891 г., № 11).

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1890 г., № 10. Американцы и европейская эмиграція. В. Макъ-Гаханъ. Стр. 536 и 537.

[3]) Д. Щегловъ. Исторія соціальн. системъ. Т II, стр. 715.

рожной станціи, существуетъ ситценабивная фабрика, на которой работаетъ до 2,000 душъ обоего пола. Всѣми работами заправляетъ сынъ владѣльца, господинъ лѣтъ тридцати, а «правой рукой» у него является старикъ, сторожъ рабочихъ казармъ. Какъ только на фабрику поступаетъ новая дѣвушка или молодая женщина, глава фабрики посылаетъ за нею своего сторожа. Если дѣвушка отказывается отъ аудіенціи у хозяина, въ особой бесѣдкѣ, ее на слѣдующій день увольняютъ... Пожилыя женщины на фабрику принимаются неохотно. Есть тутъ семейные рабочіе со взрослыми дочерьми, но они заступаться за дочерей не могутъ, иначе вся семья изгоняется» [1]).

Никакая бюрократія никогда не можетъ такъ вредно дѣйствовать на экономическую будущность народа, какъ та часть общества, тѣ либералы, которые на Западѣ носятъ названіе буржуазіи и аристократіи (виги) [2]). Бюрократія мало враждебна, по своимъ принципамъ, правильному экономическому строю, хотя своими мудрованіями и хищеніями сильно вредитъ ему; буржуазія-же, совокупно съ аристократіей, въ самомъ принципѣ враждебны экономической независимости трудящихся классовъ и всегда, и всюду неуклонно дѣйствуютъ въ этомъ духѣ. Во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ г. Слонимскій, «буржуазія, богатая знаніями, энергіею и талантами, имѣетъ въ своемъ распоряже-

---

[1]) «Новое Время» 1888 г № 4268.

[2]) «Подъ именемъ виговъ и торіевъ въ теченіи всего XVIII столѣтія имущіе классы придавали правительственной дѣятельности направленіе, тѣсно связанное съ семейными традиціями и общественными интересами самаго gentry». (Руд. Гнейстъ. Исторія государ. учрежденій Англіи. Стр. 828).

ніи всѣ государственныя силы и средства для того, чтобы обезпечить за собою фактическое преобладаніе въ республикѣ»... «Ни одно монархическое правительство во Франціи не рѣшилось бы такъ безпощадно расправиться съ волненіемъ четвертаго сословія, какъ республиканецъ Кавеньякъ во время февральской революціи, или руководитель буржуазіи Тьеръ во время парижской коммуны»... «Достигнувъ своей главной цѣли—освобожденія отъ грубаго феодальнаго режима, либералы на материкѣ Европы пожелали господствовать въ свою очередь и стали отдавать предпочтеніе своимъ спеціальнымъ интересамъ передъ общенародными»... «Государственныя учрежденія были устроены такимъ образомъ, чтобы преобладающая роль принадлежала обезпеченной буржуазіи и чтобы неимущая народная масса не имѣла права голоса въ общенародныхъ дѣлахъ» [1]).

«Луи Бланъ и Прудонъ, говоритъ г. Щегловъ, возбуждали въ національномъ собраніи злобу и истинную ярость; Юпитеръ сердился не потому, чтобы теоріи Л. Блана или Прудона были сильны, а потому, что чувствовалъ за собою грѣхъ невниманія къ страданіямъ народнымъ» [2]). Если браться за улучшеніе нашего общественнаго строя, то нужно хищнымъ инстинктамъ тѣхъ общественныхъ классовъ, которые имѣютъ нѣкоторое сходство съ западной буржуазіей и аристократіей, отводить наименьшее мѣсто, а не давать имъ полный и безграничный просторъ, какъ требуютъ либералы. «Наши промышленныя фирмы, говоритъ англи-

---

Л. З Слонимскій. Основные вопросы политики. Стр. 207 и 247.

[2]) Д. Щегловъ. Исторія соціальн. системъ. Т. II-й, стр. 741.

чанинъ Бутсъ, которыя возводятъ кулачество на степень искусства, которыя систематически лишаютъ рабочаго части его заслуженной платы, выжимая изъ него всѣ соки, которыя грабятъ вдовъ и сиротъ и въ то-же время имѣютъ безстыдство лицемѣрно выставлять себя друзьями общественной филантропіи.—эти люди нынѣ посылаются въ парламентъ, чтобы дѣлать законы для народа» [1]. Къ чему можетъ привести господство денежной аристократіи въ устройствѣ государства, отчасти можно предъугадать по тому характеру, который она придала тѣмъ общественнымъ союзамъ, въ которыхъ является хозяиномъ и нынѣ. «На глазахъ нашихъ законодателей, говоритъ ученый юристъ и профессоръ Руд. Іеринтъ, акціонерныя общества превратились въ организованныя сообщества съ цѣлію грабежа и обмана, въ тайной исторіи которыхъ скрывается болѣе подлости, безчестности, мошенничества, чѣмъ въ исторіи любой каторжной тюрьмы, съ тою разницею, что грабители и мошенники, герои этихъ сообществъ, сидятъ не въ желѣзныхъ оковахъ, а въ золотыхъ хоромахъ» [2]). Хорошъ-же будетъ тотъ государственный строй, хозяиномъ котораго явятся господа, описываемые Іерингомъ. У насъ нѣтъ основаній предполагать, что русская денежная аристократія будетъ лучше любой изъ западно-европейскихъ. Тѣмъ болѣе, что исторія русской жизни доказала ихъ эгоистическое отношеніе къ отечеству; такъ, еще въ XVII вѣкѣ, въ грамотѣ къ Строгоновымъ, духовные чины земскаго собора, указывая на самоотверженіе русскихъ людей въ смутное время, совѣтовали, вмѣстѣ съ тѣмъ, Строгоновымъ не брать примѣра съ московскихъ гостей и

[1]) Бутсъ. Въ трущобахъ Англіи.

[2]) Рудольфъ фонъ-Іерингъ. Цѣль въ правѣ. Т. I, стр. 166.

торговыхъ людей, которые «пожалѣли малаго и ратнымъ людемъ на жалованье денегъ не дали» [1]).

Либералы увѣряютъ, что экономическая самостоятельность народныхъ массъ будетъ только останавливать повышеніе экономическаго народнаго благосостоянія и наоборотъ, экономическая зависимость ихъ отъ культурно-интеллигентнаго класса будетъ полезна не только посителямъ прогрессивной культуры, но и народу. «Всѣ мы видимъ, говоритъ одинъ изъ нашихъ буржуазныхъ либераловъ, какъ дешевизна фабрикатовъ постепенно скрашиваетъ и улучшаетъ обстановку самыхъ убогихъ труженниковъ. Два вѣка тому назадъ сальная свѣчка составляла предметъ роскоши у французскихъ придворныхъ, теперь же вы въ крестьянской избѣ встрѣчаете керосиновую лампу. Въ этомъ состоитъ вліяніе прогресса на распредѣленіе» [2]). Какой, однако, грубо матерьяльный взглядъ на счастье человѣка сквозитъ черезъ эту ученую защиту современныхъ формъ буржуазной культуры и прогресса?! Повышеніе матерьяльнаго благосостоянія—вотъ альфа и омега этого пошлаго, буржуазнаго прогресса. Буржуазный либералъ, самъ будучи всецѣло поглощенъ стремленіемъ къ матерьяльному счастью, часто даже вполнѣ неспособенъ понять страданій, доставляемыхъ экономической зависимостью, экономическимъ рабствомъ. По ихъ мнѣнію, лакей, щеголяющій во фракѣ и крахмальной рубашкѣ, при электрическомъ освѣщеніи,—неизмѣримо счастливѣе крестьянина, самостоятельнаго хозяина, сидящаго въ своей курной избѣ при свѣтѣ

---

[1]) В. Н. Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси. Стр. 147.

[2]) Н. Батюшковъ. Связь экономич. явленій съ законами энергіи. Стр. 78.

лучины. Къ счастью народъ нашъ не палъ такъ низко и держится противоположныхъ взглядовъ.

Впрочемъ, гг. защитники современной формы цивилизаціи нѣсколько привираютъ въ своихъ указаніяхъ на повышенное матерьяльное благосостояніе современнаго рабочаго. Для примѣра укажемъ на его жилище: «Всюду въ большихъ центрахъ цивилизаціи повторяется то-же явленіе: по мѣрѣ роста промышленности и крупныхъ промышленныхъ заведеній, жилье рабочаго становится все хуже и нездоровѣе» [1]).

Недавно одинъ изъ остзейскихъ бароновъ на страницахъ одной либеральной газеты подсмѣивался надъ экономической независимостью, указывая, что батраки остзейскаго края пользуются бо́льшимъ благосостояніемъ, нежели русскіе крестьяне, будто-бы пользующіеся экономической независимостью. Лживыя натяжки этихъ ландлордскихъ соображеній разбиваются въ прахъ общеизвѣстными фактами страстныхъ желаній остзейскихъ батраковъ имѣть поземельную собственность. Нѣтъ сомнѣнія, что громаднѣйшее большинство нашихъ крестьянъ скорѣе согласится на сокращеніе своихъ матеріальныхъ потребностей, нежели пойдетъ въ батраки, т. е. лишится одного изъ священныхъ правъ личности—экономической независимости, нарушеніе которой ведетъ за собою попраніе и духовныхъ его правъ, превращая политическую независимость въ фикцію. Въ нашей литературѣ можно найти массу свидѣтельствъ, что наши крестьяне жертвуютъ очень бо́льшими матеріальными выгодами, ради сохраненія своей экономической [illegible] [2]). Поэтому-то одна изъ

---

[1]) В. В. Святловскій. Фабричный бытъ. Стр. 85.

[2]) Это явленіе замѣчается не только въ области сельско-хо-

главныхъ задачъ нашего времени и состоитъ въ томъ, чтобы надѣлить трудящихся орудіями производства въ достаточной мѣрѣ и тѣмъ освободить ихъ отъ необходимости прибѣгать къ арендамъ, батрачеству и тому подобнымъ средствамъ. Либералы несогласны съ подобнымъ мнѣніемъ; они не думаютъ, что экономическая независимость должна считаться настолько-же важнымъ правомъ личности, какъ и политическая. Все чего они желаютъ въ области экономическаго развитія, можетъ быть формулировано такъ: улучшеніе благосостоянія массъ. Это улучшеніе, по ихъ мнѣнію, можетъ быть достигнуто уменьшеніемъ податной тягости, увеличеніемъ производительности народнаго труда капиталистическимъ производствомъ, но отнюдь не путемъ предоставленія народу экономической независимости. ибо онъ способенъ только разорить себя, напримѣръ, путемъ хищнической культуры земли.

Экономическая политика государства можетъ быть направлена или только на увеличеніе благосостоянія личностей, входящихъ въ его составъ, или-же на обезпеченіе имъ экономической независимости. Политика западно-европейскихъ государствъ направлялась преимущественно къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія личности, упуская изъ виду ея потребность

вяйственной промышленности, но и въ другихъ. Такъ, по словамъ П. Ефименко, крестьяне дорожатъ возможностью заниматься кустарными промыслами даже и въ томъ случаѣ, когда послѣдніе приносятъ меньшій заработокъ противъ средняго, именно потому что кустарь чувствуетъ себя дома свободнѣе, нежели подневольный рабочій у хозяина. Это сознаніе крестьяне выражаютъ поговоркой: «хоть доходъ—не доходъ, а все-таки вольный свѣтъ». (Труды комиссіи по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ Харьковской губерніи. Вып. I. П. Ефименко).

въ экономической независимости. Теперь Европа пожинаетъ плоды такой близорукой политики. Рабочіе классы постоянно стремятся срыть до основанія всю политическую постройку, съ такимъ трудомъ возводившуюся культурными классами,—стремятся во имя той экономической независимости, которую они когда-то имѣли при самыхъ тяжелыхъ политическихъ условіяхъ. Многіе съ удивленіемъ останавливаются передъ анархическимъ движеніемъ во Франціи, возстаніемъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и т. п. явленіями. Но въ этихъ движеніяхъ нѣтъ ничего удивительнаго: какъ-бы ни были широки политическія права, они неспособны заглушить потребность въ экономической независимости; отсутствіе ея въ большинствѣ случаевъ превращаетъ самыя политическія права въ фикцію. Наоборотъ, блага, даваемыя экономической независимостью, настолько цѣнны, что очень часто заставляютъ забывать даже очень крупные недостатки въ политическомъ строѣ. Во Франціи, напримѣръ, самымъ мирнымъ элементомъ населенія является болѣе или менѣе независимый экономически крестьянинъ-землевладѣлецъ, а самымъ революціоннымъ—тѣ слои рабочаго класса, которые совсѣмъ не пользуются благами экономической независимости. Можетъ показаться съ перваго взгляда, что матеріальное благосостояніе и экономическая независимость одно и то-же; но на дѣлѣ это не такъ. Городской рабочій во Франціи пользуется не меньшимъ благосостояніемъ, какъ и крестьянинъ,—скорѣе даже большимъ. Парижскій рабочій, напримѣръ, проживаетъ больше, нежели большинство крестьянъ, но онъ отъ этого не дѣлается довольнѣе и миролюбивѣе, именно потому, что у него нѣтъ экономической независимости, безъ которой онъ чувствуетъ себя несчастнымъ, обездоленнымъ.

Каждый изъ нихъ готовъ-бы довольствоваться меньшимъ достаткомъ, лишь-бы добывать его не путемъ батрачества, работы на другого, а собственнымъ самостоятельнымъ трудомъ, гдѣ рабочій былъ-бы вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяиномъ. Безъ этого политическія права, ограждающія независимость личности во Франціи, только рѣзче оттѣняютъ ту болѣзненную ненормальность, которую влечетъ за собою экономическая зависимость: при ней личность — вершительница судебъ всего политическаго строя—должна трепетать и пресмыкаться передъ хозяиномъ мастерской и фабрики. Политическій строй высоко ставитъ достоинство личности, а строй экономическій топчетъ его безпощадно и безжалостно... Понятно, что подобныя противорѣчія сами наталкиваютъ рабочихъ на мысль о необходимости привести оба строя къ одному уровню, и они стараются это сдѣлать посредствомъ ломки экономическаго строя. Но такъ какъ современный политическій строй все-таки поддерживаетъ нынѣшнюю экономическую безурядицу, то у рабочихъ является мысль низвергнуть этотъ строй, замѣнивъ его еще болѣе идеальнымъ. Культурные классы, напуганные этими попытками, но не желая идти путемъ, указываемымъ рабочими классами, бросаются въ другую сторону и собственными руками готовы разломать политическій строй, ими созданный. Отсюда эти вѣчныя колебанія отъ свободы къ цезаризму, которыя чуть не столѣтіе волнуютъ Францію. Не бѣдность или нищета дѣлаютъ общественный строй ея неустойчивымъ, а отсутствіе экономической независимости рабочихъ классовъ: пища, одежда, жилище и увеселенія городскихъ рабочихъ, несомнѣнно, лучше и разнообразнѣе, нежели у большинства крестьянъ, напримѣръ, Норвегіи; но эти послѣдніе, пользуясь большей экономической независимостью, гораздо меньше наклонны къ государственнымъ переворотамъ.

Такимъ образомъ, опытъ западно-европейскихъ народовъ достаточно доказываетъ, какъ ошибочна экономическая политика государства, стремящаяся только къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія личности, не заботясь о томъ, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечить за нею пріобрѣтеніе этого благосостоянія въ собственномъ хозяйствѣ. Подъ словами «собственное хозяйство» надо разумѣть, конечно, нетолько исключительно индивидуальное хозяйство, но и артельное, ассоціаціонное, которое во многихъ случаяхъ оказывается выгоднѣе хозяйства индивидуальнаго и при которомъ сохраняется экономическая независимость личности.

Ошибки западно-европейскихъ государствъ должны предостеречь насъ отъ слѣдованія по ложному пути— повышенія благосостоянія безъ насажденія принциповъ экономической независимости. Если на Западѣ государство, будучи представителемъ исключительно культурныхъ классовъ, подъ ихъ эгоистическимъ вліяніемъ, и было принуждено идти по дорогѣ экономическаго рабства народонаселенія, то у насъ оно вполнѣ независимо и можетъ избрать такой путь экономической политики, который болѣе соотвѣтствуетъ общенародной пользѣ и который болѣе выгоденъ для самаго государства. Въ 1861 г. была сдѣлана первая попытка обезпечить экономическую независимость нашего крестьянства,—попытка, оставшаяся, къ сожалѣнію незаконченной, благодаря реакціи со стороны самого «общества». Реакція была сильна и господствовала много лѣтъ, втеченіе которыхъ заботились не о насажденіи принциповъ экономической независимости, а только объ увеличеніи благосостоянія народонаселенія посредствомъ покровительства распространенію фабрикъ и заводовъ. Во имя по-

вышенія народнаго благосостоянія ограждалось возвышеннымъ тарифомъ производство нашихъ фабрикъ и заводовъ, облегчалось ихъ устройство посредствомъ субсидій и т п., то есть дѣлалось все то, что было нѣкогда сдѣлано западно-европейскими государствами. Едва-ли нужно доказывать, что, *идя такимъ путемъ*, мы если и достигнемъ такого-же благосостоянія рабочихъ классовъ, какое мы видимъ на Западѣ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтемъ и всѣ западно-европейскіе недостатки и болѣзни. Мы можемъ погубить и тотъ зачатокъ экономической независимости, который уже есть у насъ теперь,—вмѣсто того, чтобы, наоборотъ, заботиться о его развитіи и распространеніи.

Впрочемъ, въ послѣднее время была сдѣлана весьма робкая попытка возвратиться къ принципамъ экономической политики 1861 года. Мы говоримъ объ учрежденіи банка, съ цѣлью способствовать распространенію крестьянскаго землевладѣнія. Къ сожалѣнію, эта попытка встрѣчаетъ много препятствій и вызываетъ противъ себя довольно упорную агитацію со стороны культурнаго слоя. Въ настоящее время, мысль о государственной экспропріяціи хотя бы части земель особенно затѣсняющихъ крестьянъ, вполнѣ устранена,— о чемъ нельзя не пожалѣть. Указываютъ, будто бы при принудительной экспропріаціи нарушается право собственности, но собственность по самой идеѣ ея не заключаетъ въ себѣ права абсолютнаго распоряженія. «Общество, говоритъ юристъ Р. Іерингъ, не можетъ допустить и никогда не допускало собственности въ такомъ видѣ, «идея» собственности не можетъ заключать въ себѣ ничего такого, что-бы противорѣчило «идеѣ» общества». Иначе «сопротивленіе всякаго отдѣльнаго лица могло бы воспре-

пятствовать проложенію шоссе, желѣзной дороги, закладки крѣпости,—сооруженій, отъ которыхъ можетъ зависѣть благосостояніе тысячей людей, развитіе цѣлой провинціи, безопасность государства». Іерингъ приводитъ еще слѣдующій примѣръ: «Обвалъ горы преградилъ дорогу къ моему участку земли, рѣка размыла эту дорогу; единственный возможный доступъ къ участку представляется черезъ участокъ земли моего сосѣда. Какъ быть въ такомъ случаѣ? Римское право обязываетъ сосѣда уступить мнѣ «необходимый путь» [1]). Экспропріація всегда правомѣрна, разъ она будетъ признана необходимой обществомъ. Если принять въ разсчетъ, говоритъ К. Марксъ, весь неоплаченный трудъ, положенный на землю, но превращенный въ золото землевладѣльцами и капиталистами, то окажется, что весь капиталъ, скрывающійся въ землѣ, уже сколько, сколько разъ выручался, при томъ съ ростовщическими процентами, такъ что земельная собственность уже давнымъ давно выкуплена обществомъ [2]). Кромѣ того, нельзя не принять во вниманіе и мысли, высказанной высшимъ союзнымъ судомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1877 году: «если частная собственность служитъ цѣлямъ общественнымъ, то она уже не juris privati... Если кто свою собственность посвящаетъ на служеніе общественнымъ интересамъ, отдачею въ наемъ арендаторамъ, то тѣмъ самымъ онъ дозволяетъ публикѣ принимать участіе въ пользованіи своей собственностью и, послѣдовательно, онъ долженъ подчиниться общественному контролю въ той степени въ

---

[1]) Руд. Іерингъ. Цѣль въ правѣ. Т. I, стр. 379 и 380.

[2]) К. Марксъ. Капиталъ. Т. II-ой. Стр. 265.

какой это требуется общественнымъ интересомъ» [1]). Даже римскіе юристы держались правила: Haec aequitas suggerit, etsi jure deficiamur, т. е. этого требуетъ справедливость, хотя и не имѣется юридическихъ нормъ.

Въ періодъ съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича до 1761 года, «въ случаѣ сильныхъ неурожаевъ государство налагаетъ руку на частные запасы, продаетъ и раздаетъ ихъ неимущимъ, причемъ иногда владѣльцы ихъ остаются почти безъ всякаго вознагражденія, говоритъ г. Картавцевъ, потому что за отобранный хлѣбъ получаютъ плату не по тогдашнимъ цѣнамъ, а взятый у нихъ хлѣбъ возвращается имъ натурой въ урожайное время». Въ 1660 году, напримѣръ, былъ изданъ указъ во всѣ замосковные, украйные и сѣверскіе города: «весь хлѣбъ молотить и въ города возить и продавать, а въ кладяхъ бы ни у кого не стояло. А буде кто молотить не учнетъ и въ городы не повезутъ, и тотъ хлѣбъ указалъ Государь имать ратнымъ людямъ безденежно» Въ 1723 году Петръ Великій издалъ указъ: «У купцовъ и у промышленниковъ описать же для того, чтобы они, у продавцевъ скупая, хлѣбъ высокою цѣною не продавали и тѣмъ бы большой тяжести народу не чинили». Въ 1749 году было приказано: «описи учинивъ въ самой крайней скорости»... «велѣть при описи того хлѣба у обывателей и у кого надлежитъ имать сказки подъ смертною казнью, чтобъ они при той описи хлѣба ничего не таили», и «показывали сколько у кого какого хлѣба въ наличности есть, самую правду»; при этомъ часть

---

[1]). П. И. Георгіевскій. Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ въ Россіи и въ западно-европейскихъ государствахъ.

описаннаго хлѣба оставлялась владѣльцу на пропитаніе и обсѣмененіе, остальная же раздавалась нуждающимся «до новаго хлѣба» [1]).

Стараются доказывать, что крестьянинъ нуждается не въ расширеніи своего надѣла, а исключительно въ кредитѣ на улучшеніе сельско-хозяйственныхъ орудій, на пріобрѣтеніе искусственнаго удобренія и т. п. Нечего и говорить, что мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что крестьянинъ нуждается нетолько въ пріобрѣтеніи главнаго орудія своего труда—земли, но и въ остальныхъ, т. е. лошади, плугѣ и т. п. Мы говоримъ только о томъ, что свести всю крестьянскую нужду лишь къ второстепеннымъ орудіямъ труда, упуская основной, значитъ сдѣлать или непростительную ошибку, или подтасовку жизненныхъ явленій съ цѣлью не допустить развитія принципа экономической независимости крестьянства. Князь А. Васильчиковъ, въ книгѣ «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи» указалъ на тотъ основной принципъ, котораго обязано придерживаться государство въ вопросѣ о крестьянскомъ землевладѣніи. Аграрное законодательство, по его словамъ, можетъ имѣть только одну опредѣленную цѣль: обезпечить землевладѣльцу такое владѣніе, какое соотвѣтствуетъ его рабочей силѣ [2]).

Изъ этого положенія логически можетъ вытекать только то, что вся земля, нынѣ культивируемая, должна быть въ рукахъ крестьянства, ибо только его рабочая сила воздѣлываетъ почву нашего отечества. Оче-

[1]) Е. Э. Картавцевъ. Наше законодательство о народномъ продовольствіи. Стр. 631, 637, 640 и 643. (Вѣст. Евр. 1892 г., № 2).

[2]) Князь А. Васильчиковъ. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи.

видно, г. Васильчиковъ долженъ принять. какъ логическій результатъ его-же соображеній, необходимость выкупа крестьянствомъ всѣхъ тѣхъ земель, которыя, находясь въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ, обрабатываются не ими самими, а рабочими силами крестьянства. Только послѣ этого выкупа надѣлъ крестьянъ будетъ соотвѣтствовать ихъ рабочимъ силамъ. Конечно, въ практическомъ разрѣшеніи вопросъ зависитъ отъ разныхъ возможностей, условій и обстоятельствъ; онъ, естественно, долженъ перейти разныя степени и градаціи. Но принципъ можетъ быть поставленъ только такъ, а не иначе.

И такъ мы вполнѣ признаемъ справедливость той мысли князя Васильчикова, которая только-что нами цитирована; но не такъ относится къ ней самъ авторъ. Онъ усердно ищетъ лазейку, которая-бы помогла ему отдѣлаться отъ логическихъ выводовъ его собственныхъ положеній и, увы, застреваетъ въ ней самымъ грубымъ образомъ. Вотъ эта лазейка:

«Здѣсь представляется одно очень важное соображеніе—что разумѣть подъ словомъ трудъ землевладѣльца, какъ разсчитывать его работу—такъ-ли, какъ она производится нынѣ по существующимъ обычаямъ и порядкамъ полеводства, хотя-бы грубо и небрежно, или—какъ она должна быть производима по правиламъ сельскаго хозяйства.

«Поземельное положеніе, говорятъ иные, должно соображаться съ состояніемъ культуры, не забѣгая впередъ, и такъ какъ извѣстно, что русскіе крестьяне почти нигдѣ не довольствуются своими угодьями, постоянно снимаютъ и пашутъ чужія земли, то это доказываетъ, что у нихъ есть излишекъ рабочихъ силъ и недостатокъ земли. Придерживаясь, по этому пред-

положенію, нынѣшнихъ системъ хозяйства, слѣдовалобы въ степной полосѣ, гдѣ еще ведется залежное земледѣліе, отводить поселенцамъ столько земли, сколько нужно, чтобы продолжать эту культуру изъ года въ годъ, т. е. залужая пашни по 6—10 лѣтъ; въ лѣсистыхъ губерніяхъ, гдѣ еще существуетъ лядинное и лѣсоподпольное хозяйство, слѣдовало-бы на томъ-же основаніи допустить періодическую рубку лѣса на столько лѣтъ (15—20), сколько нужно для обновленія лѣсной поросли».

По мнѣнію нашего автора, все это «фальшивый разсчетъ», и крестьянское землевладѣніе должно опредѣляться по разсчету на веденіе «порядочнаго хозяйства». «Пропорція—сколько одинъ землевладѣлецъ при порядочной обработкѣ можетъ воздѣлать земли— опредѣляется довольно точно, и только такая пропорція и можетъ служить руководствомъ для сужденій о достаточности крестьянскихъ надѣловъ» [1]). Такимъ образомъ, крестьянинъ долженъ получить столько земли, сколько нужно при условіи веденія «порядочнаго хозяйства». Думаемъ, что веденіе «порядочнаго хозяйства» г. Васильчикова должно быть во всякомъ случаѣ выгоднѣе, а не убыточнѣе современнаго крестьянскаго хозяйства. Если это дѣйствительно такъ, то при помощи проектируемаго имъ министерства земледѣлія нашему автору легко это будетъ доказать нашему крестьянину [2]). Посмотримъ же, что изъ этого выйдетъ.

---

[1]) Князь А. Васильчиковъ. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи.

[2]) «Вопросъ о совмѣстимости общинныхъ порядковъ съ улучшеніемъ хозяйства, по словамъ г. Петри, рѣшенъ въ смыслѣ вполнѣ благопріятномъ для общины». (Э. Ю. Петри. Антропологія стр. 365.

Крестьянинъ заводитъ на своей землѣ «порядочное хозяйство», которое, по словамъ-же г. Васильчикова, поглотитъ весь его трудъ. Кто-же, спрашивается, будетъ обрабатывать остальныя громадныя пространства земли? Не будутъ-ли гг. землевладѣльцы обрабатывать ихъ сами? Или князь думаетъ обратить чуть не половину земель Россіи въ пустыни, въ которыхъ будутъ рыскать гг. землевладѣльцы за разной Божьей тварью? Нѣтъ, конечно, ни о чемъ подобномъ князь Васильчиковъ и не думаетъ. Онъ прекрасно понимаетъ, что если крестьянинъ получитъ только столько земли, сколько нужно для веденія «порядочнаго хозяйства», то онъ придетъ къ гг. землевладѣльцамъ кланяться и просить той-же земельки, о которой онъ такъ старается теперь. Нельзя не признать, что «каковы бы ни были общественныя формы производства, факторами ихъ все-таки остаются рабочіе и средства производства», и «чтобы производить они должны соединиться. Различныя экономическія эпохи общественнаго строя характеризуются тѣми особенными способами и родами, въ которыхъ это соединеніе совершается» [1]). Весь фортель съ «порядочнымъ хозяйствомъ» выкинутъ только для того, чтобы кое-какъ согласовать принципъ надѣленія крестьянъ землею, соотвѣтственно ихъ рабочимъ силамъ, съ тайнымъ стремленіемъ оставить за крестьянствомъ настолько мало земель, чтобы оно нуждалось въ арендѣ земель частныхъ землевладѣльцевъ. Иного объясненія словъ г. Васильчикова мы себѣ не можемъ и представить, такъ какъ не можемъ думать, чтобы онъ дѣйствительно вѣрилъ въ возможность веденія его «порядочнаго хозяйства» всѣмъ крестьян-

[1]) К. Марксъ. Капиталъ. Т. II-й, стр. 11.

ствомъ, что неминуемо привело-бы къ залуженію чуть-ли не половины пахатныхъ земель по недостатку рабочихъ рукъ, сосредоточенныхъ на «раціональной» обработкѣ только крестьянской земли. Или г. Васильчиковъ думаетъ создать особый классъ безземельныхъ рабочихъ, который и будетъ обрабатывать остальную часть земель? Иль онъ задумалъ, можетъ быть, выписывать куліевъ изъ Китая? Или-же наконецъ онъ думаетъ, что крестьянство можетъ вести «порядочное хозѣйство» на всемъ пространствѣ культурныхъ земель Россіи? Если это послѣднее предположеніе вѣрно, то, очевидно, онъ долженъ опять таки на основаніи измѣренія надѣла рабочей силой, признать необходимость передачи всей земли въ руки крестьянства. Созданіе особаго класса безземельныхъ рабочихъ тоже идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ надѣла соотвѣтственно рабочимъ силамъ. Какъ ни кинь—все выходитъ клинъ. Остается въ самомъ дѣлѣ предположить (считая г. Васильчикова искреннимъ человѣкомъ), что онъ или думалъ превратить часть культурныхъ земель Россіи въ пустыню, или-же хотѣлъ переселить къ намъ дешевыхъ, послушныхъ и выносливыхъ куліевъ.

Но такъ какъ оба эти предположенія (хотя и являющіяся необходимымъ логическимъ заключеніемъ изъ предлагаемаго княземъ ограниченія крестьянскаго надѣла площадью, которая бы поглощала весь крестьянскій трудъ только подъ условіемъ веденія «порядочнаго хозяйства»), все таки идутъ въ разрѣзъ съ здравымъ смысломъ, въ которомъ мы отнюдь не можемъ отказать автору, то остается предположить только, что онъ вполнѣ ясно понимаетъ, что веденіе раціональнаго хозяйства на одной половинѣ земель—немыслимо: что же въ самомъ дѣлѣ мы будемъ дѣлать съ другой по-

ловиной? Очевидно, что переходъ къ раціональному хозяйству на одной половинѣ земель въ то время, когда кругомъ лежатъ большія пространства некультивируемыхъ земель, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выгоденъ; а такъ какъ крестьяне получатъ только ограниченный надѣлъ, то имъ гораздо выгоднѣе будетъ снимать за громадныя цѣны землю гг. землевладѣльцевъ, нежели переходить къ раціональной обработкѣ. Этого собственно и нужно было добиться путемъ не особенно хитрыхъ разсужденій о раціональномъ хозяйствѣ. Вести раціональное хозяйство въ мѣстности, гдѣ необработанной земли еще такъ много, что ведется переложное хозяйство, было бы научнымъ донкихотствомъ, очень дорого оплачивающимся. Всякая мѣстность имѣетъ для себя соотвѣтственную систему полеводства, наиболѣе выгодную въ данное время. Съ увеличеніемъ народонаселенія наступаетъ необходимость дальнѣйшаго развитія земледѣльческой культуры, но это развитіе должно касаться всѣхъ земель данной мѣстности. Требовать отъ крестьянъ улучшенныхъ системъ полеводства на ихъ ничтожныхъ надѣлахъ, въ то время когда кругомъ у землевладѣльцевъ громадныя пространства земли обрабатываются болѣе экстенсивно,—это значитъ стремиться разорить крестьянъ невыгодной операціей. «Образцовымъ хозяйствамъ, говоритъ г. Васильчиковъ, въ казенныхъ или общественныхъ фермахъ и училищахъ, или даже въ имѣніяхъ крупныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ нашъ крестьянинъ не довѣряетъ, и онъ отчасти правъ, такъ какъ многія изъ нихъ ведутся въ убытокъ» [1]). «Я сѣлъ на хозяйство, говоритъ бывшій

[1]) Князь А. Васильчиковъ. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи.

профессоръ одного изъ нашихъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, г. Энгельгардъ, въ 1871 году, и, смѣю думать, достаточно подготовленный научно. Теперь, прохозяйничавъ одиннадцать лѣтъ, доведя хозяйство мое, по его производительности, до блестящаго состоянія, я говорю, что въ общемъ раздѣляю воззрѣнія мужика на хозяйство. Я считаю, что хозяйственныя воззрѣнія мужика, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, чрезвычайно раціональны, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія общей государственной пользы»... «Только агрономы-чиновники, да либералы, продолжаетъ тотъ же авторъ, не понимающіе сути дѣла, могутъ думать, что крестьянамъ слѣдуетъ измѣнить трехпольную систему и замѣнить ее многопольною съ травосѣяніемъ»... «Я, на основаніи научныхъ соображеній, на основаніи многолѣтней практики, въ одинъ голосъ съ мужикомъ говорю, что мы должны вести экстензивное хозяйство, расширяться по поверхности, распахивать пустующія земли» [1]). «Старыя формы полеводства, говоритъ А. Ермоловъ, во многихъ случаяхъ удерживаются не только вслѣдствіе одной рутинности и незнанія нашихъ хозяевъ, какъ у насъ обыкновенно утверждаютъ, но и весьма часто по вполнѣ разумнымъ причинамъ» [2]).

Одной изъ такихъ разумныхъ причинъ являются цѣны на хлѣбъ. На основаніи оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ дознано, что «въ тридцать пять лѣтъ наше землевладѣніе не только не выиграло въ цѣнѣсвоихъ произведеній, а напротивъ, потеряло въ главныхъ экспортныхъ, производимыхъ имъ, хлѣбахъ, и потеряло

---

[1]) А. Н. Энгельгардтъ. Изъ деревни.

[2]) А. Ермоловъ. Организація полеваго хозяйства. Стр. 36.

значительно особенно во ржи, для которой, мы не имѣемъ конкуррентовъ на международномъ рынкѣ» [1]). При низкихъ же цѣнахъ на земледѣльческіе продукты—немыслимо быстрое развитіе земледѣльческой культуры.

Къ сожалѣнію, наше интеллигентное чиновничество, какъ указываетъ г. Приклонскій, во имя будто-бы европейской науки, старается понудить крестьянъ перейти отъ подсѣчнаго хозяйства къ болѣе интенсивной трехпольной системѣ и стѣсняетъ право дѣлать подсѣки въ необозримыхъ сѣверныхъ лѣсахъ, считающихся казенною собственностью. А между тѣмъ, говоритъ авторъ, подсѣчное хозяйство представляетъ неизбѣжную ступень, которой земледѣліе никакъ не можетъ миновать при прогрессивномъ переходѣ отъ низшихъ къ высшимъ фазамъ развитія. Крестьянинъ, не имѣя возможности вести земледѣльческое хозяйство на постоянныхъ пашняхъ, рвется въ лѣсъ разрабатывать подсѣки, а интеллигентный человѣкъ «воспрещаетъ» ему рубить лѣсъ и «приказываетъ» воздѣлывать постоянныя пашни. Крестьянинъ, думая, что «баринъ дуритъ», не хочетъ слушать приказаній и воспрещеній интеллигентнаго человѣка, а тотъ, въ свою очередь, думаетъ, что «крестьянинъ—круглый невѣжда», котораго никакими хорошими словами нельзя вразумить, и отсылаетъ крестьянина къ мировому судьѣ для наказанія. Малоземелье, отсюда—разоренье и нищета, а въ концѣ концовъ голодовка,—вотъ неизбѣжный, по мнѣнію г. Приклонскаго, результатъ, къ которому ведетъ искусственное стѣсненіе и преслѣдованіе подсѣчнаго

[1]) Кн. Д. В. Друцкій-Сокольнинскій. Металлическая задолженность русскаго землевладѣнія. Стр. 413. («Вѣстн. Европы» 1890 г., № 11).

хозяйства. Кто слѣдилъ за газетными корреспонденціями съ сѣвера, тотъ, говоритъ авторъ, конечно, замѣтилъ, что въ послѣдніе годы въ нихъ чаще и чаще встрѣчаются указанія на борьбу крестьянъ съ лѣснымъ начальствомъ изъ-за обладанія подсѣками. Эта борьба ведется на огромномъ пространствѣ, обнимая губерніи Архангельскую, Олонецкую, Новгородскую, Вологодскую, Костромскую, Вятскую, Пермскую. Корреспондентъ одной петербургской газеты изъ Пермской губерніи съ самодовольнымъ торжествомъ разсказываетъ, что онъ, въ качествѣ мирового судьи, разорилъ штрафами нѣсколько волостей, но за то отучилъ крестьянъ отъ подсѣчнаго хозяйства, внушивъ имъ уваженіе къ закону и правамъ казны на землю [1]).

«Образецъ лучшаго, предлагаемый крестьянину практикой владѣльческой экономіи, говоритъ г. В. В , далеко не всегда заслуживаетъ подражанія, ибо хозяева сплошь и рядомъ перенимаютъ съ Запада то, что не соотвѣтствуетъ не только спеціальнымъ условіямъ мелкаго производства, но и общей обстановкѣ сельскохозяйственной дѣятельности страны. Въ этомъ отношеніи они представляютъ полнѣйшій контрастъ крестьянину, прекрасно доказавшему свою способность приноравливаться къ обстоятельствамъ и вырабатывать формы дѣятельности, хотя далеко не безупречныя съ абсолютной точки зрѣнія, но представляющія образецъ удачнаго достиженія намѣченной цѣли, несмотря на самую неблагопріятную обстановку» [2]). Интеллигентные сельскіе хозяева обыкновенно забываютъ, что «въ дѣлѣ искусственнаго подбора хлѣбовъ одна страна

[1]) Приклонскій. Народная жизнь на Сѣверѣ.

[2]). «Вѣстникъ Европы» 1889 г., № 8. Внутреннее обозрѣніе. В. В Стр. 805.

можетъ заимствовать у другой въ большинствѣ случаевъ лишь методы, а не результаты: каждый сортъ хорошъ для тѣхъ почвенныхъ и климатическихъ условій, при которыхъ онъ выведенъ; заимствованія могутъ быть удачны лишь при полномъ сходствѣ той обстановки, въ которой растенія произростали, съ ихъ новой средой; а это рѣдко случается. Будучи перенесены въ мѣстность другого характера, растенія или не выносятъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, къ которымъ они не приспособлены, или же, если эти условія дѣйствуютъ не такъ рѣзко, постепенно мѣняютъ подъ ихъ вліяніемъ свои нормальныя цѣнныя свойства. Такъ, напр., англійскія пшеницы, при переселеніи ихъ въ болѣе континентальный климатъ, страдаютъ отъ зимнихъ морозовъ; имѣя болѣе длинный періодъ развитія, они не успѣваютъ созрѣть въ короткій вегетаціонный періодъ, концу которому полагаютъ засухи; урожайность, свойственная имъ на родинѣ, не имѣетъ возможности проявиться здѣсь; самыя свойства растеній мѣняются, такъ какъ содержаніе крахмала въ зернахъ понижается, а клейковины возрастаетъ» [1]).

Не лучше дѣйствуютъ интеллигентные землевладѣльцы и въ области скотоводства. «Наши крупные хозяева, говоритъ В. В., несмотря на то, что къ ихъ услугамъ наука, не понимаютъ дѣла, за которое берутся, не выказываютъ достаточной степени самостоятельности въ выборѣ системы, не умѣютъ оцѣнить обстановки, въ какой имъ приходится оперировать, и рабски подражаютъ западнымъ образцамъ, почему и не могутъ служить руководителями въ дѣлѣ поднятія скотовод-

[1]) «Русское Богатство» 1891 г., № 10. Значеніе искусственнаго подбора растительныхъ формъ въ земледѣліи. Д. Стр. 133.

ства въ Россіи». «Крестьянская корова при самомъ плохомъ кормѣ, при которомъ давно погибли бы западныя породы даетъ удобреніе и молоко, а при небольшомъ измѣненіи питанія ея удойливость повышается до очень высокой степени» [1]). «Европейскія породы слишкомъ нѣжны, говорятъ нѣмцы-колонисты, за ними нуженъ и европейскій уходъ. На европейскихъ рынкахъ этотъ уходъ окупается, но у насъ, гдѣ земли много, а молочные продукты дешевы, выгоднѣй всего простая черкасская скотина» [2]).

Разумѣется, мы и не думаемъ говорить, что никакихъ улучшеній въ земледѣліи не требуется. Развитіе земледѣльческой культуры должно идти рядомъ съ увеличеніемъ народонаселенія и развитіемъ другихъ сторонъ нашей жизни. Въ одномъ мѣстѣ земледѣльческая культура можетъ стоять на рубежѣ между хищническимъ, переложнымъ или лядиннымъ хозяйствомъ и трехпольной системой, а потому и переходъ къ ней былъ бы выгоденъ; въ другомъ—еще нечего и думать о трехпольной системѣ, и самою выгодною оказывается именно лядинная, какъ это доказало хозяйство г. Энгельгардта, въ третьемъ—могутъ быть введены нѣкоторыя улучшенія въ трехпольную систему и т. д. Даже нѣмцы, поселившіеся у насъ въ Бессарабіи «встарь вели хозяйство переложное; теперь у нихъ что-то среднее между перелогомъ и трехпольемъ; въ ближайшемъ будущемъ, когда земля ослабнетъ и уменьшится въ количествѣ, нѣмцы заведутъ настоящее трехполье» [3]).

---

[1]) «Вѣст. Европы» 1889 г., № 6. Внутреннее обозрѣніе. В. В. Стр. 872).

[2]) В. Л. Дѣдловъ. Новая экскурсія. («Книжки Недѣли» 1890 г. № 12. Стр. 118 и 119).

[3]) Тамъ же. Стр. 124.

Для перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія прежде всего, кромѣ большого количества рабочихъ силъ, требуется большая порція капитала для затраты на землю. Вотъ этого-то капитала и недостаетъ у нашего крестьянина. Непосильные налоги истощаютъ не только его мошну, но и заставляютъ продавать скотъ, т. е. одно изъ необходимѣйшихъ орудій сельскохозяйственной промышленности. Говорить объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія—немыслимо, пока налоги отнимаютъ у него все, оставляя только скудную долю для поддержанія впроголодь его собственнаго существованія. Уменьшеніе налоговъ, сопровождающее увеличеніе надѣла, можетъ дать возможность крестьянамъ хоть нѣсколько оправиться и запастись капиталомъ, необходимымъ для улучшенія культуры земель. Правда, «въ крестьянскомъ хозяйствѣ мы наблюдаемъ, говоритъ В. В., самостоятельное движеніе къ интензированію земледѣлія» [1]), но, прибавимъ, улучшенія эти, пока, еще могутъ быть только такъ ничтожны, что думать о возможности поглощенія всего крестьянскаго труда его собственнымъ нынѣшнимъ надѣломъ еще очень и очень рано. А потому и необходимо прибѣгнуть къ мѣрамъ увеличенія надѣла для избавленія ихъ отъ эксплуатаціи землевладѣльцевъ. При этомъ нужно руководствоваться принципомъ, предложеннымъ г. Васильчиковымъ: крестьянскій надѣлъ долженъ быть соразмѣренъ съ рабочими силами крестьянства. При осуществленіи этого принципа, т. е. еслибы у каждаго крестьянина былъ такой кусокъ земли, который поглощалъ бы весь его лѣтній трудъ,—онъ не нуждался бы ни въ арендѣ чу-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1889 г., № 8. Статья В. В. Стр. 818.

жой земли, ни въ продажѣ своего лѣтняго труда, а, слѣдовательно, былъ бы экономически независимъ.

Считаемъ необходимымъ прибавить, что самъ А. И Васильчиковъ, можно думать, отказался отъ той оговорки, относительно крестьянскаго землевладѣнія, на которую мы указали выше, такъ какъ во второмъ изданіи своей книги «Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ Европейскихъ государствахъ» онъ говоритъ: «Мы должны были измѣнить нашъ взглядъ на значенье и объемъ малоземелья и признать справедливость возраженій, сдѣланныхъ намъ нашими критиками». Къ сожалѣнію, эта оговорка не замѣчается его послѣдователями и преемниками, а потому мы и не считаемъ нужнымъ измѣнять свое отношеніе къ идеямъ А. И. Васильчикова. Одинъ изъ послѣдователей идей А. Васильчикова, г. Шараповъ, будучи славянофиломъ, прямо объявляетъ себя врагомъ «ясно выраженной мысли народа» о расширеніи его землевладѣнія,—на томъ основаніи, что противъ этого «увѣренно раздается голосъ науки» [1]). Не голосъ-ли хищническихъ инстинктовъ принялъ г Шараповъ за голосъ науки? Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ тотъ «національный духъ», который ставился прежними славянофилами, еще не получившими буржуазно-либеральной окраски, выше буржуазной науки, готовой служить классовымъ интересамъ денаціонализированнаго меньшинства. Инженеръ путей сообщенія, оставившій службу и поселившійся съ женою въ своемъ имѣніи съ цѣлью вести сельское хозяйство, разсказываетъ слѣдующее: «Какъ на помѣщиковъ князевцы смотрѣли на насъ такъ, какъ смотрятъ вообще всѣ крестьяне. Пре-

[1]) С. Шараповъ. Будущность крестьянскаго хозяйства.

жде всего они были увѣрены, что въ самомъ непродолжительномъ времени земля отъ баръ будетъ отобрана и возвращена къ нимъ, какъ къ людямъ, единственно имѣющимъ законное на нее право. Обыкновенно такое отобраніе ожидалось ежегодно къ новому году. Крестьяне нерѣдко обращались ко мнѣ за разъясненіемъ по этому вопросу. Мои доводы и убѣжденія не приводили, конечно, ни къ чему. Мнѣ просто не вѣрили, такъ какъ не въ моихъ-де интересахъ было открывать имъ истину. Въ силу убѣжденія, что земля и лѣсъ только временно мои, съ ихъ стороны не считалось грѣхомъ тайкомъ накосить травы, нарубить лѣсу, надрать лыкъ и проч.

— Не онъ лѣсъ садилъ, не самъ траву сѣялъ,— Богъ послалъ на пользу всѣмъ. Божья земля, а не его.

— А деньги-то за землю ёнъ платилъ?

— Кому платилъ?—чать, Божья земля. Кому платилъ съ того и бери назадъ, а Богу денегъ не заплатишь. Хоть лѣсъ взять, къ примѣру. Не видали его, не слыхали николи, вдругъ, откуда взялся: «мой лѣсъ». А ты всю жизнь здѣсь маячишься, на твоихъ глазахъ онъ выросъ: «не твой, не тронь». Онъ его ростилъ, что-ль? Богъ ростилъ. Божій онъ выходитъ, на потребу всѣмъ людямъ. Ты говоришь: «мой», а я скажу «мой». Ладно: днемъ твой, а ночью мой». [1]).

Возвратимся теперь къ политическимъ правамъ личности. Либерализмъ старается доказать, что политическое достоинство личности должно измѣряться ея имуществомъ. Прослѣдить корень, на которомъ выросло это воззрѣніе, нетрудно. Дѣло въ томъ, что. по прежнимъ

---

[1]) Н. Гаринъ. Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ. Стр. 86 и 87 («Русская Мысль» 1892 г., № 3).

понятіямъ, наука и знаніе считались единственными двигателями какъ въ нравственной области, такъ и въ сферѣ общественнаго прогресса. Многіе изъ искреннихъ друзей народа, не имѣя передъ глазами тѣхъ фактовъ, которыми въ настоящее время обладаетъ европейская соціальная наука, стояли тогда за такую постановку вопроса. Благодаря-же господству того предразсудка, что знаніе и наука дѣлаютъ людей болѣе нравственными, легко было впасть въ ошибку излишняго довѣрія къ культурно-интеллигентному слою. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было ни придти къ тому выводу, что культурно-интеллигентный слой будетъ больше стараться объ осуществленіи общенародныхъ интересовъ, нежели невѣжественная масса, если знаніе и наука дѣлаютъ людей болѣе нравственными, т. е. болѣе заботливыми о чужомъ благѣ? А громаднѣйшее большинство мыслящихъ людей прошлаго времени было одержимо именно этимъ доктринерскимъ предразсудкомъ. Но такъ какъ пріобрѣтеніе знаній требуетъ отъ человѣка затраты извѣстнаго капитала, то на практикѣ выходило, что люди знанія и науки были вмѣстѣ съ тѣмъ и людьми достаточными. Поэтому, подыскивая практическое мѣрило для измѣренія способности личности къ участію въ управленіи общественными дѣлами, нашли, что лучшее мѣрило и есть имущественный цензъ. Разумѣется, въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи уже видна нѣкоторая натяжка, но если тутъ и дѣлается ошибка, то довольно незначительная, которую были вправѣ игнорировать практическіе дѣятели.

Опытъ разрушилъ всѣ эти доктринскія соображенія, ясно доказавъ, что «образованные и достаточные классы», заполучивъ кормило государственнаго управ-

ленія въ свои руки, соображаются больше всего съ своими классовыми интересами. игнорируя нужды не только народа, но и большинства общества. Переходъ власти въ руки буржуазныхъ классовъ сопровождался вездѣ тенденціей лишить народъ и той ничтожной доли экономической независимости, какую онъ имѣлъ. Говорятъ, буржуазные классы все-таки много способствовали развитію свободы личности. науки, печати, вѣроиспо вѣданія и т. п.,—въ этомъ есть извѣстная доля правды, хотя и меньшая, чѣмъ обыкновенно думаютъ Такъ, по словамъ историка государственныхъ учрежденій страны, считающейся самой парламентарной: «все, что парламентаризмъ могъ доставить классамъ общества, не имѣющимъ своего собственнаго представительства (а такіе классы составляютъ большинство при всѣхъ формахъ представительнаго правленія)—была юридическая свобода подниматься въ ряды высшихъ сословій» [1]). «Палата Общинъ однажды обращается, даже. къ королю съ петиціей о томъ, чтобы низшимъ сословіямъ было запрещено посылать своихъ дѣтей . въ школу и отдавать ихъ въ духовное званіе». По словамъ Гнейста, эти нелѣпыя притязанія были обузданы только благодаря благоразумію верховной власти, магнатовъ и рыцарей [2]). Но не надо забывать, что буржуазные классы, вмѣстѣ съ тѣмъ, внесли страшную неурядицу въ экономическія отношенія. Самое поощреніе науки и печати со стороны буржуазныхъ классовъ отразилось на этихъ послѣднихъ невыгоднымъ образомъ: обѣ онѣ получили чуть-ли не исключительно буржуазное направленіе [3]).

---

[1]) Руд. Гнейстъ. Исторія госуд. учрежденій Англіи. Стр. 512.

[2]) Тамъ же. Стр. 507.

[3]) Роль говоритъ, что сибаритство составляетъ отличительный

Далѣе, весь прогрессъ народной жизни былъ сосредоточенъ на прогрессѣ производства, необходимость-же соотвѣтственнаго прогресса въ распредѣленіи была затушевана, оставлена въ тѣни. Неравномѣрность въ распредѣленіи богатствъ стала усиливаться не по днямъ, а по часамъ. Въ концѣ-концовъ оказалось громадное накопленіе богатствъ въ рукахъ буржуазіи и нищета рабочихъ классовъ. Въ то-же время, радикальныя партіи, продолжая логически-односторонне развивать программу либераловъ, добились политическаго полноправія для рабочихъ классовъ. И теперь на Западѣ громаднѣйшее большинство личностей находится въ странномъ положеніи: онѣ вполнѣ свободны и полноправны въ юридическомъ отношеніи и въ то-же время находятся въ фактическомъ рабствѣ у буржуазіи, благодаря экономическому строю, неприкосновенность котораго либералы отстаиваютъ съ величайшимъ ожесточеніемъ, посмѣиваясь, конечно, въ душѣ надъ политическими правами экономически-порабощенной массы. Понятно, что «низшіе классы не видятъ осязательныхъ выгодъ отъ представительства, въ которомъ господство принадлежитъ высшимъ и среднимъ слоямъ общества».. «Массы рабочаго пролетаріата охотно промѣняли бы свои голыя политическія права на существенныя матеріальныя облегченія и уступки» [1]).

Такимъ образомъ, прогрессъ европейскихъ обществъ шелъ, благодаря вліянію культурно-интеллигентныхъ классовъ, ненормальнымъ путемъ, развивая только одну политическую сторону ихъ жизни, да и то подъ влія-

признавъ большей части нѣмецкихъ публицистовъ. (Гражданское общество. В. Г. Риля. Стр. 348).

[1]) Л. З. Слонимскій. Основные вопросы политики. Стр. 123.

ніемъ радикализма, а не либерализма. Экономическая-же сторона жизни нетолько не совершенствовалась въ смыслѣ распредѣленія, а, наоборотъ, несмотря на громадное усиленіе накопленія богатствъ, все болѣе и болѣе ввергала рабочіе классы въ экономическое рабство. Имѣемъ-ли мы право считать подобный прогрессъ, подвергающій большинство народа всѣмъ матеріальнымъ и духовнымъ пыткамъ экономическаго рабства, за нѣчто нормальное и справедливое? Разумно-ли было-бы съ нашей стороны повторять опытъ западноевропейскихъ народовъ съ предоставленіемъ буржуазіи исключительнаго права на руководство жизнью русскаго народа, имѣя ясныя доказательства, что эти классы способны дать только эгоистическое направленіе общественной жизни?

Разумѣется, въ средѣ нашего культурнаго класса нашлось-бы незначительное меньшинство, одушевленное истинно общественно-народными стремленіями; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что при господствѣ буржуазіи, оно было-бы затерто, подавлено, осталось-бы безъ всякаго вліянія на жизнь. Поэтому, если у этого меньшинства есть что сказать народу, есть чему поучить его, то не лучше-ли заранѣе позаботиться о томъ, чтобы между нимъ и народомъ не было никакихъ преградъ, вродѣ господско-кулачевскаго режима?

Кажется, въ наше время, можно-бы уже понимать съ достаточною ясностью, что либерализмъ совсѣмъ не есть ближайшая станція прогресса, какъ склонны думать многіе, а напротивъ—ведетъ въ сторону отъ столбовой дороги прогресса, приводя къ невылазной трущобѣ. Нападать на коренную фальшь этого ученія, изобличать его несостоятельность по отношенію къ прогрессу—не значитъ вести междоусобную войну, не значитъ на-

падать на прогрессъ: это значитъ только смотрѣть шире и глубже, значить умѣть отличать обманчивый миражъ отъ настоящаго живительнаго источника. А либерализмъ—именно обманчивый миражъ, и тѣмъ онъ опаснѣе. Недостатки бюрократіи у всѣхъ на глазахъ; недостатки либерализма—скрытые, тайные. Опытъ другихъ народовъ и собственная наша мысль указываютъ на его опасность. Надо-ли на нее закрывать глаза? Тѣмъ болѣе это опасно, что либерализмъ начинаетъ овладѣвать многими органами нашей прессы: «Напрасно увѣряютъ, писалъ Евгеній Марковъ въ журналѣ «Русская Рѣчь» за 1879 годъ, что буржуа—такая-же очередная новѣйшая монополія, какъ и побѣжденныя ею средневѣковыя монополіи. Нѣтъ, торжество буржуа есть окончательное разрѣшеніе въ принципѣ вопроса общественной справедливости!» Недавно либеральные публицисты подняли агитацію противъ государственнаго вмѣшательства въ пользу рабочихъ классовъ [1]). Однихъ они хотятъ убѣдить, что государственное вмѣшательство опасно по своимъ будтобы чрезмѣрно прогрессивнымъ тенденціямъ; другимъ они внушаютъ, что это—только орудіе мрака и застоя, котораго нужно избѣгать во имя либерализма и прогресса. Эти двулицые Янусы, имѣя ввиду только интересы буржуазіи, приноравливаютъ свою аргументацію соотвѣтственно тому, съ кѣмъ они говорятъ [2]). Изъ устъ

---

[1]) «Король никогда не можетъ покровительствовать народу, говоритъ Макіавели, не вооружая противъ себя вельможъ» (см. «Монархъ», соч. Ник. Макіавели. Стр. 130). Фабриканты-капиталисты и заводчики—это тѣ-же вельможи современной жизни; либеральные же публицисты—защитники ихъ интересовъ въ литературѣ.

[2]) Ихъ поведеніе напоминаетъ намъ тѣхъ тропическихъ пау-

ихъ, обращенныхъ къ бюрократіи, льются слова: вы возбуждаете баснословныя надежды, вы заигрываете съ такой опасной силой, которая способна погубить въ будущемъ нетолько буржуазію, но и весь существующій строй; бросьте этотъ путь и помогите намъ, ибо мы истинные столбы порядка и государства. Въ то-же самое время на лицѣ, обращенномъ къ прогрессивной публикѣ, разлита коварная улыбка съ ироническимъ подмигиваніемъ по направленію къ бюрократіи, выражающимъ: не вѣрьте въ государственный соціализмъ, ибо отъ бюрократіи намъ ждать нечего; какъ-бы вы ни думали о самомъ государственномъ соціализмѣ, но вы должны признать, что бюрократія ни къ чему не способна; безтактно было-бы съ вашей стороны говорить о государственномъ вмѣшательствѣ на пользу народныхъ массъ, когда вы видите, что въ настоящее время все находится въ рукахъ бюрократіи; государственный соціализмъ будетъ вреденъ уже потому, что онъ государственный. Эта хитрая аргументація подѣйствовала на тѣхъ, кто не былъ способенъ замѣтить, что либеральные публицисты противопоставляютъ государственному соціализму государственный либерализмъ и ничего больше. Отвращаясь отъ идеи государственнаго вмѣшательства въ пользу народныхъ массъ, этимъ самымъ мы способствуемъ утвержденію уже существующаго факта государственнаго либерализма, т. е. государственнаго-же вмѣшательства въ пользу буржуазныхъ классовъ: банкировъ, промышленниковъ,

---

ковъ, которые «часто принимаютъ видъ другихъ насѣкомыхъ, а нѣкоторые, какъ увѣряетъ насъ м-ръ Бэтсъ, точь-въ-точь походятъ на цвѣточные почки и избираютъ себѣ мѣсто на черешкахъ листьевъ, гдѣ и остаются неподвижными въ ожиданіи добычи». (Ал. Уолласъ. Теорія естественнаго подбора).

фабрикантовъ, заводчиковъ, торговцевъ и т. д. Государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь общества существовало всегда, и не только у насъ, но и во всѣхъ обществахъ; только это вмѣшательство выражалось, главнымъ образомъ, въ покровительствѣ капиталистическому производству и считалось настолько нормальнымъ, что ученые люди не считали его даже за вмѣшательство. Такъ, напримѣръ, въ Англіи, «чума 1348 года и послѣдовавшее за нею повышеніе цѣнъ на рабочія руки вызвали сначала королевское повелѣніе, а два года спустя, постановленіе парламента, которымъ норма заработной платы устанавливалась въ размѣрахъ, существовавшихъ за предшествовавшія пять или шесть лѣтъ; при этомъ нарушителямъ постановленія угрожаютъ тюремнымъ заключеніемъ и наложеніемъ клеймъ рукою палача» [1]). Только тогда, когда поднялись голоса о необходимости направить могущество государства на пользу рабочихъ массъ, стали употреблять терминъ «государственное вмѣшательство», какъ будто-бы до тѣхъ поръ государство не касалось экономической жизни общества и не покровительствовало извѣстнымъ слоямъ его.

Слѣдовательно, можно сказать, что борьба идетъ между государственнымъ либерализмомъ, дѣйствовавшимъ у насъ до послѣдняго времени, и государственнымъ соціализмомъ, стремящимся только измѣнить объектъ государственнаго покровительства: фабрикантовъ и крупныхъ промышленниковъ замѣнить рабочими классами. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы усилить власть бюрократіи съ тою цѣлью, чтобы она вмѣшалась въ экономическую жизнь

[1]) Руд. Гнейстъ. Исторія госуд. учрежденій Англіи Стр. 506.

народа (ттъ какъ этой властью она уже владѣетъ искони), а только о томъ, чтобы убѣдить бюрократію употреблять свою власть не на пользу капиталистическаго производства, но для поддержанія экономиской независимости рабочихъ классовъ. Было-бы вполнѣ глупо и безтактно не пользоваться силой бюрократіи, разъ она существуетъ. Какъ-бы мы ни смотрѣли на роль бюрократіи въ общественномъ организмѣ, но мы не имѣемъ права предоставлять могущественное воздѣйствіе этой силы на экономическую жизнь общества въ пользу капиталистическаго производства, какъ этого добиваются либеральные публицисты. Конечно, еслибы государство избрало себѣ другое орудіе воздѣйствія, напримѣръ, земство (разумѣется, не нынѣшнее), вмѣсто существующей нынѣ бюрократіи, то дѣло было-бы поставлено не въ примѣръ лучше, но вѣдь намъ слѣдуетъ рѣшать вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ не только для будущаго времени, но и для настоящаго, при которомъ орудіемъ управленія въ рукахъ государства служитъ бюрократія. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ: должна-ли бюрократія замѣнить нынѣшнюю свою экономическую политику вмѣшательства въ пользу капиталистическаго производства другою или нѣтъ? Либеральные публицисты, защищая нынѣ существующій государственный либерализмъ, трактуютъ вопросъ такъ, какъ будто у насъ теперь нѣтъ никакого бюрократическаго вмѣшательства, и нападаютъ на «народную политику», указывая прогрессистамъ, что въ настоящее время она будетъ проводиться ни кѣмъ инымъ, какъ бюрократіей. Какъ извѣстно, бюрократическое управленіе не пользуется у насъ симпатіей общества, а потому и нападки на него сыплются особенно часто. Либерализмъ твердо воспринялъ эту обществен-

ную антипатію и суетъ ее теперь совершенно некстати въ вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ. Такъ какъ дѣло идетъ не о внесеніи *новаго* начала въ нашу жизнь—государственнаго вмѣшательства, а только о *замѣнѣ* одной его формы другою, болѣе благопріятною рабочимъ массамъ. Сомнѣнія насчетъ государственнаго вмѣшательства въ пользу рабочихъ могли-бы имѣть основаніе только тогда, еслибы у насъ въ настоящее время господствовалъ порядокъ *невмѣшательства* государства въ экономическую жизнь; но вѣдь этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Бюрократія нигдѣ и никогда не могла удержаться отъ воздѣйствія на экономическую жизнь общества, да это и немыслимо ни въ какомъ государствѣ. Всѣ ученія о государственномъ невмѣшательствѣ прикрываютъ только существующій фактъ вмѣшательства въ пользу буржуазныхъ классовъ; такого же невмѣшательства добиваются и либеральные публицисты. Всякій, кто говоритъ, что государство не должно вмѣшиваться въ экономическую жизнь общества, пока орудіемъ его управленія служитъ бюрократія, послужитъ только идеѣ государственнаго либерализма, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что бюрократія никогда не откажется, да и не можетъ отказаться, отъ вмѣшательства,—она только будетъ употреблять его втихомолку для насажденія капиталистическаго производства. Разумѣется, бюрократическое воздѣйствіе никогда не можетъ достигать цѣли въ той мѣрѣ, въ какой этого могутъ достигнуть другія формы управленія, напримѣръ, истинно-земское; но дѣло вѣдь, какъ мы уже говорили, не въ этомъ. Къ сожалѣнію, намъ приходится выбирать въ настоящее время только между двумя направленіями политики: бюрократическимъ вмѣшательствомъ на пользу капиталистическаго про-

изводства, давно практикующимся у насъ и извѣстнымъ подъ неправильной кличкой государственнаго невмѣшательства, и бюрократическимъ-же вмѣшательствомъ въ пользу интересовъ рабочихъ массъ, противъ котораго поднимаютъ вопли либеральные публицисты, указывая на мнимую опасность этой политики для государства съ одной стороны и для общественнаго прогресса—съ другой. Такъ какъ въ настоящее время бюрократія еще не сдана государствомъ въ архивъ, то было-бы вполнѣ нецѣлесообразно уступать ея силу и вліяніе на экономическую жизнь народа въ пользу государственнаго либерализма, т. е. на взрощеніе у насъ государствомъ капиталистическаго производства, и не пытаться убѣдить ее, что въ ея собственныхъ интересахъ будетъ гораздо полезнѣе не помогать образованію буржуазіи, которая, обездоливая народъ какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, въ то же время всегда и всюду «подбирается къ кассѣ», какъ выражается либеральный публицистъ г. Л. Полонскій, т. е. садится на мѣсто бюрократіи. Съ точки зрѣнія интересовъ народа, замѣна бюрократическаго управленія буржуазнымъ не имѣетъ никакой цѣны, а между тѣмъ по опыту извѣстно, что она достается народу цѣною потери экономической независимости, безъ которой не бываетъ и независимости юридической. Многіе утверждаютъ, будто замѣна бюрократическаго управленія буржуазнымъ есть необходимое условіе дальнѣйшаго прогресса, такъ какъ-де буржуазное управленіе есть «естественная необходимая ступень» въ общественномъ прогрессѣ; но подобное утвержденіе, какъ мы уже говорили, ни на чемъ не основано, и русскому народу незачѣмъ сознательно лѣзть въ буржуазную петлю только на томъ основаніи, что нѣсколь-

кимъ заблуждающимся теоретикамъ эта петля кажется необходимой.

На этомъ основаніи мы считаемъ, что всякій, возстающій противъ государственнаго вмѣшательства, въ настоящее время, только на томъ основаніи, что оно будетъ проводиться въ жизнь бюрократическимъ управленіемъ, похожъ на ту сороку, которая, затвердивъ Якова, твердитъ его про всякаго. Онъ не понимаетъ, что его усилія могутъ вести только къ тому, чтобы бюрократическое вмѣшательство шло своимъ традиціоннымъ путемъ и не измѣняло его направленія въ пользу рабочихъ классовъ. Принципъ оппозиціи бюрократическому управленію не можетъ требовать того, чтобы мы не старались пользоваться силой бюрократіи на пользу народа до самаго послѣдняго момента ея существованія, — иначе мы будемъ не защитниками народныхъ интересовъ, а людьми только рисующимися своей оппозиціей во вредъ насущнымъ нуждамъ народа.

До сихъ поръ у насъ многіе наивные, хотя и искренніе, друзья народа косо посматриваютъ на попытки критически отнестись къ либерализму, какъ къ извѣстной теоріи общественнаго устройства и развитія. Главное затрудненіе, которое испытывается въ борьбѣ съ либерализмомъ, состоитъ въ томъ, что многіе записываются въ либеральный лагерь, не будучи либералами. Мы не можемъ, конечно, угоняться за всѣми подобными недоразумѣніями и, говоря о либерализмѣ, обыкновенно имѣемъ въ виду то, болѣе или менѣе, сложившееся ученіе, которое какъ въ нашей, такъ и въ западной литературѣ извѣстно подъ именемъ либерализма [1]). Въ этомъ

---

[1]) Нѣкоторые защитники либерализма говорятъ, что слово либерализмъ происходитъ отъ liberare—освобождать, а слѣдовательно логика требуетъ, чтобы либерализмъ охватывалъ собою

ученіи есть немало симпатичныхъ чертъ, которыя и составляютъ его казовую сторону, привлекающую многихъ изъ тѣхъ, кто не желаетъ заглянуть въ существо самаго ученія, въ его изнанку. Возставая противъ либерализма, мы указывали, что народничество считаетъ непреложными истинами тѣ изъ положеній либерализма

всякаго рода освобожденіе, въ томъ числѣ и экономическое. На нашъ взглядъ, это мнѣніе страдаетъ большою натяжкою, такъ какъ объ общественныхъ партіяхъ необходимо судить не по кличкамъ, а по дѣйствіямъ и стремленіямъ. Какъ-же описываютъ либераловъ эти честные защитники либерализма, которые, очевидно, больше дорожатъ словомъ, нежели содержаніемъ? Въ январьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1883 г. мы читаемъ слѣдующее: «Достигнувъ своей главной цѣли — освобожденія отъ грубаго феодальнаго режима — либералы на материкѣ Европы пожелали господствовать въ свою очередь и стали *отдавать предпочтеніе своимъ спеціальнымъ интересамъ передъ общенародными*. Сохраняя свое популярное названіе, они *дѣйствовали уже какъ консерваторы* и усвоили себѣ политическіе пріемы, совершенно несогласные съ логическими основаніями либерализма. Устранивъ насилія и стѣсненія свыше, они сами, взобравшись на арену власти, *пошли потому-же пути легальнаго произвола по отношенію къ низшимъ классамъ*». Далѣе «Вѣстникъ Европы» говоритъ про Австрію, что тамъ «давно уже подъ либеральнымъ флагомъ фигурируютъ приверженцы подавленія народностей, враги равноправности и самоуправленія, продажные дѣльцы политики и журналистики». По словамъ автора статьи, «слово либералъ сдѣлалось синонимомъ самодовольной пассивности и голаго отрицанія реформъ въ пользу сельскаго и городского пролетаріата». Таковъ либерализмъ въ жизни, въ дѣйствительности, а не въ мечтахъ теоретиковъ. Честные защитники либерализма не отрицаютъ фактовъ; они только стараются доказать, съ своей логическо-филологической точки зрѣнія, что подъ словомъ либерализмъ можно подразумѣвать и вполнѣ народническія стремленія. Разумѣется, возражать противъ этого намъ нечего, такъ какъ, по нашему мнѣнію, дѣло идетъ не о логическо-филологическихъ построеніяхъ, а

(въ родѣ свободы слова, мысли и личности), которыми онъ старается прикрыть свои темныя стороны. Мы только старались доказать, что путь къ этимъ благамъ лежитъ *не черезъ либерализмъ*, такъ какъ юридическая свобода личности является только фикціей, если она не поддержана экономической независимостью. Между тѣмъ, либерализмъ заботится именно объ удовлетвореніи политическихъ потребностей народа, оставляя экономическія въ тѣни. Считая подобныя тенденціи вредными вообще, а особенно въ Россіи, гдѣ онѣ оказываются въ противорѣчіи съ прямыми, ясно выраженными интересами народа и всего государства, мы и доказываемъ полную несостоятельность у насъ либерализма. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что мы отрицаемъ политическія нужды народа? Очевидно,—нѣтъ; тѣмъ болѣе, что сами противники наши (то-есть наиболѣе добросовѣстные изъ нихъ) уже признали, что народничество заключаетъ въ себѣ *лучшія* стороны либерализма Къ счастью, ходъ развитія общественной жизни мало-помалу вынуждаетъ сторонниковъ либерализма показывать обществу нетолько свою лицевую сторону, но и изнанку. Люди болѣе знакомые съ этой теоріей уже давно ука-

---

о томъ, что вложила въ терминъ «либерализмъ» дѣйствительная жизнь. И мы совершенно не понимаемъ, на какомъ основаніи эти честные либералы защищаютъ загрязненный терминъ, стараясь втиснуть въ него новое содержаніе. А что терминъ этотъ запачканъ, въ этомъ сознается и «Вѣстникъ Европы», объясняя, что «дурная слава» о либерализмѣ перекочевала въ нашу печать изъ западной литературы. Спрашивается: зачѣмъ-же понадобилось производить путаницу въ головахъ читателей тѣмъ изъ защитниковъ либерализма, которые подразумѣваютъ подъ этимъ именемъ народническія возврѣнія? Неужели-же изъ сентиментальной любви къ термину «либерализмъ»?

зывали на то, что подъ блестящей внѣшностью ея скрывается защита экономическаго рабства труда и господства капитала. Ихъ обличенія встрѣчались многими недовѣрчиво потому, что сами либералы, много говоря о свободѣ печати, вѣроисповѣданія и т. п. прекрасныхъ вещахъ, затушевывали свои экономическія теоріи громкими словами «свобода торговли», «свобода договорныхъ отношеній», «свобода промышленности» и т. п. Наивные люди, увлекаясь громкими фразами, не замѣчали, что подъ словомъ «свобода» скрывается проповѣдь невмѣшательства государства, или вообще общества, въ отношенія труда къ капиталу. Либерализмъ учитъ, что экономическій порядокъ современныхъ обществъ построенъ на гармоніи интересовъ рабочаго и капиталиста, а потому и требуетъ невмѣшательства въ ихъ отношенія, т. е. «свободы экономическихъ отношеній». Насколько лицемѣренъ въ этомъ случаѣ либерализмъ — можно видѣть изъ того, что столкновенія труда съ капиталомъ учащаются не по днямъ, а по часамъ. «Въ техническомъ прогрессѣ культуры, говоритъ Вундтъ, включена тяжелая опасность значительнаго нравственнаго регресса. Если рабочій скотъ нѣкогда освободилъ человѣка отъ рабства, то, обратно, машина угрожаетъ снова сдѣлать неимущаго рабомъ. Только тотъ можетъ закрыть глаза передъ этою опасностью, кто не замѣчаетъ ударовъ, падающихъ на чужую спину» [1]).

Папа Левъ XIII въ своей энцикликѣ «О положеніи рабочихъ» отъ 15 мая 1891 г. говоритъ, что необходимо «спасти бѣдныхъ рабочихъ отъ жестокосердія жадныхъ спекуляторовъ, которые пользуются человѣче-

[1]) Вильг. Вундтъ. Этика. Стр. 270.

скими существами лишь какъ орудіями для дѣланія денегъ»... «Постепенно оказалось, что изолированные, беззащитные рабочіе очутились предоставленными на произволъ безчеловѣчныхъ хозяевъ и стали злополучными жертвами разнузданной алчной конкуренціи»... «Ко всему этому подлежитъ присовокупить монополію эксплоатаціи труда и торговли, находящуюся въ рукахъ сравнительно небольшого числа богатыхъ и состоятельныхъ людей, которые держатъ подъ игомъ почти настоящаго рабства безчисленныя массы пролетаріевъ».

Талантливѣйшій представитель западно-европейскаго бюрократизма, графъ Бисмаркъ, прекрасно понялъ общественную роль либерализма и сталъ защищать бюрократизмъ отъ нападокъ либераловъ тѣмъ же пріемомъ, какимъ руководствовались прежде либералы, т. е. выставляя его защитникомъ общенародныхъ интересовъ. Но онъ взялъ подъ свое покровительство не юридическую сторону общественнаго прогресса, а экономическую, которую либералы всѣми силами стараются игнорировать. Этимъ стратегическимъ пріемомъ онъ сразу выяснилъ всю фальшь либерализма по отношенію къ экономическому прогрессу, который особенно озабочиваетъ главную массу народонаселенія—рабочіе классы. Какъ извѣстно, весь планъ военной кампаніи графа Бисмарка противъ либерализма свелся на то, чтобы смирить властолюбіе либеральной буржуазіи, показавъ ей, что бюрократизмъ имѣетъ возможность подорвать въ корнѣ основу силы либеральной буржуазіи—капиталистическій строй экономической жизни. Либералы и толкуютъ объ этомъ рабочимъ классамъ, доказывая, что единственная цѣль Бисмарковъ—укрѣпленіе бюрократизма. Но каковы бы ни были сокровенныя цѣли кам-

ніи противъ либерализма, нельзя не видѣть, что разборъ либерализма съ бюрократизмомъ можетъ быть только выгоденъ для экономическихъ стремленій массы. Дѣло въ томъ, что бюрократизмъ, по своимъ основнымъ принципамъ, правильно понятымъ, не можетъ быть врагомъ какой-бы то ни было экономической формы. Онъ можетъ ужиться со всѣми ими, оставаясь господиномъ въ обществѣ, такъ какъ заботится, по преимуществу, только о политическомъ господствѣ; на экономическую же сторону жизни онъ можетъ мало обращать вниманія, такъ какъ его власть не зависитъ отъ той или другой формы экономическаго производства. Другое дѣло—либерализмъ; онъ связалъ свою судьбу съ извѣстнымъ экономическимъ строемъ, основаннымъ на капиталистическихъ началахъ. Сила либеральной буржуазіи основана на томъ, что въ ея рукахъ находится львиная доля производства страны. Всякій ударъ, направленный на капиталистическое производство, жестоко отражается на положеніи буржуазіи, а, слѣдовательно, и либерализма.

Борьба западнаго либерализма съ западнымъ бюрократизмомъ отразилась и въ нашей литературѣ. Наши западники стараются забѣжать впередъ, объясняя пагубность мѣропріятій графа Бисмарка. Они тонко намекаютъ, что такъ называемая «народная политика», стремившаяся «поднять экономическій бытъ народа», можетъ повести къ гибельнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ она обѣщаетъ то, чего государство не въ состояніи выполнить. Тутъ, какъ видите, повторяется старая исторія. Какъ извѣстно, крѣпостники тоже доказывали, что освобожденіе крестьянъ поведетъ къ «гибельнымъ послѣдствіямъ». Думаемъ, что такая эгоистическая политика будетъ понята и что бюрократизмъ не дастся въ обманъ. Если для либерализма будетъ гибельно,

экономическая политика, старающаяся поддержать самобытный строй русскаго производства, основанный на общинныхъ и артельныхъ началахъ (такъ какъ этимъ самымъ подорвется развитіе капиталистическаго производства), то для бюрократизма подобнаго рода политика можетъ быть только выгодной, ибо она способствуетъ подавленію либеральной буржуазіи, направляя ходъ развитія общественнаго прогресса, главнымъ образомъ, на экономическую его сторону.

Можетъ явиться вопросъ: будетъ-ли это согласо съ интересами всего общества? Выгодно-ли предпочесть развитіе экономической стороны прогресса развитію его юридической стороны? На это необходимо замѣтить, что счастье людей нельзя опредѣлять объективно; оно прямо зависитъ отъ ихъ субъективныхъ воззрѣній и временныхъ потребностей. Несомнѣнно, что главная масса нашего общества, т. е. тѣ слои его, которые обыкновенно называются «народомъ», стремятся прежде всего къ упроченію своего экономическаго благосостоянія и независимости; понятно, что съ ихъ точки зрѣнія развитіе экономической жизни стоитъ на первомъ планѣ. Поэтому нельзя сомнѣваться, что симпатіи народа будутъ не на сторонѣ либеральной буржуазіи, а на сторонѣ бюрократизма, разъ онъ выставитъ знамя экономическихъ реформъ. На Западѣ «во многихъ странахъ рабочіе почти всегда подаютъ голосъ за покровительственный законъ и вмѣшательство государства» [1]).

Неособенно давно, такъ называемая, «народная политика»,—не то метеоромъ, не то блудящимъ огонькомъ,—промелькнула по русскому горизонту и исчезла..

---

[1]) Томасъ Ралей. Элементарная политика. Стр. 101.

Впрочемъ, исчезла не безслѣдно,—враги ея до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаютъ о ней, какъ о политикѣ, способной «разнуздать звѣря» («Голосъ») и «внушить народу надежды, которыя государство не будетъ въ состояніи исполнить» («Новости»). Строго говоря, «народная политика» не оставила по себѣ фактическихъ результатовъ и вопли ея враговъ объясняются ихъ опасеніями за будущее.

Дѣло въ томъ, что на Западѣ бюрократизмъ понялъ какую крѣпкую позицію можетъ занять онъ, при защитѣ своего существованія отъ напирающихъ на него представителей состоятельно-интеллигентнаго класса, если выставитъ знамя «народной политики». Онъ узналъ, наконецъ, о существованіи глубокой общественной розни между рабочими классами и капиталистами, и захотѣлъ воспользоваться этой рознью съ цѣлью усмирить буржуазно-либеральныя поползновенія на участіе во власти надъ народомъ [1]). Для этого ему необходимо было показать, что онъ готовъ стать на сторону рабочихъ классовъ въ ихъ экономической распрѣ съ капиталистами. Уже Наполеонъ III сталъ, съ этой цѣлью, заигрывать съ рабочими и даже допустилъ существованіе во Франціи «интернаціональнаго общества рабочихъ», которое такъ пугаетъ нынѣшнихъ буржуазно-республиканскихъ правителей ея. Болѣе счастливый его соперникъ, Бисмаркъ, послѣдовалъ, въ корѣ, его примѣру и взялъ подъ свое покровительство нѣкоторыя экономическія требованія рабочихъ. Буржуазный либерализмъ былъ страшно испуганъ подобнымъ стратегическимъ пріемомъ и лицемѣрно сталъ кричать, что

[1]) Еще въ древности Платонъ указывалъ на то, что въ каждомъ государствѣ есть двѣ враждебныя націи: богатые и бѣдные.

«народная политика» ведетъ государство къ соціальному перевороту, что Бисмаркъ неразумно играетъ съ огнемъ и т. д. и т. д. Но канцлеръ зналъ, что «вельможи (фабриканты, заводчики, владѣльцы крупныхъ капиталовъ и предпріятій—настоящіе вельможи современности) хотятъ господствовать, а народъ доволенъ, когда его не притѣсняютъ и требуетъ только «справедливости» [1]).

Извѣстно, что русскіе интеллигентные люди привыкли издавна посматривать на общественные порядки Запада, какъ на образецъ для копировки русскихъ общественно-бюрократическихъ затѣй. Не удивительно поэтому, что у насъ найдутся и такіе западники, которые захотятъ подражать политикѣ Наполеона и Бисмарка. Это-то и предусматриваетъ другая группа западниковъ, которая, наоборотъ, хотѣла-бы насадить въ нашемъ отечествѣ капиталистическое производство, а, слѣдовательно, устранить господство бюрократизма и замѣнить его господствомъ буржуазіи. Публицисты этой послѣдней группы, съ свойственной имъ лукавой прозорливостью, замѣтили опасность и забили тревогу: они пугаютъ русскій бюрократизмъ тѣми-же красными призраками, какими ихъ нѣмецкіе товарищи стараются запугать, если не само правительство, то хотя-бы правящіе классы общества.

Намъ, стоящимъ далеко отъ этой эгоистически-партійной борьбы и смотрящимъ на всю эту сутолоку съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ,—ясно, что обѣ партіи дѣйствуютъ во имя собственныхъ интересовъ, и всуе упоминаютъ слово «народъ». Съ точки зрѣнія благосостоянія народа, стоятъ на

---

[1]) Никъ Макіавели. „Монархъ". Перев. Фед. Затлера. Стр. 60.

одной доскѣ, какъ господство бюрократизма, такъ и господство либеральной буржуазіи; и трудно было-бы, на нашъ взглядъ, рѣшить вопросъ: кому изъ нихъ отдать предпочтеніе? Если бюрократизмъ готовъ взять подъ свое покровительство нѣкоторые экономическіе интересы народа, то за то онъ оставляетъ въ тѣни его юридическіе интересы; буржуазный-же либерализмъ, наоборотъ, готовъ, повидимому, удовлетворить нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, но отнюдь не думаетъ о серьезномъ улучшеніи экономической независимости трудящихся классовъ. Такимъ образомъ, оба они порознь односторонне разрѣшаютъ общественную задачу, такъ какъ стараются каждый объ удовлетвореніи только той стороны потребностей человѣка, которая связана съ ихъ интересами, какъ двухъ антагонистическихъ общественныхъ группъ. Кромѣ того, напрасно думаютъ, что народъ можетъ быть экономически обезпеченъ, хотя-бы его юридическіе интересы были неудовлетворены: извѣстная свобода личности есть необходимый факторъ экономической обезпеченности. Но и юридическія потребности народа не могутъ быть удовлетворены помимо экономическаго обезпеченія его; только тогда рабочій можетъ быть нравственно независимъ, когда онъ—независимъ экономически. Это прекрасно поняли рабочіе классы. На Западѣ экономически-зависимые рабочіе классы принуждены подчиняться буржуазнымъ классамъ и юридическая ихъ независимость дѣлается фикціей, благодаря давленію капитала. Разумѣется, что экономическая независимость можетъ быть достигнута только путемъ организаціи народнаго производства на справедливыхъ началахъ, а не путемъ раздѣла имущества, котораго опасаются многіе либеральные публицисты. Изъ страха пе-

редъ этимъ невозможнымъ раздѣломъ они, къ сожалѣнію, прибѣгаютъ къ ненужнымъ совершенно уловкамъ. «Въ данную минуту, говоритъ одинъ изъ нихъ, уравненіе заработковъ богатыхъ и бѣдныхъ людей не приведетъ къ какому-нибудь ощутительному результату въ смыслѣ подъема благосостоянія массы неимущихъ»,... «такъ дѣлежъ увеличивалъ бы всего на 10% заработокъ самаго бѣднаго, самаго дешеваго работника» [1]). Но, на основаніи свѣдѣній оффиціальной статистики Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, сообщаемыхъ Макъ-Гаханъ, по нашему подсчету, средняя цифра дохода на семью въ 968 долларовъ при раздѣлѣ поднялась бы до 3.872 долларовъ, т. е. въ четыре раза, благодаря тому, что 250.000 человѣкъ изъ 64 милліоновъ всѣхъ жителей государства владѣютъ отъ 75 до 80% всего богатства страны [2]).

Въ современной борьбѣ своей съ бюрократизмомъ либерально-буржуазные публицисты проповѣдуютъ свою давнишнюю лживую выдумку, что общество (государство) не должно вмѣшиваться въ порядокъ экономическихъ отношеній, такъ какъ своимъ вмѣшательствомъ оно только путаетъ этотъ, кѣмъ-то предустановленный, порядокъ, что ведетъ только къ гибельнымъ послѣдствіямъ и нарушаетъ его «естественность». На первый взглядъ это мнѣніе можетъ не показаться столь нелѣпымъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Происходитъ это отъ того, что мы привыкли предпочитать «естественность» «искусственности» на основаніи изученія цѣлаго

---

[1]) Н. Батюшковъ. Связь экономич. явленій съ законами энергіи. Стр .27 и 28.

[2]) В. Макъ-Гаханъ. Письма изъ Америки. Стр. 111. („Сѣв. Вѣс.“ 1891 г., № 11).

ряда фактовъ физіологіи, психологіи и т. п. Но, спрашивается, что можно считать «естественнымъ» въ общественной области? Мы готовы предпочесть «естественность» общественныхъ отношеній ихъ «искусственности», но необходимо рѣшить основной вопросъ: что въ обществѣ естественно? Т. е. нарушается-ли естественность общественныхъ отношеній вмѣшательствомъ общества въ эти отношенія своихъ отдѣльныхъ членовъ или нѣтъ? Но, вѣдь, если мы рѣшимъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что естественность общественныхъ отношеній нарушается общественнымъ вмѣшательствомъ, то необходимо должны заключить, что общество не должно вмѣшиваться и вообще во всѣ общественныя отношенія, т. е. не вмѣшиваться не только въ экономическія, но и юридическія отношенія между личностями. Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что только одна часть общественныхъ отношеній между личностями подчинена какому-то, предустановленному помимо воли людей, «естественному» закону, который и нарушается общественнымъ вмѣшательствомъ, а другая часть—нѣтъ. Говорить о томъ, что экономическія отношенія развиваются на основаніи естественнаго закона, юридическія-же ему не подчиняются,—значитъ впадать въ такую нелѣпость и противорѣчіе, которыя ясны для всякаго человѣка, мало-мальски задумывавшагося надъ вопросомъ о происхожденіи и развитіи общественныхъ отношеній. Почему-же либерально-буржуазные публицисты утверждаютъ, что общество не должно вмѣшиваться только въ экономическія отношенія и, наоборотъ, вмѣшиваться въ юридическія? Дѣло очень просто первое выгодно для буржуазіи, второе—нѣтъ [1]).

[1]) Необходимость общественной защиты рабочаго отъ капита-

Для выясненія этого, представимъ себѣ, что общество перестало вмѣшиваться въ юридическія отношенія отдѣльныхъ своихъ членовъ, предоставивъ ихъ на волю какого-то небывалаго «естественнаго» закона, нарушаемаго будто-бы этимъ вмѣшательствомъ. Этимъ самымъ общество отказалось-бы отъ своей задачи охранять отдѣльныхъ членовъ и каждый изъ нихъ долженъ былъ-бы бороться, надѣясь только на собственныя силы. Слѣдовательно, всѣ общественно-юридическія учрежденія были-бы уничтожены: закрыты суды,

---

листовъ видна изъ слѣдующихъ фактовъ. Увѣчья, производимыя машинами, по словамъ г. Погожева, несравненно чаще случаются въ Россіи, чѣмъ въ другихъ государствахъ, и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ его лазаретныя воспоминанія, какъ врача, участвовавшаго въ сербской и русско-турецкой войнѣ, совершенно блѣднѣютъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сравниваемы съ тѣми катастрофами, которыя случаются почти изо-дня въ день на русскихъ фабрикахъ и заводахъ. На шести бумагопрядильныхъ мануфактурахъ Московскаго уѣзда, при численности фабричнаго населенія въ 6,900 чел., втеченіе одного года, по больничнымъ книгамъ и записямъ фельдшеровъ, было 683 травматическихъ поврежденій, что составляетъ 10% общаго числа рабочихъ, причемъ на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мануфактурахъ процентъ травматическихъ поврежденій, легкихъ и серьезныхъ, доходилъ до 20—22% общаго числа рабочихъ. Между тѣмъ въ русско-турецкую войну 1877—78 гг. наша дунайская армія понесла убыль ранеными въ строю 13½% общаго числа. Ужасная параллель между фабричными обыденными катастрофами (не говоря уже объ экстраординарныхъ казусахъ, вродѣ пожаровъ на фабрикахъ Гивартовскаго, Хлудова, Бѣлишева и т. п.), которыя совершаются у насъ въ Россіи въ мирное время, и между самыми кровопролитными войнами, которыя, къ счастью, разражаются такъ рѣдко,—далеко не можетъ быть названа, по словамъ г. Погожева, явленіемъ нормальнымъ. (А. В. Погожевъ. Фабричный бытъ Германіи и Россіи).

уничтожена полиція и т. д. и т. д. Сильные физически люди, или ихъ группы, господствовали-бы безпрепятственно надъ большинствомъ, а тогда плохо-бы пришлось и самой буржуазіи, ибо ея капиталы были-бы отняты у нея физически сильными, по всѣмъ правиламъ мнимаго естественнаго закона. Если-бы Англія, напримѣръ, такъ сильно вліявшая на распространеніе мысли о невмѣшательствѣ общества въ общественно-экономическія отношенія, захотѣла-бы примѣнить эту истину и къ другой половинѣ общественныхъ отношеній—юридическимъ отношеніямъ,—то организованныя общества рабочихъ могли-бы безъ всякаго труда предписывать и заработную плату, и вообще всѣ экономическія отношенія по своему произволу, ибо тогда они являлись-бы силой, передъ которой, по мнимому естественному закону, были-бы безсильны капиталисты, фабриканты и вообще предпринимали. Почему-же, спрашивается, гг. буржуазно-либеральные публицисты не требуютъ того, чтобы общество не ограждало гг. предпринимателей войсками и полиціей, а предоставило все дѣло естественному теченію? Единственный отвѣтъ: потому что это невыгодно буржуазіи. Они—ея слуги, а не общества, и готовы коверкать истину въ угоду буржуазіи. Мы увѣрены, что это единственный мотивъ, побуждающій ихъ такъ нагло проповѣдывать двоякое отношеніе общества къ одному и тому-же предмету—общественнымъ отношеніямъ отдѣльныхъ членовъ общества. Они не только не идіоты, а можно сказать: умные люди, и ихъ проповѣдь нельзя отнести на счетъ недомыслія и незнанія. Они прекрасно понимаютъ, что для буржуазіи выгодно вмѣшательство въ юридическія отношенія, такъ какъ она не является физически сильной, и не выгодно вмѣшательство въ экономическія

отношенія, гдѣ она является во всеоружіи капитала и не нуждается въ защитѣ 1).

Искренніе же люди не могутъ проповѣдывать подобнаго д в о я к а г о значенія общественнаго вмѣшательства и, видя необходимость его въ юридической области для огражденія слабаго отъ сильнаго, должны логически заключить, что общество должно ограждать слабаго отъ сильнаго и въ экономическихъ отношеніяхъ. «Неограниченная свобода оборота, по словамъ Руд. Іеринга,—патентъ вымогательства, пропускъ для разбойниковъ и пиратовъ съ правомъ на безпрепятственное ограбленіе всѣхъ, кто попадетъ имъ въ руки,—

---

1) Общественное вмѣшательство въ промышленную дѣятельность необходимо не только для защиты экономически слабыхъ отъ угнетеній экономически сильныхъ, но и ради очищенія этой дѣятельности отъ всякаго рода нарушеній общественныхъ интересовъ. Насколько необходимъ общественный контроль надъ промышленностью, въ этомъ отношеніи, можно видѣть, между прочимъ, изъ заявленія одного суконнаго фабриканта, просившаго фабричнаго инспектора довести до свѣдѣнія правительства о необходимости законодательнаго запрещенія к н о п а, т. е. подмѣси шерстяной пыли къ сукну и другимъ валянымъ тканямъ, которая сильно развилась въ послѣднее время на нашихъ суконныхъ фабрикахъ и наноситъ огромный ущербъ потребителямъ (преимущественно низшимъ классамъ народа), доставляя имъ негодный малоноскій товаръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кнопъ вредитъ развитію суконнаго производства вообще, подрывая многихъ производителей, которые не рѣшаются или не желаютъ работать съ кнопомъ. Это заявленіе тѣмъ болѣе имѣетъ вѣса, что само лицо, его сдѣлавшее, работаетъ съ кнопомъ, не считая возможнымъ оставить это производство единичными усиліями, благодаря конкуренціи, пока правительство не постановитъ для того общаго запрещенія. (Фабричный бытъ Московской губерніи. Отчетъ за 1882—1883 годъ фабричнаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ московскаго округа И. И. Янжула).

горе ихъ жертвамъ» [1]). Такъ называемая «естественность» общественныхъ отношеній отнюдь не можетъ нарушаться вмѣшательствомъ общества, ибо самое это вмѣшательство есть необходимое условіе понятія объ общественныхъ отношеніяхъ. Общественныя отношенія, какъ юридическіи, такъ и экономическія начинаются только съ періода, когда отдѣльныя люди вступаютъ между собою въ сношенія, обусловленныя не ихъ личнымъ произволомъ, а находящіяся подъ контролемъ, посторонняго ихъ волѣ, обычая, закона. До установленія этого общественнаго контроля надъ сношеніями отдѣльныхъ членовъ не могло быть и рѣчи объ общественныхъ отношеніяхъ; слѣдовательно, общественный контроль, т. е. общественное вмѣшательство есть необходимое условіе общественныхъ отношеній и эти послѣднія безъ него немыслимы, т. е. для общества оно «естественно» и было-бы неестественнымъ противное.

Либерально-буржуазные публицисты, проповѣдуя невмѣшательство общества въ экономическія отношенія, стараются дѣлать видъ, будто-бы не понимаютъ, что безъ общественнаго вмѣшательства немыслимы никакія экономическія отношенія. На самомъ дѣлѣ они стремятся только къ тому, чтобы принципъ существующей формы общественнаго вмѣшательства остался сохраненнымъ до вѣка, ибо эта форма оказалась выгодной для буржуазіи и создала ее.

Достаточно взглянуть на одну изъ главныхъ силъ современной экономической жизни—кредитъ, чтобы по-

---

[1]) Руд. Іеринъ. Цѣль въ правѣ. Т. I, стр. 108.

нять всю нелѣпость разговоровъ о возможности, въ наше время, экономическихъ отношеній безъ общественнаго вмѣшательства. Кредитъ есть сила, рождающаяся только въ обществѣ. До сихъ поръ общество отдавало свое произведеніе только въ руки буржуазіи, на ея потребу; либеральные публицисты хотятъ удержать этотъ неестественный порядокъ, требуя, чтобы общество не смѣло отдавать свою экономическую силу на нужды рабочихъ классовъ народа. Никто изъ нихъ не кричалъ о вредѣ общественнаго вмѣшательства въ то время, когда государство стало путемъ государственнаго банка снабжать кредитомъ торговцевъ и промышленниковъ и не кричитъ теперь по поводу введенія кредита для земле владѣльцевъ по solo-векселямъ. Но достаточно было государству устроить ничтожный по размѣрамъ кредитъ для крестьянъ устройствомъ поземельнаго крестьянскаго банка и поднялся вопль о вредѣ общественнаго экономическаго вмѣшательства. Либеральные публицисты забываютъ при этомъ, что они должны были-бы требовать устраненія кредита для всѣхъ сословій, иначе они ужь черезъ-чуръ явно высказываютъ въ невыгодномъ свѣтѣ свое безпристрастіе.

Такъ какъ «народная политика» имѣла въ виду поднять экономическій бытъ народа путемъ увеличенія размѣра земельныхъ надѣловъ и, воспользовавшись тѣмъ, что въ русской литературѣ было давно теоретически подготовлено рѣшеніе этого труднаго вопроса, хотѣла двинуть его по пути практическаго исполненія,—то либеральные публицисты забили тревогу и высказались по этому вопросу гораздо яснѣе, нежели дѣлали это прежде, когда не боялись, что народническія теоріи могутъ получить практическое осуществленіе.

Извѣстный либеральный публицистъ, г. Л. Полонскій, въ газетѣ «Новости» сталъ слѣдующимъ образомъ пугать русское правительство и наши правящіе классы: «Отъ предоставленія рабочимъ, починомъ власти государственной, орудій производства—не только уже въ теоріи, но и на практикѣ—только одинъ шагъ до «организаціи народнаго труда», до «національныхъ мастерскихъ» или чего-либо въ этомъ родѣ» [1]). Пугало соціальной революціи выдвигается либеральнымъ публицистомъ по поводу того, что государство не хочетъ отказать крестьянамъ въ томъ, въ чемъ не отказываетъ промышленникамъ и торговцамъ. Если принять во вниманіе, что сумма кредита, отпущенная крестьянамъ, ничтожна, сравнительно съ тѣмъ, что дается и дастся промышленникамъ и землевладѣльцамъ, то будетъ ясно, что буржуазно-либеральные публицисты больше борятся противъ самаго принципа, нежели изъ боязни его практическихъ результатовъ. Мы, въ свою очередь, защищая этотъ актъ правительственной «народной политики», говоримъ только з а п р и н ц и п ъ, легшій въ его основѣ, не ожидая, чтобы его практическіе результаты могли существенно удовлетворить требованіямъ жизни. Самый же принципъ несомнѣнно глубоко истиненъ, такъ-какъ «единственное дѣйствительное предохранительное средство противъ революціоннаго соціализма, это распространеніе собственности». Въ доказательство этихъ своихъ словъ Лаведе, между прочимъ, указываетъ на этотъ фактъ, что «въ скандинавскихъ странахъ интернаціональ тѣмъ менѣе распространилась, чѣмъ аграрный режимъ былъ болѣе демо-

[1]) «Новости» за 1883 г. № 150.

кратическій, т. е. въ Норвегіи почти не распространилась, въ Швеціи мало, въ Даніи больше» [1]).

Формулируя все нами вышесказанное о либерализмѣ, мы утверждаемъ, что онъ, несмотря на свою проповѣдь свободы вѣроисповѣданія, науки, мысли и слова, а также, и юридической свободы личности,—все-таки является однимъ изъ самыхъ несправедливыхъ общественныхъ ученій, такъ какъ подъ прикрытіемъ этого прекраснаго флага старается объ усиленіи существующей экономической зависимости. Экономическое-же рабство, имъ проповѣдываемое, уничтожитъ все благодѣтельное дѣйствіе юридическихъ свободъ, по крайней мѣрѣ для рабочихъ классовъ. Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду, что юридическая свобода, проповѣдуемая либерализмомъ,—весьма ограничена и что напрасно многіе у насъ смѣшиваютъ либерализмъ съ радикализмомъ, который былъ его дальнѣйшимъ одностороннелогическимъ развитіемъ.

Переходъ отъ бюрократическаго порядка къ культурно-либеральному многимъ представляется не только желательнымъ, но и вполнѣ естественнымъ и даже неизбѣжнымъ. О тѣхъ, кому онъ желателенъ изъ чисто-эгоистическихъ разсчетовъ, то-есть, кто стремится замѣстить бюрократію своею собственною персоной, говорить, разумѣется, нечего—ихъ побужденія вполнѣ понятны. Но въ числѣ сторонниковъ этого порядка есть и такіе, которые, не сучувствуя ему по существу, по-

[1]) Эм. Лавеле. Современный соціализмъ. Стр. 260

лагаютъ, однакоже, что только при его посредствѣ мы можемъ достигнуть полнаго осуществленія истинно-народной политики. На нашъ взглядъ, это—глубокое заблужденіе, совершенно неоправдываемое тою ролью, какую играютъ въ Россіи культурные классы и правительство. Не говоря уже о томъ, что разъ господство надъ народомъ попадетъ въ руки имущихъ классовъ, они становятся прямо заинтересованными въ томъ, чтобы удержать его за собою навсегда,—слѣдуетъ помнить, что имущіе классы въ Россіи не имѣютъ ровно никакого политическаго значенія и что передача въ ихъ руки власти надъ народомъ могла-бы быть совершена только самимъ правительствомъ. Если-же это такъ, то спрашивается: какой-же интересъ правительству создавать, вмѣсто бюрократіи, новаго посредника между собою и народомъ въ лицѣ культурно-цензоваго общества? Не проще-ли, не естественнѣе-ли, не выгоднѣе-ли для него прямо опереться на народную массу, которая, къ тому-же, глубоко ему предана и только отъ него одного ждетъ серьезнаго удовлетворенія своихъ нуждъ? Такимъ образомъ, переходъ отъ бырократическаго порядка къ народной политикѣ представляется у насъ осуществимымъ весьма легко, безъ всякаго посредства господскаго либерализма, который, напротивъ, могъ-бы только затормазить дѣло. Мало того, онъ-бы нанесъ и государству страшный вредъ, какъ это можно видѣть на опытѣ примѣненія его хотя-бы къ нашимъ окраинамъ. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, къ чему-бы повело господство имущихъ классовъ, напримѣръ, въ юго-западномъ краѣ.

Какъ извѣстно, населеніе этого края состоитъ изъ русскаго или, точнѣе, малорусскаго племени, но имущіе классы тамъ въ большинствѣ состоятъ изъ поль-

скихъ пановъ и шляхтичей. Эти носители культуры издавна стремились къ денаціонализированію населенія, къ превращенію русскаго края въ одну изъ польскихъ провинцій. Нельзя отрицать того, что ихъ старанія имѣли нѣкоторый успѣхъ; но, въ концѣ концовъ, всѣ ихъ усилія окончились ополяченіемъ только культурныхъ людей Малороссіи, народъ-же упорно сопротивлялся всѣмъ ихъ стараніямъ, тѣмъ успѣшнѣе, что «панъ», т. е. враждебная экономическая и политическая сила, въ его понятіи, слился съ «полякомъ», т.-е. силой враждебной русской національности. Послѣднее столкновеніе культурныхъ классовъ юго-западнаго края съ народомъ произошло въ послѣднее польское возстаніе. Поляки, дѣйствуя по принципу господства культурныхъ классовъ надъ народомъ, считали этой край своимъ достояніемъ и подняли въ немъ знамя возстанія, но должны были горько разочароваться: русскій народъ принялъ горячее участіе въ преслѣдованіи польско-шляхетскаго движенія и самъ, по своей иниціативѣ, хваталъ польскихъ пановъ и предавалъ въ руки правительства. Въ этомъ нельзя не видѣть глубокаго пониманія истинныхъ интересовъ страны, такъ какъ ожидать отъ польскихъ пановъ чего-нибудь добраго было-бы слишкомъ наивно. Это потверждается и тѣмъ, что немногочисленная кучка интеллигентныхъ малорусскихъ патріотовъ стала тоже во враждебныя отношенія къ польско-шляхетскому движенію. Правда, поляки не скупились на обѣщанія, но они, очевидно, не имѣли никакого значенія; это подтверждается ихъ отношеніемъ къ той части русскаго народа, которая имѣетъ несчастіе быть подъ ихъ властью. Какъ извѣстно, въ Галиціи малорусскому населенію приходится бороться съ поляками изъ-за сохраненія своей національ-

нальности, опираясь при этомъ на центральное нѣмецкое правительство. Если бы теперь наше правительство, согласившись осуществить господско-либеральный порядокъ, отдало малорусскій народъ юго-западнаго края подъ культурную руку польско-шляхетской части населенія, то этимъ оно не только нанесло-бы ущербъ экономической жизни народа, но и способствовало бы ополяченію края. Неужели-же этого заслужилъ малорусскій народъ, нѣсколько вѣковъ отстаивающій свою самобытность? Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ предположенія подобнаго рода просто нелѣпы. Наше правительство еще недавно выражало энергичное желаніе ослабить значеніе польскаго элемента въ краѣ, но, къ сожалѣнію, тогда оно не нашло истиннаго пути къ этому: вмѣсто того, чтобы понять значеніе въ краѣ народа, оно стало насаждать тамъ русскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и русскихъ чиновниковъ, чѣмъ, разумѣется, цѣль не была достигнута. Поправить старую ошибку не трудно, но нужно твердо помнить, что единственное средство избавить край отъ ополяченія есть общенародное самоуправленіе.

Еще болѣе гибеленъ принципъ господства культурныхъ слоевъ надъ народомъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Здѣсь, вмѣсто стойкой, упрямо-энергичной отрасли русскаго племени, малороссовъ, мы имѣемъ робкое и податливое племя бѣлороссовъ. Польское панство и шляхетство тоже и здѣсь играютъ роль культурныхъ слоевъ. Неужели-же, съ точки зрѣнія общерусскихъ интересовъ, была-бы пріятна національная гибель этого племени, отданнаго подъ высокую руку культурныхъ пановъ? Недавно въ печати появилось извѣстіе, что поляки обращаются къ кружкамъ бѣлорусской молодежи съ увѣщаніемъ соединиться для поддержанія своихъ

племенныхъ особенностей. Но подобнаго рода дѣйствія, очевидно, исходятъ изъ той малочисленной группы польской молодежи, которая ставитъ для себя на первомъ планѣ угнетенную личность, къ какой-бы національности она ни принадлежала; польское-же панство отнюдь не способно терпимо относиться къ попыткамъ бѣлоруссовъ и навѣрное считаетъ вышеприведенный польскій совѣтъ измѣной польскому дѣлу. Такимъ образомъ, и въ сѣверозападномъ краѣ введеніе принципа господства культурныхъ классовъ надъ народомъ было-бы гибельно не только въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, но и въ національномъ.

Обратимся къ окраинѣ, сосредоточивающей на себѣ въ настоящее время особенное вниманіе русскаго общества,—именно къ прибалтійскимъ губерніямъ. Культурный слой ихъ состоитъ изъ нѣмцевъ, народъ-же составляютъ литовско-латышскія и финскія племена. Въ тѣ времена, когда культурный классъ составлялъ собою все, а народъ былъ ничто, эти губерніи считались нѣмецкими даже въ глазахъ русскаго общества и правительства. Понятно, что нѣмцы еще болѣе были увѣрены въ этомъ. Когда они задумали объединить свой фатерляндъ, то стали изподтишка поглядывать и на этотъ край. Только съ тѣхъ поръ, кажется, мы и поняли, что культурные слои нельзя принимать за весь народъ и что съ русской точки зрѣнія преступно помогать культурнымъ слоямъ онѣмечивать край и, такъ сказать, собственными руками подталкивать давнишнія русскія владѣнія къ нѣмецкому фатерлянду. Но преступно это не только съ нашей національно-политической точки зрѣнія, а и съ точки зрѣнія интересовъ большинства населенія, которое борется съ нѣмецкими культуртрегерами не только за свои политическія права и

экономическое благосостояніе, но и за національныя особенности. Тотъ, кто стремится внести въ наши общественныя учрежденія уваженіе къ правамъ личности, не имѣетъ права игнорировать ея національныхъ потребностей. А потому мы и должны сочувствовать національному возрожденію населенія прибалтійскихъ губерній и помогать ему, насколько это возможно. Сдѣлать-же это мы можемъ не путемъ внесенія въ нашу жизнь господства культурныхъ классовъ, такъ какъ въ Прибалтійскомъ краѣ и теперь господствуетъ культуртрегеръ, а поднятіемъ значенія самого народа, освобожденіемъ его отъ гнета имущихъ классовъ. Этимъ мы сразу убьемъ двухъ зайцевъ: удовлетворимъ справедливымъ требованіямъ населенія и оградимъ край отъ онѣмеченія, т. е. удовлетворимъ требованіямъ государственнаго самоохраненія. Послѣднія распоряженія нашего правительства по отношенію къ этому краю, какъ намъ кажется, указываютъ именно на его желаніе удовлетворить хоть нѣкоторымъ желаніямъ коренного народонаселенія прибалтійскихъ губерній. Намъ нельзя откладывать этого дѣла въ долгій ящикъ, такъ какъ ослабленіе нѣмецкаго элемента на окраинѣ, соприкасающейся съ Германіей, необходимо въ виду уничтоженія поползновеній къ международнымъ столкновеніямъ. Чѣмъ скорѣе мы докажемъ нѣмцамъ, что это край не нѣмецкій, тѣмъ будетъ лучше, а можемъ-ли мы этого достигнуть путемъ установленія господства культурныхъ классовъ надъ народомъ?

Такимъ образомъ, мы вправѣ сказать, что проекты нашихъ либеральныхъ доктринеровъ, по отношенію къ весьма крупной части Россіи, просто невозможны. Во всей нашей западной окраинѣ осуществленіе этихъ проектовъ повело-бы къ ослабленію или чисто русскихъ элементовъ нашего государства, или болѣе благопріят-

ныхъ намъ націй, и, слѣдовательно, было-бы гибельно не только для экономической и политической будущности массъ, но и для цѣлости русскаго государства. Поэтому думать о нихъ могутъ только эгоисты, которымъ нѣтъ никакого дѣла до жизненныхъ условій нашего общества.

ГЛАВА IV.

Разнообразіе типовъ общественной жизни и отношеніе къ нему интеллигентнаго бюрократизма.

«Если средніе вѣка, говоритъ К. Францъ,—пребывали въ томъ заблужденіи, что весь свѣтъ—говоря словами великаго Фридриха—можетъ спастись только по одному фасону, и изъ-за этого преслѣдовали еретиковъ огнемъ и мечемъ, то въ политическомъ отношеніи каждый народъ, каждый округъ, даже каждый городъ могли устраиваться по собственному фасону; никто не думалъ объ одной общей модели. Люди были того мнѣнія, что въ общественномъ устройствѣ все зависитъ отъ времени и обстоятельствъ» [1]). Теперь замѣчается всюду обратное явленіе: въ религіи защищаютъ разнообразіе фасоновъ, въ политикѣ—одинъ шаблонъ.

Наша интеллигенція, воспитанная въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по одному государственному шаблону, и выросшая на почвѣ привиллегирован-

---

[1]) К. Францъ. Физіологія государства, какъ основаніе политич. наукъ. Стр. 235. (Историко-политич. и юридич. сборникъ. Изд Н. И. Ламанскимъ. 1870 г Т. III).

ности и достаточности, имѣвшихъ у насъ тоже характеръ всероссійскаго однообразія,—невольно наклонна разсматривать нашу жизнь, какъ одно цѣлое, не имѣющее никакихъ подраздѣленій. А между тѣмъ, при маломальски внимательномъ разсмотрѣніи ея, мы можемъ замѣтить, что она состоитъ изъ двухъ главныхъ теченій 1) интеллигентно-всероссійско-городского и 2) деревенско-областного. До сихъ поръ государственная жизнь русскаго народа находила съ почти подъ исключительнымъ вліяніемъ перваго теченія,—второе-же жило своею жизнью, не пытаясь вліять на оффиціальныя формы русской общественности [1]). Разумѣется. что деревенско-областной типъ нашей жизни вліялъ на складъ понятій и чувствъ всероссійско-городского, но вліяніе это было скрытое и незамѣтное, тѣмъ болѣе, что деревенско-областной типъ не имѣетъ того однообразнаго характера, которымъ обладаетъ всероссійско-городской, а раздѣленъ на нѣсколько подтиповъ съ областными видоизмѣненіями въ понятіяхъ и чувствахъ. Когда мы говоримъ о почти исключительномъ вліяніи въ нашей оффиціальной жизни всероссійско-городскаго типа, то этимъ хотимъ сказать не то, что онъ злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ, работая больше для себя, нежели для деревни, хотя это тоже необходимо считать вполнѣ справедливымъ,—въ настоящее время мы указываемъ только на то, что, даже заботясь о деревенско-областной жизни, онъ смотрѣлъ на нее исключительно съ точки зрѣнія

---

[1]) Сопоставляя вліяніе западно-европейскихъ столицъ съ вліяніемъ Петербурга, А. Стронинъ дѣлаетъ выводъ «о децентрализаціонномъ строѣ общества, несмотря на всю нынѣшнюю централизацію правительства». (А. Стронинъ. Политика какъ наука Стр. 356).

своего пониманія хода жизни, игнорируя то обстоятельство, что всероссійско-городская жизнь во многомъ отличается отъ деревенско-областной. Благодаря этому, наши гражданскіе законы, напримѣръ, совершенно неприложимы во многихъ отношеніяхъ къ деревенской жизни и способны внести въ нее только путаницу, нарушая ея понятія о справедливости. «Такъ какъ важнѣйшіе отдѣлы свода законовъ, говоритъ Л. Слонимскій, приноровлены къ условіямъ и потребностямъ высшихъ классовъ населенія, то попытки примѣнить эти разнообразные законы къ массѣ сельскихъ обывателей могутъ способствовать разстройству крестьянскаго быта и внести непоправимое зло въ народную жизнь; а такимъ несомнѣннымъ зломъ была бы напрасная ломка народныхъ понятій о правѣ и справедливости во имя запутанныхъ и устарѣлыхъ законовъ, проникнутыхъ духомъ бюрократическаго формализма»[1]). Въ деревняхъ, гдѣ грамотность составляетъ только исключеніе, всегда допускается доказывать фактъ денежнаго займа свидѣтелями; если принять во вниманіе, что деревенскіе жители близко знаютъ другъ друга и что рѣшеніе произноситъ или сельскій сходъ, или судъ стариковъ и т. п., то будетъ понятно, что изъ этого не произойдетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій! Но если бы всероссійско-городскіе обыватели вздумали подражать деревнѣ, то это произвело-бы страшную неурядицу въ ихъ денежныхъ дѣлахъ: всякаго рода дѣятелямъ, въ родѣ Юханцевыхъ, Рыковыхъ и т. п., не нужно было-бы подвергать себя риску идти въ Сибирь за растрату чужого имущества,—они могли-бы составлять компаніи для

[1]) Л. З. Слонимскій. Охрана крестьянскаго землевладѣнія... Стр. 101.

свидѣтельствованія другъ за друга и такимъ образомъ обирать кого вздумаютъ. Условія всероссійско-городской жизни совершенно не допускаютъ возможности признавать показанія свидѣтелей за доказательство займа, именно потому, что группа людей, ее составляющая, черезъ-чуръ обширна и члены ея живутъ обособленной, разрозненной жизнью. Поэтому въ всероссійско-городской жизни необходимо развивается извѣстный формализмъ, который, будучи примѣненъ къ деревнѣ, только напрасно стѣсняетъ ея простую жизнь, не требующую этихъ ухищреній.

Какъ извѣстно «режимъ деревенской общины былъ одновременно предохранительнымъ оплотомъ и нравственно облагораживающей силой для большинства человѣчества» [1]).

Деревенская жизнь сложилась у насъ, какъ и вездѣ, нѣсколько иначе, чѣмъ городская. Вслѣдствіе этого, то что, по мнѣнію горожанина, является только простымъ воровствомъ (напримѣръ, конокрадство), въ глазахъ деревенскаго жителя приравнивается къ грабежу и вообще очень тяжкому преступленію. Точно такъ-же взглядъ на землевладѣніе у горожанина во многомъ отличается отъ воззрѣній на тотъ-же предметъ у деревенскаго жителя. Вообще жизнь деревенская настолько отличается отъ городской, что порождаетъ совсѣмъ особый строй мыслей [2]). Понятно, что горожанину бываетъ непріятно

---

[1]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 255.

[2]) Вліяніе городской жизни на человѣка больше чѣмъ можно было этого ожидать. Такъ, «несомнѣнно, что въ Европѣ, говоритъ Мантегацца, въ особенности въ большихъ городахъ, число блондиновъ изъ года въ годъ уменьшается. Для Англіи это уже доказано, къ большому огорченію англичанъ. Charnock утверж-

встрѣтиться, наприм., на судѣ съ выраженіемъ деревенскаго взгляда на жизнь, и наоборотъ: деревенскій житель ворчитъ на горожанина за его непониманіе требованій жизни. И такъ какъ, въ настоящее время, городъ является господствующимъ надъ деревней, то понятно, что государство старается освободить горожанъ (т. е. главнымъ образомъ интеллигенцію), отъ давленія деревенскаго взгляда на преступленія и проступки. Еслибы дѣло шло объ установленіи дѣйствительно идеальнаго суда, то необходимо было бы прежде всего позаботиться о раздѣленіи суда присяжныхъ на два разряда: деревенскій и городской. Врядъ-ли кто будетъ оспаривать, что городскія дѣла бываютъ подчасъ настолько мало извѣстны деревнѣ, что было-бы справедливѣе предоставить ихъ рѣшеніе исключительно присяжнымъ засѣдателямъ изъ горожанъ; но, въ то-же время, нѣтъ никакого основанія утверждать, что горожане нестоятъ въ точно такомъ-же отношеніи къ деревенской жизни, а потому слѣдовало-бы и деревню освободить отъ давленія городскихъ взглядовъ на преступленія. Обѣ стороны отъ этого только-выиграли-бы, такъ какъ з н а н і е ж и з н и есть необходимое условіе правильнаго приговора суда присяжныхъ, а теперь его-то и можетъ не

даетъ, что такая перемѣна происходитъ въ Европѣ уже двѣ тысячи лѣтъ. Нѣкоторые стараются объяснить это городскимъ режимомъ, гдѣ мясо играетъ болѣе видную роль, нежели въ деревняхъ. Другіе, напротивъ, говорятъ, что невыгодныя гигіеническія условія въ большихъ центрахъ населенія ведутъ къ уменьшенію числа блондиновъ потому, что послѣдніе менѣе выносливы, чѣмъ брюнеты». Самъ же Мантегацца утверждаетъ, что этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ въ настоящее время за отсутствіемъ научныхъ данныхъ. (П. Мантегацца. Физіономія и выраженіе чувствъ. Стр. 54).

оказываться въ приговорахъ присяжныхъ. Самый высокій уровень нравственности присяжныхъ еще не гарантируетъ правильнаго приговора,—имъ необходимо быть знакомыми съ типомъ той жизни, о явленіяхъ которой они должны судить. Ошибаются тѣ, кто думаетъ помочь горю какимъ-либо другимъ путемъ. Для присяжнаго засѣдателя знаніе жизни настолько же важно, какъ и добросовѣстность; безъ знанія жизни онъ, при всей своей добросовѣстности, можетъ давать ошибочные приговоры. Но «знаніе жизни» необходимо отличать отъ тѣхъ теоретическихъ познаній, которыя даются школой. Человѣкъ можетъ не имѣть никакихъ теоретическихъ познаній и быть прекраснымъ судьей совѣсти, если у него есть знаніе жизни; наоборотъ, человѣкъ, обладающій дипломомъ зрѣлости, можетъ совершенно не имѣть знанія жизни, и слѣдовательно, дипломъ никакъ не гарантируетъ правильности его взгляда на преступленіе.

Различіе условій деревенской и всероссійско-городской жизни отражается не только на гражданскихъ отношеніяхъ, но и на общественныхъ учрежденіяхъ обоихъ типовъ [1]). Какъ извѣстно, общественными дѣлами въ

---

[1]) Г. Мальцевъ, разсматривая значеніе деревни и города въ учебно-воспитательномъ отношеніи, утверждаетъ, что «въ нравственномъ отношеніи деревня представляетъ болѣе благопріятныя условія, нежели городъ. Въ деревенской жизни замѣчается необыкновенная простота, въ ней нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ различій между богатыми и бѣдными, начальниками и подчиненными, господами и слугами, что мы часто встрѣчаемъ. Дѣти видятъ предъ собой постоянно примѣръ труда ихъ родителей и сами рано начинаютъ помогать имъ. Школа нужды, хотя имѣетъ и нѣкоторыя дурныя стороны, но нерѣдко служитъ лучшей школой, научая человѣка бороться съ нуждой, быть изобрѣтательнымъ и доволь-

деревняхъ завѣдуютъ всѣ взрослые мужчины, собирающіеся въ сельскій сходъ; при этомъ, рѣшенія постановляются обыкновенно по единогласному рѣшенію, такъ какъ сходъ до тѣхъ поръ будетъ «галдѣть», т. е. выяснять спорный вопросъ, пока онъ не станетъ для всѣхъ очевиднымъ. Сила общественнаго мнѣнія, которое, въ концѣ концовъ, выясняется въ спорѣ, заставляетъ несогласныхъ примыкать къ общему рѣшенію. Возможно-ли что-нибудь подобное въ городѣ? Очевидно, нѣтъ. Участіе городскихъ гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ мыслимо только въ формѣ выбора представителей, которые и завѣдуютъ городскими текущими общественными нуждами. То-же самое необходимо сказать и про судебныя учрежденія, — въ городѣ совершенно немыслимо такое судебное учрежденіе, какъ судъ сельскаго схода.

Многіе въ своихъ поискахъ за идеальными общественными учрежденіями думаютъ отыскать такую ихъ форму, которая годилась-бы вообще при всѣхъ условіяхъ жизни, не отличая деревенской отъ городской. По нашему мнѣнію, это громадная ошибка. Условія всероссійско-городской жизни настолько отличаются отъ деревенско-областной, что всякій, не принимающій ихъ во вниманіе, непремѣнно будетъ навязывать одной изъ нихъ годное только для другой. Истинная-же задача состоитъ въ томъ, чтобы предоставить каждой изъ нихъ идти своимъ путемъ. Необходимо только найти

ствоваться малымъ»... «Что касается воспитанія умственнаго, то хотя по обилію и разнообразію впечатлѣній на первыхъ порахъ деревня имѣетъ преимущество, но затѣмъ для дальнѣйшаго умственнаго развитія она, конечно, не обладаетъ тѣми богатыми средствами, которыми можетъ обладать городъ, особенно столичный». (А. Мальцевъ. Основанія педагогики. Стр. 145).

возможность опредѣлить связывающія ихъ звѣнья такъ, чтобы это не стѣсняло свободнаго развитія ихъ обѣихъ. Пусть каждая изъ нихъ будетъ наиболѣе свободна въ своей области,—компромиссъ-же между требованіями этихъ жизней долженъ господствовать только тамъ, гдѣ онѣ соприкасаются другъ съ другомъ. Практическое опредѣленіе этого modus vivendi городской и сельской жизни составляетъ довольно трудную задачу, но работа въ этомъ направленіи настолько плодотворна, что сторицею вознаградитъ всякія затраты.

«Первое благо человѣка, говоритъ Руссо, не власть, а свобода» [1]). Къ сожалѣнію, до сихъ поръ громаднѣйшее большинство радѣтелей народнаго блага не понимаетъ этого, а потому и старается о надѣленіи народа «властью», а не свободой,—отсюда забота о суверенитетѣ народа, а не объ уменьшеніи въ жизни чьего-бы то ни было суверенитета. Общественный прогрессъ не можетъ быть результатомъ воздѣйствія на жизнь какого-бы то ни было суверенитета. хотя бы самаго прогрессивнаго, такъ какъ его идеалъ—отсутствіе насилія надъ личностью и обществомъ. Насиліе же должно остаться только какъ орудіе борьбы съ насильниками и только съ цѣлью устраненія насилія.

Бельгійскій профессоръ Адольфъ Пренсъ, въ книгѣ своей «Демократія и парламентскій режимъ», утверждаетъ, что «безъ провинціальныхъ вольностей парламентскій режимъ имѣетъ только наружный видъ свободы; въ сущности это деспотизмъ, направляемый представительнымъ собраніемъ» [2]). Во Франціи, со вре-

---

[1]) Ж. Ж. Руссо. Собр. соч., т. I. Эмиль, или воспитаніе. Стр. 49.

[2]) Л. З. Слонимскій. Основные вопросы политики. Стр. 128.

мени великой французской революціи, «всѣ зародыши и точки опоры самостоятельной жизни въ общинахъ, корпораціяхъ и провинціяхъ были уничтожены всевы равнивающею и регламентирующею централизаціею, и такимъ образомъ федеративное начало вырвано съ корнемъ. Оно уже и не могло потомъ пробудиться. Тщетно Прудонъ въ недавнее время пытался заклинать его, чтобы оно возстало» [1]). Принципъ «единой и нераздѣльной» республики, будучи продуктомъ интеллигентно-бюрократическаго міросозерцанія, господствуетъ во Франціи и теперь.

Въ наше время «централизаціонныя тенденціи, присущія континентальному конституціонализму, разрушаютъ всякую дѣйствительную автономію общинъ и корпорацій». Между тѣмъ, «политическая свобода существуетъ лишь настолько, насколько существуетъ самоуправленіе. Въ полномъ объемѣ оно существовало только въ маленькихъ греческихъ демократіяхъ, равно какъ и въ новой Европѣ только въ нѣкоторыхъ малыхъ городскихъ республикахъ, или въ горныхъ кантонахъ и крестьянскихъ селеніяхъ»... «Въ сущности полнаго самоуправленія народнаго нѣтъ и въ Америкѣ».

«Народъ, продолжаетъ К. Францъ, долженъ самъ давать законы и это не должно дѣлаться черезъ депутатовъ»... «Я не могу передать своей воли, а могу перенести на другихъ только исполненіе моей воли. Но тогда этотъ другой становится моимъ слугою или уполномоченнымъ, но уполномоченнымъ только на

---

[1]) К. Францъ. Физіологія государства, какъ основаніе политич. наукъ. Стр. 191 (Историко-политич. и юридич. сборникъ. Изд. Н. П. Ламанскимъ. Т. III, 1870 г.).

извѣстныя дѣла и притомъ связаннымъ моимъ наказомъ. А это было бы нѣчто совершенно иное, чѣмъ представитель въ смыслѣ современной системы представительства». По этой системѣ выходитъ, что «какъ только окончился актъ избранія, кажущійся представитель сейчасъ же превращается въ начальника, который въ своихъ рѣчахъ и рѣшеніяхъ вовсе не обязывается войти въ душу своихъ избирателей, а судитъ и дѣйствуетъ прямо отъ себя»...

«Громадная ошибка раціоналистической теоріи прошлаго вѣка была та, что въ государственномъ союзѣ видѣли только кучу атомовъ-индивидуумовъ, которые будто бы приводятся въ связь только при посредствѣ государственнаго устройства»... «Отсюда невозможность основать политическую свободу, которая всегда остается пустою формой тамъ, гдѣ общество не можетъ складываться сообразно съ собственными наклонностями, и у которой нѣтъ никакой твердой поддержки и защиты, когда нѣтъ многихъ сильныхъ сферъ жизни, имѣющихъ свое собственное право и самоуправляющихся. Атомъ-индивидуумъ остается всегда безсиленъ противъ государственной власти, несмотря на всѣ искусственныя и патентованныя гарантіи, выставляемыя доктринерствомъ въ видѣ пугала»...

«Чѣмъ больше государство, тѣмъ сильнѣе дѣлается центральная власть; по отношенію къ которой отдѣльные индивидуумы оказываются совершенно безсильными»... «Положеніе дѣла очень мало измѣняется оттого, будетъ-ли при этомъ центральная власть помѣщаться въ кабинетѣ абсолютнаго монарха, или въ конституціонной камерѣ, или въ державномъ конвентѣ. Политическая свобода постоянно будетъ неустойчива и даже едва-ли не будетъ днимъ благочестивымъ

желаніемъ, пока общины, округи и провинціи не станутъ на свои собственныя ноги»... «Такъ въ Швейцаріи политическая свобода основывается прежде всего на общинномъ правѣ, и швейцарцы очень хорошо это понимаютъ; они придаютъ общинному праву величайшую важность, приписывая ему въ нѣкоторой степени характеръ неприкосновенности»... «При этомъ предполагается, прибавляетъ К. Францъ, что общины и округи сами представляютъ живые союзы, имѣющіе свое собственное право, автонамически ими развиваемое, а не владѣютъ правомъ, дарованнымъ имъ сверху, правомъ, которое точно также сверху произвольно можетъ быть измѣнено или отнято»... «Именно въ этой автономіи общинъ, округовъ и провинцій и заключается сущность ф е д е р а т и в н а г о начала, которое можетъ, впрочемъ, развиваться весьма различнымъ образомъ и нисколько не должно стѣсняться образцомъ Швейцаріи или Америки» [1]).

Поразительнѣйшая особенность федеративной свободы состоитъ въ томъ, что весьма часто она уживается даже съ деспотическимъ, на европейскій взглядъ, правительствомъ; такъ, напримѣръ, «аннамская община пользуется такою независимостью, какой даже смѣлые реформаторы не отважились бы пожелать для нашихъ французскихъ общинъ», говоритъ Летурно [2]).

Московское правительство въ эпоху юности Ивана IV, подъ вліяніемъ извѣстныхъ Сильвестра и Адашева, «попыталось, по словамъ Д. Иловайскаго, совсѣмъ отмѣнить своихъ намѣстниковъ и волостелей и поста-

---

[1]) Тамъ же. Стр. 139, 140, 186, 187, 216, 219, 240, 241 и 244.

[2]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 188.

вить на ихъ мѣсто земскія учрежденія, т. е. дать земскимъ общинамъ почти полное самоуправленіе. Уставныя грамоты на такое самоуправленіе давались сначала по просьбѣ самихъ жителей». При этомъ у нихъ отмѣнялись намѣстники и тіуны, «вмѣсто которыхъ разрѣшено приписаннымъ къ извѣстному посаду жителямъ выбирать по нѣскольку лучшихъ людей, которые назывались излюбленными головами или старостами и вѣдали всѣ тѣ дѣла, которыми прежде вѣдалъ намѣстникъ, т. е. творили судъ и расправу, собирали установленныя пошлины и оброки, и сами отвозили ихъ въ Москву». Земскія власти выбирались міромъ «изъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ» и, «собранныя вмѣстѣ, составляли земскую избу». При чемъ, «всѣ эти излюбленныя власти брались повидимому безъ сроку, такъ какъ жителямъ предоставлялось право перемѣнять ихъ и на ихъ мѣсто выбирать другихъ лучшихъ людей» [1]).

Интеллигентный бюрократизмъ стремится вообще къ подведенію жизни подъ одинъ шаблонъ, уничтожая всякаго рода ея разнообразія съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи. Онъ не можетъ терпѣть, чтобы между нимъ и личностью стояла какая-либо сила, способная сдерживать его неразумные порывы, а потому и стремится, такъ сказать, пульверизировать общество, раздробляя его на отдѣльныя личности и не допуская ихъ организоваться въ какіе-либо союзы. Только тогда онъ чувствуетъ себя вполнѣ свободнымъ, когда имѣетъ дѣло съ отдѣльными личностями, не организованными

---

[1]) Д. И. Иловайскій. Черты Московскаго строя въ XVI в. Стр. 49 и 50. («Рус. Вѣстн.» 1890 г., № 8).

ни въ какой другой союзъ, кромѣ государственнаго, во главѣ котораго думаетъ всегда быть просвѣщенный бюрократъ. Поэтому-то онъ является всегда противникомъ всякаго рода общественныхъ организацій, которыя мы, за неимѣніемъ лучшаго термина, назовемъ сословіями. Что мы подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ—выяснится изъ самого изложенія нашихъ мыслей объ этомъ вопросѣ.

Несовершенства существующаго раздѣленія на сословія не должны-бы приводить насъ къ мысли объ уничтоженіи дѣленія на сословія, а только о преобразованіи ихъ соотвѣтственно новымъ жизненнымъ обстоятельствамъ. «Вольные союзы, какъ и сословія, говоритъ К. Францъ, слѣдуетъ считать соціальными образованіями, и они повсюду возникаютъ изъ хозяйственныхъ и житейскихъ сношеній» [1]). Нечего и говорить, что дѣленіе на сословія не предполагаетъ господства какого-либо одного изъ нихъ надъ другимъ, такъ какъ это было бы противно справедливости.

Принципъ равенства не состоитъ въ томъ, чтобы люди были объединены только единственно въ формѣ государства и не имѣли-бы права составлять изъ себя естественныя группы по занятіямъ и интересамъ. Наоборотъ, стремленіе личности къ равенству только и можетъ осуществиться при союзѣ ее съ однородными личностями для защиты своихъ правъ отъ всѣхъ другихъ группъ, которыя пожелали-бы ихъ нарушить. Во времена господства феодализма въ Италіи «во Фло-

---

[1]) К. Францъ. Физіологія государства, какъ основаніе политич. наукъ. Стр. 143 (Истор.-политич. и юридич. сборникъ. Изд. Н. И. Ламанскимъ. Т. III).

ренціи ремесленники взяли верхъ надъ дворянами и даже стали ихъ притѣснять. Здѣсь феодальная іерархія была перевернута самымъ курьезнымъ образомъ. Дошло до того, что для сохраненія за собою гражданскихъ правъ знатные граждане должны были выпрашивать какъ милости, чтобъ ихъ приписали къ цеху ткачей или чесальщиковъ. Создалось даже особое званіе «народныхъ рыцарей», людей, отличавшихся грабежами и поджогами дворянскихъ домовъ. Титулъ дворянина сдѣлался презрительной кличкой. Дворянство давали плебеямъ дурной репутаціи, чтобъ устранить ихъ отъ общественныхъ должностей. Довольно долго пожалованіе титула дворянина было связано съ потерей политическихъ правъ: оно было наказаніемъ. Человѣкъ дѣлался дворяниномъ pro homicidio, pro furto, pro incestu читаемъ мы въ статутахъ флорентинской республики» [1]).

Правда, эти естественно возникающіе союзы мало-помалу могутъ вырождаться и стѣснять личность,—тогда-то и наступаетъ время вражды къ сословному раздѣленію. Но историческій опытъ намъ доказалъ, что мы не вправѣ эту вражду возводить въ принципъ, отвергающій всякое сословное раздѣленіе, такъ какъ за уничтоженіемъ прежняго раздѣленія на сословія, возникали новыя подраздѣленія на группы, которыя мало-по-мало добивались отъ государства новыхъ юридическихъ нормъ, освящавшихъ ихъ существованіе.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ западной Европѣ, благодаря борьбѣ съ привиллегированнымъ сословіемъ,—дворянствомъ,—возникло стремленіе совершенно уничтожить всякое сословное дѣленіе. Во Франціи, напримѣръ,

---

[1]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 331 и 332.

закономъ были запрещены всякіе союзы гражданъ и государство явилось чуть-ли не единственной общественной формой, ихъ объединяющей. Между тѣмъ, цехи, по словамъ Ингрэма, «содѣйствовали установленію добрыхъ нравственныхъ привычекъ; среди каждой профессіи они пытались развить чувство общности (общественный духъ), и все это происходило въ такое время, когда еще трудно было ожидать гдѣ-либо проявленія широкаго общественнаго самосознанія» [1]) Гнейстъ свидѣтельствуетъ, что, во времена Тюдоровъ, въ Англіи благосостояніе ремесленниковъ увеличивалось, благодаря покровительству законодательства корпораціямъ, ограждавшимъ ихъ интересы [2]).

Впослѣдствіи цехи и ремесленные союзы были запрещены, и этимъ самымъ силы личности, въ ея борьбѣ съ капиталомъ, были ослаблены и она безъ труда была подчинена капиталистическому производству. Будь у ремесленниковъ извѣстнаго рода организація—капиталъ не могъ бы такъ деспотически овладѣть ими, какъ это случилось въ Западной Европѣ; опираясь на коллективную силу, личность, если-бы и подпала подъ власть капитала, то могла-бы выторговать себѣ большую долю въ производствѣ страны. Рабочее сословіе скоро это поняло и стало стремиться къ новой сословной оргинизаціи, имѣвшей цѣлью защитить личность отъ давленія капитала коллективными усиліями цѣлаго сословія. Только въ Англіи оно успѣло кое-какъ организоваться, хотя еще до сихъ поръ не получило для себя санкціи отъ государства,—очевидно потому, что не успѣло охва-

---

[1]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи. Стр. 41.

[2]) Руд. Гнейстъ. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. Стр. 732.

тить всего рабочаго населенія страны. Но уже и теперь рабочее населеніе Англіи, организованное въ рабочіе союзы, прозводитъ давленіе на ходъ дѣлъ страны. Этого бы не было, если-бы рабочіе не развили въ себѣ, такъ сказать, сословнаго патріотизма, который очень часто требуетъ отъ личности извѣстныхъ жертвъ. Мы, такимъ образомъ, присутствуемъ при кристализаціи новаго сословія въ Англіи, которое въ концѣ концовъ добьется для себя отъ государства извѣстныхъ юридическихъ учрежденій, узаконяющихъ его дѣятельность, нынѣ держащуюся только на основаніи общественнаго мнѣнія рабочихъ классовъ.

Кромѣ того, уничтоженіе сословныхъ организацій (вытекавшее изъ желанія отдѣлаться отъ тѣхъ формъ его, которыя дѣйствительно къ извѣстному времени обветшали и должны были-бы, при правильномъ ходѣ дѣла, быть замѣнены другими), привело къ чрезмѣрному господству западно-европейскаго государства надъ личностью. При сословной организаціи личность могла съ большимъ успѣхомъ вліять на государство: это вполнѣ доказывается нынѣшней практикой рабочихъ союзовъ Англіи. Къ сожалѣнію, «англійскіе trades unions хотя несомнѣнно представляютъ сильное боевое орудіе для организаціи коалицій и стачекъ, но не представляютъ элементовъ для новой организаціи труда» [1]). Извѣстно, что только тѣ интересы хорошо защищены, которые больше и лучше заявляютъ о себѣ; рабочее-же сословіе, состоя изъ людей, поглощенныхъ трудомъ и неимѣющихъ времени заниматься политикой, было-бы всегда обойдено, если-бы

---

[1]) Эм. Лабеле. Соврем. соціализмъ. Стр 141.

не имѣло во главѣ своей организаціи представителей, бдительно наблюдающихъ за ходомъ дѣлъ, съ цѣлью воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ на пользу всего сословія. Уничтоженіе сословныхъ организацій увеличиваетъ давленіе государства и общественной организаціи на личность еще и потому, что сосредоточиваетъ въ нихъ всѣ тѣ общественныя функціи, которыя прежде принадлежали сословной организаціи. Для выясненія практическаго значенія подобнаго явленія представимъ себѣ уничтоженіе сословной организаціи нашихъ крестьянскихъ обществъ. При этомъ уничтоженіи, функціи власти, нынче находящіяся въ рукахъ выборныхъ представителей сословія, перейдутъ къ общей администраціи, а это во всякомъ случаѣ нежелательно. Это послѣднее доказывается тѣмъ, что государство допустило рядомъ съ существованіемъ общихъ судебныхъ учрежденій и существованіе сословныхъ судовъ, напримѣръ, офицерскихъ, крестьянскихъ и т. п.

Не объ уничтоженіи сословій должны мы стараться въ настоящее время, а о преобразованіи ихъ соотвѣтственно новому экономическому строю и новымъ нравственнымъ потребностямъ нашего общества. Главнымъ спорнымъ пунктомъ въ вопросѣ о сословіяхъ обыкновенно является существованіе дворянства. Нельзя не видѣть того факта, что у насъ никто не вѣритъ ни въ умственное, ни въ нравственное превосходство родовой аристократіи. Это можетъ показаться страннымъ, такъ какъ именно въ наше время особенно распространена вѣра въ біологическую наслѣдственность физическихъ и душевныхъ качествъ. Но, очевидно, общество не считаетъ и никогда не считало самый корень, произведшій на свѣтъ русское дворянство, чѣмъ то особеннымъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. А потому

и потомки этого корня не имѣютъ въ нашей жизни того значенія, какое, напримѣръ, имѣетъ или, правильнѣе сказать, имѣла аристократія въ Англіи. Впрочемъ, могущественное значеніе дворянства не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ господствуетъ самодержавная власть, такъ какъ аристократія всегда стремилась и всегда будетъ стремиться ограничить эту власть. Къ счастію, въ Россіи всѣ попытки аристократическаго дворянства добиться политически самостоятельной власти были легко обузданы самодержавной властью, всегда въ этихъ случаяхъ опиравшейся на народныя симпатіи.

Ради справедливости государство должно заботиться не объ усиленіи сословія, обладающаго и безъ его помощи силой, достаточной для преобладанія надъ другими сословіями, а о такой организаціи остальныхъ сословій, которая-бы позволила имъ выдержать безъ пораженія экономическую борьбу съ владѣющими львиною долею орудій производства. Поэтому-то мы должны заботиться не о дезорганизаціи крестьянскаго сословія, которая необходимо-бы привела крестьянъ къ полному экономическому подчиненію крупнымъ землевладѣльцамъ, а о большей сообразности этой организаціи съ существующимъ и нарождающимся экономическимъ и политическимъ строемъ. Издавна наше крестьянское сословіе организовано въ такъ называемые «міры», сельскія общества, громады, станицы и т. п. Дальнѣйшее объединеніе крестьянскаго сословія его міровъ, громадъ и станицъ—дѣло будущаго, дѣло дальнѣйшаго развитія крестьянскаго сословія.

Насколько сословная организація сельско-хозяйственнаго крестьянства необходима для огражденія его отъ давленія сословія крупныхъ землевладѣльцевъ, на-

столько-же нуждаются въ сословной организаціи и рабочіе фабрикъ и заводовъ. Существующія для этой цѣли организаціи — ремесленные цехи, — отжили свой вѣкъ и, можно сказать, совсѣмъ не ограждаютъ рабочаго отъ полнаго произвола работодателя. Такъ какъ русскій капитализмъ есть только сколокъ съ западноевропейскаго, то намъ не будетъ безполезнымъ присмотрѣться и къ тѣмъ рабочимъ организаціямъ, которыя выработаны рабочимъ сословіемъ Запада въ его экономической борьбѣ съ капитализмомъ. А что организація рабочаго сословія необходима, это доказывается и прежнимъ историческимъ опытомъ: вѣдь никогда оно не оставалось въ такомъ неорганизованномъ видѣ, въ какомъ мы его находимъ нынѣче. Прежде для этой цѣли служили цехи, теперь они оказываются недостаточными, но изъ этого не слѣдуетъ, что рабочее сословіе фабрикъ и заводовъ должно оставаться въ своемъ хаотическомъ безпорядкѣ. Да это было-бы и не безопасно. Если само государство не возьметъ на себя иниціативу организаціи рабочаго сословія, то вѣдь нельзя сомнѣваться, что, въ концѣ концовъ, это сословіе само будетъ дѣлать попытки создать эту организацію; встрѣтивъ-же препятствіе со стороны государства или хозяевъ, оно начнетъ организоваться втайнѣ, какъ это и было въ Англіи. Тайныя-же организаціи, принося мало пользы рабочему сословію, вмѣстѣ съ тѣмъ. будутъ безпокоить самый общественный порядокъ. Кромѣ того, мы видимъ, что промышленное сословіе работодателей склонно къ совокупному дѣйствію въ своихъ отношеніяхъ къ рабочему сословію. Такъ, мало-по-малу оно объединяется путемъ съѣздовъ промышленниковъ и совокупнаго обсужденія нуждъ той или другой отрасли промышленности и промышленности вообще. Эти пер-

воначальныя попытки къ организаціи со стороны работодателей по справедливости должны вызывать заботы государства о противовѣсѣ путемъ организаціи рабочаго сословія.

Процессъ образованія интеллигентнаго сословія начался не особенно давно, хотя интелигентные люди существовали издавна. Духовная интеллигенція, напримѣръ, существуетъ у каждаго народа съ самаго его рожденія; врачи—тоже. Но только недавно, благодаря массѣ научныхъ открытій, создавшихъ цѣлый переворотъ не только въ торгово-промышленной жизни общества, но и даже въ такихъ ея областяхъ, какъ военная,—значеніе и кругъ интеллигентныхъ людей расширились до небывалыхъ прежде размѣровъ. Въ наше время интеллигенція, какъ обладательница научныхъ свѣдѣній, значеніе которыхъ въ увеличеніи производства страны и громадно, и всѣмъ видимо, получила большое вліяніе на всѣ остальныя сословія. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширилось и вліяніе теоретическаго знанія, отъ котораго стоятъ въ зависимости прикладныя науки. Представители какъ теоретическаго знанія, такъ и всякаго рода техническихъ научныхъ свѣдѣній составляютъ интеллигентный классъ. Сюда принадлежатъ: и офицеръ, организующій боевыя колонны и ведущій ихъ на непріятеля по правиламъ военной тактики, и техникъ, устраивающій мыловаренный заводъ; и священникъ, проповѣдующій богословскія истины; и учитель, разсказывающій деревенскимъ мальчишкамъ о томъ, что земля есть шаръ; и профессоръ философіи, трактующій вопросъ о пространствѣ и времени; и государственный мужъ, морщащій чело въ думахъ надъ тѣмъ, какъ-бы осчастливить насъ, обывателей, изданіемъ геніальнаго приказанія. Вообще, про

людей, собравшихся въ интеллигентномъ классѣ, можно сказать, что хотя они вышли и не изъ одного корня, но все-таки у нихъ есть одинъ связующій элементъ: забота объ увеличеніи количества и значенія знанія въ обществѣ. Знаніе даетъ имъ и хлѣбъ, и общественную силу, а потому естественно, что они должны заботиться о знаніи, т. е. наукѣ. Въ заботѣ о своей кормилицѣ они прежде всего приходятъ къ мысли, что всякое дѣло легче дѣлается общими усиліями и совокупными стремленіями,—такъ рождается мысль о съѣздахъ врачей, учителей, статистиковъ и т д., и т. д. Эти же съѣзды, равно какъ и всякія ученыя общества, очевидно, являются первичными ячейками зарождающагося интеллигентнаго сословія. «Въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, во Франціи, въ Пруссіи, напримѣръ, дѣлаются уже кое-какіе робкіе шаги въ дѣлѣ организаціи класса писателей, указывающіе на возможность постепенно достигнуть желаемой цѣли. Я вѣрю, говоритъ Карлейль, что такая организація возможна, что она должна стать возможной» [1]). Этому сословію, подобно всѣмъ остальнымъ, прійдется отстаивать свои интересы отъ покушеній другихъ сословій. И такъ какъ главной заботой интеллигентнаго сословія должно быть безпрепятственное развитіе науки, дающей ему и достатокъ, и извѣстнаго рода власть надъ умами, то свобода научной критики, какъ залогъ безпрепятственнаго развитія науки, будетъ всегда главной заботой сословной организаціи. Она имѣетъ право отстаивать ее для себя, такъ какъ отнимать это право у нея было-бы такъ-же несправедливо, какъ отнять землю у крестьянскаго сословія. Затѣмъ, разумѣется, на интеллигент-

[1]) Т. Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Стр. 237

номъ сословіи будетъ лежать забота объ организаціи всѣхъ тѣхъ ученыхъ и учительскихъ учрежденій, которыя необходимы для развитія и распространенія знанія.

Многіе изъ усердныхъ не по разуму приверженцевъ интеллигентнаго сословія требуютъ для него преобладающаго юридическаго значенія въ жизни страны. Пока дѣло идетъ о вліяніи интеллигенціи естественнымъ путемъ проявленія силы знанія, до тѣхъ поръ никто не вправѣ ничего сказать противъ этого вліянія. Но вооружать знаніе юридическими привиллегіями, это значитъ ослаблять нравственное вліяніе знанія и возбуждать въ людяхъ вражду къ нему, какъ вторгающемуся въ жизнь съ палкой въ рукахъ. Кромѣ того, историческій опытъ указываетъ намъ, что представители знанія, вооружившись юридическими привиллегіями, быстро теряютъ способность владѣть умственнымъ оружіемъ и, застывая на извѣстной стадіи научной мысли, мѣшаютъ ся развитію. И такъ какъ юридическія привиллегіи даютъ имъ общественную власть, то и эта власть употребляется на служеніе старымъ теоріямъ, не выдержавшимъ критики болѣе позднихъ теорій, часто лучше вооруженныхъ уже по тому самому, что онѣ воспользовались работою своихъ предшественницъ. Исторія ученыхъ академій вполнѣ доказываетъ, что онѣ служили-бы тормазомъ для развитія знанія; разъ-бы отъ отъ нихъ зависѣло декретировать вопросы объ истинѣ и лжи въ наукѣ. Поэтому даже съ чисто экономической точки зрѣнія интеллигентнаго сословія было-бы вредно стремиться къ его юридическому преобладанію надъ всѣми остальными сословіями, такъ какъ это предполагаетъ извѣстную скованность индивидуальныхъ силъ этого сословія юридическими нормами, — вѣдь всякій

принципъ предполагаетъ единичность сознанія и воли, а для того, чтобы достичь этого, пришлось бы насильно задавливать научную критику и намъ бы до сихъ поръ, пожалуй, врачи пускали кровь при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, такъ какъ всякая критика кровопусканія не могла-бы имѣть мѣста, разъ оно уже было декретировано интеллигентной властью. Наука и знаніе не могутъ процвѣтать безъ свободы критики, а эта послѣдняя предполагаетъ полное отсутствіе принужденія въ ихъ области.

Мы можемъ формулировать все сказанное выше такъ: государство не должно быть единственной формой общественной связи для личности; такъ какъ граждане государства имѣютъ разнообразныя занятія и интересы, то союзы ихъ по занятіямъ и интересамъ, извѣстныя подъ именемъ сословій, вполнѣ необходимы, и естественно нарождаются и .еще долго будутъ нарождаться; не допускать же этихъ организацій, это значитъ — отдавать слабаго на произволъ сильнаго, ибо сословія и возникаютъ на почвѣ взаимной охраны. Существующая же въ нашемъ обществѣ враждебность къ сословности объясняется желаніемъ избавиться отъ разлагающихся привиллегированныхъ сословій.

Истинное самоуправленіе расцвѣтетъ на русской землѣ только тогда, когда въ немъ приметъ участіе весь народъ, многія сотни лѣтъ практиковавшій въ своей жизни его принципы. «Община наша, строго говоря, вѣдь есть ничто иное, какъ маленькое государство со всеобщей подачей голосовъ,—не похожей, впрочемъ, на французскую. Въ нашей общинѣ — не въ укоръ будь сказано французамъ — всякій сочленъ твердо знаетъ

нужды свои и своихъ» [1]). Намъ приходилось уже сравнивать земство, представителя самоуправленія нашихъ культурныхъ классовъ, съ «міромъ»—представителемъ крестьянскаго самоуправленія, и мы пришли къ тому заключенію, что «міръ» самоуправляется на болѣе справедливыхъ началахъ, нежели земство, хотя они оба существуютъ рядомъ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Способность нашего народа къ самоуправленію можно усмотрѣть во всѣхъ его привычкахъ и дѣйствіяхъ. Потребность въ немъ сказывается и въ томъ,что онъ удѣляетъ ему большую долю вниманія при созданіи тѣхъ идеальныхъ образцовъ практической жизни, которыми онъ отъ времени до времени утѣшаетъ свою скорбь и которые очень часто побуждаютъ его странствовать и отыскивать такъ называемое «Бѣловодье». Это «Бѣловодье»—земной рай русскаго крестьянина. Тамъ нѣтъ ни убійствъ, ни воровства, ибо нѣтъ бѣдности; тамъ нѣтъ ни налоговъ, ни чиновниковъ, такъ какъ жители его не подчинены никакому государству. Эта самоуправляющаяся община которая существовала не только въ воображеніи крестьянъ, но и дѣйствительно обитала среди горъ Алтая, можетъ служить образцомъ того самоуправленія, которое желалъ бы имѣть русскій народъ. Очевидно, что характернѣйшей его чертой является децентрализація. И это вполнѣ понятно. Самоуправленіе собственно и существуетъ только въ мелкихъ общинахъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга. Самоуправленіе при посредствѣ выборныхъ, необходимо развивающееся вслѣдствіе тѣсныхъ связей, завязывающихся между

[1]) Ал. Л—ъ. Сельская община въ Олонецкой губерніи. (Отечеств. Записки за 1874 г., № 2, стр. 123).

общинами, теряетъ характеръ истиннаго самоуправленія и приближается къ типу бюрократическаго, хотя все-таки оно всегда несравненно выше этого послѣдняго. Децентрализованное самоуправленіе должно быть идеаломъ практической жизни, а потому и должно ограничиваться только при очевидной необходимости уступить часть его правъ централизованному самоуправленію, т. е. управленію черезъ выборныхъ. Органы центральнаго самоуправленія должны доводить до minimum'а свое вмѣшательство въ жизнь отдѣльныхъ общинъ, стараясь давать наибольшій просторъ ихъ желаніямъ и дѣйствіямъ. «Народу, говоритъ Спенсеръ, лучше тамъ, гдѣ онъ отдаленъ отъ центра управленія,—гдѣ административные агенты не могутъ такъ легко настигать его» [1]). Практика опредѣлитъ уже, какая доля власти надъ отдѣльными общинами можетъ быть предоставлена этимъ органамъ. Здѣсь мы говоримъ только о направленіи, которымъ слѣдуетъ идти, чтобы удовлетворить желаніямъ народа. Интеллигенція должна только сознать ту непреложную истину, что ея понятія о самоуправленіи ниже народныхъ, а потому и не удовлетворятъ его потребностямъ. Если она желаетъ работать на пользу всего народа, то должна, по возможности, задавливать въ себѣ бюрократическія наклонности къ насильному регулированію народной жизни. Она должна твердо помнить, что народъ всегда оказывалъ бо̀льшее сопротивленіе вмѣшательству въ его жизнь, чѣмъ сама она [2]).

[1]) Гербертъ Спенсеръ. Развитіе политическихъ учрежденій. Стр. 27.

[2]) Что насильственное вмѣшательство интеллигенціи въ народное самоуправленіе бываетъ только вредно, можно видѣть изъ

Прикрывая свое вмѣшательство наукою, интеллигенція только возбудитъ въ народѣ ненависть къ ней, чего, вѣроятно, не желаютъ и сами бюрократы отъ науки. Пусть же они не судятъ о народѣ по своимъ личнымъ наклонностямъ, унаслѣдованнымъ отъ цѣлаго ряда поколѣній и воспитаннымъ бюрократическою средою; пусть не мѣряютъ потребности народа потребностями отдѣль-

---

слѣдующаго историческаго примѣра, сообщеннаго г. Аксаковымъ въ 8 № «Руси» за 1884 г. Дѣло было въ началѣ 50-хъ годовъ. Авторъ, будучи на службѣ, имѣлъ возможность изслѣдовать на мѣстѣ слѣдующій случай изъ городского самоуправленія.

«Въ городѣ Мологѣ оказалось, что въ Екатерининской Грамотѣ жители усмотрѣли прежде всего статью, разрѣшающую «обывателямъ»,—независимо отъ городскихъ доходовъ, опредѣляемыхъ Грамотой и имѣющихъ законное назначеніе,—дѣлать межъ собою добровольную складчину, которую и расходовать по произволу, не отдавая въ томъ никому отчета. На этомъ основаніи, на другой же день полученія Грамоты, жители, собравшись, составили приговоръ (мы отыскали его въ городскомъ архивѣ) о томъ, чтобы вести одновременно два самоуправленія: одно — казенное, по штату и по закону, для видимости и для исполненія требованій начальства, подъ его контролемъ; другое — н а с т о я щ е е, свое, подъ контролемъ самаго общества, для чего тотчасъ-же по добровольной раскладкѣ собрать особую сумму. Такъ и было сдѣлано, безъ всякаго вѣдома начальства, — такъ и велось до половины сороковыхъ годовъ, въ теченіи почти 60 лѣтъ. Собранная складочная сумма была пущена въ оборотъ; помощью ея выстроился гостинный дворъ, приносившій значительные барыши. О ф ф и ц і а л ь н ы й городъ былъ бѣденъ, имѣлъ не свыше 4.000 р. дохода и столько же расхода, чему составлялись формальныя смѣты, которыя тщательно разсматривались и утверждались губернскимъ правленіемъ. Н е о ф ф и ц і а л ь н ы й городъ имѣлъ дохода свыше 20,000 р.; расходовались они по приговорамъ городского общества, которое составляло изъ себя то законную «Общую Городскую Думу», то— незаконное вѣче. Доходы и расходы записывались тщательно въ особыя книги, которыя мы сами видѣли; видѣли также изъ нихъ,

ной его части, въ которой эти потребности атрофированы ея историческими судьбами. Крестьяне, жившіе въ условіяхъ «мірского» и артельнаго самоуправленія, несомнѣнно должны были развить въ себѣ потребность къ самоуправленію въ большей степени, нежели помѣщикъ, чиновникъ, священникъ и купецъ, которые жили индивидуальною, сравнительно, жизнью и испорчены, кромѣ того, вѣковыми привычками командованія надъ подобными себѣ людьми [1]). Сравнивая русскую жизнь съ за-

что деньги отдавались иногда взаймы изъ высокихъ процентовъ. Благодаря этому тайному самоуправленію, городъ, сравнительно съ прочими, процвѣлъ: онъ былъ и вымощенъ, и освѣщенъ лучше другихъ уѣздныхъ городовъ Ярославской губерніи; въ немъ построено было два каменныхъ дома для училищъ; выдавалось пособіе бѣднымъ церквамъ и даже одной загородной; пожарный обозъ былъ исправнѣе чѣмъ гдѣ либо. Губернаторъ Баратынскій, до свѣдѣнія котораго въ 1844 или 45 г. дошло о существованіи какихъ-то, не представляемыхъ на ревизію приходо-расходныхъ книгъ, потребовалъ ихъ къ себѣ, но получилъ отъ городского головы отказъ, уволилъ его за это отъ службы, предалъ суду, наложилъ на незаконнорожденное городское имущество запрещеніе, представилъ министерству; министерство передало вопросъ объ имуществѣ на разсмотрѣніе гражданскаго суда, который рѣшилъ отнять его у неофиціальнаго городского общества и передать въ собственность казеннаго города. Однимъ словомъ, тайному, свободному самоуправленію положенъ былъ конецъ; городъ остался при самоуправленіи оффиціальномъ и—пришелъ въ упадокъ».

[1]) Въ то время, когда русская интеллигенція имѣла для себя пресловутое «мѣстничество», русскій народъ, попадая въ условія свободнаго устройства своего общежитія, устраивался слѣдующимъ образомъ: «Въ главномъ войскѣ или городкахъ казаки проводили всякій день вмѣстѣ, собираясь на площади или въ становой избѣ. Здѣсь, сидя въ кругу, они вязали сѣти, тенета, дѣлали разсохи, слушали разсказы о походахъ. Жили они постоянно по-братски; всякій открывалъ чистосердечно, что намѣренъ дѣлать завтра, послѣ завтра и т. д. Набьетъ ли кто дичины, наловитъ ли рыбы,

падной, г. Блокъ утверждаетъ, что русскій мужикъ не успѣлъ выработать въ себѣ глубокіе рабскіе инстинкты, на которыхъ до нынѣ держались всѣ историческія цивилизаціи. Политическое рабство всосалось въ кровь и плоть западныхъ «гражданъ», привыкшихъ возлагать огромныя надежды на свое «государство» и разсматривать его какъ неизсякаемый источникъ разныхъ жизненныхъ благъ—преимущественно въ смыслѣ «хлѣба и зрѣлищъ». Они часто бывали недовольны предержащими властями, но именно потому, что вѣчно ожидали и требовали отъ нихъ какого-то высшаго покровительства или

отвѣдывали ее всѣ вмѣстѣ, и хозяинъ ничего не оставлялъ себѣ въ запасъ. На Дону сохранилось преданіе, будто въ старину товарищество казаковъ раздѣлялось по сумамъ, точно такъ, какъ у запорожцевъ по казанамъ (котламъ): человѣкъ десять, двадцать и болѣе товарищей имѣли общую суму и все добычное, по тому мы еще и нынѣ называемъ товарища и друга: односумъ». («Русская Старина на 1825 г. Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII в.в. В. Сухорукова). Подобный образъ жизни, будучи самъ результатомъ сильно развитаго чувства равенства и братства, вмѣстѣ съ тѣмъ способствовалъ дальнѣйшему укрѣпленію этихъ чувствъ. Поэтому равенство было краеугольнымъ камнемъ казацкихъ обществъ; когда московскій посолъ, въ 1592 г., привезъ донскому войску жалованье въ видѣ сукна и предложилъ дѣлить его соотвѣтственно военнымъ званіямъ, то казаки отвѣчали: «у насъ большихъ нѣтъ никого; всѣ мы равны; мы сами раздѣлимъ на все войско, почему достанется» (Савельевъ. Трехсотлѣтіе, стр. 4. — Обѣ ссылки заимствуемъ у П. Соколовскаго изъ книги «Экономическій бытъ», стр. 212 и 213). Дѣйствительно, прибавляетъ г. Соколовскій, «большихъ у нихъ не было. Правленіе ихъ было народное въ полномъ смыслѣ слова. Вся власть сосредоточивалась въ войсковомъ кругѣ, тождественномъ по своей организаціи съ древнимъ вѣчемъ, южнорусской радой и современной сельской сходкой (по хозяйственнымъ дѣламъ)». (Стр. 213).

по крайней мѣрѣ содѣйствія своимъ стремленіямъ. Между тѣмъ русскій обыватель, пріученный обходиться въ удовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей, хозяйственныхъ и духовныхъ, одними собственными средствами, относившійся къ своимъ «господамъ» и къ разнымъ ихъ затѣямъ съ довольно ѣдкою ироніей, подчинялся всякому начальству только какъ необходимой принудительной силѣ. При такомъ взглядѣ на государство онъ не терялъ своей нравственной независимости, не становился «рабомъ въ душѣ» даже тогда, говоритъ г. Блокъ, когда его связывали по рукамъ и по ногамъ, чтобы принести въ жертву на алтарѣ далекой государственности. Поэтому-то бюрократія, такъ популярная въ западной Европѣ, не могла проникнуть въ глубину русской народной жизни. По мнѣнію нашего автора, главными разсадниками бюрократизма и милитаризма у насъ являлись нѣкоторыя окраины Россіи, напоминавшія—по своему историческому прошлому и по характеру своего общественнаго устройства — или патріархальную Азію, или феодально-буржуазную Европу [1]).

---

[1]) А. Л. Блокъ. Политическая литература въ Россіи и о Россіи. Вступленіе въ курсъ русскаго государственнаго права.

ГЛАВА V.

Борьба западничества съ національнымъ.

Вѣковой споръ двухъ направленій нашей литературы не затихаетъ и въ наше время. Одно уже это обстоятельство доказываетъ, что оба они носятъ въ себѣ извѣстную долю истины. Дѣло въ томъ, что у людей «воображеніе бываетъ двухъ сортовъ: однимъ людямъ свойственно схватывать лишь общіе контуры предметовъ, а другимъ—подробности. Первые, поэтому замѣчаютъ главнымъ образомъ сходство формъ, которыя, не имѣя рѣзкихъ контуровъ, сливаются для нихъ въ неясные образы—въ метафору. Это—воображеніе дѣтей и юныхъ народовъ, у которыхъ даже языкъ состоитъ изъ метафоръ. Другіе, напротивъ того, замѣчая преимущественно подробности формъ, быстро схватываютъ ихъ различіе. Но лица, одаренныя высокой степенью воображенія, творческой его силой, умѣютъ видѣть заразъ и сходство, и различіе» [1]). Къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ мало распространена мысль о необходимости синтетическаго примиренія двухъ указанныхъ выше односторонне-истинныхъ направленій въ

[1]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 209.

третьемъ, которое заключало-бы въ себѣ только то, что было истиннаго въ обоихъ, отбросивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ увлеченія и ошибки. Правда, въ настоящее время трудно встрѣтить такого крайняго западника, какъ Чаадаевъ, и такого односторонняго націоналиста, какъ Кирѣевскій, но и до сихъ поръ большинство писателей склоняется на ту или другую сторону, не умѣя найти синтеза между этими направленіями. Причиной этого отчасти является и полемическій жаръ, обуревающій оба направленія и заставляющій усматривать въ противникѣ только односторонности, упуская изъ виду правдивую сторону ученія.

Только немногіе «умѣли видѣть заразъ, по выраженію Гюйо, и сходство, и различіе». Къ этимъ немногимъ можно отнести, напримѣръ, Герцена, писавшаго уже въ 1844 году въ своемъ дневникѣ»: «Странное положеніе мое, какое-то невольное juste milieu въ славянскомъ вопросѣ: передъ славянофилами я человѣкъ запада, передъ ихъ врагами человѣкъ востока» [1]).

Примѣромъ односторонняго отношенія къ спору можетъ служить книга г. Алексѣя Веселовскаго [2]) Несмотря на то, что авторъ этой книги иногда старается взглянуть на дѣло не съ партійной, а съ болѣе широкой точки зрѣнія,—это ему не удается, и въ концѣ-концовъ его трудъ является одностороннимъ адвокатствомъ западничества. Онъ закрываетъ глаза при встрѣчѣ съ фактами вреднаго вліянія западничества и старается доказать, что оно вело только къ

[1]) «Русская мысль» 1891 г. № 1. Неизданныя письма В. Г. Бѣлинскаго къ А. И. Герцену. Стр. 1.

[2]) Алексѣй Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ.

прогрессу русской общественной жизни, всѣ-же ретроградныя попытки связаны у него съ идеей національнаго самосознанія. Въ своихъ стараніяхъ авторъ доходитъ до повторенія одной изъ колоссальнѣйшихъ ошибокъ западничества, будто-бы мысль объ освобожденіи крестьянъ проникла къ намъ съ запада. Право, намъ даже трудно понять, какимъ путемъ можно было прійти къ мысли о необходимости заимствованія элементарныхъ понятій о свободѣ личности у западно-европейскихъ народовъ, въ то время какъ многіе періоды исторіи нашего народа задолго раньше были отмѣчены сильными движеніями, именно по поводу исканія народомъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Или наши крестьяне тоже вычитали изъ западныхъ книжекъ мысль о своемъ правѣ на свободу? Если-же все наше крестьянство с о з н а в а л о свое право на свободу, то зачѣмъ-же интеллигенціи было необходимо заимствовать мысль объ освобожденіи съ Запада, когда она могла найти ее дома? Понятно, что, даже оградившись китайской стѣною отъ западныхъ вліяній, мы все-таки пришли бы къ мысли объ освобожденіи крестьянъ, такъ какъ этого требовало само крестьянство. Г. Славатинскій говоритъ, что до освобожденія крестьянъ нашъ государственный строй стоялъ на «пороховой почвѣ» [1]). Извѣстно, что число убійствъ помѣщиковъ въ 1848 году поднялось до небывалыхъ размѣровъ [2]). Безчисленные факты доказываютъ, что чувство и мысль всего народа были противъ крѣпостного права. Неужели-же при такихъ обстоятельствахъ было

[1]) А. Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи, отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права.

[2]) Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ Т. III.

необходимо нашей интеллигенціи заимствовать мысль о свободѣ съ Запада?

Зачѣмъ-же западники ставятъ на счетъ западныхъ вліяній то, что было вполнѣ самобытнымъ продуктомъ русской жизни? По нашему мнѣнію, происходитъ это отъ чрезмѣрнаго преувеличенія вліянія интеллигенціи въ жизни нашего народа. Народъ, по мнѣнію западниковъ, есть только человѣческій матеріалъ, безформенный и безсмысленный, который только подъ руками интеллигенціи превращается въ культурное общество. Разумѣется, что съ этой крайней формулировкой теперь согласятся только немногіе западники, но, въ сущности, воззрѣнія каждаго изъ нихъ составляютъ большее или меньшее приближеніе къ этой крайности, поставленной знаменемъ западничества самимъ Чаадаевымъ въ его «Философскомъ письмѣ». Скептически относясь къ народу съ высоты своего книжно-барскаго воличія, они не замѣчали лучшихъ сторонъ нашего крестьянскаго быта и относились къ мужику какъ къ невѣждѣ и холопу. Они вѣрили въ то, что крестьянинъ—холопъ въ душѣ и что нужно употребить вліяніе Вольтера или Руссо для истребленія въ немъ этого рабскаго духа. Неудивительно, что Чаадаевъ, по словамъ г. Веселовскаго, ждалъ всего отъ *сильной власти*, которая смогла-бы побудить массу русскаго народа усвоить иные идеалы и слиться съ западомъ.

Наша интеллигенція, выростая на дворянско-чиновничьей почвѣ, была изолирована отъ народа обоюдной сословной враждой, а потому и смотрѣла на него съ недовѣріемъ и презрѣніемъ. Какъ извѣстно, необходима была для русской народной общины рекомендація нѣмца Гакстгаузена, чтобы на нее обратила вниманіе русская

интеллигенція. Понятно, что и мысль о холопствѣ русскаго мужика приходилась по сердцу барско-чиновничьей интеллигенціи. Лучшіе члены ея, т. е. тѣ, кто не допускалъ справедливости крѣпостного права, выростая въ барско-чиновничьей атмосферѣ, съ дѣтства впитывали предразсудки своей среды, въ томъ числѣ и вѣру въ холопство крестьянъ. Вслѣдствіе этого они приходили къ мысли лечить крестьянина отъ холопства путемъ передачи ему книжной мудрости, такъ какъ сами вычитали мысль о свободѣ изъ западныхъ книжекъ. А въ это время крестьяне говорили: «Сколько рабовъ, столько враговъ»; и «ваше благородіе чортъ зародилъ, а насъ грѣшныхъ Господь сподоздалъ»; «мы и тамъ служить будемъ на баръ: они будутъ въ смолѣ кипѣть, а мы станемъ дрова подкладывать» [1]).

О свойствахъ вліянія западно-европейскихъ ученыхъ на русскихъ людей, по поводу мысли объ освобожденіи крестьянъ, можно судить изъ того факта, что большинство изъ нихъ доказывало необходимость постепеннаго освобожденія, которому должно предшествовать духовное освобожденіе, посредствомъ просвѣщенія. Такого мнѣнія былъ и знаменитый Руссо. По мнѣнію Вольтера, помѣщики «должны быть приглашены къ дѣлу освобожденія, а не обязаны» [2]). Какъ извѣстно, наши крестьяне въ то-же самое время требовали полнаго освобожденія и надѣла не только пахатною землею, лѣсами и лугами, но и рѣками, озерами, рудниками, не-

[1]) В. Даль. Пословицы русскаго народа.

[2]) Наши екатерининскіе вельможи недаромъ считались «вольтеріанцами». Этотъ вольтеріанизмъ характеризуется слѣдующимъ мнѣніемъ Вольтера: Въ людской толпѣ составленной изъ «глупцовъ» и пересыпанной педантами, всегда имѣется «маленькое от-

обходимыми для крестьянскаго промысла. Спрашивается: нуждалась-ли Россія въ западномъ вліяніи въ этомъ случаѣ. или она могла вполнѣ самобытно рѣшить крестьянскій вопросъ? Было-бы лучше, еслибы наша интеллигенція больше прислушалась къ мнѣнію своего народа, нежели къ глубокомысленнымъ соображеніямъ Руссо о необходимости прежде просвѣтить, а потомъ освободить. Самобытное рѣшеніе, основанное на національныхъ, т. е. народныхъ воззрѣніяхъ, было-бы гораздо прогрессивнѣе тѣхъ, какія мы могли заимствовать у западно-европейскихъ ученыхъ. А потому намъ кажутся нѣсколько странными восторги г. Веселовскаго по поводу вліянія нѣмецкой науки на извѣстнаго Полѣнова, который въ 1766 году подавалъ проектъ освобожденія крестьянъ съ нѣкоторымъ надѣленіемъ ихъ землею. Нашъ авторъ, очевидно, забылъ, что Полѣнову не зачѣмъ было ѣздить заграницу и погружаться въ нѣмецкую книжную мудрость для того, чтобы придти къ мысли, имъ высказанной. Крестьянское воззрѣніе на этотъ предметъ было высказано въ подложныхъ манифестахъ Пугачева. Нельзя-же самомъ дѣлѣ думать, что этотъ донской казакъ являлся какимъ-то пророкомъ новыхъ истинъ; онъ объявлялъ только о тѣхъ льготахъ, которыхъ крестьянство ждало съ нетерпѣніемъ,—съ тѣмъ, чтобы привлечь массу на свою сторону. Въ манифестѣ, помѣченномъ 31 іюля

дѣльное стадо, называемое хорошимъ обществомъ, это маленькое стадо, будучи богато, хорошо воспитано, образовано и учтиво, представляетъ собою какъ бы цвѣтъ человѣческаго рода; для него трудились и трудятся самые великіе люди, оно же раздаетъ славу и извѣстность. (Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Ип. Тэна. Стр. 252).

1774 года, Пугачевъ «жалуетъ» «всѣхъ находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными рабами собственно нашей коронѣ, и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою и вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями, и соленими озерами безъ покупки и безъ оброку» и т. д. [1]). Крестьянское-же воззрѣніе на земельную собственность проявлялось и въ ученіяхъ раскольничьихъ наставниковъ и учителей. Такъ, основатель странничества Евфимій какъ доказательство того, что Петръ—антихристъ, привелъ во второй половинѣ прошлаго вѣка слѣдующее:

«Не явственнѣ-ли таковое антихриста одержаніе являетъ быти въ первую опись народную, егда первый императоръ описалъ всѣхъ человѣкъ и раздѣлилъ на разные чины... имъ же размеживъ землю, лѣса и воды, дадеявъ наслѣдіе комуждо ихъ». «Всѣ держаны при имѣніяхъ своихъ, сице устави императоръ комуждо глаголати: свое. Сей же глаголъ Св. Златоустъ проклятымъ и сквернымъ нарицаетъ: глаголъ моерече отъ дьявола введеся. Все бо вамъ общая сотворилъ есть Богъ». «Егда бо по описи раздроби народъ на разные чины и землю размежева, симъ раздѣленіемъ яко

[1]) Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Я. К. Грота. Стр. 53.

Крѣпостники твердо помнили о Пугачевѣ и одинъ изъ нихъ очень характерно выразился противъ тоста, предложеннаго за Кавелина и Унковскаго, какъ людей потрудившихся за крестьянское дѣло: «Ужь если пить, то лучше начать сначала, съ перваго, кто трудился за крестьянъ .. съ Пугачева». («Русск. Архивъ» 1891 г., № 1).

язычниковъ содѣла другъ другу завидущихъ, другъ на друга ратоборствующихъ, надѣливъ кому много, кому мало, иному-же ничесоже давъ и токмо единорукодѣліе повелѣвъ» [1]).

«Всѣми, ѣздившими съ объявленіемъ манифеста, замѣчено было, что вообще крестьяне остались неудовлетворенными»; въ нихъ «вкоренилась увѣренность въ томъ, что вся земля должна принадлежать имъ— и безплатно, и что только частица земли можетъ остаться за помѣщикомъ» [2]).

Интеллигенція приписала себѣ идею освобожденія, не замѣчая, что крестьянство вообще и крѣпостные крестьяне въ частности никогда не считали крѣпостное право справедливымъ учрежденіемъ. Конс. Аксаковъ въ письмѣ къ Хомякову еще въ 1859 году прямо утверждалъ: «Правомѣрность помѣщичьей власти никогда имъ (т. е. крестьяниномъ) не признавалась» [3]). Но такъ какъ крестьянство, какъ общественная сила, сталкиваясь съ другой общественной силой, культурными классами, оказывалось слабѣе, то и равнодѣйствующая, по которой совершалось развитіе нашихъ общественныхъ формъ, была не въ пользу уничтоженія крѣпостного состоянія. Когда-же усилились, съ одной стороны, интенсивность требованій освобожденія со стороны крѣпостныхъ, съ другой—нравственное чувство извѣстной части интеллигенціи, то произошла такая группировка общественныхъ силъ, при

---

[1]) І. Юзовъ. Политическія возрѣнія старовѣрія. („Русская Мысль“ 1882 г., № 5, стр. 205).

[2]) «Историческій Вѣстникъ» 1887 г. № 11, стр. 384.

[3]) „Русь“ 1883 г. № 3.

которой равнодѣйствующая оказалась въ пользу освобожденія.

Такимъ образомъ, мы утверждаемъ, что было-бы гораздо лучше, если-бы наша барско-чиновничья интеллигенція прошлаго столѣтія прислушалась къ голосу русскаго народа и повела развитіе русскаго общественнаго организма самобытнымъ путемъ, вмѣсто того, чтобы увлекаться освободительными компромиссами западноевропейскихъ ученыхъ, презирая, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ народный умъ, такъ и народное чувство. Западники, вродѣ Чаадаева, внушая презрѣніе къ народнымъ соціальнымъ воззрѣніямъ, совершали, по нашему глубокому убѣжденію, соціальное преступленіе и были однимъ изъ самыхъ вреднѣйшихъ тормазовъ нашего общественнаго развитія, несмотря на весь свой наружный либерализмъ. Они были кость отъ кости и плоть отъ плоти бюрократизма и, работая на господство интеллигенціи надъ народомъ, въ сущности работали на господство бюрократизма. Въ нашей тогдашней жизни не было элементовъ для упроченія господства интеллигентной буржуазіи, на которую работали западные либералы, а потому наши подражатели этимъ либераламъ своимъ презрѣніемъ къ мысли непросвѣщенной массы только укрѣпляли мысль о необходимости «просвѣщеннаго бюрократизма», который, впрочемъ, понимался ими различно.

Невольно приходитъ въ голову вопросъ: чѣмъ-же объясняется ошибка западниковъ, утверждающихъ, что только вліяніе Запада внесло въ нашу жизнь освободительную струю? Тутъ, очевидно, вліяетъ профессія этихъ лицъ, состоящая, большею частью, въ углубленіи въ книжную мудрость:—зарываясь въ книги, они

только черезъ эти книги видятъ свѣтъ, а потому и игнорируютъ самую жизнь.

До какихъ безсмыслицъ доводитъ распространенный у насъ книжный фетишизмъ, можно видѣть изъ слѣдующаго объясненія уничтоженія крѣпостного права въ Европѣ, сдѣланнаго журналомъ «Русская Мысль»: «На сцену выступила идея Руссо и Канта о неприкосновенности человѣческой личности. Она повлекла за собою уничтоженіе крѣпостного права въ Европѣ, а впослѣдствіи освобожденіе черныхъ въ колоніяхъ» [1]). Кажется, дальше идти въ безумномъ ослѣпленіи передъ книжной мудростью—невозможно?! Тутъ забыто все: и естественное чувство справедливости, и эгоистическое стремленіе крѣпостныхъ выбиться на свободу, и проповѣди христіанства, всякаго рода Мюнцеровъ, Жаковъ и т. п. и т. п.; авторъ съ наивностью фетишиста увѣренъ, что весь общественный переворотъ совершили двѣ книжки, спокойно лежащія у него на полкѣ [2]).

---

[1]) „Русская Мысль“ 1890 г. № 12. Развитіе національнаго сознанія въ Германіи. И. К. Стр. 103.

[2]) Только книжнымъ фетишизмомъ и можно объяснить, что прогрессивные писатели, съ ясно выраженными народолюбивыми тенденціями, ведутъ такія рѣчи:

«Если бы не существовало англійскаго богатства, мы ничего бы, можетъ быть, не услышали бы объ именахъ Рикардо, Грота, Бокля, Дарвина и многихъ другихъ свѣтилъ науки. Нигдѣ, какъ въ Великобританіи, наконецъ, не насчитывается до 50.000 человѣкъ, исключительно посвящающихъ себя научнымъ изслѣдованіямъ и составляющихъ, по справедливому замѣчанію Леви, «не только украшеніе, но истинную силу британской имперіи». (И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Вып. II, стр. 465).

Если для процвѣтанія «свѣтилъ науки» нужно экономичс-

Не встрѣчая въ книгахъ XVIII столѣтія мыслей о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею и натолкнувшись, напримѣръ, на проектъ Полѣнова, книжные фетишисты, съ непонятною для насъ поспѣшностью, готовы приписать этому послѣднему о т к р ы т і е этой мысли. Усматривая-же изъ біографіи автора, что онъ былъ знакомъ съ западной наукой, они уже не сомнѣваются приписать появленіе этой мысли западнымъ вліяніямъ. Послѣ этого они считаютъ себя вправѣ заключить, что не будь этого вліянія, не было бы у насъ и мысли объ освобожденіи. Какое имъ дѣло до того, что въ то-же самое время весь русскій народъ требовалъ еще болѣе коренныхъ реформъ? Мысль народа для нихъ не существуетъ, они знаютъ только книги, а разъ въ этихъ книгахъ не появлялось мысли объ освобожденіи, то, слѣдовательно, ее и не было, заключаютъ они. При этомъ они, разумѣется, игнорируютъ нетолько устную народную словесность, но и ту народную литературу, которая не имѣла чести попасть въ оффиціально-книжную литературу. Съузивъ, такимъ образомъ, народную мысль до рамокъ книжной литературы (не надо забывать, что въ прежнее время народная мысль гораздо меньше отражалась въ книжной литературѣ, чѣмъ теперь), они, ничтоже сумняшеся, считаютъ не существующими въ данное время всѣ тѣ

ское рабство народа, то нѣтъ сомнѣнія, что народъ будетъ правъ, если скажетъ; «пусть погибнутъ эти свѣтила, а не милліоны живыхъ людей». Если научное обоснованіе теоріи развитія видовъ требуетъ пріостановки и даже регресса въ развитіи человѣка, то, прибавимъ отъ себя, да погибнетъ теорія и да здравствуетъ самъ видъ.

мысли, которыя не попали въ книги, и, наоборотъ, считаютъ господствующими въ цѣломъ народѣ тѣ мнѣнія, которыя господствуютъ въ книгахъ. Отсюда полнѣйшее непониманіе истиннаго развитія народной общественной мысли и коверканіе исторіи мысли объ освобожденіи крестьянъ.

Благодаря тому-же обстоятельству, наши западники не замѣчаютъ, что западничество вело у насъ нетолько къ позаимствованію освободительныхъ началъ жизни, но и къ пересадкѣ цѣлаго ряда стѣснительныхъ мѣропріятій, предпринимавшихся западными правительствами въ виду дѣйствительной, вполнѣ реальной опасности, которой у насъ часто не бывало. У насъ эти стѣснительныя западническія мѣропріятія очень часто бываютъ сдѣланными, такъ сказать, про запасъ, въ виду возможныхъ будущихъ опасностей, и являются больше изъ подражаніи, нежели изъ дѣйствительныхъ потребностей государства. Къ удивленію, наши западники совершенно не замѣчаютъ тѣхъ регрессивныхъ мѣръ, которыя мы заимствуемъ съ Запада, и думаютъ, что нами оттуда берется только освободительная струя мысли. Это тоже объясняется тѣмъ, что регрессивныя позаимствованія прямо берутся изъ жизни западно-европейскихъ народовъ, а не изъ книгъ; а такъ какъ наши западники фиксируютъ свое вниманіе, по преимуществу, на книгахъ, то и готовы приписать регрессивныя мѣры самобытническому мышленію. Между тѣмъ, какъ извѣстно уже, Іоаннъ III, «по примѣру Гишпанскаго цесаря», сжегъ въ Москвѣ нѣсколькихъ еретиковъ.

Коренная ошибка состоитъ въ томъ, что не разли-

чаютъ вліянія западничества на литературу отъ вліянія его на общественную жизнь. По мнѣнію многихъ, разъ будетъ доказано благотворное дѣйствіе западной литературы на нашу, этимъ самымъ доказывается и благотворное дѣйствіе западничества на общественную жизнь. Но, въ дѣйствительности, это было не такъ. Насколько западная литература способствовала развитію нашей, настолько-же, вмѣстѣ съ тѣмъ, наше западничество вредило развитію нашей общественной жизни. Нельзя смѣшивать развитіе литературы, которая до сихъ поръ является достояніемъ незначительнаго меньшинства, съ развитіемъ общественной жизни, зависящимъ отъ положенія всѣхъ членовъ общества. Для всякаго понятно, что развитіе, напримѣръ, живописи можетъ совпадать съ общественнымъ регрессомъ, но не всякій признаетъ, что то-же явленіе повторяется очень часто и съ литературой. Причиной этого бываетъ обоготвореніе книжной мудрости, считающейся источникомъ всякаго рода прогресса, въ томъ числѣ и общественнаго—что, къ сожалѣнію, не всегда случается, именно потому, что эта книжная мудрость, будучи достояніемъ меньшинства бываетъ причиной непомѣрной претензіи этого меньшинства на господствующее руководство жизнью большинства. «Либеральная школа прошлаго столѣтія, говоритъ Ингрэмъ, относилась къ среднимъ вѣкамъ съ презрительнымъ пренебреженіемъ, главнымъ образомъ потому, что въ эту эпоху было необыкновенно мало сдѣлано на литературномъ поприщѣ. Надо помнить, однако, что человѣчество было занято въ это время предметами болѣе важными, чѣмъ литература. Великіе люди среднихъ вѣковъ тратили свою

огромную энергію въ другихъ областяхъ» [1]). Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ склонны измѣрять общественный прогрессъ развитіемъ литературы, что ведетъ, подчасъ, къ весьма нелѣпымъ выводамъ, такъ какъ развитіемъ одной части общественной жизни пытаются характеризовать развитіе цѣлаго.

Что касается вліянія западничества на нашу литературу, то благотворное его дѣйствіе несомнѣнно. Этимъ мы не хотимъ сказать, что наша литература должна остаться навсегда въ томъ ученическомъ положеніи, въ которое ее поставили историческія обстоятельства. Наоборотъ, она всѣми силами должна стараться выйти изъ этого положенія и занять равноправное между другими литературами мѣсто. Но ей необходимо пройти искусъ ученичества для того, чтобы въ концѣ-концовъ стать вполнѣ самостоятельной, т. е. самобытной. Послѣ этого наступитъ періодъ равноправнаго о б м ѣ н а мыслей, въ которомъ нуждаются всѣ народы такъ-же, какъ и отдѣльные люди, не теряя при этомъ нисколько въ своемъ самобытномъ процессѣ мышленія. Этотъ періодъ, о т ч а с т и уже наступилъ [2]).

---

[1]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи. Стр. 32.

[2]) Однимъ изъ вредныхъ факторовъ развитія—не только самобытной, но и вообще прогрессивной русской мысли, является обычай загромождать дѣтскій мозгъ изученіемъ иностранныхъ языковъ. По этому поводу Пироговъ говоритъ, что «нашъ обычный способъ обученія малолѣтокъ—едва не грудныхъ младенцевъ—французскому и англійскому языкамъ—нелѣпъ; онъ позоритъ національное чувство, нисколько не содѣйствуя къ распространенію научныхъ знаній и къ расширенію мыслительнаго круговора въ нашемъ отечествѣ. Этотъ способъ можно было бы предоставить только однимъ, готовящимся съ пеленокъ вступать въ ряды извѣстнаго рода спеціалистовъ (дипломатовъ, драгома-

Посмотримъ теперь, каково было вліяніе нашего западничества на общественную жизнь. Прежде всего кидается въ глаза тотъ фактъ, что съ тѣхъ поръ, какъ наши государственные люди стали западничать, т. е. просвѣщаться всякаго рода западными порядками, въ томъ числѣ и наукой,—они вмѣстѣ съ тѣмъ стали презрительнѣе относиться къ мнѣніямъ невѣжественной

новъ, посланниковъ и царедворцевъ)». Подобное воспитаніе, по мнѣнію нашего педагога и естествоиспытателя,—вредно, такъ какъ мѣшаетъ «развитію и мысли, и отечественнаго языка». «Родное слово, говоритъ онъ, вступаетъ въ неразрывную связь съ племенною мыслью», а потому: «возможно ли же чужому слову нарушать это право родного языка безъ вреда для процесса мышленія и не нарушая его нормальнаго развитія»? «Въ большей части случаевъ мы достигаемъ одного изъ двухъ результатовъ. Или ребенокъ, излагая что-либо на чужомъ языкѣ, будетъ только пріискивать слышанныя и затверженныя имъ иностранныя слова и фразы, для замѣны ими словъ и выраженій родного языка; въ этомъ случаѣ внимательность ребенка привыкаетъ останавливаться на одномъ внѣшнемъ, на формѣ слова, и оставляетъ содержаніе въ сторонѣ, нетронутымъ; впослѣдствіи это направленіе внимательности можетъ сдѣлаться привычнымъ, а мышленіе—поверхностнымъ и одностороннимъ. Или же ребенокъ, дѣйствительно, начнетъ думать не на одномъ своемъ, а на разныхъ языкахъ; но на каждомъ изъ нихъ, въ большей части случаевъ, круговоръ мышленія едва ли можетъ быть всесторонними неограниченнымъ. Только геніальные люди, и то въ исключительныхъ случаяхъ, могли мыслить и излагать свои мысли о различныхъ предметахъ знанія на чужомъ языкѣ такъ же полно, такъ же глубокомысленно и ясно, какъ и на своемъ родномъ»... «Пушкинъ, напримѣръ, писавшій и говорившій по-французски не хуже природнаго француза, былъ бы, вѣрно, плохимъ французскимъ поэтомъ».

Пирогобъ задаетъ слѣдующій многознаменательный вопросъ: «Можно-ли ждать быстраго прогресса въ развитіи родного языка, племенной мысли, науки и искусства въ странѣ, гдѣ около трона,

массы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ болѣе ранній періодъ нашей исторіи государственные люди были болѣе склонны выслушивать мнѣніе «земли», чѣмъ впослѣдствіи. По нашему мнѣнію, объясняется это тѣмъ, что у нихъ самомнѣніе было не такъ развито, какъ у ихъ преемниковъ. Еле грамотный воевода или бояринъ, засѣдавшій въ боярской думѣ, былъ болѣе способенъ уважать мысль народа, нежели такъ называемый просвѣщенный сановникъ XVIII столѣтія. Типичнѣйшимъ западникомъ можно считать Петра Великаго, который до сихъ поръ восхищаетъ воображеніе нашихъ западниковъ. Вооружившись всякаго рода знаніями, Петръ сталъ презрительно относиться къ мнѣніямъ невѣждъ, а, слѣдовательно, и къ мнѣніямъ всего народа. Ему доставляетъ большое наслажденіе глумленіе надъ народными предразсудками и

въ высшихъ кругахъ, въ салонахъ, дѣтскихъ, будуарахъ, слышится говоръ туземцевъ на чуждомъ имъ языкѣ и гдѣ знаніе его сдѣлалось не средствомъ, а цѣлью образованія»? (Сочиненія Н. И. Пирогова. Т. I, стр. 141—143). Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы приведемъ слова англійскаго психолога Джемса Сéлли: «ребенокъ способности котораго поглощены изученіемъ языковъ, анализомъ формъ и строенія рѣчи pro tanto не способенъ къ изученію литературы, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Привычка разбирать грамматическія формы мѣшаетъ его мыслямъ сосредоточиться на качествѣ идей и литературнаго стиля». (Основныя начала психологіи и ея примѣненія къ воспитанію. Изд. жур. «Рус. Бог.» Стр. 145). «Я считаю изученіе языковъ, говоритъ Руссо, въ числѣ безполезныхъ вещей въ воспитаніи» (Собр. соч. т. I Эмиль, или воспитаніе. Стр. 79). Кромѣ того, нельзя упускать изъ вида то обстоятельство, что изученіе языковъ сильно загромождаетъ память, а „всѣ согласны въ томъ, говоритъ Сéлли, что усиленное развиваніе памяти вредитъ развитію болѣе высокихъ способностей» (Дж. Сéлли. Основныя начала психологіи и ея примѣненія къ воспитанію. Стр. 156).

вѣрованіями. Понятно, что для него кажется нелѣпой мысль обращаться къ народу за совѣтомъ, какъ поступить въ такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ [1]). И считаетъ онъ эту мысль нелѣпой не по склонности къ самоличному управленію (онъ всегда готовъ просить совѣта у науки и ея жрецовъ), а потому что, по его мнѣнію, только просвѣщенные люди способны вести общество по пути прогресса, къ общему счастью. Такого-же мнѣнія придерживались всѣ западники. Истинный свѣтъ они видятъ только въ наукѣ, въ знаніи, которое идетъ къ намъ съ Запада; понятно, что и общественныя дѣла должны быть поставлены въ зависимость отъ людей, просвѣщенныхъ этимъ свѣтомъ. Когда вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, то объ участіи мнѣнія «земли» въ государственныхъ дѣлахъ не могло быть больше и рѣчи. Ради счастья всего общества необходимо было отдать управленіе государствомъ въ руки просвѣщенныхъ людей и устранить отъ него невѣждъ. Петръ Великій «положилъ конецъ вмѣшательству народа въ его собственныя дѣла» [2]) и, продолжая дѣло своихъ предшественниковъ, круто приступилъ къ реформамъ, укрѣпивъ на русской землѣ господство просвѣщенныхъ

[1]) Г. Латкинъ оспариваетъ мнѣніе о земскихъ соборахъ К. Аксакова, выразившагося о нихъ такъ: «правительству сила власти, землѣ — сила мнѣнія»; г. Латкинъ говоритъ: «мнѣніе, будто соборъ былъ чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ, какъ это думаютъ славянофилы, можно считать совершенно невѣрнымъ»... «Народное собраніе было существеннымъ элементомъ политическаго быта нашихъ предковъ и играло далеко не послѣднюю роль въ государственномъ управленіи». (В. Н. Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси. Стр. 284 и 7.).

[2]) Дм. Толстой. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи. Стр. 23

людей, т. е. чиновниковъ, прошедшихъ извѣстный курсъ наукъ. «Петръ, насадивъ въ Россіи западноевропейское полицейское государство (зародыши котораго, впрочемъ, уже существовали и въ Московской Руси), ускорилъ паденіе «совѣщательнаго элемента» и, такъ сказать, окончательно доканалъ его» [1]). Такъ народилось у насъ бюрократическое управленіе, противъ котораго возстаютъ и нынѣшніе западники [2]). Впрочемъ, западники нападаютъ обыкновенно не на самую суть

---

[1]) В. Н. Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси. Стр. 290.

[2]) Г. Блокъ въ книгѣ своей «Политическая литература въ Россіи и о Россіи» говоритъ (очевидно, находясь подъ вліяніемъ мнѣній Конст. Аксакова), что неоднократные историческіе опыты показали неспособность славянскихъ народностей къ образованію сильныхъ и прочныхъ государствъ. Это объясняется, по мнѣнію автора, отчасти уже присутствіемъ въ нихъ такихъ высшихъ духовныхъ инстинктовъ, которые имѣютъ мало общаго съ болѣе грубыми, чисто политическими «доблестями», всегда почти предполагающими нѣкоторое нравственное несовершенство. Въ богато одаренной натурѣ славянина слишкомъ много тонкой впечатлительности, широкой гуманности и умственной независимости; а для государственной жизни требуется и нѣчто совсѣмъ другое, часто несовмѣстимое съ только-что указанными свойствами. Вотъ почему, прибавляетъ авторъ, извѣстное финское «упрямство», татарская «безчеловѣчность» и нѣмецкая «выдержка» должны были играть немалую роль въ судьбѣ нашей могущественной имперіи. Они были нужны по крайней мѣрѣ какъ лигатура къ благородному металлу, изъ котораго иначе нельзя сдѣлать ничего прочнаго. Такимъ образомъ ни историческую, ни современную Россію нельзя считать чисто славянскимъ произведеніемъ.

Извѣстно, что подобный пріемъ защиты русской жизни употреблялся у насъ издавна и многими авторами; этотъ пріемъ давалъ возможность объяснить нѣкоторыя некрасивыя стороны нашей государственной жизни вліяніемъ чуждыхъ русской жизни элементовъ, внѣдрившихся въ нее такъ или иначе.

бюрократизма, которая состоитъ въ господствѣ немногихъ надъ многими, во имя науки и просвѣщенія, которыми будто-бы обладаютъ эти немногіе. Они вполнѣ признаютъ основу бюрократизма: право ученаго меньшинства насильно руководить невѣжественнымъ большинствомъ, и обыкновенно только доказываютъ, что современная бюрократія не настолько учена, какъ слѣдуетъ, и должна быть замѣнена другою болѣе ученою. Многіе напрасно думаютъ, что бюрократія и консерватизмъ—синонимы. На дѣлѣ бюрократизмъ можетъ быть не только консервативнымъ, но и либеральнымъ, радикальнымъ или даже соціалистическимъ. Соціалистъ, думающій насаждать соціалистическій общественный строй путемъ господства просвѣщенныхъ революціонеровъ-соціалистовъ надъ массой народа—ничего болѣе, какъ бюрократъ, только бюрократъ-соціалистъ. Онъ такъ-же презрительно относится къ народной мысли, какъ и бюрократъ-консерваторъ, и дѣлаетъ это во имя науки и знанія, подобно ему-же. По мнѣнію Дюринга, внѣшнее перенесеніе культуры несетъ съ собою весьма невыгодное явленіе, а именно, постоянную опеку, которая препятствуетъ естественному развитію народныхъ массъ. Между тѣмъ пока эти послѣднія не вошли самостоятельно въ культурную жизнь, народъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, еще не живетъ [1]).

И такъ, насколько западничество было необходимо для того, чтобы поставить нашу литературу на то ея высокое положеніе, въ которомъ она находится теперь, настолько-же оно было вредно для нашей общественной

---

[1]) Философія дѣйствительности. Изложеніе философской системы Дюринга. А. Козлова.

жизни, заразивъ нашу интеллигенцію язвою бюрократизма. Какъ извѣстно, И. С. Аксаковъ и М. Н. Катковъ позаимствовали многое у Де-Местра [1]). Западничество было главной причиной презрительнаго отношенія интеллигенціи къ народу, что всего ярче выясняется въ воззрѣніяхъ такого *симпатичнаго* западника, какъ Чаадаевъ: Россія погибнетъ, если просвѣщенная власть не съумѣетъ переродить исконныхъ свойствъ русскаго народа. Вредное вліяніе западничества на нашу общественную жизнь основывалось на томъ, что оно разрушало вѣру въ умственныя и нравственныя силы русскаго народа и, такимъ образомъ, переносило центръ тяжести русскаго прогресса въ интеллигенцію. Истинный же общественный прогрессъ бываетъ только тамъ, гдѣ общественное дѣло двигаетъ не одна интеллигенція, а весь народъ [2]).

Общественныя формы вполнѣ зависятъ отъ характера и умственныхъ свойствъ народа, и разъ нашъ народъ, по мнѣнію западниковъ, настолько дикъ и невѣ-

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1889 г. №№ 5 и 6. Жозефъ де-Местръ и его политическая доктрина. М—евъ.

[2]) Кстати не можемъ не напомнить, что А. Стронинъ предлагалъ «распредѣленіе начальствованія и управленія въ арміи по выборамъ, а не по назначенію», съ цѣлью «введенія взаимнаго довѣрія», — что необходимо усилитъ нашу армію. «Выборная іерархія въ войскѣ тѣмъ болѣе могла бы составить наше исключительное превосходство, что ее едва-ли когда-либо рѣшился бы осуществить нѣмецкій юнкертумъ и вообще рутинный милитаризмъ запада. Между тѣмъ, мы, наоборотъ, въ высшей степени предрасположены къ этой оригинальности, потому что это есть національная особенность наша, это — не что иное, какъ нашъ родной славянскій принципъ казачества, граничарства». (А. Стронинъ. Политика какъ наука. Стр. 485—486).

жественъ, что самъ не можетъ выработать сносной общественной жизни, то онъ, слѣдовательно, не можетъ ее и заимствовать. Нѣкоторые западники надѣются насадить культуру на дикой русской почвѣ насильно; но спрашивается, кому-же нужна будетъ эта культура, поддерживаемая палкой? Вѣдь всякая общественная форма нужна только для увеличенія счастья людей, а каково-же будетъ положеніе народа, который долженъ будетъ насильно подчиняться общественной формѣ, не соотвѣтствующей его характеру и уму, а, слѣдовательно, и желаніямъ? Такимъ образомъ, мы вправѣ сказать, что самобытное развитіе общественной жизни есть единственно согласное съ стремленіемъ къ дѣйствительному увеличенію счастья людей и что только способствованіе ему возможно для людей, не желающихъ прибѣгать къ насилію надъ народомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣра въ необходимость самобытнаго развитія подразумѣваетъ вѣру въ возможность самостоятельнаго развитія, а, слѣдовательно, и вѣру въ существованіе здороваго зародыша. Не все въ Россіи дурно, по мнѣнію самобытника; иначе онъ не могъ-бы вѣрить въ прогрессъ своего общества. Этотъ скромный оптимизмъ необходимъ для всякаго общественнаго дѣятеля, въ томъ числѣ и для соціолога. Многимъ ненавистна вѣра народниковъ въ русскій народъ, въ его нравственныя и умственныя силы, такъ какъ на ней основана ихъ вѣра въ самобытное развитіе, а это послѣднее загораживаетъ дорогу разнымъ либерально-буржуазнымъ затѣямъ, въ которыхъ мы не видимъ добра для народа и общества. Думаемъ, что наши воззрѣнія раздѣляетъ и лучшая часть русской интеллигенціи. Эта часть интеллигенціи на самомъ дѣлѣ является гораздо болѣе народнической, нежели это можно

думать, судя по органамъ печати, въ особенности по газетамъ. Вѣра въ силы своего народа настолько естественна, что только иноплеменными вліяніями и оторванностью отъ народа можно объяснить тотъ пессимизмъ, который господствуетъ у насъ по отношенію къ народной жизни.

Мы забываемъ «о существованіи у насъ, и при томъ у насъ однихъ, говоритъ А. Стронинъ, интеллигенціи простонародной, т. е. такой интеллигенціи, которая не только вышла изъ простого народа, но которая и остается въ немъ, и такой, которая принадлежитъ исключительно ему одному и никакому другому классу не принадлежитъ, о такой, которая не занесена къ нему свыше, а тамъ же, въ немъ самомъ. и возникла, о такой, которой принадлежитъ не только агитація или пропаганда, но и самое творчество, о такой, которая имѣетъ и своихъ новаторовъ-страдальцевъ, и своихъ пропагандистовъ, и своихъ подчасъ тріумфальныхъ агитаторовъ. Словомъ, мы говоримъ о нашемъ расколѣ». Расколъ, «вынесенный отъ начала до конца, отъ происхожденія и до сего дня, на плечахъ одной демократіи, онъ тѣмъ не менѣе не разъ и не два встрѣтился со многими произведеніями и аристократіи, и буржуазіи европейской. Уже это одно сравненіе внутреннее, сравненіе съ другими классами собственнаго нашего общества, дѣлаетъ нашъ расколъ явленіемъ необыкновеннымъ въ исторіи; сравненіе же его съ расколами западными еще поразительнѣе. Тамъ вождями и агитаторами расколовъ являлись или аристократъ и даже король, какъ Генрихъ VIII и архіепископъ Кронмеръ въ Англіи, Генрихъ IV и адмиралъ Колиньи во Франціи, или же буржуа и бюргеръ, какъ

профессоры Лютеръ и Меланхтонъ въ Германіи, Кальвинъ и Цвинглій въ Швейцаріи; у насъ же этими агитаторами и вождями были одни мужики и, много-много купцы»... «А между тѣмъ никакъ нельзя сказать, что тамъ люди просвѣщенные додумались до болѣе высокихъ вѣрованій, чѣмъ вѣрованія нашихъ неучей, какъ доказываютъ это секты, совершенно равнозначительныя лютеранской (молокане) и въ особенности секта, равнозначительная самой философіи, не только религіи, протестантизма,—духоборцы. Все это свидѣтельствуетъ о такой высокой энергіи мысли, о такихъ счастливыхъ прирожденныхъ дарахъ здраваго смысла въ нашемъ народѣ, что нисколько неудивительно, если онъ обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ иностранныхъ путешественниковъ по Россіи»... «На западѣ мы видимъ борьбу съ властью то аристократіи, то буржуазіи, у насъ же мы не видали никогда ни того, ни другого, ни даже во времена боярства и мѣстничества, а разинщину, булавинщину, пугачевщину, гайдамачину видали. На западѣ, наконецъ, всѣ главнѣйшія политическія движенія принадлежали или аристократіи, какъ рыцарство и крестовые походы, или буржуазіи, какъ реформаціи и революціи; у насъ же и роль рыцарства съ его крестовыми походами исполнило только мужичье, казачество и его борьба съ невѣрными, и роль реформацій и революцій исполнилъ только все тотъ же крѣпостной раскольникъ и бунтовщикъ» [1]).

Если мы отстали отъ Запада въ наукѣ, искусствѣ, техникѣ, то это еще не доказываетъ, что мы отстали отъ него и въ общественной жизни. «Усиленное иска-

[1]) А. Стронинъ. Политика какъ наука. Стр. 345—348.

ніе правды въ жизни, стремленіе согласовать поступки съ основными теоретическими принципами, по словамъ И. И. Мечникова, составляетъ, какъ уже давно было замѣчено, одну изъ характернѣйшихъ чертъ русскаго духа. На низшихъ ступеняхъ она выражается въ своеобразномъ отношеніи къ религіозному ученію, особенно въ столь разнообразномъ и распространенномъ сектантствѣ; на высшихъ стадіяхъ она проявляется въ видѣ философскихъ ученій, носящихъ явно практическій характеръ» [1]). Въ основѣ нашей народной жизни лежатъ община и артель, а это такія формы общественной жизни, которымъ позавидуетъ Западъ. «Артели, говоритъ г. Петри, получили свое наиболѣе широкое распространеніе и наиболѣе глубокое жизненное значеніе среди русскихъ племенъ» [2]). Хотя многіе и не могутъ взять въ толкъ, какъ это народъ, отставшій въ наукѣ, искусствѣ, техникѣ и т. п., въ то-же время можетъ оказаться передовымъ въ общественности, но это— фактъ и съ нимъ необходимо считаться.

Посмотримъ, напримѣръ, что дѣлается, хотя бы, въ сильно развитыхъ политически Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ: «Американцы, говоритъ Макъ-Гаханъ, истребившіе почти всѣхъ краснокожихъ, почти единогласно вторятъ заявленію американскихъ офицеровъ, которымъ приходилось выдерживать вооруженныя стычки съ индѣйцами, что «хорошимъ индѣйцемъ можетъ быть только мертвый индѣецъ»... Когда, съ годъ тому назадъ, дочь одного вашингтонскаго чинов-

---

[1]) И. И. Мечниковъ. Законъ жизни. Стр. 228 («Вѣстникъ Европы» 1891 г.).

[2]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 346.

ника вышла замужъ на западѣ за индѣйца, въ Вашингтонѣ и другихъ городахъ Востока это событіе возбудило въ обществѣ серьезное негодованіе и сдѣлало положеніе семьи дѣвушки невыносимымъ»... «Законный бракъ между бѣлыми и неграми или мулатами составляетъ въ большинствѣ Штатовъ уголовное преступленіе, да и общественное мнѣніе такъ сильно возстаетъ противъ смѣшанныхъ браковъ, что даже въ штатахъ, гдѣ такіе браки по закону допускаются, чернокожаго «молодого» нерѣдко уволакиваютъ въ лѣсъ, раздѣваютъ донага, обмазываютъ смолой, катаютъ въ перьяхъ, затѣмъ прогоняютъ на всѣ четыре стороны. А въ Южныхъ Штатахъ негра, женившагося на бѣлой, иногда просто вѣшаютъ на первомъ попавшемся деревѣ—по суду Линча». Кромѣ того, «во многихъ мѣстностяхъ негры просто не смѣютъ являться къ мѣстамъ подачи голосовъ—изъ страха быть застрѣленными какъ бѣшенныя собаки» [1]).

Встрѣчаемъ-ли мы что-нибудь подобное въ Россіи по отношенію къ нашимъ инородцамъ? Оказывается, что мы не такіе скверные властители, какъ американцы. Многіе склонны думать, что мы не нехотимъ властвовать, а не умѣемъ по природному холопству; въ дѣйствительности же, въ нашемъ русскомъ обществѣ меньше внутренняго, а не наружнаго холопства, нежели, напримѣръ, у англичанъ. По словамъ француза Макса Ореля: «Англичане преклоняются только передъ громкимъ титуломъ и богатствомъ. Въ Лондонѣ фотографіи лордовъ продаются въ магазинахъ, какъ у насъ

[1]) В. Макъ-Гаханъ. Письма изъ Америки. Стр. 141 («Сѣв. Вѣстн.» 1890 г., № 11).

карточки знаменитостей» [1]). Истинный холопъ является холопомъ «не токмо за страхъ, но и за совѣсть»—и таковымъ оказывается англійское общество, чуть не до послѣдняго времени; у насъ же чувство холопства передъ нашей аристократіей является только «токмо за страхъ» и никогда—за совѣсть. Наши крѣпостники совершенно напрасно распространялись съ умиленіемъ о холопствѣ своихъ дворовыхъ крѣпостныхъ—никто имъ не вѣрилъ, потому что у всѣхъ на глазахъ были опровергающіе это факты.

Наклонность къ холопству обыкновенно сопровождается чувствомъ жестокости и мы видимъ, что, дѣйствительно, въ Англіи «еще недавно люди низшаго сословія находили особенное удовольствіе въ обдираніи шкуры съ живыхъ кошекъ» [2]). Какъ извѣстно изъ многихъ свидѣтельствъ, подтверждаемыхъ и М. Орелемъ: «Въ Лондонѣ существуютъ обширные кварталы, по которымъ не безопасно ходить даже въ полдень безъ провожатаго изъ полицейскихъ». Кромѣ того, «англійскія газеты переполнены описаніемъ самыхъ возмутительныхъ случаевъ жестокаго о б р а щ е н і я мужей съ женами». [3]). Правда, что и у насъ ненавистники народа стараются распространить мнѣніе о жестокомъ обращеніи крестьянъ съ женами. Не отрицая отдѣльныхъ фактовъ такого обращенія, являющихся и въ глазахъ крестьянъ преступленіемъ,—мы утверждаемъ, что вообще отношеніе русскаго крестьянина къ женѣ болѣе

---

[1]) Максъ Орель. Джонъ Буллъ и его островъ. Современные нравы и жизнь англичанъ. Перев. съ французскаго. Стр. 70.

[2]) Тамъ же. Стр. 113.

[3]) Тамъ же. Стр. 151 и 104.

человѣчны, нежели у другихъ народовъ. Это подтверждается и тѣмъ, что имущественныя права женщинъ были признаваемы у насъ искони, въ то время какъ Европа начинаетъ о нихъ думать только теперь. Впрочемъ, у насъ есть и прямыя свидѣтельства о лживомъ раздуваніи отдѣльныхъ фактовъ жестокаго обращенія нашихъ крестьянъ съ женами; такъ, напримѣръ, профессоръ Петри говоритъ, что у современныхъ малороссовъ «жена-совѣтница, вѣрный другъ, помощница; въ домѣ она полная хозяйка: всѣми предметами домашняго хозяйства она распоряжается по своему усмотрѣнію, тогда какъ мужъ не вправѣ вмѣшиваться» [1]).

Много лжи распространяется у насъ и про пьянство народа Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ порокъ сильно распространенъ въ народѣ, но интеллигенціи во всякомъ случаѣ не подобало бы упрекать народъ въ этомъ порокѣ, такъ какъ это значитъ замѣчать спицу въ чужомъ глазу и не видѣть бревна въ своемъ. Пьянство русское, впрочемъ, блекнетъ при сравненіи съ пьянствомъ англійскимъ. М. Орель говоритъ: «Пьянство на лондонскихъ улицахъ не поддается никакому описанію Въ субботній вечеръ наступаетъ всеобщій шабашъ. Женщины напиваются почти такъ же, какъ и мужчины. Въ Шотландіи онѣ не уступаютъ въ этомъ отношеніи мужчинамъ, а въ Ирландіи даже превосходятъ ихъ. Эти свѣдѣнія, прибавляетъ М. Орель, почерпнуты мною изъ оффиціальнаго доклада англійскому правительству въ 1877 году» [2]).

---

[1]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 459.

[2]) Максъ Орель. Джонъ Буль и его островъ. Современные нравы и жизнь англичанъ. Стр. 81.

Сколько злороднаго гоготанья раздавалось, къ сожалѣнью, въ нашей литературѣ по поводу «Подлиповцевъ» Рѣшетникова. Наша интеллигенція совершенно не замѣтила, что Рѣшетниковъ описываетъ не русскихъ людей, а кое-какъ обрусѣвшихъ инородцевъ Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи,—до сихъ поръ вѣрующихъ, что солнце. луна, молнія, дождь—боги. Если они и крещены православными, то только для вида; въ дѣйствительности же иконы у нихъ лежатъ подъ лавками и вынимаются оттуда только при появленіи интеллигенціи,—въ образѣ священника. Утверждать, что весь русскій народъ похожъ на «подлиповцевъ», значитъ клеветать на этотъ народъ, несомнѣнно далеко ушедшій отъ этихъ подлиповцевъ и по культурѣ, и по умственному и нравственному развитію. Разумѣется, нельзя отрицать, что масса предразсудковъ заполонила умы нашихъ крестьянъ; но необходимо сравнить ее въ этомъ отношеніи съ массою крестьянъ западной Европы и тогда мы увидимъ, что тамъ этихъ предразсудковъ ни сколько не меньше. Здѣсь мы только укажемъ на два, три факта, подтверждающіе нашу мысль. «Въ Германіи, говоритъ проф. Петри, принимается цѣлый рядъ мѣръ противъ возвращенія мертвеца, такъ его выносятъ не изъ двери, а изъ оконъ, съ нимъ всячески колесятъ, прежде чѣмъ прійти на кладбище, чтобы сбить его съ пути; наконецъ, на дорогѣ разливаютъ воду, черезъ которую душа не въ состояніи переправиться безъ посторонней помощи; при похоронахъ не оглядываются»... «Въ извѣстныхъ частяхъ Германіи на покойниковъ надѣваютъ адскіе сапоги; имъ даютъ свѣчку съ собою, а иногда даже зонтикъ и галоши; въ Швейцаріи покойнику кладутъ въ гробъ

иголку и нитку, на тотъ случай, что ему придется починиться, прежде чѣмъ предстать предъ Богомъ» [1]).

Въ Италіи, а именно, «въ Болоньи и по сей день тщательно сжигаются вычесанные волосы, такъ какъ при помощи ихъ легче всего колдовать» [2]). «Въ Парижѣ въ день Всѣхъ Святыхъ на кладбище Père Lachaise кладутъ пирожки на могилы» [3]).

Чѣмъ же спрашивается объяснить то упорство въ идеализаціи Запада, какое мы видимъ у нашихъ западниковъ? Мы раньше уже указывали на основную причину: сравненіе нашей дѣйствительности не съ дѣйствительной жизнью Запада, а съ тѣмъ, что мы находили въ его литературѣ и наукѣ, т. е. въ ея казовыхъ сторонахъ. Впрочемъ, болѣе умные и знающіе изъ западниковъ идеализировали Западъ, имѣя въ виду попрекать русскую жизнь въ разнаго рода недостаткахъ. Нѣкоторые изъ нихъ объясняли это Герцену, въ то время, когда онъ разочарованный Европой, сталъ это выражать въ своемъ журналѣ. «Наши начальники литературныхъ отдѣленій», какъ ихъ называлъ Герценъ, заявили: «Европа намъ нужна какъ идеалъ, какъ упрекъ, какъ благой примѣръ; если она не такая, ее надобно выдумать» [4]).

Вврочемъ, не обошлось тутъ и безъ вліянія теорій о единствѣ культуры для всего человѣчества. Фактическое разнообразіе культуръ, всетаки бросавшееся въ глаза, объяснялось степенью развитія этой единой

---

[1]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 501 и 503.

[2]) Тамъ же. Стр. 514.

[3]) Тамъ же. Стр. 499.

[4]) А. П. М—скаго. Герценъ и его корреспонденты („Рус. Вѣс.“ 1889 г. № 4).

культуры, предписанной кѣмъ-то человѣчеству. И такъ какъ блескъ западной культуры, благодаря малому знакомству съ нею, сильно поражалъ умы русскихъ интеллигентныхъ людей, то ея мнимыя преимущества и старались объяснить высшею степенью развитія, такъ что намъ оставалось только скорѣе догонять Западъ, слѣдуя по той же дорогѣ развитія. Другой дороги не признавали, ибо культура всего человѣчества—едина и разнообразиться только степенью своего развитія, а отнюдь не типами, имѣющими каждый свой путь развитія. Объ этомъ предметѣ мы уже говорили въ главѣ «Національнизмъ, его приверженцы и враги», а потому и считаемъ возможнымъ ограничиться сказаннымъ.

ГЛАВА VI.

Національные вопросы Россіи, включая и еврейскій.

Въ первой части этого труда мы писали, что «основное положеніе національзма заключается въ томъ, что всякая народность имѣетъ свои особенности и національныя черты, а потому ея жизнь и развитіе идутъ самобытнымъ путемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ національзмъ утверждаетъ, что всякая народность имѣетъ п р а в о на существованіе и развитіе. Общечеловѣческая солидарность достигается, по мнѣнію истинныхъ націоналистовъ, не нивеллировкой націй, не обезличеніемъ ихъ, а наоборотъ—полнымъ развитіемъ ихъ особенностей. Чѣмъ разнообразнѣе будутъ народности, входящія въ составъ человѣчества, тѣмъ жизнь этого человѣческаго цѣлаго будетъ полнѣе и ярче во всѣхъ отношеніяхъ, подобно тому, какъ и въ отдѣльной народности солидарность достигается не нивеллировкой личностей, а наоборотъ—полнымъ развитіемъ всѣхъ личныхъ особенностей.

Наши ретрограды стараются подмѣнить принципъ національзма, признающій равенство націй, своимъ ретроградным пониманіемъ его, при которомъ оказывается, что наша національность имѣетъ право и чуть-ли не обязана относиться къ другимъ самымъ хищниче-

скимъ образомъ. Такое пониманіе національнализма, конечно, нелѣпо и узко. На самомъ дѣлѣ, національнизмъ стремится только оградить права націй на самобытное развитіе и существованіе, а не разнуздать эгоистическія ихъ побужденія: наряду съ естественными національными эгоистическими стремленіями, онъ необходимо предполагаетъ и національный альтруизмъ. Руководствуясь національнымъ эгоизмомъ, нація защищаетъ свои права отъ всякаго рода нарушеній; подъ вліяніемъ-же національнаго альтруизма, она не нарушаетъ правъ другихъ. Эгоистическій національнизмъ, проповѣдуемый нашими ретроградами, способенъ внести въ нашу и европейскую жизнь только сѣмена раздора и разложенія. Подобно тому, какъ отдѣльныя личности не могутъ руководствоваться только эгоистическими наклонностямм, а вносятъ въ свои отношенія къ другимъ альтруистическіе принципы,—такъ и націи не должны и не могутъ руководствоваться только національнымъ эгоизмомъ, а должны вносить въ свои отношенія альтруистическіе принципы. Истинный національнизмъ требуетъ уваженія правъ другихъ націй, а не попранія ихъ во имя своихъ хищническихъ поползновеній. Проповѣдники эгоистическаго національнизма были главными виновниками того отвращенія, которое замѣчается у многихъ по отношенію къ идеѣ о самобытности нашего общественнаго развитія.

Какъ проповѣдь личной независимости и необходимости самобытнаго развитія для всякаго индивидуума человѣческаго рода не подразумѣваетъ подъ этимъ развитіе хищническихъ инстинктовъ личности, такъ и проповѣдь національной независимости и самобытности отнюдь не должна стремиться къ поощренію хищниче-

скихъ инстинктовъ націи. Основывать отношенія націй на эгоистическихъ началахъ—это значитъ, въ концѣ концовъ, вредить имъ. Этой-то истины и не могутъ понять проповѣдники эгоистическаго національнзма».

Посмотримъ-же теперь, въ какой мѣрѣ практически-возможно примѣнить эти принципы къ современной жизни разныхъ національностей въ Россіи.

Политическое тѣло Россіи, какъ извѣстно, состоитъ изъ многихъ этнографическихъ элементовъ. Правда, большинство народовъ, входящихъ въ ея составъ, — сравнительно съ цементирующимъ великорусскимъ племенемъ,—малочисленно, но есть и крупные этнографическіе элементы: финны. поляки, малоруссы, бѣлоруссы, татары, литовцы, грузины, армяне и т. д. Поэтому нельзя не признать, что въ числѣ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики находится и вопросъ объ отношеніи господствующаго племени къ остальнымъ, какъ самостоятельнымъ этнографическимъ особямъ.

До сихъ поръ этотъ вопросъ, въ большинствѣ случаевъ, ставится у насъ на совершенно ложную почву. Благодаря тому, что поляки, напримѣръ, стремились поддержать, наряду съ своей этнографической самостоятельностью, и политическую независимость,—многіе стали смѣшивать этнографическій сепаратизмъ съ политическимъ и преслѣдовать первый, во имя страха передъ послѣднимъ. Но подобное смѣшеніе ни на чемъ не основано и можетъ вредно отразиться на интересахъ политическаго тѣла, фактически состоящаго изъ разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ. Думать, что политическое единеніе должно быть основано на этнографическомъ

сліяніи, это значитъ увлекаться политическимъ романтизмомъ, недостижимой утопіей, во вредъ насущнымъ, современнымъ потребностямъ государства. «Государство и національность никогда не были тождественны» [1]). Исторія фактически доказала живучесть племенныхъ особенностей, неподдающихся даже умѣлымъ усиліямъ къ ихъ сглаживанью: на нашихъ глазахъ возникла волна національнаго движенія, захватившая сначала романскіе и германскіе народы, а затѣмъ перешедшая и на славянъ. У насъ нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что эта волна не перейдетъ и на финскія племена, разсѣяныя по всей сѣверной Россіи. Такъ, напримѣръ, уже въ самомъ началѣ нашего столѣтія среди мордвы появился «пророкъ» Кузьма, проповѣдывавшій, между прочимъ: «И тутъ весь свѣтъ приметъ мордовскій законъ, и будутъ всѣ ходить въ мордовскомъ платьѣ» [2]). Что-же должно предпринять при такихъ обстоятельствахъ наше господствующее племя?

Прежде всего необходимо рѣшить: можемъ-ли мы надѣяться на этнографическое объединеніе всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ русскаго государства? Быть можетъ, многіе скажутъ, что эта задача—не невозможна, такъ какъ мы видимъ подобные факты въ исторіи, напримѣръ, германскаго племени: многіе славянскія племена окончательно германизированы и во-

---

[1]) К. Францъ. Физіологія государства, какъ основаніе политич. наукъ. Стр. 125 (Историко-полит. и юридич. сборникъ. Изд. Н. И Ламанскаго. 1870 г. Т. Ш).

[2]) В. И. Снѣжневскій. Кузьма, пророкъ мордвы-терюханъ. („Истор. Вѣс." 1892 г № 10, стр. 138).

шли въ составъ нѣмецкаго племени. Но, надо принять во вниманіе, что эта германизація происходила въ варварскія времена крѣпостного и феодальнаго безправія, когда люди были довольны и тѣмъ, что сохраняли свое жалкое существованіе. Они тогда не могли и мечтать о такой роскоши, какъ сохраненіе этнографическихъ особенностей; оттого-то мы видимъ, что въ тѣ времена этнографическая особь сохраняла свою неприкосновенность лишь тогда, когда обладала политической независимостью. Политически подчиненные, болѣе или менѣе, ассимилировались съ господствующимъ племенемъ, хотя многіе изъ нихъ все-таки сохраняли свои этнографическія особенности, въ лицѣ нижнихъ слоевъ націи. Когда для народовъ наступили лучшія времена, всѣ они вспомнили свою племенную обособленность и стали защищать ее съ такимъ жаромъ, какого никакъ не ожидали, такъ называемые, космополиты И вотъ на нашихъ глазахъ происходятъ безпорядки въ Венгріи изъ-за того, на какомъ языкѣ написаны вывѣски на общественныхъ зданіяхъ: хорваты потребовали, чтобы въ ихъ странѣ употреблялся хорватскій языкъ, а не языкъ господствующаго племени—венгровъ. Венгерцы тоже, какъ извѣстно, не мало употребляли усилій для обособленія себя отъ нѣмцевъ. Галиційскіе русины борятся съ поляками, поляки съ нѣмцами и т. д. и т. д.

Всѣ эти факты доказываютъ, что народы весьма дорожатъ сохраненіемъ своей этнографической независимости и что было-бы неблагоразумно идти противъ этихъ стремленій, тѣмъ болѣе, что это бываетъ только вредно для политической связи народовъ. Нельзя не замѣтить того распространеннаго факта, что тамъ, гдѣ

стараются задавливать этнографическія особенности племени, тамъ, тѣмъ самымъ, вызываютъ въ народѣ стремленіе къ политической независимости, посредствомъ которой онъ старается обезпечить свою этнографическую обособленность. И наоборотъ, тамъ, гдѣ никто не стремится нарушить этнографическо-общественныхъ правъ племени, оно легко мирится на политической связи съ чужимъ племенемъ; въ особенности, если ихъ общія политическія формы болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ ихъ нуждамъ. Прекраснымъ примѣромъ этого послѣдняго явленія можетъ быть отношеніе Эльзаса и Лотарингіи къ Франціи; будучи на дѣлѣ нѣмецкими землями, онѣ не желаютъ принадлежать къ Германской имперіи, а всею душою стремятся къ французскому государству. Происходитъ это оттого, что Франція не стремилась насильно офранцузить нѣмцевъ этихъ земель, а потому и не трогала ихъ этнографическихъ особенностей: національные инстинкты, будучи удовлетворены этнографическо-общественной независимостью, отнюдь не побуждали нѣмцевъ стремиться къ порванію политической связи, и эльзасцы съ лотарингцами могли вполнѣ безпристрастно оцѣнить преимущества французскаго политическаго строя.

Такимъ образомъ, поведеніе французскаго народа, щадившаго племенныя особенности нѣмцевъ и не стремившагося обосновать политическій союзъ съ ними на этнографической ассимиляціи, въ концѣ-концовъ, оказалось болѣе политически мудрымъ, нежели поведеніе нѣмцевъ—напримѣръ, относительно поляковъ, которыхъ они своимъ стремленіемъ къ онѣмеченію бросаютъ

даже въ наши, столь когда-то ненавистныя для поляковъ, объятія.

Генри Мэнъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ теорію національнзма: «она признаетъ, что люди какой-либо расы терпятъ несправедливость, если они живутъ подъ властью однихъ и тѣхъ-же политическихъ учрежденій съ какой-либо другой расой» [1]). Нельзя не признать, что эта характеристика вполнѣ односторонняя и написана, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ исторіи ирландскаго національнзма. Привязанность Лотарингіи и Эльзаса къ Франціи, существованіе Швейцаріи, какъ одного политическаго цѣлаго, несмотря на то, что она состоитъ изъ трехъ равноправныхъ національностей,—опровергаютъ мысль Мэна о непреложной связи этнографическо-общественнаго обособленія съ политическимъ сепаратизмомъ.

Намъ кажется, мы вправѣ сказать, что русскій народъ въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ племенамъ, вошедшимъ въ составъ его политическаго тѣла, способенъ отнестись также безпристрастно и справедливо (къ ихъ этнографическимъ требованіямъ), какъ и французы. Русскій народъ вообще неспособенъ къ національному хищничеству и никогда сознательно не стремился обрусить чужое племя. «Напрасно нѣкоторые думаютъ, говоритъ Стронинъ, что мы не руссифицируемъ потому только, что мы ниже нашихъ побѣжденныхъ: это можно еще доказывать на счетъ финляндіи, на счетъ Остзейскаго края, но никакъ не на счетъ татаръ, калмыковъ, зырянъ, самоѣдовъ и всѣхъ ино-

[1]) Генри Мэнъ. Опыты о народномъ правительствѣ. Стр. 30. Изд «Русс. Богатства» 1891.

родцевъ Сибири»... «Никому изъ побѣжденныхъ не мѣшаетъ Россія оставаться собой, не смотря на соединеніе съ нею, а потому всѣ они и остаются при ней безповоротно. Это методъ чисто римскій, а потому онъ и знаменуетъ въ Россіи ту націю, которая едва ли не болѣе всѣхъ европейскимъ способна къ завоевательной роли и къ европейскому объединенію. Недавно вспыхнувшее притязаніе руссифицировать поляковъ, во-первыхъ, также быстро и погасаетъ, какъ вспыхнуло, а во-вторыхъ, обратилось къ своей цѣли съ такой неловкостью и такой неумѣлостью, что обнаружило только запоздалость и торопливость плана, а не разсчетливость, обдуманность и систематичность его. Да и Боже насъ сохрани отъ этого умѣнья! Безъ него мы не только живемъ сами, но даемъ жить и другимъ; между тѣмъ какъ съ нимъ Австрія не только другимъ не даетъ жить, но и сама живетъ плохо» [1]). Съ нами же такъ легко уживаются самыя разнообразныя племена.

По мнѣнію англичанина Мэкензи Уолляса, нѣтъ въ свѣтѣ человѣка болѣе добродушнаго и миролюбиваго, какъ русскій крестьянинъ. Это миролюбіе имѣло громадное вліяніе на всю исторію Россіи. Такъ, говоря о русской колонизаціи между Чудью, Уолляс утверждтетъ, что отсутствіе религіознаго фанатизма очень облегчило русскую колонизацію въ сѣверной полосѣ, и въ особенности ему способствовало миролюбивое настроеніе русскаго крестьянина. Русскій крестьянинъ, говоритъ нашъ авторъ, точно созданъ для мирной земледѣльческой колонизаціи. Среди нецивилизованныхъ племенъ онъ добродушенъ, выносливъ, миролюбивъ, способенъ терпѣть

[1]) А. Стронинъ. Политика какъ науки. Стр. 381.

крайній недостатокъ и отлично умѣетъ приноравливаться къ обстоятельствамъ. У него въ характерѣ вовсе нѣтъ высокомѣрнаго сознанія личнаго и національнаго превосходства и непреодолимаго стремленія къ господству, которое часто превращаетъ преклоняющихся передъ закономъ, свободолюбивыхъ британцевъ въ жестокихъ тирановъ, когда они приходятъ въ соприкосновеніе съ болѣе слабой расой. У него нѣтъ желанія управлять, и онъ вовсе не хочетъ обратить туземцевъ въ дровосѣковъ и водовозовъ. Онъ желаетъ только получить нѣсколько десятинъ земли, которыя онъ могъ-бы самъ обработывать; и пока онъ можетъ спокойно работать, онъ не станетъ тревожить своихъ сосѣдей. Будь поселена на финской землѣ англо-саксонская раса, она вѣроятно, уже завладѣла-бы землею и обратила-бы туземцевъ въ земледѣльческихъ рабочихъ. Русскіе поселенцы удовлетворились самымъ скромнымъ и самымъ безобиднымъ образомъ дѣйствій; они мирно поселились между туземнымъ населеніемъ и очень быстро слились съ нимъ [1]).

Національное хищничество, слѣдовательно, не въ нравахъ нашего народа. «Русскій народъ въ своихъ сношеніяхъ съ иноземцами отличается рѣдкимъ добродушіемъ и терпимостью», говоритъ профес. Петри. [2]). Только недавно, въ видѣ возмездія за возстаніе, многими интеллигентными русскими людьми проповѣдывалось обрусеніе поляковъ, но и эта вспышка быстро прошла, не оставивъ слѣдовъ.

Одинъ изъ представителей современнаго славяно-

---

[1]) Мэкензи Уоллэсъ. Россія. Т. I.

[2]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 145.

фильства, г. Аѳ Васильевъ, утверждаетъ, что «идеалъ славянофильства—это полная и всесторонняя свобода и искреннее братство всѣхъ славянскихъ народовъ: свобода политическая, экономическая и нравственная и братство такое, при которомъ каждый славянинъ на всемъ широкомъ пространствѣ Славянской земли сознавалъ бы, что онъ дома, въ своей родной семьѣ, былъ свободенъ и полноправенъ»... «Будущая организація Славянскаго міра должна отвѣчать двумъ цѣлямъ: внутренней самостоятельности отдѣльныхъ его частей и единству ихъ дѣйствія въ отношеніи внѣшняго. неславянскаго міра»... «Высшая цѣль славянофильскихъ чаяній и стремленій—духовное единство славянскихъ народовъ, по мнѣнію славянофильства не можетъ быть достигнуто какими либо искусственными мѣрами, вродѣ напр. навязыванія всѣмъ одной вѣры, одного языка и т. п., но можетъ и непремѣнно будетъ осуществляться постепенно по мѣрѣ и какъ естественный плодъ осуществленія двухъ первыхъ цѣлей и духовнаго возмужанія отдѣльныхъ частей Славянства» [1]).

Редакторъ «Варшавскаго дневника», оффиціальнаго органа русскаго правительства, заявилъ въ 1892 году о слѣдующей «редакціонной точкѣ зрѣнія» по польскому вопросу: «процвѣтаніе подъ крѣпкою сѣнію русской государственной власти и въ нравственномъ единеніи съ великимъ русскимъ народомъ, что, по моему глубокому убѣжденію, ни мало не препятствуетъ этому краю нетолько сохранять свои рели-

[1]) Аѳ. Васильевъ. Задачи и стремленія славянофильства. («Благовѣстъ» 1890 г. №№ 4 и 5).

гіозныя, національныя, этнографическія и культурныя особенности, но и преслѣдовать ихъ дальнѣйшее развитіе на общее благо».

Впрочемъ, надо замѣтить, что нѣкоторые изъ насъ, плохо зная распространеніе русскаго племени, принимаютъ мѣры, направленныя на разполяченіе западнаго края, за обрусеніе его; поляки этого края, продолжая считать его, безъ всякаго основанія, польскимъ, тоже говорятъ о стремленіяхъ къ руссификаціи. На самомъ-же дѣлѣ, западныя губерніи населены въ сѣверной части своей бѣлоруссами и литовцами, въ южной-же—малоруссами. Только высшій классъ этихъ губерній состоитъ изъ поляковъ и на этомъ основаніи тѣ, которые ставятъ народъ ни во что, считаютъ ихъ польскими. Слѣдовательно, мѣры, направленныя на разполяченіе этого края, должны носить характеръ самозащиты отъ остатковъ польскаго господства, а не нападенія на чужую національность.

Принимая во вниманіе отсутствіе въ характерѣ русскаго народа хищническихъ поползновеній къ этнографическому поглощенію другихъ національностей, а также и тотъ фактъ, что нашъ историческій періодъ можно назвать временемъ возрожденія національностей,—мы должны прійдти къ тому заключенію, что въ настоящее время немыслимо стремиться къ этнографическому объединенію. Подобное стремленіе не только не усилило-бы политическую связь, а, напротивъ, было-бы способно породить разъединеніе, быть можетъ невыгодное для обѣихъ сторонъ. Примѣръ отношенія Франціи къ Эльзасу и Лотарингіи долженъ быть каждую минуту передъ глазами нашихъ правящихъ классовъ. Удовлетвореніе

этнографическихъ стремленій къ обособленію можетъ только способствовать усиленію политическихъ связей; задавливаніе-же ихъ способно внушить націи мысль о необходимости добиться политической независимости, съ цѣлью удовлетворить этнографическимъ стремленіямъ. Съ этой точки зрѣнія, мы посмотримъ, каковы должны быть наши отношенія къ финнамъ, остзейцамъ, полякамъ, малороссамъ и евреямъ.

Присматриваясь къ нашимъ отношеніямъ съ Финляндіею, Прибалтійскимъ краемъ и Польшей, мы замѣчаемъ, что роковая задача Россіи, по отношенію къ этимъ окраинамъ, состоитъ въ поддержаніи ихъ національно-народнаго элемента. Такъ, въ Финляндіи, во имя собственныхъ политическихъ интересовъ, мы должны поддерживать такъ называемую финноманскую партію. Дѣло въ томъ, что Финляндія, не смотря на то, что населена финнами, была нѣкогда составною частью Швеціи, а потому и ея высшій классъ состоитъ изъ шведовъ. Въ настоящее время, благодаря національному финскому движенію, въ ней образовалась партія финномановъ, утверждающая, что Финляндія должна быть финской землей. Понятно, что высшему классу это не особенно нравится, такъ какъ онъ состоитъ изъ шведовъ и ошведившихся финновъ. Но, съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ Россіи, будетъ гораздо лучше, если Финляндія освободится отъ вліянія сосѣдней намъ державы, которая очень долго и много вредила нашимъ политическимъ интересамъ. Пока финляндцы носили на себѣ шведскій характеръ культуры, до тѣхъ поръ они считались частью шведскаго общества, насильно оторванною отъ шведскаго государства. Теперь-же, когда національное самосознаніе финновъ проснулось и они стали заявлять, вполнѣ

справедливо, свои права на самостоятельное національное развитіе и указывать на свое нежеланіе обратить землю, населенную финнами, въ часть шведской земли,— уже немыслимо считать Финляндію частью Швеціи, которая удерживается Россіей только силою. Такимъ образомъ, національное, демократическое движеніе въ Финляндіи было только на руку нашей политической связи съ нею и наши правящіе классы не должны забывать этого. Національная самостоятельность этой страны для насъ гораздо безопаснѣе, нежели тотъ порядокъ вещей, который господствовалъ до національнаго финноманскаго движенія. Высшіе классы Финляндіи, принадлежа къ шведоманской партіи, были-бы не прочь скомпрометировать въ глазахъ нашего правительства національное финноманское движеніе; тутъ мы видимъ тѣ-же интриги, какія употребляютъ нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ, выставляя латышей, эстовъ, куровъ и ливовъ врагами общественнаго порядка вообще и Россіи въ частности. Къ сожалѣнію, вліяніе этихъ шведоманскихъ интригъ сказывается и на нашихъ газетахъ, по невѣдѣнію поддерживающихъ шведоманскую партію. распространеніемъ опасеній на счетъ финноманскаго движенія, будто-бы угрожающаго чуть-ли не существованію Россіи. Какой-то русскій, находясь, очевидно, подъ вліяніемъ шведоманскихъ интригъ, писалъ въ 1883 году въ «Новомъ Времени»: «Финскіе ученые получаютъ субсидіи отъ финляндской казны и ѣздятъ въ Эстонію, Ингерманландію, Карелію, къ зырянамъ, вогуличамъ, черемисамъ и мордвѣ и, пріѣзжая оттуда, говорятъ, что наши финны—тверды и черезъ 1000 лѣтъ не потеряли своихъ обычаевъ и языка, Они, изучая ихъ языкъ, учатъ ихъ финскому (?), вывѣдываютъ, выспрашиваютъ, раздаютъ имъ лютеранскія евангелія,

псалмы, книжки, совѣтуютъ крѣпко держаться великой финской многомилліонной націи, которая заступитъ мѣсто Россіи и выходитъ на историческое поприще». Желаніе скомпрометировать финноманское движеніе въ глазахъ нашего общества является очевидной цѣлью этихъ словъ; это, какъ мы уже говорили, было-бы выгодно шведской партіи въ Финляндіи, но нашимъ русскимъ газетамъ надо было быть осмотрительнѣе въ этихъ вопросахъ, а не загребать жаръ въ пользу шведовъ. Намъ нечего опасаться какого-то призрака могучаго финскаго государства, когда мы знаемъ, что финскія племена разсѣяны довольно малочисленными группами среди русскаго населенія [1]). Этнографическая-же обособленность этихъ

---

[1]) Съ цѣлью утѣшить проповѣдниковъ національнаго хищничества, мы напомнимъ слѣдующій фактъ.

По мнѣнію тамбовскихъ статистиковъ, приростъ крестьянскаго населенія Темниковскаго уѣзда совершается съ неодинаковою быстротою нетолько по группамъ этого населенія съ различною среднею величиною земельнаго надѣла, но еще и по отдѣльнымъ народностямъ крестьянъ уѣзда. Всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне уѣзда исключительно русскіе, а бывшіе государственные крестьяне состоятъ изъ мордвы, русскихъ и татаръ. Сравнивая приростъ населенія по тремъ народностямъ, мы получимъ слѣдующія цифры: у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, принадлежащихъ къ русской народности, приростъ составляетъ немного болѣе 41%, у мордвы—около 22%% и у татаръ—16%%%. Слѣдовательно, русская народность множится значительно быстрѣе, чѣмъ инородцы. Не надо упускать изъ виду, что у разноплеменныхъ общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ уѣзда земельные надѣлы въ среднемъ выводѣ почти одинаковы, а между тѣмъ населеніе собственно русскихъ общинъ этого разряда крестьянъ увеличилось вдвое больше, чѣмъ населеніе инородческихъ общинъ. У многихъ русскихъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ уѣзда землевладѣніе такъ ограничено, а слѣдовательно, и условія жизни такъ стѣснительны, что замѣчается очень слабый приростъ населенія. Но и этого собственно рус-

племенъ не можетъ повредить политической связи, какъ не вредитъ она теперь, хотя вогулы, зыряне и т. д. остаются вогулами и зырянами, а не русѣютъ, не смотря на вѣковую связь свою съ русскимъ государствомъ. Не финское движеніе опасно политическимъ интересамъ Россіи, а то, которое хочетъ оставить за Финляндіей характеръ шведской земли. Финляндцы прекрасно понимаютъ, что только благодаря тому, что они вошли въ составъ русскаго политическаго тѣла, они имѣли возможность такъ быстро сбросить съ себя иго шведской національности. Наше государство, способствуя національному возрожденію финновъ, только привяжетъ ихъ къ своему политическому союзу тѣми могучими

каго разряда крестьянъ число душъ увеличилось въ среднемъ выводѣ не менѣе, чѣмъ у инородцевъ съ большими сравнительно надѣлами. А у самой значительной группы русскихъ общимъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ собственниковъ прибыль душъ даже значительно выше, чѣмъ у мордвы и въ особенности у татаръ. Преобладающая русская народность, не имѣя никакого преимущества въ землевладѣніи, по какимъ-то другимъ, трудно опредѣлимымъ, по заявленію статистиковъ, условіямъ, множится быстрѣе, чѣмъ инородцы, составляющіе въ уѣздѣ уже и теперь меньшинство населенія. Очевидно, что обрусѣніе уѣзда шло-бы гораздо быстрѣе, если-бы всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне были поставлены въ такое-же положеніе по отношенію къ землевладѣнію, какъ и бывшіе государственные (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Томбовской губерніи. Т. 4-ый).

Въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губ., по словамъ г Чистякова, рождаемость у православныхъ 5,19%, а у магометанъ 3,57%. (О сифилисѣ въ крестьянскомъ населеніи. Д-ра М. А. Чистякова. Стр. 17).

Профессоръ Тархановъ говоритъ о «высокомъ жизнеупорствѣ присущемъ славянской расѣ» (Ив. Р. Тархановъ. Долголѣтіе животныхъ, растеній и людей. Стр. 513. «Вѣс. Евр.» 1891 г. № 8).

нравственными связями, силу которыхъ мы видѣли на примѣрѣ Эльзаса и Лотарингіи. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что наше государство предоставило Финляндіи такую долю политическихъ правъ и независимости, какою пользуется только Канада отъ англійскаго правительства. Авторъ статьи, направленной противъ финновъ, старается напугать русское общественное мнѣніе поѣздками ученыхъ финновъ, изучающихъ родственные имъ языки и старающихся поддержать этнографическую обособленность финскихъ племенъ, какъ будто поддержаніе и развитіе финскаго языка ведетъ къ отпаденію отъ политическаго съ нами союза. Но при подобномъ отношеніи къ дѣлу, мы должны были-бы прійти въ отчаяніе отъ предстоящихъ намъ бѣдъ: вѣдь не можемъ-же мы обрусить финновъ, татаръ, грузинъ и т. д. и т. д., а только при этомъ условіи, по мнѣнію легкомысленнаго автора, мы можемъ надѣяться на сохраненіе россійскаго государства. На какомъ-же основаніи можно утверждать, что политическій союзъ можетъ существовать только при условіи этнографическаго единенія, когда наше русское государство можетъ служить наглядным примѣромъ противуположнаго? Опасаться-же за будущее можно было-бы только тогда, если-бы у насъ взяли верхъ господа, подобные автору вышеупомянутой статьи, стремящіеся сѣять раздоръ между племенами, до сихъ поръ уживающимися вполнѣ мирно. Проповѣдь хищнической національной политики можетъ насильно заставить задуматься чуждыя намъ племена: какимъ образомъ они могутъ сохранить свою этнографическую самостоятельность?—и тогда только они могутъ заключить, что имъ необходима для этого политическая независимость. На этомъ основаніи мы должны считать неразумныхъ проповѣдниковъ національнаго хищни-

чества людьми, безсознательно внушающими нашимъ разноплеменникамъ мысль о тягости политическаго союза съ русскимъ племенемъ. Будемъ-же надѣяться, что число этихъ неразумныхъ голосовъ не будетъ такъ велико, чтобы внушить имъ основательныя опасенія, и будетъ заглушено болѣе разумными и справедливыми мнѣніями. Намъ могутъ сказать, что Финлядія, несмотря на полное удовлетвореніе ея національныхъ инстинктовъ, все-таки стремится къ извѣстной политической независимости. Но надо принять во вниманіе, что вопросъ о финляндской самостоятельности сильно осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что народъ ея сотни лѣтъ жилъ совсѣмъ въ иныхъ общественно-политическихъ условіяхъ, нежели мы, русскіе. Полное политическое сліяніе съ Россіей для Финляндіи было-бы тяжело, нестолько потому, что она лишилась-бы своей политической независимости (которой у нея и теперь, въ дѣйствительности, очень мало, такъ какъ она не играетъ никакой независимой роли въ международной жизни), сколько потому, что она должна была-бы подчиниться нашему общественно-политическому строю, ей совершенно чуждому. Подобныхъ затрудненій не встрѣчается въ нашихъ отношеніяхъ ни къ полякамъ, ни къ современнымъ малоруссамъ, ни къ грузинамъ, ни къ литовцамъ, ни къ татарамъ, а тѣмъ болѣе къ разнымъ мелкимъ племенамъ. Нашъ общественно-политическій строй удовлетворяетъ ихъ ни менѣе, ни болѣе какъ и самихъ великоруссовъ, а потому они и могутъ сообща вести дѣло дальнѣйшаго его развитія, съ возможнымъ приспособленіемъ его къ этнографическимъ особенностямъ каждаго изъ нихъ. Финляндія-же этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ ея общественно-политическій строй во многихъ отноше-

ніяхъ значительно прогрессивнѣе нашего, такъ что ей пришлось-бы не развиваться, а регрессировать. Впрочемъ, нельзя отвергать того, что въ будущемъ мы можемъ достигнуть такого развитія нашихъ общественно-политическихъ условій жизни, что Финляндія охотно пойдетъ съ нами рука объ руку въ общемъ намъ дѣлѣ развитія нашего государства. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы родня съ ними, по показаніямъ исторіи. «Въ очень раннюю пору, говоритъ г. Забѣлинъ, произошло смѣшеніе племенъ русскаго славянства съ финскими племенами Веси, Мери, Муромы, Мещеры, въ одно новое племя, которое въ послѣдствіи стало именоваться великорусскимъ» [1]).

Перейдемъ теперь къ Прибалтійскимъ губерніямъ. Здѣсь русскому государству предстоитъ таже роковая задача поддерживать національно-народные элементы, ради собственныхъ политическихъ интересовъ. Край этотъ населенъ латышами, эстами, курами и ливами, но господствующимъ, хотя сравнительно малочисленнымъ, племенемъ являются нѣмцы. Эти послѣдніе составляютъ высшій классъ этой страны и отчасти городское населеніе По незнанію, а также и благодаря презрѣнію къ низшимъ классамъ, мы долго считали эту страну кровной нѣмецкой землей и всѣ усилія отдѣльныхъ голосовъ (Ю. Самаринъ) не могли заставить насъ измѣнить мнѣніе. Объясняется это, между прочимъ, и тѣмъ, что большое

---

[1]) Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ив. Забѣлина. Часть I, стр. 32.

Великоруссы должны гордиться этимъ происхожденіемъ, такъ какъ «современная наука, по словамъ Э. Ю. Петри, усматриваетъ въ скрещиваніи племенъ одинъ изъ лучшихъ залоговъ для образованія сильныхъ и способныхъ типовъ». (Э. Ю. Петри. Антропологія Стр. 267).

число остзейскихъ нѣмцевъ всегда находилось среди нашихъ правящихъ классовъ и старательно внушало, что Прибалтійскій край—нѣмецкая земля. Только недавно, со времени собиранія нѣмецкихъ земель графомъ Бисмаркомъ, мы стали понимать всю опасность предоставленія этого края нѣмецкому господству, тѣмъ болѣе, что со стороны нѣмцевъ появились претензіи на него. Тутъ мы вспомнили, что туземные элементы края уже давно добиваются отъ насъ защиты отъ онѣмеченія и нѣмецкихъ порядковъ. Присмотрѣвшись къ дѣйствительнымъ явленіямъ остзейской жизни, мы замѣтили глухую, но сильную борьбу кореннаго населенія съ нѣмецкими культуртрегерами; замѣтили мы и то, что это угнетенное населеніе возлагаетъ на насъ большія надежды. Дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что оно принимаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православіе, надѣясь, что тогда мы сильнѣе вступимся за него и оградимъ отъ нѣмецкихъ барововъ и нѣмецкой культуры.

Какъ извѣстно, крѣпостное право было уничтожено здѣсь еще въ 1819 году, но при освобожденіи, крестьяне не получили земельнаго надѣла и теперь находятся въ самомъ безвыходномъ положеніи. Реформа 1861 года, совершенная въ Россіи, является для нихъ показателемъ русскихъ порядковъ и они, будучи прельщены ею, надѣются, что правительство поможетъ имъ пріобрѣсть въ собственность земельный надѣлъ. Этимъ и объясняется ихъ беззавѣтная преданность Россіи, доходящая въ отдѣльныхъ случаяхъ до принятія православія. Такимъ образомъ, въ Прибалтійскомъ краѣ національное возрожденіе кореннаго населенія осложняется надеждами избавиться отъ нѣмецко-баронскихъ соціальныхъ порядковъ. Повторяемъ, преданность ихъ Россіи—несомнѣнна, но бароны постоянно стараются выставить

населеніе наклоннымъ къ соціальному бунту и этимъ скомпрометировать передъ русскимъ правительствомъ Нельзя отрицать того, что населеніе, обезземеленное нѣмецкимъ способомъ освобожденія крестьянъ, страшно озлоблено противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ оно видитъ враговъ своей національности и угнетателей своего матеріальнаго благосостоянія и экономической независимости. Это доказывается и аграрными убійствами, которыя случаются въ Прибалтійскомъ краѣ, хотя и не въ такомъ числѣ, какъ въ Ирландіи. Спрашивается, каково должно быть наше отношеніе къ враждующимъ національностямъ Прибалтійскаго края? Намъ кажется, что единственный отвѣтъ на этотъ вопросъ— только слѣдующій: мы должны стать на сторону кореннаго населенія, преданнаго Россіи и не посматривающаго ни на какую сосѣднюю державу. Сдѣлать это мы должны, какъ во имя собственныхъ политическихъ интересовъ, такъ и во имя справедливости. Нашъ политическій интересъ требуетъ сохраненія за Россіей такихъ портовъ, какъ Митава, Либава, Рига и т. д., а обладаніе ими мы вполнѣ обезпечимъ лишь тогда, когда у сосѣднихъ державъ не будетъ предлога претендовать на нихъ, какъ на нѣмецкую землю. Кромѣ того, мы это должны сдѣлать и во имя справедливости, которая требуетъ подать помощь угнетенной національности.

Несомнѣнно, что наше правительство могло-бы привязать къ Россіи коренное населеніе Прибалтійскаго края еще болѣе соціальными реформами, нежели покровительствомъ національному возрожденію. Для этого былобы достаточно сдѣлать для прибалтійскихъ крестьянъ то, что было сдѣлано для польскихъ во время возстанія 1863 года. Тогда привязанность кореннаго населенія края была-бы надолго закрѣплена за нами и пре-

тензіи нѣмцевъ были-бы подрѣзаны въ самомъ корнѣ. Покровительство этнографическому сепаратизму коренаго населенія этого края намъ необходимо для того, чтобы съ корнемъ вырвать у нѣмцевъ всѣ ихъ неосновательныя политическія поползновенія на этотъ край. Разумѣется, мы можемъ надѣяться просто на силу нашего оружія, но дѣло будетъ всегда вѣрнѣе, если мы успѣемъ привязать къ себѣ населеніе здравой политикой, какъ по отношенію къ его національному возрожденію, такъ и по отношенію къ соціальнымъ требованіямъ.

Что касается отношеній русскаго народа къ Польшѣ, то и здѣсь мы видимъ ту-же роковую задачу нашей политики — помогать національно-народному элементу. Мы уже говорили, что многіе изъ русскихъ людей вплоть до возстанія поляковъ въ 1863 году, съ польскаго голоса, считали сѣверо-западный и юго-западный край за польскія земли. Дѣло въ томъ, что въ этихъ краяхъ высшій классъ былъ дѣйствительно польскій: онъ состоялъ или изъ поляковъ, или ополяченныхъ литовцевъ и малороссовъ. Во время господства крѣпостного права никто не задумывался надъ тѣмъ, къ какой національности принадлежитъ крестьянское сословіе; знали, что помѣщики были поляки и рѣшили, что край—польскій. Только возстаніе 1863 года и отношеніе къ нему коренного населенія края, вездѣ помогавшаго правительству ловить «пановъ» и «панычей», образумило наше общественное мнѣніе и только тогда мы окончательно поняли, что эти края—русскіе, за исключеніемъ Литвы [1]), которая отнюдь не принадлежитъ къ славянскимъ

[1]) Нечего и говорить, что Литва тоже имѣетъ право на этнографическую самобытность, а потому нельзя не порадоваться

землямъ, какъ думаетъ г. Лихачевъ [1]). Но еще и до сихъ поръ многіе изъ насъ не знаютъ, что въ самомъ Царствѣ Польскомъ находится русское народонаселеніе, малорусскаго племени,—это, такъ называемая, Холмская Русь. Еще предки малороссовъ говорили: «Знай ляше по Санъ наше» [2]). Н. Костомаровъ говоритъ, что малорусскій народъ въ пѣсняхъ своихъ «начертываетъ какъ для іудеевъ, такъ и для поляковъ, границею рѣку Вислу; все пространство за этой рѣкою по направленію къ Руси онъ считаетъ своимъ. русскимъ достояніемъ» [3]). На этомъ основаніи мы вправѣ сказать, что русскій

фактамъ, сообщаемымъ газетами о дѣйствіяхъ русской администраціи въ этомъ духѣ. Такъ въ 1885 г., виленскій генералъ-губернаторъ посѣщалъ въ Ковенской губерніи сельскія училища. Въ одномъ изъ литовскихъ училищъ генералъ-губернаторъ заставилъ мальчика прочитать О т ч е н а ш ъ, и когда мальчикъ началъ читать молитву по-польски, то генералъ-губернаторъ приказалъ ему читать ее на литовскомъ языкѣ, замѣтивъ ему: «ты литвинъ, такъ зачѣмъ-же молишься по-польски, а не на своемъ языкѣ»? То-же самое повторилось и на Жмуди, гдѣ генералъ-губернаторъ упрекнулъ дѣтей, зачѣмъ они молятся не на своемъ родномъ, жмудскомъ языкѣ, а по-польски. Въ обѣихъ школахъ генералъ-губернаторъ строго приказалъ ксендзамъ о т н ю д ь н е сбивать съ пути дѣтей и каждаго изъ нихъ обучать религіи и молитвамъ на его родномъ языкѣ.

Слова эти, поясняетъ «Виленскій Вѣстникъ», служатъ выраженіемъ принципа — истреблять полонизмъ въ провинціяхъ литовскихъ и жмудскихъ, въѣвшійся тамъ въ плоть и кровь по милости польско-католической пропаганды и яраго фанатизма ксендзовъ, старающихся ополячить всѣ народности.

[1]) А. В. Лихачевъ. Самоубійство въ Западной Европѣ и Европ. Россіи. Стр. 62 и 63.

[2]) Рѣка Санъ, притокъ рѣки Вислы.

[3]) Н И. Костомаровъ. Исторія казачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества. („Русская Мысль“ 1883 г., № 7).

народъ долженъ постараться поддержать этнографическія особенности русскаго племени, нѣкогда покореннаго поляками, и до сихъ поръ считающагося частью польской національности. Подобнаго рода политика будетъ только самозащитой со стороны русскаго племени: пусть польское будетъ польскимъ, но намъ не зачѣмъ имъ отдавать и свои кровныя земли. Тутъ мы должны замѣтить, что Холмская Русь, по этнографическимъ своимъ особенностямъ, принадлежитъ къ малорусскому племени, а потому намъ необходимо бороться съ польской культурой, стремящейся овладѣть этимъ краемъ, путемъ возрожденія малорусской литературы, такъ какъ великорусскій языкъ для тамошнихъ крестьянъ будетъ почти также чуждъ, какъ и польскій.

Но стремленіе разполячить тѣ русскія земли, которыя издавна были подчинены бывшему польскому государству, не должно переходить въ поползновеніе обрусить чисто польскія земли. Это только вредитъ нашимъ политическимъ связямъ съ этой страной и не можетъ повести къ дѣйствительному обрусѣнію. Мы, напротивъ, должны постараться помочь полякамъ, какъ славянамъ, въ ихъ борьбѣ съ нѣмецкими вліяніями и выставить ихъ аванпостомъ славянства противъ движенія нѣмцевъ на Востокъ. А для этого мы должны помогать развитію польской культуры, а, слѣдовательно, и польскаго языка. Впрочемъ, лучшій способъ борьбы съ нѣметчиной будетъ тотъ, который былъ употребленъ Милютинымъ для борьбы съ польской революціей,—улучшеніе экономическаго и нравственнаго быта крестьянства и рабочихъ классовъ. Польскіе крестьяне были лично свободны за долго до освобожденія крестьянъ у насъ, но

земли они не имѣли и обрабатывали панскую, платя чиншъ (оброкъ).. Во время возстанія 1863 года, наше правительство надѣлило ихъ землею и такимъ образомъ положило основаніе новому экономическому порядку въ Польшѣ. Не будь польскаго возстанія и мы, можетъ быть, не додумались-бы до необходимости этой мѣры, нанесшей ударъ въ самое сердце возстанія: крестьянское населеніе перешло на сторону тѣхъ, кто дѣйствительно дѣлалъ благодѣяніе, а не сулилъ журавля въ небѣ. Изъ этого историческаго примѣра можно ясно видѣть, чѣмъ мы можемъ привязать большинство польскаго населенія къ русскому государству. Если-бы для городскихъ рабочихъ классовъ было сдѣлано столько, сколько для крестьянъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и они перешли бы на сторону тѣхъ, кто желаетъ политическаго союза съ Россіей.

Поддержка экономическаго благосостоянія рабочихъ польскихъ классовъ необходима не только для того, чтобы внушить имъ, что политическая связь съ Россіей не противорѣчитъ ихъ интересамъ, но и съ цѣлью дать имъ возможность бороться, какъ мы уже говорили, съ нѣмецкимъ нашествіемъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что въ руки нѣмцевъ переходитъ много земли въ Польшѣ; но всегда это бываетъ помѣщичья, а не крестьянская земля; слѣдовательно, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія необходимо и для того, чтобы земля не переходила въ нѣмецкія руки. Извѣстно, что многіе фабрики и заводы тоже находятся въ рукахъ нѣмцевъ, а потому необходимо противодѣйствовать онѣмеченію рабочаго населенія, ставя его въ независимое положеніе отъ хозяина, т. е. способствуя ему самому сдѣлаться хозяиномъ.

Особенно щекотливъ, по нашему мнѣнію, малорус-

скій вопросъ. Многіе изъ русскихъ интеллигентныхъ людей, даже изъ такихъ, которые готовы вполнѣ справедливо отнестись къ полякамъ, финнамъ, грузинамъ и т. п.,—совершенно отрицаютъ разумность малорусскаго національнаго движенія, считая его не дѣломъ малорусскаго народа, а кучки интеллигентныхъ людей, не знающихъ-бо, что творятъ. Обыкновенно, они настаиваютъ на неразумности заводить отдѣльную малорусскую литературу при существованіи обще-русской, въ сокровищницу которой вносили свои силы не одни великоруссы, а и малоруссы. Нечего и говорить, что для всѣхъ трехъ вѣтвей русскаго племени было-бы экономнѣе имѣть одну литературу, которая при этомъ могла-бы быть гораздо обильнѣе и богаче,—будучи продуктомъ большаго количества интеллигентныхъ людей и поддерживаемая многомилліонной массой читателей. Быть можетъ, что это такъ и будетъ, если мы съумѣемъ вести себя такъ, чтобы не раздражать національныхъ инстинктовъ и этимъ не отталкивать ни малоруссовъ, ни бѣлоруссовъ отъ трудовъ на пользу обще-русской литературы. Великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій языки такъ близки другъ къ другу, что *при дружественныхъ отношеніяхъ этихъ племенъ*, они легко въ будущемъ сольются въ одномъ руслѣ обще-русскаго языка. Но *намъ нельзя игнорировать существованіе ихъ различія въ настоящее время*. Крестьянинъ-малоруссъ все-таки плохо понимаетъ великорусскую рѣчь, а потому и вправѣ требовать, чтобы къ нему обращались на его родномъ и понятномъ для него языкѣ. Малорусскіе дѣти, получая первоначальное образованіе, должны получать его на томъ языкѣ, который имъ понятенъ; было-бы черезъчуръ нелѣпо затруднять ихъ образованіе требованіемъ

изучить малопонятный имъ языкъ, тѣмъ болѣе, что наука и такъ не особенно доступна нашему крестьянину. Ради большаго успѣха въ распространеніи знаній, мы должны стараться ничѣмъ не затруднять доступъ науки въ крестьянскую хату; а это необходимо поведетъ за собою созданіе цѣлой народной литературы на малорусскомъ языкѣ. Но разъ интеллигентный человѣкъ обязанъ будетъ писать для народа на малорусскомъ языкѣ, то это вмѣстѣ съ тѣмъ поведетъ къ дальнѣйшему развитію и осложненію малорусской литературы. Явится потребность на преподаваніе этого языка въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на изданіе многихъ научныхъ книгъ и учебниковъ на этомъ языкѣ и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ, изъ маленькаго зерна,—необходимости вести первоначальное народное обученіе на малорусскомъ языкѣ, — выростетъ цѣлое дерево малорусской литературы. И только тѣ могутъ отрицать необходимость этой литературы, кто готовъ затруднить, для малорусскихъ дѣтей, первоначальное обученіе необходимостью изучить новый для нихъ языкъ и заградить дорогу народу къ научнымъ знаніямъ, сообщая ихъ взрослымъ крестьянамъ тоже только на малопонятномъ для нихъ языкѣ.

И такъ созданіе малорусской литературы—необходимо, и эту необходимость должны признать всѣ тѣ, кто стоитъ за наиболѣе быстрое просвѣщеніе народныхъ массъ. Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, чтобы общерусскій литературный языкъ былъ вытѣсненъ изъ Малороссіи. Это можетъ случиться только тогда, когда общерусская интеллигенція своими преслѣдованіями раздражитъ малорусскую интеллигенцію до того, что та слѣпо-фанатически возненавидитъ то, что ей навязываютъ.

Если-же мы вполнѣ раціонально отнесемся къ естественнымъ стремленіямъ малороссовъ имѣть свою литературу, то можно сказать навѣрное, что и они, въ свою очередь, вполнѣ справедливо оцѣнятъ громадную важность имѣть обще-русскую литературу, накопившую уже столь драгоцѣнные запасы, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ произведеній. Переводить все это на малорусскій языкъ было-бы по меньшей мѣрѣ странно, тѣмъ болѣе, что близость малорусскаго языка къ литературному русскому (котораго все-таки нельзя отождествлять съ великорусскимъ) даетъ возможность всякому интеллигентному малороссу почти безъ затрудненій читать все написанное на этомъ языкѣ. Кромѣ того, дружескія отношенія вѣтвей русскаго племени, которыя могутъ существовать только при полномъ уваженіи къ этнографическимъ особенностямъ каждаго изъ нихъ, поведетъ къ тому, что обще-русскій языкъ будетъ считаться именно таковымъ, а не великорусскимъ, что поведетъ за собою дѣятельное участіе малороссовъ и бѣлороссовъ въ литературѣ на этомъ языкѣ, какъ это было, впрочемъ, и до сихъ поръ. При этомъ національное самолюбіе ни одного изъ трехъ племенъ не будетъ страдать, такъ какъ этотъ обще-русскій языкъ есть въ дѣйствительности ихъ общее дѣло. И какъ общее дѣло — онъ мало-по-малу сольетъ въ себѣ всѣ три отрасли русскаго языка, не подчиняясь господству того или другого племеннаго языка, какъ отчасти, къ сожалѣнію, есть теперь. Къ этому мы должны прилагать всѣ старанія, дѣлая какъ можно больше уступокъ малорусскому и бѣлорусскому элементу въ литературѣ, съ тѣмъ, чтобы привлечь ихъ къ обще-русскому дѣлу и въ дѣйствительности сдѣлать литературный языкъ еще болѣе обще-русскимъ, нежели онъ былъ до сихъ поръ.

Такимъ образомъ рядомъ съ обще-русскимъ литературнымъ языкомъ можетъ существовать племенной языкъ, какъ малорусскій, такъ и бѣлорусскій. Первый изъ нихъ будетъ употребляться интеллигенціей, не имѣющей непосредственныхъ отношеній къ народу и нуждающейся въ литературѣ, заключающей въ себѣ всѣ верхушки человѣческаго знанія и мышленія; второй — народомъ и интеллигенціей, въ тѣхъ случаяхъ, когда она имѣетъ дѣло съ народомъ. При естественномъ ходѣ вещей, необходимо ожидать, что первый изъ нихъ мало-по-малу будетъ вліять на вторые, и, въ свою очередь, подчиняться ихъ вліянію,—въ концѣ концовъ произойдетъ желаемое сліяніе ни для кого не обидное, такъ какъ оно не будетъ вынужденнымъ, а произойдетъ вслѣдствіе взаимной выгоды. Но это можетъ и не произойти, если нынѣшняя обще-русская интеллигенція станетъ преслѣдовать малорусскую и бѣлорусскую литературу, понуждая малороссовъ и бѣлороссовъ насильно подчиниться нынѣшнему обще-русскому языку. Насиліе будетъ только раздражать и возбуждать національный инстинктъ къ отпору, что и выразиться въ закоренѣлой враждѣ къ обще-русскому языку и въ стремленіи не къ сближенію, а къ наибольшему отдаленію отъ этого языка: дальнѣйшее развитіе племенныхъ нарѣчій будетъ вестись съ постояннымъ намѣреніемъ отдалить ихъ другъ отъ другъ, а не сблизить. Таковъ будетъ неприглядный результатъ политики національнаго хищничества.

Кромѣ того, насиліемъ врядъ-ли что можно подѣлать особенно съ малорусскимъ языкомъ. Дѣло въ томъ, что около 3-хъ милліоновъ малороссовъ находится внѣ предѣловъ нашего государства,—въ Галиціи. Тамъ, какъ извѣстно, въ послѣднее время малорусское движеніе

сильно пошло въ ходъ и создается малорусская литература, помимо вліянія русскаго государства. Такимъ образомъ, у малорусской литературы есть уже точка опоры, вполнѣ обезпечивающая ея дальнѣйшее развитіе, хотя-бы въ Россіи она и была стѣсняема. Стѣсняя малорусскую литературу въ нашей части Малороссіи, мы только отдаемъ судьбу ея въ руки малороссовъ-галичанъ. И остается большимъ вопросамъ: выгодно-ли это для обще-русскаго дѣла и для русскаго государства?

Такъ какъ судьба малорусской литературы уже болѣе или менѣе обезпечена существованіемъ галицкой Малороссіи, то, даже изъ эгоистической (но разумной) политики, мы не должны придерживаться совѣтовъ людей, проповѣдующихъ національное хищничество. Національные инстинкты, какъ это доказываютъ безчисленные факты, сильны и живучи и малороссы, охваченные ими, не находя удовлетворенія въ мѣстной малорусской литературѣ, пойдутъ искать удовлетворенія въ Галицію. Неужели же можно серьезно полагать, что все это будетъ уничтожено полицейскимъ приказомъ? Въ наше время немного найдется людей, которые потребуютъ наказанія людямъ, читающимъ, напримѣръ, евангеліе на малорусскомъ языкѣ. А при подобныхъ обстоятельствахъ лучше избѣгать раздраженія національныхъ инстинктовъ, такъ какъ это только порождаетъ племенную вражду и поведетъ не къ сближенію, а къ отдаленію малороссовъ отъ великороссовъ. И такъ какъ, повторяемъ, малорусская литература уже имѣетъ точку опоры для своего развитія, то преслѣдованіе ея въ Россіи только будетъ развивать мысль о политическомъ сепаратизмѣ, вполнѣ уже заглохшую со времени Петра Великаго.

Представители великорусскаго національнаго хищничества указываютъ обыкновенно на связь этнографическаго малорусскаго движенія съ стремленіемъ къ политическому сепаратизму [1]); но связь эта отчасти ими преувеличивается, а отчасти является вслѣдствіе особыхъ причинъ. Дѣло въ томъ, что и въ Малороссіи, подобно какъ и въ Великороссіи, существовало и существуетъ особое политическое движеніе, извѣстное въ послѣднее время подъ именемъ «революціонно-соціалистическаго». На малорусской почвѣ оно явилось съ тѣмъ же политическимъ характеромъ, какъ и въ Великороссіи; а потому неудивительно, что стремленіе къ политической независимости явилось въ числѣ другихъ желаній такъ-называемой малорусской революціонно-соціалистической партіи. Но, спрашивается: при чемъ-же тутъ малорусское національное движеніе? Развѣ оно порождаетъ «революціонно-соціалистическія» стремленія? Достаточно присмотрѣться къ національнымъ движеніямъ какихъ-либо народовъ, въ томъ числѣ и великорусскаго (нынѣшнимъ представителемъ котораго могутъ считаться послѣдователи Каткова и Аксакова), чтобы рѣшить, что нѣтъ никакой логической связи между революціонно-соціалистическимъ движеніемъ и національнымъ: они также легко могутъ существовать отдѣльно, какъ и совпадать вмѣстѣ. Самые крайніе представители національнаго движенія по своимъ политическимъ и экономическимъ взглядамъ могутъ быть не только не край-

[1]) То же самое продѣлывается и относительно сибиряковъ. «Современный сибирякъ представляетъ собою спеціальный типъ, несомнѣнно уклоняющійся отъ типа общеславянскаго» (Э Ю. Петри. Антропологія. Стр. 264), а потому неудивительно, что помимо всякаго политическаго сепаративма, онъ ищетъ удовлетворенія своихъ особенностей въ общественномъ строѣ.

ними, а консерваторами и ретроградами. Въ Малороссіи «революціонно-соціалистическое движеніе» явилось по тѣмъ-же причинамъ, какъ и въ остальной Россіи— національное движеніе тутъ ни при чемъ; но разъ оно появилось, то ухватилось за національное движеніе, какъ за одно изъ орудій для борьбы, хорошо понимая, что ему на руку всякое стѣсненіе національнаго инстинкта, такъ какъ это возбуждаетъ цѣлую массу недовольныхъ. Такимъ образомъ малорусскій политическій сепаратизмъ явился скорѣе продуктомъ «революціонно-соціалистическаго» движенія, чѣмъ національнаго и также мало вліятеленъ и распространенъ, какъ первый. Правда, систематическое угнетеніе національнаго инстинкта, стремящагося удовлетворить этнографическія свои потребности, можетъ въ концѣ-концовъ выдвигать мысль о необходимости политическаго сепаратизма, — такъ какъ-де иначе нельзя добиться удовлетворенія національныхъ инстинктовъ—но, къ счастью, до этого еще дѣло не дошло и будемъ надѣяться не дойдетъ и впредь.

Вопросъ о самобытности украинскаго государства, по словамъ Костомарова, «былъ вычеркнутъ изъ ряда вопросовъ европейской политики» только около 1739 года [1]). Можно надѣяться, что онъ и не появится на поверхности европейской политики, если сѣмя политическаго раздора не будетъ взращиваемо систематическимъ національнымъ хищничествомъ со стороны великоруссовъ. Ссылаться на прежнія попытки Малороссіи (въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.) къ самобытному существованію — теперь не совсѣмъ раціонально, такъ какъ современныя обстоятельства совершенно иныя.

---

[1]) Ник. Костомарова. Мазепа и мазепинцы. Стр. 716.

Нынѣшнія тѣсныя связи Великороссіи съ Малороссіей нельзя и сравнивать съ прежними. Нельзя забывать и того, что присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству совершилось послѣ того, какъ малорусскій народъ съ оружіемъ въ рукахъ отбился отъ польскихъ пановъ и устроился по-республикански. Слѣдовательно, полное сліяніе Малороссіи съ Московскимъ государствомъ вело не только къ потерѣ національной политической самобытности, а и къ потерѣ той казацкой вольности, которая выковалась подъ тяжелыми ударами польско-шляхетской государственности. И если даже при такихъ обстоятельствахъ совершилось сліяніе двухъ самобытныхъ государственностей, безъ особеннонапряженнаго протеста со стороны малорусскаго народа, то нечего и говорить, что теперь въ малорусскомъ народѣ нѣтъ уже прежнихъ стремленій къ политической независимости. Если ближе присмотрѣться къ тому отпору, который встрѣтило Московское государство со стороны малорусскаго народа, при своихъ стремленіяхъ уничтожить самобытность казацкихъ учрежденій Украины, то можно замѣтить, что центръ тяжести этого отпора лежалъ въ защитѣ казацкихъ вольностей, а не въ стремленіи къ политической самобытности. Самобытность свою малороссы защищали больше потому, что она соединялась съ казацкими вольностями, а полное сліяніе съ «москалями» означало уничтоженіе этихъ вольностей. Если сравнить отпоръ Малороссіи, данный полякамъ, съ тѣмъ, который проявился по отношенію къ Московскому государству, то мы увидимъ громадную разницу. Когда шведскій король, побѣдоносный Карлъ II, вступилъ въ Малороссію и Мазепа присоединился къ нему, именно, въ разсчетѣ на его побѣду надъ ПетромъI, то малорусскій народъ, вмѣсто того, чтобы воспользо-

ваться представившимся удобнымъ случаемъ къ завоеванію самобытности, напротивъ, тотчасъ-же обратился съ челобитными, заявлявшими о преданности малороссіянъ московскому престолу. И дѣлалось это при такихъ обстоятельствахъ, что г. Костомаровъ заявляетъ о нихъ слѣдующее: «нельзя признавать ихъ только дѣйствіемъ страха» [1]).

Извѣстно, что Украина не была завоевана «москалями», а вступила съ Москвою добровольно въ федеративный союзъ, съ сохраненіемъ извѣстной политической независимости. Если уже въ XVII в. между Украиной и Москвою была нѣкоторая солидарность, допустившая заключеніе (хотя и по нуждѣ) добровольнаго союза для общей политической жизни, то теперь, послѣ почти двухвѣковой совмѣстной жизни, эта солидарность возрасла въ сильнѣйшей степени.

Вполнѣ несправедливо и глубоко безтактно поступаютъ тѣ, кто заподозриваетъ малорусское національное движеніе въ стремленіи къ политическому сепаратизму, въ которомъ оно неповинно. Намъ необходимо понять, что всякое племя, на извѣстной ступени своего развитія, неуклонно стремится къ удовлетворенію своихъ національныхъ инстинктовъ, результатомъ чего бываетъ стремленіе къ этнографической обособленности. И тѣ, кто преграждаетъ націи дорогу къ этой обособленности, сами насильно прививаютъ мысль о необходимости политической обособленности. Полицейскими преслѣдованіями нельзя справиться съ національными стремленіями, особенно въ такихъ случаяхъ, когда въ сосѣднемъ государствѣ идетъ безпрепятственное развитіе этихъ національныхъ стремленій. Гораздо больше

[1]) Николай Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы. Стр. 458.

надеждъ мы можемъ возлагать на ту солидарность, которая связываетъ всѣ интересы Малороссіи съ Великороссійскими, вотъ уже около двухъ вѣковъ. Уваженіе къ чужимъ правамъ—вотъ лучшее орудіе борьбы противъ племенной розни.

До сихъ поръ мы говорили объ отношеніяхъ русскаго племени къ другимъ національностямъ, входящимъ составною частью въ общее для всѣхъ насъ государственное тѣло, и приходили къ заключенію о необходимости, во многихъ случаяхъ, даже поддерживать возрожденіе ихъ національнаго духа, имѣя въ виду какъ интересы русскаго государства, такъ и принципы любви и справедливости. Теперь мы перейдемъ къ отношеніямъ нашего народа къ такой расовой группѣ, которая, строго говоря, не имѣетъ основныхъ чертъ всякой націи, — къ евреямъ Всѣ націи, о которыхъ мы говорили выше, занимаютъ извѣстную территорію и вполнѣ способны жить самостоятельно и независимо, такъ какъ основываютъ свое существованіе на эксплуатаціи этой территоріи. Если изъ среды этихъ націй и выдѣляются торговый и другіе классы, то, во всякомъ случаѣ, вся масса населенія не можетъ принадлежать къ этимъ классамъ и живетъ не эксплуатаціей людей, а самой природы, занимаясь земледѣліемъ, рыболовствомъ, звѣроловствомъ и всякаго рода обработывающей промышленностью. Евреи-же, наоборотъ, не имѣютъ своего уголка на земномъ шарѣ, гдѣ они могли-бы устроиться вполнѣ независимо и самостоятельно. Они въ большинствѣ стремятся только къ извѣстнаго рода дѣятельности, — именно торговлѣ; а потому и втираются въ сферу другихъ національностей, составляя въ нихъ только отдѣльный классъ людей. Такимъ образомъ, евреи, появляясь въ сферѣ дѣятель-

ности какой-бы то ни было національности, занимаютъ въ ней мѣсто только извѣстнаго класса лицъ, неспособнаго существовать безъ дѣятельности остальнаго населенія, чуждаго имъ по расовымъ особенностямъ. Вотъ эта-то характерная особенность еврейской жизни необходимо измѣняетъ и отношеніе другихъ націй къ ихъ этнографическимъ особенностямъ: всѣ націи требуютъ, чтобы этотъ классъ лицъ подчинялся этнографическимъ особенностямъ тѣхъ, среди которыхъ онъ занялъ свое мѣсто. Евреи, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ понимаютъ справедливость этихъ требованій и безпрекословно подчиняются имъ, стараясь очень тщательно ничѣмъ не выдѣляться изъ остальнаго населенія. Такъ дѣлаютъ евреи французскіе, англійскіе, отчасти нѣмецкіе и т. д., за исключеніемъ русскихъ, турецкихъ и нѣкоторыхъ другихъ. Въ Европѣ они говорятъ языкомъ кореннаго населенія, одѣваются подобно всѣмъ остальнымъ и т. д., отличаясь только религіей и тѣми расовыми чертами, которыхъ измѣнить уже не въ состояніи. Только въ Россіи почему-то они говорятъ на испорченномъ нѣмецкомъ языкѣ; да въ Турціи на испанскомъ, тоже достаточно исковерканномъ. Объясняется это тѣмъ, что къ намъ евреи пришли изъ Германіи, въ Турцію-же пробрались послѣ изгнанія ихъ изъ Испаніи. Такимъ образомъ, у нашихъ евреевъ не оказывается одной изъ главныхъ принадлежностей націи—собственнаго языка. Древне-еврейскій языкъ непонятенъ теперь массѣ евреевъ и они изучаютъ его только книжнымъ путемъ.

На основаніи вышесказаннаго, мы считаемъ вполнѣ справедливыми требованія отъ русскихъ евреевъ сблизиться съ кореннымъ населеніемъ, принявъ его языкъ и внѣшность. Эта внѣшность, подобному языку, не со-

ставляетъ еврейскаго достоянія, а заключаетъ въ себѣ остатки средневѣковаго нѣмецкаго костюма. Спрашивается: почему евреямъ такъ нравится языкъ и костюмъ того народа, который ихъ гналъ, и почему они отвергаютъ языкъ и костюмъ того, который ихъ во всякомъ случаѣ допустилъ въ свою среду? Если-бы ихъ «жаргонъ» былъ дѣйствительно продуктомъ еврейской исторической жизни, тогда была-бы понятна ихъ приверженность къ нему; теперь-же употребленіе жаргона заставляетъ думать коренное населеніе, что евреи не желаютъ сближаться съ нимъ и говорятъ на непонятномъ для остального населенія языкѣ только съ цѣлью облегченія для себя торгашеской эксплуатаціи, подобно тѣмъ офенямъ и торгашамъ, которые изобрѣтаютъ всякаго рода «тарабарскіе» языки, съ цѣлью болѣе легкой эксплуатаціи покупателей.

По нашему мнѣнію, единственный выходъ изъ того неестественнаго положенія, которое занимаютъ среди насъ евреи,—полное этнографическое ихъ сліяніе съ кореннымъ населеніемъ. Въ этомъ случаѣ не можетъ быть мѣста охраненію національныхъ особенностей, какъ потому, что у евреевъ, во многихъ случаяхъ, ихъ не оказывается, такъ и потому, что безъ этого не прекратятся тѣ печальныя отношенія, въ которыхъ находятся они къ коренному населенію [1]). Правда, этнографиче-

[1]) Какъ извѣстно, евреи имѣютъ обыкновеніе проповѣдывать національ, среди которыхъ они живутъ, космополитическія идеи, оставаясь сами заскорузло-узкими націоналистами, въ глубинѣ души вѣрующими въ превосходство еврейскаго племени надъ всѣми остальными. Въ періодъ 1878—1882 годовъ русско-еврейскую интеллигенцію охватило особенно сильное національное движеніе, результатомъ котораго было появленіе еврейскихъ газетъ на русскомъ языкѣ, съ пламенной проповѣдью національнаго обособленія. Затѣмъ, послѣдовали еврейскіе погромы, которые будущій

скому сліянію евреевъ съ нами много мѣшаютъ обюдная вражда и презрѣніе, но евреи должны понять, наконецъ, что изъ стремленіе къ расовой обособленности находится въ числѣ причинъ, раздражающихъ противъ нихъ коренное населеніе. Пусть они возьмутъ примѣръ съ Магомета, который, замѣтивъ, что гора, несмотря на

историкъ, быть можетъ, тѣсно свяжетъ съ этимъ національно-еврейскихъ движеніемъ. Теперь еврейскій націонализмъ вступилъ въ свои обыкновенные берега, оставивъ въ память о себѣ между прочимъ, книгу г. Голубова: «Институтъ убѣжища у древнихъ евреевъ».

Авторъ совсѣмъ не хочетъ знать той истины, что книги—книгами, а жизнь—жизнью. Его методъ защиты еврейскаго быта можно сравнить съ тѣмъ, какъ если бы адвокатъ закоренѣлаго преступника вздумалъ доказывать, что этотъ послѣдній любилъ ближняго какъ самого себя, подставлялъ правую щеку, получивъ ударъ въ лѣвую, такъ какъ былъ христіаниномъ и на судѣ заявилъ, что принадлежитъ къ христіанской церкви. Разумѣется, судьи только-бы расхохотались надъ такими доводами и г Голубовъ, если бы былъ въ ихъ числѣ, тоже, вѣроятно, послѣдовалъ-бы ихъ примѣру. Если нашъ авторъ вдумается въ свой методъ защиты еврейскаго міра, то увидитъ, что онъ ничѣмъ не отличается отъ метода вышеупомянутаго адвоката. Набрать цитатъ изъ священныхъ книгъ, въ которыхъ проповѣдуется любовь къ ближнему, еще не значитъ доказать, что евреи слѣдовали этимъ проповѣдямъ. Критикуя Европу, г. Голубовъ критикуетъ жизнь, а хваля еврейскую жизнь, онъ хвалитъ не жизнь, а книжныя ученія, быть можетъ, даже неизвѣстныя массѣ еврейскаго народа. Авторъ, напримѣръ, приводитъ слѣдующее мѣсто изъ еврейскихъ книгъ «Если ты одолжишь бѣдняку деньги, то не будь требователенъ, не налагай на него процентовъ; если ты возьмешь въ залогъ (ночное) платье твоего ближняго, то возвращай его ему (ежедневно) до захода солнца, потому что это единственное платье, которымъ онъ прикрывается». Талмудъ, говоритъ г. Голубовъ, запрещаетъ кредитору проходить мимо должника въ то время, когда кредитору извѣстно, что у должника нѣтъ денегъ. Мхилта запрещаетъ кредитору вообще встрѣчаться съ должникомъ, чтобы

всѣ его мольбы, не подошла къ нему, самъ пошелъ къ ней на встрѣчу.

Впрочемъ, основную причину враждебныхъ отношеній коренного населенія къ евреямъ будетъ довольно затруднительно устранить. Она заключается въ той экономической эксплуатаціи, отрѣшиться отъ которой для евреевъ будетъ труднѣе, нежели перемѣнить языкъ и костюмъ. Евреи обыкновенно стараются объяснить ненависть, возбуждаемую ими въ остальныхъ націяхъ, религіозными и національными мотивами. Мы не думаемъ отрицать того, что многія національныя черты еврейскаго типа производятъ непріятное впечатлѣніе—на малорусса, напримѣръ. Философъ Гартманъ свидѣтельствуетъ, что и европейцы вообще питаютъ антипатію

встрѣча не напоминала послѣднему о долгѣ. Спрашивается: могутъ ли всѣ эти выуженныя изъ талмуда цитаты доказать жителямъ той мѣстности, въ которой живутъ евреи, что эти послѣдніе—безсребренники и отнюдь не способны заниматься ростовщичествомъ?

Но этого мало. Г. Голубовъ совершилъ подтасовку: онъ приводитъ цитаты такъ, какъ будто онѣ касаются отношеній евреевъ къ людямъ вообще. Въ дѣйствительности-же онѣ относятся только, къ отношеніямъ евреевъ между собою. «У иновѣрца бери лихвы у своего-же брата не бери, говоритъ ветхозавѣтный іудаизмъ». Ближнимъ евреи считали и считаютъ не всѣхъ людей, а только евреевъ, какъ это указываетъ вполнѣ честный изслѣдователь изъ евреевъ-реформаторовъ, г. Прилукеръ, въ своихъ лекціяхъ: «Альтруистическія начала въ этическихъ системахъ іудаизма и христіанства и главнія обѣихъ религій въ будущемъ". Резюмируя свои лекціи, онъ приходитъ къ выводамъ: а) „моральная система іудаизма обнаруживаетъ почти совершенное отсутствіе альтруистическихъ элементовъ, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется относительная нераспространенность этой системы, какъ исповѣданія, среди другихъ расъ, помимо еврейской, б) принципъ равенства, утверждаемый іудаизмомъ для евреевъ, какъ для дѣтей Израиля и единовѣрцевъ не распространяется на не дѣтей Израиля".

къ еврейству [1]). Какъ между людьми различныхъ типовъ можетъ быть такъ называемая антипатія, такъ и между національностями существуетъ несомнѣнно и симпатіи, и антипатіи. Кому случалось, напримѣръ, побывать въ Парижѣ и Лондонѣ, тотъ навѣрное чувствовалъ, что характеръ парижской городской жизни симпатичнѣе и ближе для насъ, русскихъ, нежели характеръ городской жизни англичанъ. Но всѣ національныя антипатіи настолько слабы, что не могутъ играть существенной роли въ общественной жизни. Почему-же еврейская національность претерпѣваетъ гоненія у всѣхъ народовъ? Еще Тацитъ сказалъ: Iudeis adversus omnes homines hostile odium. Вѣдь уживаются-же самымъ мирнымъ образомъ разнообразныя національности во всѣхъ уголкахъ земнаго шара, въ томъ числѣ и въ Россіи? Долголѣтняя борьба съ татарами, казалось, должна-бы оставить въ душѣ русскаго вражду къ нимъ, и однако мы видимъ, какъ мирно уживаются эти племена на востокѣ

Іудаистическіе идеалы, по словамъ г. Прилукера, „подчасъ просто гнусны“. „Еврейскій талмудъ, по словамъ Дюринга, рекомендуетъ обманъ и эксплуатацію всѣхъ неевреевъ и одновременно освобождаетъ избранный народъ отъ всѣхъ нравственныхъ обязательствъ, по отношенію къ другимъ расамъ“. (Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Стр. 37).

Извѣстный защитникъ евреевъ В С Соловьевъ говоритъ, что религіозныя постановленія талмуда допускаютъ „пользоваться ошибками иновѣрца при денежныхъ разсчетахъ“. (В. С. Соловьевъ Талмудъ и новѣйшая полемическая литература о немъ въ Австріи и Германіи. Стр. 140. „Русская Мысль“ 1886 г. № 8).

Мы вправѣ поэтому упрекнуть г. Голубова въ томъ, что онъ въ своей книгѣ скрылъ всю суть іудаизма, умалчивая, что подъ „ближнимъ“ талмудъ понимаетъ только еврея.

[1]) Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Еврейство въ настоящемъ и будущемъ («Новое Время“ 1885 г. № 3393).

и югѣ Россіи; если и бываютъ здѣсь вспышки, вродѣ происшедшей въ 1884 г. въ Баку, то онѣ совершенно случайны и обусловливаются особыми причинами.

Или, можетъ быть, евреевъ ненавидятъ за ихъ религію? Сами евреи особенно любятъ распространяться въ этомъ смыслѣ; при этомъ ссылки на средніе вѣка сыплются изъ ихъ устъ. Но и это объясненіе, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо [1]) Вѣдь уживаются-же наши крестьяне съ язычниками и магометанами [2]), такъ почему-же имъ чувствовать вражду къ еврейству, которое во всякомъ случаѣ ближе къ христіанству, нежели первые? У насъ даже существуетъ секта

---

[1]) Малороссійскій генералъ-губернаторъ Румянцевъ доносилъ въ Петербургъ 9 іюля 1768 года, что малоруссы не перестаютъ признавать гайдамаковъ, дѣйствовавшихъ въ „коліивщинѣ“, „за прямыхъ своихъ избавителей отъ несноснаго имъ ига польскаго въ разсужденіи принужденія вѣры, и жидовскаго, по тягостнымъ ихъ сборамъ, истощающимъ силы ихъ и, какъ они говорятъ, самою изъ нихъ выжатою кровію обогащавшихся“. Вслѣдствіе этого, по словамъ г. Шульгина, „накопившаяся у крестьянъ противъ поляковъ ненависть, какъ извѣстно, не уступала въ силѣ ненависти къ жидамъ“. (Я. Шульгинъ. Очеркъ коліивщины... Стр. 198 и 158).

[2]) „Крупныя столкновенія русскихъ рабочихъ съ татарскими лавочниками, происходившія въ Баку, нѣсколько лѣтъ назадъ, во время праздниковъ, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, которыхъ неоднократно приходилось лично разспрашивать пишущему эти строки, и какъ это хорошо извѣстно мѣстному обществу, были вызваны не религіозною нетерпимостью православныхъ къ „басурманамъ“ или обратно, а лишь циничными выходками двухъ-трехъ ловеласовъ изъ лавочниковъ противъ русскихъ женщинъ, пришедшихъ къ нимъ за покупками. Это-то и подало поводъ вмѣшаться въ дѣло праздной толпѣ рабочихъ, находившихся въ то время, по случаю праздниковъ, подъ сильнымъ вліяніемъ Бахуса“. („Вѣстникъ Европы“ 1885 г. № 12. Разбои и самосправа на Кавказѣ. Т. Стр. 632 и 633).

«жидовствующихъ», хотя и совершенно ничтожная числомъ. Если народъ говоритъ: «жиды распяли Христа», то единственнымъ объясненіемъ этого можетъ быть, по нашему мнѣнію, только желаніе народа освятить религіозной санкціей свою вражду къ евреямъ, выросшую на совершенно другой почвѣ. Это доказывается тѣмъ, что народъ вспоминаетъ о томъ, что жиды распяли Христа, игнорируя все остальное въ его Богочеловѣческой исторіи. Люди благосклонные къ евреямъ, наоборотъ, вспоминаютъ, что евреи, благодаря обѣтованію Божію, являются народомъ, какъ говоритъ г. Влад. Соловьевъ, «богорождающимъ» [1]). Почему-же народъ забываетъ одни факты изъ жизни Христа и помнитъ другіе? А потому, что онъ стремится только оживить и поддержать религіозными воспоминаніями вражду, порождаемую современными отношеніями своими къ ненавистному классу лицъ.

Не религіозная вражда и не національная антипатія составляютъ сущность ненависти къ евреямъ, а ихъ общественный паразитизмъ. Экономическая эксплуатація—вотъ истинная причина ненависти всѣхъ народовъ къ евреямъ Топинаръ въ своей «Антропологіи» говоритъ, что одно изъ характеристичныхъ чертъ евреевъ есть корыстолюбіе, развивающее въ нихъ коммерческій духъ [2]) Вотъ этотъ-то коммерческій духъ и составляетъ самую антипатичную черту еврейскаго типа. Во всякой націи найдется извѣстное количество лицъ, не менѣе евреевъ проникнутыхъ коммерческимъ духомъ; есть они, разумѣется, и между малоруссами. Но у малороссовъ число этихъ лицъ настолько незначительно, что

---

[1]) Влад. Соловьевъ. Еврейство и христіанскій вопросъ. Стр. 8.

[2]) Топинаръ. Антропологія Стр. 451.

національный типъ не пріобрѣтаетъ характера коммерческаго типа; у евреевъ-же, напротивъ, число лицъ, проникнутыхъ коммерческимъ духомъ, настолько велико, что они придаютъ свой характеръ всему типу. Изъ этого, понятно, не слѣдуетъ, чтобы всѣ евреи были проникнуты корыстолюбіемъ, но людей, не проникнутыхъ имъ, въ еврействѣ только незначительное меньшинство. Этимъ характеромъ отличается не только наше еврейство, а еврейство вообще. Извѣстный философъ Гартманъ говоритъ: «у евреевъ, вслѣдствіе тысячелѣтняго отвращенія отъ производительнаго труда, привилась страсть къ дѣятельности, единственною цѣлью которой является нажива» [1]).

«Сущность еврейскаго вопроса въ Россіи, по нашему мнѣнію, говоритъ еврейскій реформаторъ г. Прилукеръ, заключается въ той глубокой розни міровоззрѣній христіанскаго и еврейскаго, которая не вчера возникла и зародилась, не искусственно создана тѣмъ или другимъ изъ общественныхъ дѣятелей, а есть продуктъ тысячелѣтней исторической жизни». Въ іудаизмѣ «понятіе ближняго ограничивается лишь понятіемъ единоплеменника, пожалуй, даже не единовѣрца, какъ это доказываетъ евангельская притча о милосердомъ самарянинѣ—извѣстно, что самаряне исповѣдывали іудаистическую систему». «Въ моральной системѣ іудаизма, продолжаетъ онъ же, «мы замѣчаемъ почти полное отсутствіе альтруистическихъ началъ и слишкомъ обильное присутствіе элементовъ національно-эгоистическихъ»...

«Мораль іудаизма отрицаетъ принципъ равенства

---

[1]) Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Еврейство въ настоящемъ и будущемъ. («Новое Время» 1885 г. № 3395)

людей. Или, лучше сказать, она его не отрицаетъ, а наоборотъ утверждаетъ для всего человѣчества за исключеніемъ евреевъ»... «Противъ этого едва-ли можно возражать даже при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ іудаизмомъ», прибавляетъ г. Прилукеръ [1]).

«Любовь къ наживѣ была, говоритъ Летурно, врожденнымъ свойствомъ еврейскаго народа; одаренный замѣчательными способностями къ торговлѣ, денежнымъ операціямъ и т. п., онъ, какъ и остальные отрасли огромной семьи семитовъ, имѣлъ мало склонности къ ручному труду»... «Семиты рѣдко занимаются земледѣліемъ, а по большей части сваливаютъ тяжелый земледѣльческій трудъ на порабощенныхъ жителелей завоеванныхъ странъ»... «Какъ отличительную черту евреевъ, слѣдуетъ отмѣтить раннее изобрѣтеніе ими векселя, которое кладетъ особую печать на чело Израиля и выдѣляетъ его между всѣми народами» [2]).

Утверждая, что сущность ненависти къ евреямъ, порождающей безпорядки, составляетъ ихъ общественный паразитизмъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицаемъ, что религіозныя и племенныя отличія тоже играли тутъ нѣкоторую роль. Племенныя отличія рельефнѣе выдѣляли въ глазахъ народа ту экономическую эксплуатацію, которой онъ подвергался. Враждебный народу типъ кулака, осложненный племенными особенностями, рѣзко врѣзывался въ его память и рельефно выдѣлялся своими національными чертами. При такихъ обстоятельствахъ народъ легче могъ отмѣтить своихъ экономическихъ враговъ, нежели это бываетъ тогда, когда врагъ

[1]) Я. Прилукеръ. Альтруистическія начала въ этическихъ системахъ іудаизма и христіанства и чаянія обѣихъ религій въ будущемъ. Стр. 8, 14, 15, 30 и 31.

[2]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 232—234.

прикрывается общимъ народнымъ колоритомъ. За религіозныя-же особенности, какъ мы уже говорили, народъ хватается только съ цѣлью освятить свою вражду божественной санкціей, съ цѣлью убѣдить себя, что не только онъ ненавидитъ евреевъ, но и самъ Богъ.

Всѣ подробности безпорядковъ доказываютъ, что народъ озлобленъ противъ евреевъ за ихъ экономическую эксплуатацію. Разгромъ направляется не на личность евреевъ, а на ихъ имущество. Если толпа и била ихъ самихъ, то все-таки собственно звѣрства и кровожадности она не проявила. Были случаи, когда толпа находила дѣтей, оставленныхъ родителями-евреями въ домахъ, подвергшихся разгрому, при этомъ дѣти съ чрезвычайною осторожностью выводились и выносились изъ домовъ, съ цѣлью не подвергать ихъ никакой опасности. Евреи, занимающіеся не тѣмъ, что народъ привыкъ считать экономической эксплуатаціей, вродѣ медиковъ, присяжныхъ повѣренныхъ и т. д., не были тронуты. Подходитъ, напримѣръ, толпа къ дому нѣкоего Рейстера съ крикомъ: «бей жидовъ»; въ это время выходитъ самъ хозяинъ, и одинъ изъ толпы, увидя его, кричитъ: «стой, ребята, такого жида грѣшно обижать: это честный старикъ, я много лѣтъ его знаю, на грошъ не обидѣлъ». Тогда толпа отходитъ отъ дома и накидывается на другой.

Усмиреніе буйства толпы путемъ вооруженной силы и судъ надъ арестованными не дадутъ никакихъ гарантій, что безпорядки не повторятся въ будущемъ, если соціальныя отношенія евреевъ и русскаго народонаселенія не измѣнятся. Объ измѣненіи этихъ соціальныхъ отношеній мы и должны позаботиться. Въ юго-западномъ краѣ на каждомъ шагу можно натолкнуться на умныхъ и гуманныхъ людей, которые, однако, требуютъ насиль-

твеннаго выселенія евреевъ, какъ единственнаго средства спасти край отъ экономическаго истощенія. Конечно, нельзя серьезно разбирать подобнаго проекта. Люди эти не понимаютъ, что, не смотря на всю свою эксплуатацію, евреи сдѣлались необходимы для края, такъ какъ въ ихъ рукахъ находится и его торговля, и промышленность. Ампутировать подобный органъ соціальнаго тѣла немыслимо безъ общаго разстройства всего организма. Еслибы въ одно прекрасное утро всѣ евреи были высѣлены, то нѣтъ сомнѣнія, что народонаселеніе, оставшись безъ необходимыхъ посредниковъ обмѣна, почувствовало-бы всю необходимость еврейскаго населенія и съ радостью встрѣтило-бы ихъ возвращеніе. Думать, что органъ общественнаго обмѣна въ такомъ сложномъ общественномъ строѣ, какъ нашъ, можетъ легко обновиться, это значитъ не понимать процессовъ соціальнаго организма. Мы можемъ только стремиться къ тому, чтобы поставить евреевъ въ такое положеніе, при которомъ немыслима была-бы ихъ эксплуататорская дѣятельность. Еврейская эксплуатація зависитъ не только отъ корыстолюбія этой націи, но и отъ тѣхъ общественныхъ условій, въ которыхъ евреи дѣйствуютъ. Подорвать въ корнѣ ихъ дѣятельность можно будетъ только тогда, когда въ нашемъ обществѣ произойдутъ такія соціальныя измѣненія, при которыхъ эксплуататорская дѣятельность будетъ давать меньше выгодъ, нежели производительный трудъ.

Евреи утверждаютъ, что будто-бы только гоненія и стѣсненія сдѣлали евреевъ паразитами нашего общественнаго организма. То-же самое повторяетъ и г. Демидовъ Сапъ-Донато въ своей брошюркѣ [1]). Рисуя кар-

[1]) Демидовъ Санъ-Донато. Еврейскій вопросъ въ Россіи.

тину несчастнаго положенія «гонимыхъ» евреевъ въ Литвѣ и Юго-западномъ краѣ, онъ совершенно забываетъ о сравнительномъ методѣ изслѣдованія, который открылъ-бы ему глаза на истинное положеніе дѣлъ. Въ то время какъ «гонимые» будто-бы евреи оставались свободными гражданами Рѣчи Посполитой, русскіе крестьяне постепенно закрѣпощались за польскими панами и попадали подъ власть евреевъ, какъ представителей пановъ, въ видѣ арендаторовъ, кабатчиковъ и т. п. Когда Юго-западный край былъ, наконецъ, выхваченъ изъ рукъ поляковъ, то политика правительства тамъ совсѣмъ не измѣнилась. Извѣстно, что Екатерина II закрѣпостила за своими любимцами много селъ и деревень, но о закрѣпощеніи евреевъ никогда никто и не помышлялъ. Не вправѣ-ли мы поэтому сказать, что не можетъ быть и рѣчи о гоненіяхъ на евреевъ, а скорѣе можно сказать, что и польское, и русское правительство имъ покровительствовали и относились къ нимъ мягче, нежели къ большинству своего коренного населенія? Развѣ можно сравнивать то, что выносили отъ привительствъ евреи, съ крѣпостнымъ состояніемъ коренного христіанскаго населенія? Юдофилы, оправдывающіе евреевъ этими мнимыми (съ сравнительно-исторической точки зрѣнія) гоненіями, упускаютъ изъ виду общую картину тогдашней русской жизни. Почему-же коренное населеніе, будучи въ гораздо худшемъ положеніи, не обратилось въ націю ростовщиковъ и кабатчиковъ? Почему закрѣпощенный малоруссъ не возненавидѣлъ трудъ и не сталъ мечтать о ремеслѣ ростовщика? Можно отвѣтить, что масса народа естественно не могла сдѣлаться хищнической, потому что тогда некому было-бы играть роль жертвы; но мы говоримъ только о народныхъ идеалахъ, о его

стремленіяхъ и мечтахъ Въ то время, какъ большинство евреевъ не брезгаетъ ростовщичествомъ, большинство коренного населенія относится къ этому ремеслу съ негодованіемъ и презрѣніемъ и не займется имъ хотя-бы и имѣло къ тому возможность.

Какъ ни велики были еврейскіе погромы, говоритъ г. Роковъ, они оказались однако-жъ безсильны для того, чтобы всѣмъ открыть глаза на грозный еврейскій вопросъ. Причиной этого нельзя не считать незнакомство многихъ русскихъ публицистовъ со свойствами и особенностями еврейской націи. Еслибы они знали, что «во всякой націи эксплуататоръ теряется въ массѣ трудящагося слоя и только въ одной іудейской они образуютъ массу, въ которой исчезаетъ честный труженникъ», то, по всей вѣроятности, ставили-бы еврейскій вопросъ согласно мнѣнію народа, а не своимъ измышленіямъ. Все дѣло, слѣдовательно, очень часто сводится къ тому, что многіе публицисты и въ глаза не видали еврейской массы, а судятъ о ней по аналогіи съ массами другихъ національностей [1]).

Понятно, что еврейская эксплуатація можетъ быть уничтожена въ корнѣ только тѣми же средствами, какими уничтожается эксплуатація вообще. Такъ, въ настоящее время, главный недостатокъ нашего экономическаго строя состоитъ въ отдѣленіи класса капиталистовъ отъ класса рабочихъ: одни владѣютъ орудіями труда, другіе только рабочей силой. Подобный порядокъ ведетъ къ эксплуатаціи вторыхъ первыми и долженъ быть замѣненъ такимъ экономическимъ строемъ, при которомъ оба экономическіе класса сольются и будетъ

---

[1]) П. Роковъ. По поводу взгляда М. Е. Салтыкова на еврейскій вопросъ.

только одинъ классъ капиталистовъ-рабочихъ. Тогда не будетъ на свѣтѣ экономической эксплуатаціи вообще и еврейской въ частности. Но ждать это времени намъ прійдется, вѣроятно, довольно долго, а какъ извѣстно: пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ. И мы не имѣемъ права отвѣчать народу на его требованія подобными прекрасными, но сильно теоретическими соображеніями: вѣдь, пока наступитъ блаженное время братскаго союза капитала съ рабочей силой, до тѣхъ поръ могутъ погибнуть милліоны людей, а потому мы и обязаны не довольствоваться задаваніемъ народу и государству такихъ задачъ, о полномъ рѣшеніи которыхъ, въ настоящее время, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ ни народъ, ни правящіе классы не подготовлены къ этому. Необходимо придумать болѣе практическія мѣры для избавленія населенія отъ еврейской эксплуатаціи. Къ сожалѣнію, многіе впадаютъ при этомъ въ другую крайность, думая, что намъ только и остается, что ограничивать права евреевъ, не прибѣгая ни къ какимъ положительнымъ, общественно-творческимъ мѣропріятіямъ. Для того, чтобы доказать всю несправедливость этихъ мнѣній, мы возьмемъ нѣсколько практическихъ примѣровъ. Такъ, напримѣръ, много говорятъ объ эксплуатаціи населенія евреями-шинкарями (кабатчиками). При этомъ предлагаютъ воспретить евреямъ заниматься продажею крѣпкихъ напитковъ. Но, намъ кажется, что этой-же цѣли можно добиться и другимъ путемъ—общественно-творческимъ. Достаточно будетъ разрѣшить народонаселенію имѣть о б щ е с т в е н н ы й кабакъ, доходъ съ котораго, какъ и завѣдываніе, будетъ принадлежать ему самому,—и еврей-кабатчикъ будетъ устраненъ. Государство можетъ дать этимъ общественнымъ кабакамъ какія-нибудь льготы и ихъ су-

ществованіе будетъ упрочено. Много горя народонаселенію доставляетъ и еврейское ростовщичество. Но и оно легко можетъ быть устранено основательнымъ устройствомъ сельскаго общественнаго кредита. И такъ, мы видимъ, что борьба съ еврейскою эксплуатаціею отнюдь не должна быть сводима на отрицательныя мѣры ограниченія правъ евреевъ, а должна изыскивать средства помогать народонаселенію путемъ положительнаго, творческаго созиданія общественныхъ учрежденій, способныхъ устранить не только еврейскую, но и кулацкую эксплуатацію вообще. Евреи-арендаторы, какъ извѣстно, также доставляютъ не мало горя народонаселенію, поднимая цѣну земель, отдаваемыхъ ими въ наемъ крестьянамъ до небывалыхъ высотъ. Но, вѣдь, и этому горю легко помочь общественно-творческимъ путемъ: надо только позаботиться, чтобы у крестьянина было достаточно земли. Сдѣлавшись экономически сильнымъ, русское народонаселеніе дастъ такой отпоръ эксплуататорской дѣятельности вообще, что заработки паразитовъ могутъ стать меньше, нежели заработокъ трудящагося человѣка. При подобныхъ условіяхъ корыстолюбіе евреевъ заставитъ ихъ обратиться къ труду. Этотъ процессъ можетъ быть облегченъ путемъ поднятія заработка ремесленнаго труда, къ которому евреи только и способны. Это поднятіе можетъ произойти, благодаря увеличенію производительности ремесленнаго труда, въ которомъ такъ нуждается, можно сказать, вся Россія. Наша ремесленно-техническая отсталость всѣмъ извѣстна; ремесленныя школы, заведенныя въ достаточномъ количествѣ, могутъ помочь этому горю. Такимъ образомъ, евреи, съ одной стороны, поднятіемъ благосостоянія массъ будутъ вытѣсняться изъ сферы паразитизма, путемъ пониженія заработка эксплуатато-

ровъ; а съ другой—привлекаться на путь ремесленнаго труда, благодаря повышенію заработковъ ремесленника. Мы не можемъ вѣрить въ возможность обратить евреевъ къ земледѣлію; всѣ попытки къ этому были до сихъ поръ совершенно напрасны Мэкензи Уоллэсъ говоритъ, что большая часть земли еврейскихъ колоний стовъ «остается невоздѣланною или сдается другимъ колонистамъ, такъ что весь небольшой доходъ какой имѣютъ евреи-поселенцы, они извлекаютъ изъ другихъ промысловъ, болѣе или менѣе тайнаго характера» [1]). Автору этой книги приходилось жить около года по сосѣдству съ еврейскими колоніями въ 1867—1868 гг. и, судя по словамъ мѣстныхъ жителей, онъ можетъ вполнѣ подтвердить выводъ, сдѣланный Мэкензи Уоллэсомъ. Въ настоящее время продолжается то же самое. Такъ въ 1890 г. «Недѣля» сообщала, что въ «Новороссійск. Телеграфѣ» помѣщена интересная статья г. Неручева о новороссійскихъ еврейскихъ колоніяхъ, изображающая состояніе послѣднихъ статистически, т. е. цифрами. Оказывается что въ 21 колоніи, изъ 1,422 дворовъ дѣйствительно занимаются земледѣліемъ только 576. т. е. около 40%, въ нѣкоторыхъ же колоніяхъ земледѣльцевъ меньше, чѣмъ по десяти. Добиться, сколько именно каждый засѣвалъ земли — крайне трудно, потому что евреи скрываютъ дѣйствительность и противорѣчатъ другъ другу. Обработка земли—убійственная, и урожаи—худшіе въ округѣ. Тѣ, которые называютъ себя хлѣбопашцами, засѣвавшими землю, на требованіе показать плугъ, отдѣлываются отвѣтомъ, что по окончаніи посѣва плугъ былъ проданъ. По словамъ сосѣдей, еврей «безъ мужика и своего поля не найдетъ»

[1]) Мэкензи Уоллэсъ. Россія.

При рѣдкихъ домахъ есть дворъ, при большинствѣ нѣтъ ни забора, ни воротъ, на иныхъ домахъ нѣтъ даже кровли. Между тѣмъ евреи имѣютъ около 10 десятинъ земли на душу, а платежей съ десятины приходится лишь около 70 к. При такомъ ничтожномъ обложеніи, недоимки — больше двухъ годовыхъ окладовъ. Большая часть земли сдается въ аренду за деньги, и кромѣ того евреи берутъ съ сосѣдей за выпасъ скота на ихъ землѣ. Въ итогѣ получаетси, съ одной стороны, масса земли, ничтожный налогъ и денежный доходъ отъ сосѣдей, а съ другой — полная безхозяйственность и недоимки» [1]).

Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться, что, указывая на необходимость общественно-творческихъ мѣропріятій для борьбы съ еврейской эксплуатаціей, мы не хотимъ этимъ сказать, что путь отрицательной борьбы — вполнѣ безплоденъ и не нуженъ. До тѣхъ поръ, пока государство не обезопаситъ крестьянина отъ еврейской эксплуатаціи путемъ, указаннымъ нами,—было-бы неблагоразумно бросить его безъ всякой охраны, хотя-бы только пассивной. Правящіе классы должны избѣгать возбужденія народнаго неудовольствія, а несомнѣнно, что дарованіе полныхъ правъ евреямъ, въ настоящее бѣдственно-критическое для крестьянина время, покажется ему поблажкой еврейской эксплуатаціи. Возбужденіе противъ евреевъ настолько сильно, что никто не вправѣ разсчитывать на устраненіе погромовъ единственно силою оружія; необходимо, чтобы народъ видѣлъ, что противъ еврейской эксплуатаціи принимаются государственныл мѣры и только тогда можно надѣяться на нѣкоторое успокое-

[1]) «Недѣля» 1890 г. № 42.

ніе страстей. Даже еврейскіе публицисты не вѣрятъ въ возможность устраненія погромовъ силою оружія; такъ, «Новости» утверждали, что «размѣры погромовъ увеличиваются пропорціонально усиленію мѣръ противодѣйствія» [1]).

На этомъ основаніи, мы не можемъ сучувствовать дозволенію евреямъ селиться повсемѣстно, п о к а э т о д о з в о л е н і е н е б у д е т ъ с о п р о в о ж д а т ь с я ю р и д и ч е с к о - э к о н о м и ч е с к и м и м ѣ р а м и, с п о с о б с т в у ю щ и м и р у с с к о м у н а р о д у с т а т ь в ъ н е з а в и с и м о е э к о н о м и ч е с к о е п о л о ж е н і е, п р и к о т о р о м ъ н е м ы с л и м а б ы л а - б ы е в р е й с к а я э к с п л у а т а ц і я. Дѣло въ томъ, что наше законодательство, собственно говоря, не запрещаетъ евреямъ селиться повсемѣстно. Евреямъ-ремесленникамъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими категоріями евреевъ, открытъ доступъ во всѣ мѣста. Права ограничены только тѣхъ изъ нихъ, которые стремятся въ глубь Россіи, какъ на непочатую почву для эксплуатаціи. Слѣдовательно, можно сказать что de facto ограничены права не націи, а класса хищниковъ. (Разумѣется, что мы говоримъ объ общемъ правилѣ, а не о тѣмъ исключеніяхъ, которыя навѣрное есть и здѣсь. Напримѣръ, еврей-литераторъ, не имѣющій извѣстнаго образовательнаго ценза, не состоящій въ 1-й гильдіи, не имѣетъ права селиться повсемѣстно, потому что законъ не предусмотрѣлъ подобнаго случая и не относитъ его къ ремесленникамъ; но это только исключеніе, хотя и достойное всякаго сожалѣнія, общее-же правило носитъ на себѣ характеръ запрещенія э к с п л у а т а т о р с к о й дѣятельности).

[1]) „Новости“ 1883 г., № 196.

Правда, можно указывать на несправедливость этого запрещенія, какъ относящагося только къ евреямъ и не касающагося эксплуататоровъ другихъ національностей; но если запрещеніе относится, главнымъ образомъ, къ эксплуататорамъ, то мы не можемъ требовать тѣхъ-же правъ для еврейскихъ эксплуататоровъ, какія имѣютъ эксплуататоры другихъ національностей; съ нашей точки зрѣнія, мы скорѣе пожелаемъ ограниченія правъ эксплуататоровъ вообще, нежели расширенія свободы дѣйствій для одной изъ группъ, историческими обстоятельствами нѣсколько связанной.

Мы уже говорили, что, по нашему мнѣнію, путь ограниченія правъ эксплуататоровъ не есть истинный путь освобожденія народа отъ эксплуатаціи; для этого необходимо крестьянина поставить въ такое положеніе, чтобы онъ не поддавался эксплуататору, даже пользующемуся всѣми правами. Это тѣмъ болѣе необходимо, что путь ограниченія правъ извѣстной части гражданъ тормазить вообще ходъ общественнаго развитія. Но еслибы намъ почему-либо было невозможно идти по истинному пути народнаго освобожденія отъ еврейской эксплуатаціи, то лучше идти хоть по окольной, мало цѣлесообразной дорогѣ ограниченія правъ эксплуататоровъ. Это если и доставитъ ничтожную экономическую выгоду, то все-таки удовлетворитъ народную совѣсть, возмущающуюся полной свободой эксплуататоровъ. Ограниченіе правъ евреевъ не разрѣшаетъ, конечно, еврейскаго вопроса, но и расширеніе ихъ правъ, безъ соотвѣтственныхъ соціальныхъ мѣръ, тоже ничего не рѣшаетъ.

Мы высказываемъ мысль объ ограниченіи правъ евреевъ не только потому, что считаемъ вреднымъ для русскаго народонаселенія еврейскую эксплуатацію, но,

главнымъ образомъ, исходя изъ той мысли, что общественное мнѣніе должно играть рѣшающую роль въ законодательствѣ. Такъ какъ несомнѣнно, что голосъ народа, т. е. общественное мнѣніе, высказывается противъ дозволенія евреямъ селиться повсемѣстно, то и законодательство должно идти по этому пути. Всѣ несогласные съ такого рода рѣшеніемъ общественнаго мнѣнія вправѣ лишь критиковать его и убѣждать общество въ необходимости рѣшать его иначе. Если-же они будутъ убѣждать правительство рѣшить вопросъ несогласно съ общественнымъ мнѣніемъ, то этимъ только докажутъ свое нежеланіе подчинять законодательство общественному мнѣнію, т. е. снимутъ свои либеральныя маски. Только тотъ, кто презираетъ мысль объ участіи общественнаго мнѣнія въ законодательствѣ, можетъ требовать отъ законодателя разрѣшенія евреямъ селиться повсемѣстно, несмотря на нежеланіе общества или, лучше сказать, всего народа допустить это. Разумѣется, всякій вправѣ критиковать общественное мнѣніе, но разъ будетъ поставленъ вопросъ: долженъ-ли издаваемый законъ соотвѣтствовать народному желанію или нѣтъ, то, по нашему мнѣнію, всѣ прогрессисты обязаны рѣшить его въ положительномъ смыслѣ, какого бы они мнѣнія ни держались о еврейскомъ вопросѣ. Вѣдь во всякомъ случаѣ единственнымъ критеріемъ практическаго рѣшенія соціальныхъ вопросовъ можетъ быть только общенародное мнѣніе, а это мнѣніе требуетъ ограниченія правъ евреевъ.

Понятно, впрочемъ, что мы оставляемъ за собою право убѣждать общественное мнѣніе, что ограниченіе правъ—плохое средство избавиться отъ такихъ ловкихъ эксплуататоровъ, каковы евреи. Но, оставаясь при своемъ убѣжденіи, мы все таки считаемъ необходимымъ,

чтобы законъ о евреяхъ соотвѣтствовалъ народному мнѣнію. Въ противномъ случаѣ, мы бы поступили противъ одного изъ основныхъ своихъ принциповъ: законодательство должно быть основано на народномъ міросозерцаніи.

Несомнѣнно, что естественно-стихійная реакція русскаго общества на вредное вліяніе евреевъ, проявляющаяся въ видѣ разгромовъ ихъ имущества, не можетъ повести къ благопріятнымъ результатамъ, а, напротивъ, способна пріучить личность къ дѣйствіямъ, нетерпимымъ ни въ какомъ обществѣ,—къ своевольству и насилію. Никто изъ серьезныхъ людей не вправѣ относиться къ подобнымъ явленіямъ легко; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не видѣть въ этихъ разгромахъ жизненныхъ указаній на необходимость принять общественныя мѣры для уничтоженія того зла, которое вызываетъ народныя конвульсіи Еврейскіе публицисты стараются доказать, что причиной явленія—«разнузданность массы», и довольно прозрачно намекаютъ на необходимость крутыхъ мѣръ. Но необходимо принять во вниманіе, что разгромъ еврейскаго имущества вызывается не какими-либо противообщественными инстинктами (какими вызываются воровство, убійство и т. п. преступленія), а неумѣлымъ стремленіемъ защитить себя отъ вреднаго вліянія евреевъ. Правительство, очевидно, стало на эту точку зрѣнія, такъ какъ большинство погромщиковъ судилось у мировыхъ судей, а не въ окружномъ судѣ, какъ требовали еврейскіе публицисты, приравнивающіе ихъ дѣйствія къ обыкновенному грабежу.

Признавая несомнѣннымъ тотъ фактъ, что погромы еврейскаго имущества въ основѣ своей имѣютъ не противообщественные инстинкты, а неумѣлую самозащиту, мы должны прійти къ заключенію, что необходимо

на будущее время предупредить ихъ принятіемъ раціональныхъ общественныхъ мѣръ, ограждающихъ народъ отъ еврейской эксплуатаціи, а не довольствоваться противупоставленіемъ государственной силы насилію погромщиковъ. Мы уже говорили объ этихъ мѣрахъ и не будемъ здѣсь повторяться. Теперь разсмотримъ только тѣ мѣропріятія, которыя проектируются съ цѣлью уничтоженія погромовъ еврейскими публицистами и ихъ сотоварищами изъ русскихъ публицистовъ.

Основное ихъ требованіе состоитъ въ томъ, чтобы «уничтожить всякое ограниченіе правъ евреевъ и дать имъ полную свободу селиться по всей Россіи». При этомъ они обыкновенно говорятъ, что принципъ ограниченія чьихъ-бы то ни было правъ вноситъ разлагающіе элементы въ общественный организмъ и вредитъ всему обществу. Съ этимъ нельзя не согласиться, а потому и къ предлагаемой ими мѣрѣ необходимо отнестись съ этой-же точки зрѣнія. Посмотримъ-же, не нарушитъ-ли чьей-нибудь свободы дарованіе евреямъ права селиться по всей Россіи.

Извѣстно, что въ погромахъ принимаютъ очень живое участіе нетолько коренные жители тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ погромы происходятъ, а и пришлые элементы, въ особенности великоруссы. Многіе корреспонденты указываютъ на то, что великоруссы, обыкновенно, являются зачинщиками погрома и идутъ впереди, предводительствуя толпою. Фактъ участія великоруссовъ, собранныхъ изъ самыхъ отдаленныхъ губерній, никѣмъ не оспаривается. Напротивъ, еврейскіе публицисты любятъ указывать на него, какъ на доказательство, что погромы вызываются будто-бы не еврейской эксплуатаціей, о которой-де никакъ не могутъ знать пришлые люди, а религіозной враждой. Мы уже указывали на

лживость этой инсинуаціи, а потому и считаемъ себя вправѣ не касаться ея здѣсь. Мы хотимъ только обратить должное вниманіе на тотъ фактъ, что къ евреямъ питаютъ вражду нетолько коренные жители тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ они живутъ, а и остальное народонаселеніе Россіи. Разумѣется, на этомъ основаніи нельзя еще утверждать, что всѣ мѣстности Россіи не желали-бы имѣть у себя евреевъ, такъ какъ подобное утвержденіе было-бы вполнѣ достовѣрно только послѣ опроса самаго населенія. Но нельзя также сомнѣваться въ томъ, что евреевъ, по крайней мѣрѣ, не вездѣ приняли-бы доброжелательно и добровольно. Если-же это такъ, то спрашивается: не будетъ-ли дарованіе евреямъ права селиться по всей Россіи нарушеніемъ правъ кореннаго народонаселенія? Вѣдь еврейскіе публицисты добиваются изданія закона, дозволяющаго евреямъ жить повсемѣстно, помимо воли коренного народонаселенія. Этимъ самымъ они стремятся ограничить права этого народонаселенія на свободу жизни и сношеній. Государство, какъ извѣстно, предоставило нашимъ сельскимъ общинамъ право выселять отъ себя порочныхъ членовъ и этимъ самымъ подтвердило необходимость для общины самостоятельно и независимо опредѣлять, съ кѣмъ она хочетъ имѣть дѣло, а съ кѣмъ нѣтъ. Въ числѣ коренныхъ правъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ общинъ, всегда считалось право на исключеніе тѣхъ членовъ, съ которыми они не хотѣли-бы имѣть никакого дѣла. Правда, у насъ это совершенно не практикуется, но нельзя не признать, что это есть только ограниченіе правъ общинъ, которое въ будущемъ должно быть устранено.

Если-бы еврейскіе публицисты и ихъ русскіе защитники дѣйствительно думали о необходимости уважать

принципы свободы, то они должны были-бы доказывать необходимость даровать евреямъ право селиться тамъ, гдѣ общины коренного народонаселенія ихъ примутъ. Они-же, наоборотъ, стремятся только къ тому, чтобы насильно навязать общинамъ евреевъ, несмотря на печальные примѣры того, какъ относится народонаселеніе къ этому племени. Кто-же повѣритъ ихъ увѣреніямъ, будто этимъ способомъ мы избавимся отъ печальныхъ явленій погромовъ, призыванія войскъ для защиты еврейскаго имущества и т. д? Гораздо вѣроятнѣе, что подобное нарушеніе правъ коренного населенія только вызоветъ въ немъ еще бо́льшую вражду къ евреямъ. Да и къ чему, спрашивается, нарушать основныя права коренного населенія? Неужели для того только, чтобы имѣть удовольствіе выслушать отъ еврейскихъ публицистовъ похвалу за расширеніе свободы евреевъ въ ущербъ свободѣ русскихъ? Еврейскіе публицисты много кричатъ объ ограниченіи правъ евреевъ повсемѣстно селиться, представляя дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто русскій народъ обязанъ принять ихъ къ себѣ въ сожительство Отрицать за какимъ-либо народомъ право не пускать на свою территорію почему-либо неудобнымъ для него людей— никто не вправѣ. Какъ извѣстно, въ московскомъ государствѣ евреи не имѣли права селиться. Съ расширеніемъ-же власти Москвы, йе пришлось поневолѣ допустить существованіе евреевъ въ своихъ владѣніяхъ, такъ какъ она присоединила къ себѣ земли, на которыхъ уже поселились евреи, при могущественной поддержкѣ польскаго панства и помимо желанія народа. Но оставивъ евреевъ на мѣстахъ ихъ прежняго жительства, московское государство не допускало ихъ селиться въ остальной части своихъ владѣній, ибо подоб-

ное дозволеніе было-бы расширеніемъ правъ евреевъ въ ущербъ коренному населенію. Почти въ томъ-же положеніи дѣло осталось и до сихъ поръ. Еврейскія требованія на право селиться во всей Россіи должны быть разсматриваемы, какъ требованія на расширеніе ихъ правъ, основанныя только на томъ, что Россія расширилась и распространилась усиліями отнюдь не евреевъ, а коренного населенія. Евреи, слѣдовательно, хотятъ эксплуатировать въ свою пользу фактъ расширенія границъ Россіи, нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ права коренного населенія, искони не желавшаго ихъ сожительства. Такимъ образомъ, если мы будемъ смотрѣть на претензіи евреевъ съ точки зрѣнія правъ коренного населенія тѣхъ мѣстъ, куда они стремятся, то должны будемъ признать, что принципы свободы будутъ нарушены какъ разъ тѣмъ, за что еврейскіе публицисты ратуютъ во имя свободы.

Но можно задать вопросъ: не обязано-ли населеніе восточной Россіи облегчить бремя еврейскаго поселенія своимъ западнымъ соотечественникомъ? Для правильнаго рѣшенія его слѣдуетъ разсмотрѣть еврейскій вопросъ съ точки зрѣнія населенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ евреи. Въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краяхъ евреи поселились уже давно и нѣкоторымъ образомъ сдѣлались ихъ туземцами. Правда, поселились они помимо желанія русскаго населенія, усиліями польскихъ королей и польско-литовскаго панства, но зло уже въ настоящее время непоправимо, такъ какъ выселеніе нѣсколькихъ милліоновъ жителей изъ края—немыслимо. Это невозможно и потому, что евреи захватили тамъ въ свои руки всю торговлю, и край не можетъ остаться въ одинъ прекрасный день безъ посредниковъ торговаго обмѣна, каковы-бы эти послѣдніе ни были. Слѣдовательно, зло

сожительства съ евреями—неизбѣжно для русскаго населенія западныхъ окраинъ. Но, быть можетъ, это зло облегчится дозволеніемъ евреямъ селиться по всей Россіи? Мы думаемъ, что нѣтъ, и вотъ по какимъ основаніямъ. Извѣстно, что евреи стремятся въ Россію съ торговыми цѣлями. Законодательство наше давно дозволило евреямъ-ремесленникамъ селиться по всей странѣ, за исключеніемъ Финляндіи, гдѣ существуетъ свой законъ. Всѣ вопли еврейскихъ публицистовъ объ ограниченіи правъ евреевъ сводятся къ требованію допустить въ Россію еврейскихъ торговцевъ и ростовщиковъ. Спрашивается, какое облегченіе получитъ западъ Россіи отъ того, что часть его еврейскихъ торговцевъ выселится на востокъ? Въ настоящее время, благодаря тому, что евреи вообще стремятся заниматься не ремесломъ или земледѣліемъ, а торговлею,—они хоть сколько-нибудь конкурируютъ другъ съ другомъ. Вся сфера торговаго обмѣна переполнена съ излишкомъ евреями и они поневолѣ должны довольствоваться меньшимъ процентомъ прибыли. Правда, они умѣютъ сильно смягчать свою конкурренцію другъ другу разнаго рода стачками, но фактъ излишняго переполненія торговой сферы долженъ, въ концѣ концовъ, вліять на ихъ ростовщическій процентъ. Кромѣ того, переполненіе торговой сферы настолько сильно, что часть еврейскаго населенія загоняется экономической нуждой въ сферу производительнаго, ремесленнаго труда. Коренное населеніе, слѣдовательно, только выигрываетъ отъ того, что евреевъ больше, нежели можетъ вмѣстить сфера торговаго обмѣна.

Что-же произойдетъ при дозволеніи евреямъ селиться

по всей Россіи? Часть еврейскихъ торговцевъ отхлынетъ на востокъ и этимъ самымъ конкурренція между оставшимися на мѣстѣ уменьшится, а, слѣдовательно, ихъ торговый процентъ поднимется въ ущербъ остальному населенію. Жители западной половины Россіи, очевидно, ничего не выигрываютъ отъ того, что еврейская эксплуатація распространится по всей странѣ.

Необходимо принять во вниманіе и то, что дозволеніе селиться въ восточной Россіи не только евреямъ-ремесленникамъ, а и торговцамъ, и ростовщикамъ поведетъ къ тому, что среди евреевъ уменьшится количество ремесленниковъ. Всѣмъ извѣстно ихъ стремленіе къ торговымъ операціямъ; если среди нихъ мы встрѣчаемъ ремесленниковъ и даже чернорабочихъ, то только потому, что въ чертѣ ихъ осѣдлости торговая сфера черезъ-чуръ переполнена. При своей способности къ наживѣ, евреи захватятъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ всю торговлю въ Россіи,—разъ мы откроемъ имъ свою границу. Если теперь среди нихъ мы встрѣчаемъ производительныхъ работниковъ, то тогда ихъ не будетъ и въ поминѣ. Выгодно-ли это будетъ даже съ точки зрѣнія нравственнаго развитія еврейскаго племени? Вѣдь оно окончательно тогда превратится въ племя торговцевъ, неспособныхъ жить самостоятельно и независимо, о чемъ евреи мечтаютъ до сихъ поръ. Кромѣ того, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что вражда къ нимъ еще болѣе усилится, а, слѣдовательно, можно ожидать, что увеличится число погромовъ. Стоитъ только подумать о томъ, что евреи, благодаря своимъ эксплуататорскимъ способностямъ, могутъ захватить въ свои руки всю русскую торговлю и вытѣснить изъ нея русскихъ людей, чтобы понять всю общественную опасность подобнаго будущаго. Разумѣется, съ точки зрѣнія исключительно эконо-

мическихъ интересовъ народа, будетъ небольшая разница между торговымъ посредникомъ изъ русскихъ кулаковъ и еврейскихъ шахеръ-махеровъ, но дѣло вѣдь не только въ этомъ. Опасность подобнаго будущаго состоитъ въ томъ, что торговецъ, который вообще не особенно долюбливается рабочимъ, будетъ, кромѣ того, евреемъ. Если антагонизмъ между торговымъ сословіемъ и производительными классами сказывается и теперь, то онъ несомнѣнно обострится, когда къ торговому сословію будутъ принадлежать люди другого племени, языка и религіи, да при томъ еще люди, нелюбимые народонаселеніемъ. При подобныхъ обстоятельствахъ можно скорѣе опасаться увеличенія погромовъ, а не ожидать ихъ уменьшенія. Нельзя не принять во вниманіе соціальной опасности подобнаго экономическаго порабощенія Россіи еврейскому племени.

Еслибы коренное рѣшеніе экономическо-крестьянскаго вопроса сопровождало тѣ мѣры, которыя требуются защитниками расширенія правъ евреевъ, то мы охотно стали-бы на ихъ сторону, разумѣется, подъ условіемъ сліянія евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Тогда почва для еврейской эксплуатаціи была бы съужена, такъ что расширеніе правъ евреевъ не повело бы за собою экономическаго закабаленія имъ крестьянства. При нынѣшнемъ-же положеніи вещей, когда евреи, даже не владѣя полными гражданскими правами, въ массѣ своей являются болѣе экономически сильными, нежели наше крестьянство,—равноправность поведетъ только къ бо̀льшему господству еврейства надъ крестьянствомъ; иначе говоря, мѣра, направленная какъ-бы для внесенія большей равноправности въ общественныя отношенія, на самомъ дѣлѣ будетъ способствовать усиленію неравен-

ства. Поэтому, во имя принциповъ справедливости и равенства, мы и говоримъ объ ограниченіи правъ евреевъ, т. е. кулаковъ извѣстнаго края.

Многимъ кажется непонятнымъ то явленіе, что люди, стоящіе подъ знаменемъ равноправности, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуютъ ограниченія правъ евреевъ. По ихъ мнѣнію, только преступная дѣятельность (въ смыслѣ нарушенія извѣстныхъ законовъ и постановленій) можетъ вызывать такія ограниченія; евреи-же, занимающіеся торговлей всякаго рода, допускаемой закономъ, не могутъ быть ограничиваемы въ своихъ правахъ безъ нарушенія справедливости. Но люди, высказывающіе такое мнѣніе, очевидно, забываютъ, что «не только отдѣльныя личности, но даже цѣлыя націи могутъ деморализоваться» [1]), т. е, дѣлаться преступными.

Въ правѣ евреевъ на покупку и аренду земли, нынѣ имъ запрещенномъ, заключалось только право на торговлю этой землей въ ущербъ сельскому хозяйству и интересамъ крестьянъ. Сами евреи земли не обрабатываютъ и свѣдѣній по сельскому хозяйству никакихъ не имѣютъ,—ихъ отношеніе къ землѣ вполнѣ торгашеское, идущее въ разрѣзъ съ существомъ сельско-хозяйственной промышленности. Интересы народныхъ массъ, а, слѣдовательно, и государства, требуютъ искорененія подобныхъ отношеній къ землѣ, а потому и временная мѣра, заградившая еврейству доступъ къ землѣ, вполнѣ справедлива [2]).

---

[1]) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 105.

[2]) «Просвѣщенная Европа установила въ соціальной экономіи, говоритъ г. Влад. Соловьевъ, безбожные и безчеловѣчные принципы, а потомъ пеняетъ на евреевъ за то, что они слѣдуютъ этимъ принципамъ». («Еврейство и христіанскій вопросъ»). Просвѣщенная Европа, скажемъ мы, пародируя г. Соловьева,

Принципъ борьбы за право путемъ ограниченія правъ тѣхъ лицъ, которыя нарушаютъ общественное благо своею, хотя-бы и вполнѣ дозволенной законами, дѣятельностью,—постоянно примѣняется въ практической жизни обществъ, исправляя недостатки общественной организаціи и служа предвѣстникомъ болѣе коренныхъ реформъ. Недавно граждане Соединенныхъ Штатовъ должны были прибѣгнуть къ мѣрѣ, аналогичной съ нашимъ закономъ о евреяхъ. Китайцы стали массами переселяться въ Сѣверную Америку, понижая не только заработную плату, но и нравственныя отношенія между нанимателями и нанимаемыми. «Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Британской Колумбіи, въ Австраліи и въ Новой Зеландіи на китайскихъ рабочихъ прежде всего наложили большія таксы, а затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ запретили переселеніе» [1]). Американцы не стали ждать того времени, когда отношенія между капиталомъ и трудомъ измѣнятся настолько, что куліи не будутъ опасны для экономическаго и нравственнаго благосостоянія рабочихъ классовъ, соображаясь съ практическими и общественными требованіями, они воспретили ввозъ куліевъ. Разумѣется, этой мѣрой они нарушили права куліевъ, но что-же было дѣлать, когда огражденіе матеріальнаго и ду-

установила обычай войны, а потомъ пенятъ на баши-бузуковъ и другихъ варваровъ, которые сдираютъ шкуру съ плѣнныхъ или безжалостно добиваютъ раненыхъ. Въ томъ-то и дѣло, что евреи злоупотребляютъ нынѣшней соціальной войной, подобно баши-бузукамъ въ физической войнѣ. «Еврей доводитъ до послѣднихъ логическихъ результатовъ тѣ ненормальныя отношенія, въ которыхъ стоятъ крупные землевладѣльцы и крестьяне». (В. Варзеръ. Евреи-арендаторы въ Черниговской губерніи. «Отеч. Зап.», 1878 г., № 10).

[1]) Я. А. Новиковъ. Протекціонизмъ.

ховнаго благосостоянія рабочихъ классовъ требовало этой мѣры? Критиковать американскій законъ относительно куліевъ съ точки зрѣнія общечеловѣческой солидарности немыслимо, потому что внесеніе этихъ принциповъ въ жизнь въ ихъ полномъ и чистомъ видѣ, очевидно, повело-бы за собою пониженіе благосостоянія народа, не исправляя нынѣшнихъ общественныхъ формъ его быта. На американской почвѣ произошло столкновеніе двухъ равно справедливыхъ интересовъ, изъ которыхъ одинъ былъ чужестраннымъ, а другой— мѣстнымъ. Но даже при такой постановкѣ дѣла, при равной справедливости этихъ двухъ интересовъ, американскій народъ счелъ себя вправѣ оградить мѣстный интересъ нарушеніемъ правъ чужестраннаго, такъ какъ не видѣлъ иного практически осуществимаго исхода. Тѣмъ болѣе русскій народъ имѣетъ право требовать ограниченія правъ евреевъ, которые являются не трудолюбивыми работниками, какъ куліи въ Америкѣ, а прямыми эксплуататорами.

Евреи особенно настаиваютъ на правѣ разселенія по всей Россіи. Мы уже говорили, что еврейство дѣлится на три группы. Громаднѣйшее большинство занято торгово-промышленными операціями, ремесленники составляютъ незначительную часть, чернорабочіе-же очень немногочисленны, даже по отношенію къ ремесленной группѣ. Какой-же изъ этихъ группъ тѣсно въ отведенныхъ имъ районахъ? Ремесленники, какъ извѣстно, имѣютъ право селиться по всей Россіи. Чернорабочіе всегда найдутъ работу на мѣстѣ, также какъ и чернорабочіе изъ христіанъ. Остаются только торгово-промышленники. Они то и подымаютъ вопли о скученности еврейскаго населенія, ибо имъ хотѣлось-бы, разумѣется, расширить районъ своей торгово-про-

мышленной эксплуатаціи, и такимъ образомъ, повысить нынѣшній сравнительно скудный доходъ. Но если нынѣшній скудный доходъ отъ торговли заставляетъ многихъ евреевъ обращаться къ производительному труду — ремесленному и чернорабочему, то при расширеніи правъ ихъ селиться по всей Россіи все еврейство обратится въ эксплуататоровъ. При дозволеніи евреямъ заниматься торговлей по всей Россіи необходимо произошло-бы вытѣсненіе русскихъ торговцевъ еврейскими. Если принять во вниманіе, что евреевъ у насъ около 4-хъ милліоновъ, то необходимо заключить, что въ концѣ-концовъ всѣ евреи нашли-бы себѣ торговыя занятія и отовсюду вытѣснили бы русскихъ, что можетъ повести къ безчисленнымъ соціальнымъ бѣдствіямъ, такъ какъ естественная экономическая рознь труда и капитали осложнилась-бы расовой и религіозной рознью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, народное сознаніе, благодаря этому послѣднему осложненію, необходимо-бы сбивалось съ истиннаго пути выясненія отношеній труда къ капиталу, такъ какъ то, что должно-бы относиться на счетъ капитала вообще, приписывалось-бы только еврейскому капиталу. Въ переходѣ торговли въ еврейскія руки, говорятъ, есть извѣстная выгода для русскаго народа, такъ какъ онъ-де будетъ избавленъ отъ той нравственной порчи, которую необходимо прививаетъ торговля,—такъ, по крайней мѣрѣ, убѣждалъ насъ одинъ еврейскій публицистъ, въ одно и то-же время желавшій оградить русскихъ отъ нравственной заразы и усилить эту заразу въ собственномъ народѣ, о правахъ котораго онъ хлопоталъ. Но очевидно, что русскій народъ не желаетъ ограждать свою нравственную чистоту, сваливая всѣ нечистыя занятія на еврейскія плечи, а потому и не желаетъ принять въ свою

городскую и сельскую общину пришлыхъ эксплуататоровъ. Мы-же съ своей стороны не считаемъ торгово-промышленнаго еврейства заслуживающимъ нашихъ симпатій, а потому и вправѣ не заботиться о расширеніи его правъ; мы убѣждены въ томъ, что это расширеніе только уменьшитъ количество евреевъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, т. е. вообще понизитъ, въ концѣ концовъ, нравственный уровень еврейскаго народа. Скученность и неравноправность евреевъ—тяжелая и горькая школа, но еврейство обязано пройти ее, чтобы привыкнуть, хотя мало-по-малу, къ производительнымъ занятіямъ. Нынѣшняя-же ихъ хищническая дѣятельность несомнѣнно ведетъ къ духовному вырожденію, о которомъ Гартманъ говоритъ слѣдующее: «не подлежитъ никакому сомнѣнію, что современный еврейскій типъ, подъ вліяніемъ историческихъ условій, выродился въ физическомъ и умственномъ отношеніи» [1]). Евреи напрасно хвастаются своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ кореннымъ населеніемъ Россіи, забывая, что пронырливость и т. п. умственныя качества, хотя и даютъ имъ перевѣсъ надъ другими въ дѣлахъ торговыхъ и биржевыхъ, но все-таки считались и считаются низшими умственными способностями. Поэтому извѣстная заносчивость евреевъ, въ этомъ отношеніи, не имѣетъ никакихъ основаній, а между тѣмъ она сильно отталкиваетъ коренное населеніе отъ еврейства.

Въ средѣ евреевъ началось любопытное движеніе: между ними нарождаются люди, старающіеся раз-

---

[1]) Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Еврейство въ настоящемъ и будущемъ. («Новое Время» 1885 г., № 3393).

рѣшить еврейскій вопросъ нетолько традиціонными указаніями на необходимость расширенія правъ евреевъ, но и другими мѣрами, вѣрнѣе ведущими къ цѣли. Къ числу такихъ людей принадлежитъ и г. Бенъ-Сіонъ [1]). Онъ находитъ, что евреи сами въ значительной степени виноваты въ тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ, какія установились между ними и кореннымъ населеніемъ. Поэтому и требуетъ, чтобы первые шаги къ примиренію шли отъ самихъ евреевъ. Въ числѣ «крайнихъ фанатиковъ», препятствующихъ этому, находится, по его мнѣнію, русско-еврейская печать.

Вмѣсто того, чтобы безпристрастно и всесторонне разбирать положительныя и отрицательныя стороны еврейства, говоритъ нашъ авторъ, органы этой печати сразу стали на ложный путь и занялись исключительно восхваленіемъ національныхъ достоинствъ евреевъ, ихъ геніальныхъ способностей, энергіи, трудолюбія, трезвости и воздержности; еврейская масса, сама по себѣ не слишкомъ привлекательная, возводится у нихъ чуть ли не до идеальной высоты святыхъ и невинныхъ мучениковъ. Эта безтактность, чтобы не сказать тщеславіе, и исключительно апологетическій характеръ еврейской публицистики естественно должны были усилить раздраженіе въ анти-еврейскомъ лагерѣ. Слишкомъ ужь не по разуму усердствовали, прибавляетъ г. Бенъ-Сіонъ, русско-еврейскіе публицисты [2]).

---

[1]) Бенъ-Сіонъ. «Евреи реформаторы. Опытъ соціально-религіозной реформы еврейства и новая постановка еврейскаго вопроса въ Россіи».

[2]) Вообще, фальшивость положенія, занятаго еврейскими публицистами по отношенію къ задачамъ русской общественной жизни, выясняется мало-по-малу до полной наглядности. Дѣло въ томъ, что еврейскіе погромы воочію убѣдили ихъ, что народъ от-

Многіе,—въ томъ числѣ и многіе евреи,—продолжаетъ авторъ, готовы были видѣть въ погромахъ и безпорядкахъ случайныя вспышки народнаго своеволія, случайный пьяный разгулъ буйной толпы, и полагали,

---

носится къ евреямъ весьма враждебно, и имъ стало ясно, что проповѣдь объ уваженіи государствомъ народнаго мнѣнія совершенно не въ интересахъ еврейскаго населенія. Поэтому они и стали утверждать, что говорить о томъ, что общественныя формы должны зависѣть отъ міросозерцанія народа, значитъ стремиться къ «бонапартизму». Боязнь рѣшеній народнаго мнѣнія собственно въ еврейскомъ вопросѣ заставляетъ ихъ вообще покинуть либеральныя формулы объ уваженіи къ общественному мнѣнію и искать другихъ. «Заря», напримѣръ, говорила: «Наука и опытъ потому и имѣютъ неоспоримую для всѣхъ цѣну, что они одни способны создать то знамя, подъ которымъ могутъ соединиться мирно и любовно всѣ человѣческія общества и отдѣльныя личности». Итакъ, не общественно-народное мнѣніе должно быть критеріемъ общественныхъ формъ, а наука. Однако, много-ли выиграетъ отъ этого еврейскій вопросъ? Еслибы, положимъ, для разрѣшенія еврейскаго вопроса мы вздумали обратиться къ «наукѣ» въ лицѣ извѣстнаго ученаго Топинара, то въ его «Антропологіи» нашли-бы, что авторъ характеристичными нравственными чертами семитовъ считаетъ «корыстолюбіе, развивающее въ нихъ коммерческій духъ» и «сектаторскій эгоизмъ». Вотъ, значитъ, и наука совѣтуетъ намъ остерегаться корыстолюбія евреевъ и ихъ сектаторскаго эгоизма. Или, можетъ быть, еврейскіе публицисты объявятъ, что слова Топинара еще не есть слова науки? Но въ такомъ случаѣ они должны указать, какую-же практическую мѣрку слѣдуетъ употреблять для признанія тѣхъ или другихъ мнѣній научными и ненаучными? Разъ они утверждаютъ, что общественныя формы должны опредѣляться наукою, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны отыскать способъ практическаго измѣренія научности и ненаучности мнѣній. Будетъ-ли это опредѣляться учеными по большинству голосовъ? Но кого-же считать людьми науки? Если только тѣхъ, кто получилъ дипломъ высшаго учебнаго заведенія, то многіе изъ лучшихъ умственныхъ силъ нашей страны не попали-бы въ эти избранники

что гроза скоро пройдетъ и настанетъ прежняя тишина и спокойствіе. Теперь-же всѣмъ стало очевидно, что анти-еврейское движеніе имѣетъ болѣе глубокія причины и что эти причины подготовлялись систематически,

---

и тамъ оказались-бы въ чрезвычайномъ обилiи карьеристы. Неужели-же еврейскіе публицисты полагаютъ что эти люди болѣе годны для опредѣленія общественной формы, нежели общество и народъ?

Проповѣдь о томъ, что общественныя формы должны завѣсѣть отъ науки, ведетъ, при своемъ практическомъ осуществленіи, къ господству надъ обществомъ и народомъ ученой бюрократіи. Пусть гг. еврейскіе публицисты только хорошенько вдумаются въ этотъ вопросъ и они навѣрно поймутъ, что ихъ громкія слова о наукѣ скрываютъ подъ собою проповѣдь господства ученой бюрократіи и ничего больше. Всѣ логическіе умы, прежде ихъ говорившіе о необходимости подчинить жизнь предписаніямъ науки, неуклонно приходили къ мысли объ устройствѣ ученой бюрократіи. А къ чему можетъ повести подчиненіе общества ученой бюрократіи, можно видѣть на примѣрѣ Китая, гдѣ оно пріостановило и научное, и общественное развитіе на многія столѣтія.

Быть можетъ еврейскіе публицисты думаютъ, что господство ученой бюрократіи если и вредно отразится на судьбахъ русскаго общественнаго прогресса, зато спасетъ евреевъ отъ послѣдствій общественно-народнаго мнѣнія, относящагося къ нимъ враждебно? Но на какомъ-же основаніи они думаютъ, что ученая бюрократія будетъ за нихъ? Мы уже приводили мнѣнія Гартмана, Летурно, Дюринга, а также и Топинара, который, нужно замѣтить, въ большинствѣ случаевъ держится только того, что болѣе или менѣе признано большинствомъ ученыхъ людей. Поэтому, гораздо основательнѣе думать, что и ученая бюрократія не посмотритъ на евреевъ особенно благосклонно. Не лучше-ли будетъ евреямъ держатся простой, обыкновенной бюрократіи, которая какъ ни какъ, а все-же защищаетъ ихъ отъ народнаго гнѣва. Вѣдь они все равно уже стали бросать основныя положенія либеральной программы объ уваженіи къ общественному мнѣнію, чувствуя, что общество противъ нихъ; они даже поругиваютъ общественное мнѣніе, подъ тѣмъ будто-бы благовиднымъ предлогомъ, что это

впродолженіе цѣлыхъ столѣтій, взаимными отношеніями между евреями и кореннымъ населеніемъ. Вражда къ евреямъ зачалась еще въ періодѣ полнаго господства польскаго панства. Евреи при помощи своей, вырабо-

---

мнѣніе «полуобразованной» публики; теперь имъ остается только открыто, безъ экивоковъ, провозгласить себя рьяными сторонниками бюрократизма.

Строго говоря, мы не можемъ особенно винить еврейскихъ публицистовъ за вражду къ народничеству, такъ какъ понимаемъ всю противоположность интересовъ народа съ интересами евреевъ, но мы имѣемъ право требовать, чтобы борьба велась ими открыто и честно, чтобы каждый говорилъ то, что думаетъ, и не защищалъ-бы своего дѣла клеветою на противника и намѣреннымъ искаженіемъ его мнѣній. («Писатель, говоритъ Дюрингъ, который не захотѣлъ-бы восхвалять, какъ нѣчто въ высшей степени благодѣтельное, ихъ расовыя особенности, долженъ приготовиться къ самымъ непріятнымъ каверзамъ съ ихъ стороны»). Теперь-же многіе изъ гг. публицистовъ, враждуя съ народничествомъ главнымъ образомъ потому, что оно идетъ въ разрѣзъ съ интересами еврейства, скрываютъ однако это отъ русской публики и стараются уронить его въ мнѣніи своихъ читателей, какъ будто изъ-за другихъ побужденій и по другимъ поводамъ. Народничество, молъ, говоритъ то-то и то-то, проповѣдуетъ такія-то и такія нелѣпости — это-де совсѣмъ не прогрессивное направленіе! Приэтомъ, конечно, разсчитывается только на тѣхъ изъ читателей, которые незнакомы съ народничествомъ. Быть можетъ, разсчетъ еврейскихъ публицистовъ отчасти и оправдается; но мы все-таки будемъ надѣяться, что какъ солнце нельзя закрыть ермолкой, такъ и правду не закроешь еврейскими передовыми статьями о народничествѣ.

Пока еврейская публицистика (къ слову сказать: очень часто скрывающаяся подъ фирмою вполнѣ русской газеты) будетъ являться исключительной защитницей еврейскихъ интересовъ, до тѣхъ поръ между нею и народничествомъ не можетъ быть никакого соглашенія. А мы имѣемъ основаніе опасаться, что она останется такою еще очень долго. Враждебность, выказываемая еврейскими публицистами по отношенію къ народничеству, осно-

танной вѣками, смышленности и изворотливости скоро успѣли сдѣлаться полезными и необходимыми изнѣженнымъ и развратнымъ панамъ, которые при ихъ содѣйствіи творили надъ крестьянами свои безчинства и своеволія. Въ эту печальную эпоху и положено было начало исторической враждѣ крестьянъ къ евреямъ, выросшей на экономической и соціальной почвѣ.

Какія-же мѣры предлагаетъ г. Бенъ-Сіонъ для рѣшенія еврейскаго вопроса? Очевидно, заявляетъ онъ, что для уничтоженія зла прежде всего необходима реформа широкая и глубокая самого еврейства, которая вызвала-бы возможность мирныхъ и солидарныхъ отношеній евреевъ къ коренному населенію и позволила-бы и еврею, и христіанину видѣть другъ въ другѣ брата и друга. Поэтому появленіе на югѣ Россіи еврейскихъ сектъ, задавшихся цѣлью реформы еврейства, русское общество должно привѣтствовать, какъ самый отрадный и желательный фактъ.

Въ чемъ-же состоятъ реформы, о которыхъ говоритъ г. Бенъ-Сіонъ? Какъ «Новый Израиль», такъ и «Духовно-библейское братство» отвергаютъ талмудъ, считая его очень вреднымъ толкованіемъ Мойсеева закона. По ученію талмуда, «вся вселенная, всѣ народы созданы только для и ради евреевъ»,—евреи реформаторы не признаютъ этого. Въ числѣ нововведеній у этихъ сектъ мы находимъ:

вана, во-первыхъ, на томъ, что народничество ставитъ общественное дѣло въ зависимость отъ народнаго мнѣнія и желанія, а евреи прекрасно знаютъ, что такая постановка крайне невыгодна для ихъ хищнической дѣятельности; во-вторыхъ, потому что народничество противоположно буржуазно-либеральному строю, къ которому евреи болѣе всего склонны, такъ какъ при немъ въ обществѣ получаютъ перевѣсъ денежные гешефтмахеры.

1) празднованіе воскресенія, а не субботы; 2) отмѣну обряда обрѣзанія, гибельно дѣйствующаго на новорожденныхъ; 3) отмѣну понятій о трефномъ и каширномъ мясѣ; 4) употребленіе русскаго языка; 5) обязательство не уклоняться отъ воинской повинности; 6) запрещеніе заниматься ростовщичествомъ и содержаніемъ домовъ терпимости.

Недостаточность этихъ реформъ для поднятія вырождающагося еврейскаго племени, по нашему мнѣнію, черезъ-чуръ очевидна: необходима большая настойчивость въ проповѣди производительныхъ занятій. Но все-таки нельзя не удивляться, что русско-еврейскія газеты, защищая существующее, высказались противъ новыхъ реформъ, хотя г. Бенъ-Сіонъ и убѣжденъ, что лично ихъ редакторы и ихъ сотрудники ничего не могутъ имѣть противъ ученія сектантовъ, уже давно исповѣдуемаго ими въ своей собственной практической жизни.

Намъ остается пожелать наибольшаго успѣха евреямъ-реформаторамъ,—авось что-нибудь и выйдетъ изъ ихъ усилій.

Уменьшить вражду кореннаго населенія къ евреямъ можетъ только ихъ переходъ отъ исключительнаго занятія торговлей къ производительному труду. Занятіе земледѣліемъ будетъ большинству изъ нихъ не по силамъ, а потому имъ необходимо заняться изученіемъ ремеслъ. Какъ извѣстно, были попытки обратить евреевъ къ земледѣлію, но при этомъ самымъ легкомысленнымъ образомъ забывали, что земледѣліе требуетъ громадной массы эмпирическихъ свѣдѣній, передаваемыхъ обыкновенно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Только тѣ евреи могли-бы сдѣлаться земледѣльцами, которые получили-бы раньше всѣ необходимыя свѣдѣнія, дать-же

имъ эти свѣдѣнія могутъ земледѣльческія школы. Но, повторяемъ, физическая слабость большинства изъ нихъ дѣлаетъ его негоднымъ къ физически тягостному земледѣльческому труду. Остается заняться ремесломъ и вообще обрабатывающей промышленностью. Еврейскіе капиталисты могли-бы способствовать устройству ремесленныхъ школъ и этимъ путемъ помочь разселенію евреевъ, такъ какъ извѣстно, что ремесленники-евреи имѣютъ право селиться по всей Россіи.

Мы твердо увѣрены, что нынѣшнее направленіе въ рѣшеніи еврейскаго вопроса, путемъ ихъ разселенія по разнымъ странамъ, ни къ чему не приведетъ. Выселеніе 4-хъ милліонной массы людей не привыкшихъ къ самостоятельной общественной жизни и составляющихъ лишь торгово-промышленный классъ нашего общества — немыслимо. Не будучи въ состояніи образовать свое независимое общество, основывающееся прежде всего на людяхъ физическаго труда, евреи, по неволѣ, будутъ стремиться внѣдряться къ какое-либо уже существующее общество, чтобы занять тамъ мѣсто торгово-промышленнаго класса. Допустятъ-ли цивилизованныя общества подобное внѣдреніе еврейства? Очевидно, нѣтъ! Мѣры, принимаемыя разными правительствами цивилизованныхъ странъ противъ переселеній вообще и противъ еврейскихъ въ особенности, ясно указываютъ на это. Выселившаяся изъ Россіи горсточка евреевъ уже смутила Европу и Америку. Г-жа Макъ-Гаханъ слѣдующимъ образомъ описываетъ положеніе евреевъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: «Американцы низшихъ слоевъ преслѣдуютъ евреевъ насмѣшками и выказываютъ такое къ нимъ отвращеніе, что евреевъ и деньги здѣсь не радуютъ»... «Главное препятствіе къ улучшенію быта евреевъ, нахлынувшихъ сю-

да за послѣдніе года изъ Польши и юго-западной Россіи, заключается въ той ограниченности занятій, къ которымъ они пригодны. О землепашествѣ и говорить нечего: евреи не ужились даже въ колоніи на Martha's Vineyard, гдѣ имъ отведена была здѣшнимъ филантропомъ земля, на которой они должны были поддерживать себя садоводствомъ, разведеніемъ ягодъ и овощей. Портняжное и сапожное ремесло—вотъ одно дѣло, на которое еврей способенъ,—да и то онъ больше швейной машиной дѣйствуетъ. Затѣмъ, единственное, къ чему необразованный еврей пригоденъ—это ростовщичество, мелкая торговля на лоткахъ или старымъ платьемъ: въ этихъ отросляхъ способности ихъ граничатъ съ виртуозностью». По словамъ нью-іоркской женщины-врача, «кромѣ вреда отъ прибытія ихъ сюда ничего и ждать нельзя» [1]).

Ежегодный приростъ еврейскаго населенія въ Россіи съ избыткомъ покроетъ ихъ убыль, путемъ переселенія при помощи еврейскихъ капиталистовъ, даже если бы эти послѣднія бросали на это дѣло ежегодно десятки милліоновъ. Но долго продолжаться нынѣшнее направленіе еврейскаго вопроса не можетъ: еврейская масса не способна создать свое трудовое общество, ибо лишена его основы—земледѣльческаго класса. И теперь она уже считаетъ себя обманутой г. Гиршемъ, увлекшимъ ее къ созданію самостоятельной еврейской колоніи въ Южной Америкѣ. Останется путь переселенія въ существующія уже общества; но нѣтъ сомнѣнія, что при массовыхъ переселеніяхъ евреевъ, цивилизованныя государства такъ или иначе закроютъ этотъ путь,—

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1890 г., № 10. Американцы и еврейская эмиграція. В. Макъ-Гаханъ. Стр. 530—535.

признаки чего мы видимъ уже и въ настоящее время. Остается евреямъ: или идти къ народамъ некультурнымъ, гдѣ ихъ, разумѣется, встрѣтятъ не малыя невзгоды, или остаться въ Россіи и постараться пойти по пути, указываемому еврейскими реформаторами съ одной стороны и русскимъ общественнымъ мнѣніемъ съ другой.

ГЛАВА VII.

Свободная торговля и протекціонизмъ.

Основной доктриной классической политической экономіи считалось положеніе, что экономическая жизнь человѣческихъ обществъ подчиняется извѣстнымъ законамъ, общимъ для всѣхъ народныхъ хозяйствъ. Объ этихъ мнимыхъ законахъ намъ уже приходилось говорить въ 1-ой части этого труда Здѣсь же приведемъ нѣсколько фактовъ, опровергающихъ эти «законы». Профессоръ Петри говоритъ, что «законъ экономическихъ фазисовъ», состоящій будто-бы въ непреложной смѣнѣ охотничей жизни, скотоводческой и затѣмъ земледѣльческой, немыслимъ «уже въ силу географическихъ условій. Такъ, напримѣръ, скотоводство отнюдь не вездѣ возможно. Для скотоводства, прежде всего, необходимъ домашній скотъ, а онъ не вездѣ существуетъ»; «новокаледонцы—земледѣльцы, но они имѣли, какъ домашнее животное, лишь одну свинью» [1]). Ш. Летурно, указываетъ на то, что древнее Перу «совсѣмъ не имѣло монеты и, благодаря своему централизованному коммунистическому устройству, легко обходилось безъ нея. Въ Перу инковъ не было торговли, не было и закона спроса и предложенія, что, вопреки мнѣнію нашихъ экономистовъ, какъ нельзя лучше доказываетъ, что законъ этотъ

[1]) Э. Ю. Петри. Антропологія. Стр. 269.

отнюдь не непреложенъ и не имѣемъ ничего общаго съ закономъ тяготѣнія» [1]).

Въ числѣ этихъ законовъ, носившихъ названіе естественныхъ,—въ отличіе, отъ тѣхъ, которые были установлены людьми и называемыхъ искуственными,—былъ законъ свободной конкурренціи, путемъ нестѣсненнаго дѣйствія котораго люди только и могутъ достигать экономическаго благосостоянія. На основаніи этого закона, всякое общественное вмѣшательство въ экономическую жизнь отдѣльныхъ членовъ общества—пагубно для этихъ послѣднихъ. Но «нельзя сомнѣваться, говоритъ Ингрэмъ, что усилія, потраченныя правительствомъ на поощреніе мануфактуръ и торговли вполнѣ достигали своей цѣли и самъ Адамъ Смитъ признавалъ полезное значеніе этой покровительственной дѣятельности, всякое значеніе которой отрицаютъ лишь одни доктринеры свободной торговли». И дѣйствительно, мы видимъ, что Д. С. Милль допускалъ протекцію въ томъ случаѣ, если промышленность, имѣющая всѣ шансы на развитіе въ странѣ, побѣждается пріобрѣтенными ранѣе преимуществами иностранныхъ производителей. Американскій экономистъ Кэри указываетъ на то, что протекціонизмъ необходимъ для устраненія «препятствій прогрессу молодыхъ странъ, создаваемыхъ соперничествомъ болѣе взрослыхъ и богатахъ націй» [2]).

Доктрина политико-экономовъ сильно повліяла на ходъ экономической жизни многихъ народовъ, такъ какъ правящіе классы были убѣждены, что политическая экономія есть наука «точная, строго опредѣлен-

---

[1]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 385.

[2]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи. Стр. 52, 131 и 226.

ная, аксіомы которой такъ же безусловно вѣрны и всеобщи, какъ положенія астрономіи, а практическія правила такъ же просты и понятны, какъ правила ариѳметики» [1]). Однако, господство доктринъ политической экономіи было сломлено недовѣріемъ къ нимъ тѣхъ классовъ, которые осуждались ими на вѣчную нужду и бѣдность. «Недовѣріе къ доктринамъ политической экономіи, заявляемое рабочими классами, нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Ингрэмъ, основывается въ большой степени на не совсѣмъ неосновательномъ убѣжденіи, что она старалась оправдать слишкомъ абсолютно существующія соціальныя учрежденія и что ея изученіе часто рекомендуется съ дѣйствительной, хотя и замаскированной, цѣлью, подавить всѣ народныя стремленія къ лучшему порядку вещей». Въ настоящее время недовѣріе къ доктринамъ политической экономіи дошло до того, что оксфордскій профессоръ Прайсъ совѣтуетъ публикѣ скорѣе руководствоваться здравымъ смысломъ, при рѣшеніи экономическихъ вопросовъ, нежели «вступать въ лабиринтъ научныхъ тонкостей» [2]).

Профессоръ Янжулъ указываетъ на два главныхъ фактора, возбудившихъ недовѣріе къ доктринамъ политической экономіи: альтруизмъ и индуктивизмъ. По его мнѣнію, на экономическія убѣжденія многихъ политико-экономовъ, въ томъ числѣ и Д. С. Милля, дѣйствовали не только прямые доводы разсудка и знанія, не одни лишь голые аргументы логики, но и выводы альтруистическаго чувства, предрасполагавшіе ихъ къ оппозиціи многимъ, такъ называемымъ, законамъ политической экономіи,

---

[1]) И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Вып. II-ой. Стр. VIII.

[2]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политической экономіи.

которые въ свою очередь были изобрѣтены подъ вліяніемъ чувствъ, противоположныхъ альтруизму. «Альтруизмъ, говоритъ г. Янжулъ, является, согласно моему убѣжденію, не только важнымъ, но вѣроятно даже самымъ главнымъ факторомъ въ оппозиціи нѣкоторымъ доктринамъ политической экономіи, болѣе всего поколебавшимъ ея фундаментъ — вѣру въ благодѣтельность конкурренціи и пользу государственнаго невмѣшательства» [1]). Находясь подъ вліяніемъ альтруизма, многіе авторы обвиняютъ политическую экономію въ томъ, что она способствовала развитію эгоизма, санкціонируя ту политику буржуазныхъ классовъ, которая своей задачей ставила покровительство капиталу. Классовой эгоизмъ явно проглядываетъ у многихъ противниковъ протекціонизма. Такъ, ярый противникъ его, г. Новиковъ, между прочимъ обмолвился слѣдующимъ аргументомъ: «Почему же богатые косвеннымъ образомъ, посредствомъ пошлинъ, должны давать свои деньги здоровымъ рабочимъ, тогда какъ непосредственно, въ видѣ милостыни, это воспрещается». Впрочемъ, онъ совсѣмъ не противъ милостыни, подаваемой бѣдными богатымъ; такъ, онъ требуетъ, чтобы покровительство промышленности состояло не въ пошлинахъ, т. е. огражденіи промышленности отъ иностранной конкурренціи путемъ повышенія цѣнъ заграничныхъ товаровъ, а «уменьшеніемъ налоговъ, льготами всякаго рода, субсидіями, заказами и т. д.» [2]), т. е. поощренія промышленности прямыми подачками изъ государственнаго (проще народнаго) кармана. Въ

---

[1]) И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Вып. II Стр. XIV и XV.

[2]) Я. А. Новиковъ. Протекціонизмъ. Стр. 187 и 116.

первомъ случаѣ покровительство государство заставляетъ самыхъ потребителей товара оплачивать поощреніе отечественнаго производства, во второмъ—поощреніе шло бы на счетъ всѣхъ, т. е. и тѣхъ, кто не потребляетъ продукты отечественной промышленности. А такъ какъ бѣдный людъ далеко отстаетъ отъ высшихъ и среднихъ классовъ въ потребленіи продуктовъ промышленности, то ясно, что при первомъ способѣ покровительства его тяжесть ложится на высшіе и средніе классы общества, а при второмъ тяжесть покровительства должны нести всѣ плательщики налоговъ, хотя бы они и не потребляли товары, покровительствуемой промышленности.

Второй факторъ, возбудившій, по мнѣнію г. Янжула, недовѣріе къ благодѣтельности свободной конкурренціи, — индуктивизмъ. Дѣло въ томъ, что основатели классической политической экономіи почти исключительно имѣли въ виду Англію; знакомство съ другими странами и ихъ экономическимъ бытомъ скоро убѣдило даже англичанъ, что большая часть принциповъ политической экономіи имѣетъ лишь условное и относительное значеніе, что каждая страна должна имѣть свою собственную экономическую политику. «Принципы, которые мы называемъ наукой политической экономіи, говоритъ Лэнгъ, непримѣнимы ни къ одной странѣ кромѣ Англіи; и государственный человѣкъ, который, дерзнулъ бы примѣнить ихъ къ Даніи, былъ бы названъ слѣпымъ» [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что принципъ свободной конкурренціи, внесенный въ международныя отношенія, былъ бы

[1]) И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Вып. II. Стр. 159.

очень выгоденъ для Англіи, а потому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что англійскіе ученые, смотря съ исключительно національной точки зрѣнія, возвели ее въ какой-то естественный законъ всѣхъ народныхъ хозяйствъ. Подъ вліяніемъ индуктивнаго метода изслѣдованія, англичане поняли ошибку своихъ политико-экономовъ и стали впослѣдствіи защищать свободную конкурренцію просто въ виду національныхъ интересовъ. «Мы защищаемъ свободу торговли, говоритъ Алисонъ, потому, что хорошо сознаемъ, что, при господствѣ ничѣмъ не сдерживаемой конкурренціи, мы прогонимъ иностранцевъ съ ихъ собственныхъ рынковъ. Они же сопротивляются и громко взываютъ къ покровительственной системѣ потому, что хорошо понимаютъ, какой результатъ можетъ произойти отъ свободной конкурренціи, и что превосходство стараго промышленнаго государства при открытой пробѣ силъ не можетъ не быть фатальнымъ для каждаго юнаго конкуррента» [1]).

Англичане проповѣдывали принципы свободной торговли потому, что особенности ихъ экономическаго быта сдѣлали ихъ мануфактурными промышленниками очень обширнаго рынка; ради этихъ рынковъ они и старались внушить другимъ народамъ, что свободная торговля будетъ благодѣтельна для обѣихъ сторонъ. Лэнгъ опровергалъ это очень основательно примѣромъ Даніи. Будучи страной земледѣльческой, Данія все таки нуждается въ собственной мануфактурной промышленности: земледѣліе пріостанавливается тамъ почти на полгода, такъ что населеніе осталось бы безъ работы, если бы не существовало промышленности, для которой, собственно говоря, Данія имѣетъ очень мало при-

[1]) Тамъ-же Стр. 268.

родныхъ богатствъ [1]). Тамъ нѣтъ тѣхъ залежей каменнаго угля, какими владѣетъ Англія, нѣтъ тѣхъ водяныхъ силъ, которыя легко-бы поддавались эксплоатаціи. При свободной конкурренціи, каждый продуктъ промышленности въ Англіи будетъ стоить дешевле, нежели въ Даніи, и состоятельные классы въ этой послѣдней странѣ, слѣдовательно, могли-бы пользоваться продуктами фабричной промышленности по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Но выгодно-ли это для всего остального народонаселенія? Если-бы вся Данія могла покупать англійскія мануфактуры на средства, добываемыя лѣтнимъ земледѣльческимъ трудомъ, то спрашивается, что дѣлала-бы она въ остальную половину года? Очевидно, она должна, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, оказаться на половину бѣднѣе англичанъ, имѣющихъ возможность трудиться весь годъ. Но для того, чтобы имѣть возможность трудиться весь годъ, Данія нуждается въ національной мануфактурѣ и имѣтъ ее, хотя

---

[1]) У нашихъ крестьянъ въ зимнее время то-же мало работы. Глѣбъ Успенскій приводитъ изъ «Сельскаго Вѣстника» много свидѣтельствъ самыхъ крестьянъ о томъ, что «многіе крестьяне у насъ, въ Россіи, въ зимнее время сидятъ на лавкѣ, сложа руки»... «Сильный работникъ зимою въ деревнѣ не знаетъ куда и время дѣвать. Вставши раннимъ утромъ, хозяинъ спѣшитъ убрать скотъ, напоить его, задать корму, принести воды, порасчистить кое гдѣ снѣжные заносы. Всей этой работы хватитъ на три часа. Потомъ во второй разъ придется дать скоту кормъ днемъ и въ третій разъ на ночь. Въ промежутки же между дачами корма работнику дѣлать нечего, и собираются они по два, по три въ одну избу. Разговоровъ особыхъ нѣтъ,—все уже успѣли переговорить, всѣ сказки сказаны,—и сходятся они только для того, чтобы вмѣстѣ полежать»... «И такъ спятъ изо дня въ день. Поѣздка въ лѣсъ, за сѣномъ въ поле—большой и рѣдкій праздникъ». (Гл. И. Успенскій. Корреспонденты и публицисты. Стр. 256 и 257. «Рус. Мысль» 1890 г., № 11).

продукты ея и стоятъ ей дороже, чѣмъ у англичанъ. Если предположить даже, что Данія не оградила-бы своей мануфактуры тарифомъ отъ англійской конкурренціи, то все таки датчане не могли-бы покупать англійскихъ товаровъ просто потому, что, работая полгода, не имѣли бы чѣмъ платить; но за то, если бы, имѣя много свободнаго времени, они употребили-бы его на производство мануфактурныхъ товаровъ, хотя-бы и съ большей затратой времени, чѣмъ это дѣлается въ Англіи— все-таки они, въ концѣ концовъ, остались-бы въ выигрышѣ. Такимъ образомъ, естественныя условія страны, какъ показываетъ примѣръ Даніи, могутъ побуждать завести свою собственную, національную промышленность, несмотря на то, что продукты этой промышленности завѣдомо обойдутся дороже, нежели въ томъ случаѣ, если-бы страна стала покупать на сторонѣ. Какая была бы выгода для датскаго народа, спрашиваетъ Лэнгъ, если-бы небольшая часть его членовъ, которые сами не живутъ сельскимъ хозяйствомъ, получала одежду на половину дешевле; а огромное большинство народа, которое теперь находитъ себѣ занятіе зимой въ производствѣ своего носильнаго матерьяла, въ то время и съ помощью того труда, которые не имѣютъ для нихъ въ данную часть года никакой цѣны и не могутъ быть обращены ни на какое другое дѣло, было-бы брошено безъ занятія, благодаря конкурренціи болѣе высокихъ и болѣе дешевыхъ продуктовъ машиннаго и фабричнаго производства? [1]) Всѣ разсужденія Лэнга относительно Даніи легко можно примѣнить и къ Россіи, тоже странѣ земледѣльческой и тоже занятой

[1]) И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Вып. II. Стр. 155 и 156.

имъ только въ теченіи полугода. «Тѣ системы, говорилъ Іоганъ Фихте еще 1800 г., которыя требуютъ свободы торговли, притязанія торговать и имѣть рынокъ во всемъ мірѣ, остались намъ въ наслѣдство отъ воззрѣній нашихъ предковъ, потребностямъ которыхъ они соотвѣтствовали; мы приняли ихъ безъ повѣрки, привыкли къ нимъ и теперь не легко уже замѣнить ихъ другими» [1]).

Одно изъ самыхъ важныхъ практическихъ положеній защитниковъ свободной конкурренціи (фритредеровъ) гласитъ: «покупай на дешевѣйшемъ рынкѣ». Англійскій писатель Джонъ Удъ, въ своей брошюрѣ «Рабочій вопросъ для рабочихъ людей», задаетъ фритредерамъ вопросъ: что было-бы, если-бы возможно было для цѣлаго населенія британскихъ острововъ дѣйствовать по этому правилу и снабжать себя на 10% дешевле изъ заграницы всѣмъ тѣмъ, что оно теперь производитъ и потребляетъ? Выводъ получается вполнѣ нелѣпый: британская промышленность получила-бы смертельный ударъ и была-бы прекращена; народъ остался-бы безъ дѣла и мѣсто британскихъ произведеній поспѣшно было-бы занято всецѣло дешевыми продуктами иностранныхъ рабочихъ. Ясно, что правило «покупай на дешевѣйшемъ рынкѣ» никакъ не можетъ имѣть того абсолютнаго значенія, какое ему придаютъ фритредеры, и можетъ употребляться только тогда, когда рабочее время народа вполнѣ поглощено производствомъ такихъ товаровъ, которые по своей цѣнѣ являются на международномъ рынкѣ наиболѣе дешевыми: разъ онъ самъ отдаетъ свое рабочее время международному рынку, то, понятно, для него можетъ быть выгодно

[1]) Іог. Фихте. Замкнутое государство. Стр. 95. (Библіотека Европейск. писателей и мыслителей. Издав В. В. Чуйко).

правило «покупай на дешевѣйшемъ рынкѣ»; но если этого нѣтъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ Даніи, то и фритредерское правило будетъ гибельно для такого народа [1]).

Какъ извѣстно, однимъ изъ послѣднихъ проявленій протекціонизма является стремленіе оградить цѣну рабочей силы отъ иностранной конкурренціи, путемъ запрещенія переселенія дешевыхъ рабочихъ,—пока, главнымъ образомъ, китайцевъ. Г. Новиковъ по этому поводу тоже ратуетъ противъ протекціонизма и утверждаетъ, что «дешевый трудъ также выгоденъ для о б щ е с т в а, какъ и дешевыя произведенія. Онъ развиваетъ богатство» [2]). Съ этимъ можно согласиться, если подъ словомъ «общество» понимать то, что у насъ обыкновенно понимается въ обыденной жизни, а не весь народъ, т. е. совокупность рабочихъ классовъ, для которыхъ дешевизна ихъ труда не можетъ быть выгодна, какими бы умными или глупыми софизмами ни старались обставить этотъ логическій фокусъ «общественной» мысли.

Мы уже говорили, что проповѣдь свободной торговли, какъ практическаго примѣненія идеи конкурренціи, поддерживалась англійской политической экономіей, главнымъ образомъ, потому, что промышленное положеніе Англіи къ этому времени настолько окрѣпло, что ей нечего было бояться иностранной конкурренціи. Но до этого времени, англичане очень ревниво ограждали себя отъ конкурренціи другихъ народовъ: примѣромъ можетъ служить знаменитый навигаціонный актъ. Кромвель, по словамъ Ингрэма, своимъ «Навига-

---

[1]) И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Вып. II. Стр. 446.
[2]) Я. А. Новиковъ. Протекціонизмъ. Стр. 208.

ціоннымъ Актомъ» разстроилъ фрахтовую торговлю Голландіи и положилъ начало англійскому морскому господству [1]). Англія за небольшую и временную утрату въ богатствѣ уничтожила морское значеніе Голландіи и заступила ея мѣсто въ Европѣ съ большой для себя выгодой. Завоевавъ себѣ первенство въ торговой и промышленной областяхъ, Англія стала особенно опасаться все болѣе и болѣе усиливающейся войны тарифами, т. е. увеличенія пошлинъ въ разныхъ странахъ, а, слѣдовательно, и загражденія сбыта для британскихъ товаровъ. Опасности, возникающія отсюда для Великобританіи, побуждали англичанъ поспѣшнѣе выступить на путь свободной торговли, уничтожить покровительственный тарифъ и вредные стѣснительные акцизы. Лишь открытой честной политикой, въ этомъ смыслѣ, они надѣялись поправить дѣло и задержать войну тарифами, выступивши первыми на поприще свободной торговли. Поддерживать свободный доступъ къ рынкамъ— сдѣлалось лозунгомъ англійской политики. Для Великобританіи отмѣна пошлинъ на мануфактурные продукты не была опасной; отмѣна-же пошлинъ на ввозимое сырье только понизило цѣну мануфактурныхъ произведеній и, такимъ образомъ, усиливало ихъ сбытъ. Главная опасность состояла въ покровительственныхъ и запретительныхъ таможенныхъ пошлинахъ, которыми другіе народы загораживаютъ доступъ или страшно увеличиваютъ цѣны британскихъ продуктовъ на своихъ собственныхъ рынкахъ. Поэтому англичане употребляли всѣ усилія на измѣненіе въ «либеральномъ» смыслѣ тарифовъ ея соперниковъ. Съ каждымъ такимъ измѣненіемъ, т. е. уменьшеніемъ или устраненіемъ враждебнаго къ ихъ продуктамъ тарифа, британская произ-

[1]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи. Стр. 53.

водительность получала чистый выигрышъ, усиливая сбытъ своихъ продуктовъ на внутреннемъ рынкѣ соперника.

Хотя богатство Англіи, ея промышленность и торговля за нѣсколько десятковъ лѣтъ свободной торговли достигли громадныхъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе ея положеніе нельзя считать прочнымъ и обезпеченнымъ, даже въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно было въ тридцатыхъ годахъ. Погоня за новыми рынками составляетъ господствующую черту англійской политики, и, расширяя по всему свѣту свои владѣнія и завоеванія, Англія постоянно втягивается въ политическія затрудненія и многочисленныя мелкія войны. Кромѣ того, мало-по-малу, въ континентальныхъ странахъ развиваются собственныя мануфактуры и спросъ на британскіе продукты становится меньше. Между 1840 и 1878 годами вывозъ ея товаровъ въ Европу уменьшился отъ 51 до 47% общей суммы, а въ Америку даже съ 37% упалъ до 21%, такъ какъ Соединенные Штаты снабжаютъ себя нынѣ весьма многими мануфактурами, которыхъ не умѣли производить въ сороковыхъ годахъ. Какъ исключеніе, вывозъ Великобританіи увеличился только въ Бельгію на 59%, Францію—20¼% и Россію—19½%. Но этотъ усиленный вывозъ состоитъ преимущественно изъ такихъ товаровъ, которые нужны для расширенія мануфактурной промышленности вышеозначенныхъ странъ: изъ каменнаго угля и машинъ, что подготовляетъ для будущаго Великобританіи лишь усиленіе иностранной конкурренціи и дальнѣйшее уменьшеніе вывоза ея товаровъ [1]).

---

[1]) И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Вып. II. Стр. 411 и 412.

Многія государства сильно подрываютъ англійскую промышленность, ограждая свои рынки отъ ея товаровъ. Соединенные Штаты Сѣв. Америки, напр., послѣ 1863 года возвысили свой покровительственный тарифъ и тѣмъ уменьшили сбытъ у себя англійскихъ товаровъ; Испанія въ 1877 г. чуть не исключила англійскіе товары съ своего рынка; Франція не желаетъ заключать торговый трактатъ съ Великобританіей на прежнихъ условіяхъ, а Германія въ 1879 году рѣшительно возобновила покровительственную систему. Собственныя колоніи Великобританіи, на рынкахъ которыхъ покоится главная надежда будущей ея вывозной торговли, тоже стремятся къ развитію собственныхъ мануфактуръ, съ помощью того же средства, которое такъ долго практиковала Англія, т. е. съ помощью покровительственнаго тарифа Въ колоніи Викторіи практикуется обманъ такого рода: на привозномъ товарѣ помѣщается надпись, гласящая: «ручательство за колоніальную фабрикацію». Дѣлается это потому, что многіе колонисты готовы платить за свой колоніальный продуктъ гораздо дороже, чѣмъ за иностранный. При такомъ враждебномъ настроеніи народовъ и собственныхъ англійскихъ колоній къ свободѣ торговли, Великобританія должна будетъ измѣнить свою экономическую политику и свое положеніе поставщика мануфактурныхъ товаровъ. Правда, до этого еще далеко, такъ какъ ея товары, вытѣсняемые изъ Европы, находятъ усиленный сбытъ въ Азію, Африку и Австралію; но уже теперь англійскій статистикъ Мулгалль сознается, что Великобританія въ рангѣ промышленнаго государства сохраняетъ первое мѣсто послѣдній разъ и что въ слѣдующее десятилѣтіе, по всей вѣроятно-

сти, первенство перейдетъ уже къ Соединеннымъ Штатамъ [1]).

И такъ, свободная конкурренція отвергнута большинствомъ цивилизованныхъ народовъ, какъ принципъ для международныхъ экономическихъ отношеній.

Англія болѣе другихъ государствъ старалась внести принципъ свободной конкурренціи въ свои общественныя учрежденіи; тамъ эгоистическія побужденія буржуазныхъ классовъ, облекшись въ ученыя тоги научно-теоретическихъ изслѣдованій, стали проповѣдывать вполнѣ фаталистическое отношеніе къ существующей экономической безурядицѣ, которую они старались возвести въ какой-то естественный экономическій законъ. Почему человѣкъ долженъ безпрекословно подчиняться естественному закону экономическихъ явленій, когда мы видимъ, что онъ на каждомъ шагу борется съ несомнѣнно естественными законами природы?—объ этомъ гг. теоретики экономическаго хаоса не хотѣли и думать. Они умышленно закрывали глаза на то, что человѣкъ изучаетъ законы существующихъ явленій, съ цѣлью воспользоваться ими для созданія самому новыхъ явленій, для того чтобы законы, которые онъ открываетъ, обратить въ свою пользу и вообще, еели нужно, противодѣйствовать одному закону съ помощью другого. Устарѣвшая политическая экономія одна отказываетъ человѣку въ этой способности; согласно ей, онъ не долженъ покорять природу, но просто подчиняться ей. Пусть она моритъ его голодомъ, пусть дѣлаетъ его рабомъ,—онъ долженъ преклоняться, какъ дикарь передъ грозой и молніей. Исторія распространенія идеи свободной конкурренціи въ англійскомъ

[1]) **Тамъ-же. Стр. 428—432.**

обществѣ вполнѣ подтверждаетъ ту мысль, что эта идея—ничего больше, какъ облеченіе въ форму науки эгоистическихъ стремленій торгово-промышленныхъ богачей.

Съ двадцатыхъ годовъ нашего вѣка идеи свободной конкурренціи довольно быстро зрѣютъ и распространяются въ англійскомъ обществѣ, начиная оказывать значительное вліяніе на законодательство страны. Особенно усилилось ихъ вліяніе въ парламентѣ съ 1832 года, когда прошелъ знаменитый Reform Bill, значительно измѣнившій въ Англіи начало представительства. Онъ уничтожилъ множество такъ называемыхъ «гнилыхъ мѣстечекъ», принадлежавшихъ аристократіи, и далъ право представительства новымъ мануфактурнымъ городамъ. До него избирательство находилось въ самомъ жалкомъ видѣ: такіе города, какъ Манчестеръ и Бирмингамъ, не имѣли въ парламентѣ ни одного представителя, а многія ничтожныя мѣстечки—собственность разныхъ графовъ и лордовъ — посылали туда по нѣсколько представителей. Реформа представительства была совершена при помощи союза рабочихъ классовъ съ буржуазіей. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что ревность, съ которой рабочіе по всей странѣ примкнули къ движенію въ пользу парламентской реформы, много способствовала побѣдѣ. Хотя рабочіе ясно видѣли, что билль усилитъ представительство только средняго сословія, однако, они рѣшились помогать борьбѣ буржуазіи съ аристократіей, надѣясь на обѣщанія средняго сословія, что лишь только оно само добьется правъ, то употребить свою власть для того, чтобы дать въ ней участіе и прочимъ соотечественникамъ. Скоро рабочіе увидѣли себя вполнѣ обманутыми: они «сильно ожесточились противъ среднихъ классовъ, говоритъ Генри Ри-

чардъ, какъ люди, которые увидали себя не только обманутыми, но даже прямо одураченными» [1]). Съ этого времени между обоими сословіями обнаруживается полная рознь интересовъ. Средній классъ стремится осуществить принципы свободной конкурренціи; рабочіе же не только не поддерживаютъ этихъ стремленій, но и борятся съ этими принципами не безъ успѣха, благодаря поддержкѣ аристократіи, враждующей съ буржуазіей. Изъ этой двойственности интересовъ вытекало и двоякое направленіе англійской экономической политики. Рядъ реформъ освобождаетъ англійскую торговлю отъ всякихъ узъ государственной регламентаціи; но, въ то-же время, свобода промышленности и труда сталкивается съ интересами рабочихъ и находитъ себѣ противодѣйствіе въ обычныхъ ихъ требованіяхъ: уменьшеніи рабочаго дня, ограниченіи женскаго и дѣтскаго труда и т. п. мѣрахъ, которыя вызываютъ общественное вмѣшательство.

Въ сороковыхъ годахъ среднее сословіе подняло сильную агитацію противъ ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ, подымавшихъ его цѣну. Буржуазія увѣряла, что она дѣйствуетъ во имя народныхъ интересовъ, съ которыми въ этомъ вопросѣ сталкиваются интересы англійскихъ землевладѣльцевъ, т. е. аристократіи. Нѣтъ сомнѣнія, что аристократія отстаивала хлѣбный налогъ, имѣя въ виду собственные интересы; но и буржуазія дѣйствовала не безкорыстно, не въ пользу народа, а заботясь объ увеличеніи своихъ прибылей. Многіе мануфактуристы откровенно объявляли и на митингахъ, и въ палатахъ, что они поддерживаютъ реформу, главнымъ образомъ, потому, что она даетъ имъ возможность пони-

[1]) И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Вып. II, стр. 14.

зить задѣльную плату, такъ какъ хлѣбъ тогда будетъ дешевле. Слѣдовательно, движеніе противъ хлѣбныхъ законовъ было предпринято только для того, чтобы лишить англійскую поземельную аристократію тѣхъ привиллегій и монополій, которыя она сосредоточивала въ своихъ рукахъ въ ущербъ среднему сословію. Многіе рабочіе стали заявлять, что уничтоженіе хлѣбнаго налога будетъ полезно только мануфактуристамъ, давши имъ возможность нанимать трудъ за пониженную плату, и нисколько не улучшитъ положенія рабочихъ, — что вполнѣ и оправдалось впослѣдствіи. Впрочемъ, не надо упускать изъ виду и то, что протекціонисты, отстаивая хлѣбный налогъ, защищали интересы не рабочихъ, а землевладѣльцевъ, которымъ было выгодно не допускать иностранный, болѣе дешевый, хлѣбъ на англійскій рынокъ. Бѣдственное положеніе народа было, одинаково для обѣихъ партій, лишь предлогомъ и орудіемъ борьбы. Если протекціонисты весьма не рѣдко и выступали на защиту мануфактурныхъ рабочихъ, дѣлая это на зло буржуазіи, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, они игнорировали ихъ сельскихъ собратій, положеніе которыхъ было ничуть не лучше [1]).

Только усиленіе вліянія рабочаго класса на парламентъ, происшедшее въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, дало болѣе рѣшительный толчекъ общественному вмѣшательству въ пользу этого класса. Но и это не спасетъ Англію отъ ожидающаго ее экономическаго кризиса. Выростающая экономическая независиость другихъ народовъ гибельно будетъ дѣйствовать на ея нынѣшнее экономическое преобладаніе и, въ концѣ кон-

---

[1]) И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Вып. II. Стр. 14 и др.

цовъ, она должна будетъ возвратиться къ прежней экономической жизни, при которой фабрично-заводская промышленность работала, главнымъ образомъ, для внутренняго рынка и питалась хлѣбомъ внутренняго производства. Рано или поздно, а это должно случиться; поэтому другимъ народамъ было бы безразсудно брать примѣръ съ Англіи и стремиться къ временному повышенію своего благосостоянія въ ущербъ экономической независимости, которая требуетъ болѣе дальновидной экономической политики.

Лучшимъ предостереженіемъ отъ подражанья англійской политикѣ можетъ служить нынѣшнее промышленное положеніе Англіи.

Еще недавно она слыла у насъ за страну съ самымъ усовершенствованнымъ земледѣліемъ. У нея мы думали научиться вести сельское хозяйство такъ, чтобы удесятерить свой доходъ съ земли. Англійскія сельско-хозяйственныя машины считались образцомъ практической хозяйственности и выписывались на послѣднія деньги отъ всякаго рода Рансомовъ и К°. Англизированные публицисты и сельскіе хозяева то и дѣло попрекали русскаго мужика и помѣщика въ полнѣйшемъ неумѣньи вести сельское хозяйство, что ясно было видно изъ того, что у насъ не пашутъ паровыми плугими и не употребляютъ ни гуано, ни фосфоритовъ, довольствуясь навозомъ... И вдругъ вся эта проповѣдь была прервана извѣстіемъ, что въ Англіи пахатныя земли превращаются въ пастбища и луга. Скоро это извѣстіе сдѣлалось вполнѣ достовѣрнымъ. Оказалось, что въ Англіи постоянно растетъ кормовая площадь въ ущербъ пищевой, уменьшаются посѣвы пшеницы,

уменьшается интенсивность культуры и растетъ пространство пастбищъ и луговъ [1]).

Затѣмъ, г. Каблуковъ собралъ массу данныхъ въ подтвержденіе этого извѣстія [2]). Съ 1872 по 1882 годъ пространство подъ посѣвомъ зерновыхъ хлѣбовъ упало съ 32 проц. до 27, а кормовыхъ травъ съ 12 проц. до 11 общаго пространства обработанной земли. Въ урожаяхъ въ теченіи, по крайней мѣрѣ, 18 лѣтъ происходитъ упадокъ, свидѣтельствующій объ истощеніи почвы. По свидѣтельству г. Арча, предсѣдателя союза сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, средній урожай извѣстныхъ ему 394 фермъ въ 1869—1870 г. достигалъ 38 бушелей съ акра, въ настоящее же время составляетъ только 24 бушеля. Существуетъ мнѣніе, что почва истощена очень неправильнымъ примѣненіемъ удобренія; фермеры примѣняли, въ прежнее время, въ слишкомъ большихъ размѣрахъ гуано и другого рода удобренія, стимулирующія урожаи, что, давая первые годы большой доходъ, затѣмъ сократило урожаи. Г. Каблуковъ говоритъ, что такого рода хозяйство, по справедливости, слѣдуетъ признать хищническимъхозяйствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, количество крупнаго скота не увеличивается соотвѣтственно расширенію пастбищъ, но даже уменьшается абсолютно въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ, причемъ этотъ ущербъ не возмѣщается и качествомъ скота; количество овецъ уменьшается еще въ большей степени. Упадокъ сельско-хозяйственной промышленности привелъ къ банкротству многихъ фермеровъ, къ паденію ренты на 10—50 проц. и къ за-

[1]) Ю. Э. Янсонъ. Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Т. II. Стр. 474 и 475.

[2]) Н. Каблуковъ. Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

пустѣнію фермъ, къ оставленію ихъ на рукахъ собственниковъ, не смотря на скидку ренты. Эту скидку съ пахатныхъ земель опредѣляютъ въ 40 проц., а съ земель подъ травой въ 10 проц.; по другимъ даннымъ, для пахатныхъ земель рента понижена на 20 проц., а для травяныхъ на 5 проц., что понизило доходъ землевладѣльцевъ приблизительно на 140.000,000 р.

Всѣ эти факты доказываютъ несомнѣнный упадокъ не только земледѣлія, а сельскаго хозяйства вообще. Если бы дѣло шло только о превращеніи пашни въ пастбища, то мы не имѣли бы права говорить объ упадкѣ сельско-хозяйственной промышленности вообще, а только одного земледѣлія, т.-е. одной изъ отраслей этого хозяйства. Уже Родбертусъ справедливо утверждалъ, что обращеніе полей въ луга не всегда служитъ признакомъ паденія сельскаго хозяйства, какъ это показалъ примѣръ Англіи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, гдѣ это происходило въ различныя времена подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на шерсть; обращеніе же полей въ искусственные луга никогда не можетъ служить признакомъ паденія сельскаго хозяйства и указываетъ только на то, что существуетъ большой спросъ на свѣжіе и лучшіе продукты скотоводства, — молоко, масло и мясо,—за которые платятъ высокія цѣны, но именно тогда-то и процвѣтаетъ сельское хозяйство. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что высокая цѣна на всѣ эти продукты, обусловливаемая усиленнымъ спросомъ на нихъ со стороны хорошо оплачиваемыхъ промышленныхъ рабочихъ, сдѣлала выгодной обращеніе пашень въ пастбища, тѣмъ болѣе, что параллельно съ этимъ шло пониженіе цѣнъ на зерновой хлѣбъ, благодаря иностранной конкурренціи. Но, къ несчастію англійскихъ землевладѣльцевъ, факты, приведенные нами выше, доказы-

ваютъ не паденіе только земледѣлія (въ смыслѣ обработки земли подъ посѣвы зерноваго хлѣба), а упадокъ вообще сельско-хозяйственной промышленности, т.-е. упадокъ рентьерскихъ доходовъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и политическаго вліянія рентьеровъ въ странѣ.

Чѣмъ же объясняется подобное явленіе? В. Каблуковъ въ своей книгѣ выдвигаетъ на первый планъ очень симпатичную, хотя и не вѣрную, на нашъ взглядъ гипотезу для объясненія упадка сельскаго хозяйства въ Англіи, угражая и другимъ странамъ подобною же судьбою въ томъ случаѣ, если онѣ не видоизмѣнятъ внутреннихъ условій производства, т.-е. отношеній капитала къ труду,—необходимо, по его мнѣнію, «привлечь рабочаго къ землѣ», сдѣлать его изъ наемника крестьяниномъ-собственникомъ. Нельзя не признать, что крестьянинъ-собственникъ способенъ гораздо больше бороться съ неблагопріятными условіями для сельской промышленности, чѣмъ крупный землевладѣлецъ. Для землевладѣльца нужна рента, и разъ онъ ее не получаетъ, то забрасываетъ хозяйство, какъ бездоходное; крестьянинъ-собственникъ борется до конца, т.-е. обрабатываетъ почву даже при условіи неполученія ренты, довольствуясь только заработной платой Понятно, что еслибы въ нынѣшней Англіи земля принадлежала крестьянамъ-собственникамъ, то обработка земли не прекращалась бы, фермы бы не пустѣли,—лишь бы доходъ съ нихъ не былъ меньше заработной платы рабочаго. Но, по нашему мнѣнію, все это не измѣнило бы общаго хода упадка доходовъ сельско-хозяйственной промышленности въ Англіи, такъ какъ причины этого упадка лежатъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ ихъ ищетъ г. Каблуковъ. Мы не отрицаемъ того, что ненормальныя отношенія рабочаго къ землѣ способство-

вали ускоренію сельско-хозяйственнаго кризиса, но этотъ кризисъ совершился бы и при самыхъ нормальныхъ отношеніяхъ его къ землѣ, благодаря тому, что Англія первая воспользовалась выгодами крупнаго капиталистическаго производства въ фабрично-заводской промышленности. Авторъ напрасно отождествилъ условія сельско-хозяйственной промышленности во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ наемный трудъ, и напрасно пугаетъ ихъ судьбою Англіи. Намъ было бы весьма пріятно повѣрить его увѣреніямъ; но, къ сожалѣнію, онъ не представилъ никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса въ этомъ смыслѣ. Ненормальныя отношенія англійскаго рабочаго къ землѣ, если и играли извѣстную роль въ упадкѣ сельско-хозяйственной промышленности Англіи, то во всякомъ случаѣ, меньшую, нежели общія экономическія условія этой страны, сдѣлавшейся промышленнымъ центромъ для всемірнаго рынка.

Сельско-хозяйственная промышленность Англіи падаетъ не потому, что земля не принадлежитъ рабочимъ, а потому, что эта страна мало-по-малу сдѣлалась главной поставщицей разнаго рода промышленныхъ произведеній на всемірный рынокъ, что даетъ ей большій доходъ, нежели занятіе земледѣліемъ. Правда, если бы ей неоткуда было покупать на томъ же всемірномъ рынкѣ дешевый сравнительно хлѣбъ, то она принуждена была бы добывать его у себя; но при существованіи американскихъ, русскихъ, венгерскихъ, австрійскихъ и другихъ плодородныхъ земель, покупной хлѣбъ обходится ей довольно дешево. Поэтому было бы экономическимъ безразсудствомъ (вопреки условіямъ всемірнаго рынка) заниматься не тѣмъ, что

даетъ больше дохода, а трудиться надъ плохо оплачиваемымъ сельскимъ хозяйствомъ ради того, чтобы имѣть интенсивное земледѣліе. Дѣло бы не измѣнилось и въ томъ случаѣ, если бы землею владѣли крестьяне; упадокъ земледѣлія долженъ былъ бы произойти, благодаря тому, что фабричная и заводская промышленность, работающая на всемірный рынокъ, предлагаетъ больше, чѣмъ земледѣлецъ получаетъ отъ земли и, такимъ образомъ, сманиваетъ его отъ сельскаго хозяйства къ обрабатывающей промышленности. Параллельно съ этимъ процессомъ идетъ другой: подрывъ сельско-хозяйственной промышленности иностранной конкурренціей. Хлѣбъ, добываемый путемъ экстенсивной обработки—природнымъ плодородіемъ—земель, бываетъ всегда гораздо дешевле того, который получается отъ интенсивнаго земледѣлія. Понятно, поэтому, что ввозъ иностраннаго дешеваго хлѣба съ одной стороны и поднятіе рабочей платы, благодаря выгодамъ обрабатывающей промышленности, съ другой—были истинной причиной упадка земледѣлія въ Англіи.

Впрочемъ, выгодное экономическое положеніе, занятое Англіей на всемірномъ рынкѣ, не такъ прочно, какъ многіе думаютъ. Европейскія государства одно за другимъ стараются вытѣснить съ своихъ рынковъ англійскіе товары и даже вступаютъ въ конкурренцію съ Англіей на всемірномъ рынкѣ. Это послѣднее обстоятельство ведетъ къ тому, что расширеніе обрабатывающей англійской промышленности стѣсняется весьма сильно и она уже не въ состояніи поглощать массу сельскихъ рабочихъ, вытѣсняемыхъ изъ сельско-хозяйственной промышленности плохими заработками, какъ результатомъ упадка этой промышленности, благодаря иностранной конкурренціи, подрывающей ее ввозомъ деше-

ваго хлѣба. И вотъ сельскій рабочій, не имѣя возможности существовать сельскимъ хозяйствомъ и не находя себѣ мѣста въ обрабатывающей промышленности, уходитъ въ Америку, Австралію и т. п. По показанію Арча, при посредствѣ союза, предсѣдателемъ котораго онъ состоитъ, выселилось до 700,000 человѣкъ, т. е. почти половина всѣхъ сельскихъ рабочихъ Англіи по счету 1861 года. За сельскими рабочими потянулись и юные фермеры.

Все это не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что сельское хозяйство Англіи сильно упало; но упало оно не потому, что земля не принадлежитъ рабочимъ, какъ думаетъ г. Каблуковъ, а благодаря особенностямъ общаго хода экономической жизни Англіи, сдѣлавшейся какъ бы городомъ (т. е. промышленнымъ центромъ) для многихъ мало-цивилизованныхъ странъ, съ которыми она легко сообщается морскимъ путемъ. Подобно всякому городу, она уже не занимается земледѣліемъ, а живетъ промышленностью фабричною и заводскою, получая сельскіе предукты изъ своихъ окружающихъ деревень, т. е. изъ тѣхъ земледѣльческихъ странъ, въ которыхъ этотъ хлѣбъ дешевле ея собственнаго. И не только одинъ хлѣбъ она получаетъ изъ своихъ деревень,—въ послѣднее время, помимо ввоза живаго скота, стали доставляться цѣлые корабли битаго мяса,—что, разумѣется, еще болѣе убьетъ сельское хозяйство Англіи. Во всякомъ случаѣ, необходимо признать, что въ настоящее время упадокъ сельско-хозяйственной промышленности Англіи вовсе не свидѣтельствуетъ объ упадкѣ ея экономическаго процвѣтанія вообще, такъ какъ занятіе обрабатывающей промышленностью несомнѣнно даетъ ей большій доходъ, нежели

могло дать сельское хозяйство. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не видѣть всей шаткости этого положенія. Мало-по-малу всѣ народы начинаютъ сознавать выгоды, доставляемыя обрабатывающей промышленностью, и закрывать по мѣрѣ возможности свои рынки для англійскихъ товаровъ съ цѣлью взростить собственную промышленность. Слѣдовательно, Англіи придется, въ концѣ концовъ, возвратиться къ нормальному ходу экономическаго развитія, при которомъ ея исключительныя выгоды отъ обрабатывающей промышленности должны исчезнуть. Къ тому же времени вздорожаетъ и иностранный хлѣбъ, который понадобится для прокормленія промышленныхъ рабочихъ странъ, нынче сбывающихъ его за ничтожную цѣну въ Англію. Тогда-то ей опять придется взяться за земледѣліе, что поведетъ за собою новый кризисъ еще болѣе тяжелый, чѣмъ современный.

Къ сожалѣнію, политическая экономія не только не помогала разъясненію опасности, занятаго Англіей положенія на международномъ рынкѣ, а скорѣе способствовала этому явленію, создавая мнимые экономическіе законы, бывшіе только теоретическимъ отраженіемъ того, что ученые экономисты видѣли вокругъ себя.

Только немногіе глубокіе мыслители видѣли опасность такого положенія; такъ, напримѣръ, І. Фихте еще въ 1800 г. указывалъ на то, что Европа имѣетъ большія выгоды отъ торговли съ другими частями свѣта и что «она пользуется ихъ силами и продуктами, вознаграждая далеко несоотвѣтствующими экономической справедливости». По его мнѣнію «такое отношеніе Европы къ остальному міру, какъ не основан-

ное на правѣ и справедливости, не можетъ продолжаться»... «и государство должно явиться такимъ же замкнутымъ торговымъ организмомъ, какъ и въ юридическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ». При этомъ необходимо прибавить, что, по Фихте, замкнутое государство «стремится не къ преобладанію въ торговлѣ,—весьма опасное направленіе, — а къ тому, чтобы сдѣлать народъ вполнѣ независимымъ и самостоятельнымъ» [1]).

Къ сожалѣнію, «арміи и дипломатія правительствъ, говоритъ Ингрэмъ, существуютъ теперь главнымъ образомъ для интересовъ торговли» [2]), т. е. съ цѣлью подрыва экономической независимости другихъ народовъ.

Примѣромъ международнаго экономическаго хищничества могутъ быть голланцы, истребившіе всѣ кусты пряныхъ растеній на одномъ извѣстномъ островѣ и сжегшіе часть собранныхъ уже пряностей» [3]). Поступая такимъ хищническимъ образомъ, голландцы только слѣдуютъ примѣру древнихъ народовъ. Какъ извѣстно, «карѳагеняне подъ страхомъ смерти запретили жителямъ Сардиніи воздѣлывать землю: имъ нужно было сбывать свою пшеницу». «Римляне, желая избавиться отъ конкурренціи, распорядились уничтожить виноградники въ Галліи» [4]).

Въ заключеніе сказаннаго нами выше, мы должны признать, что идея свободной конкурренціи въ экономическихъ отношеніяхъ между народами даетъ такіе

---

[1]) Іог. Фихте. Замкнутое государство. Стр. 32, 33, 144 и 119. (Библ. европ. пис. и мысл. Изд. В. В. Чуйко).

[2]) Дж. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи. Стр. 72.

[3]) Іог. Фихте. Замкнутое государство. (Библ. европ. пис. и мысл. Изд В. В. Чуйко). Стр. 111.

[4]) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Стр. 372 и 373.

же плоды, какими она надѣлила уже насъ въ области отношеній отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу: экономически болѣе сильные выжимаютъ изъ менѣе сильныхъ ту «прибавочную стоимость», которую они не оплатили никакимъ эквивалентомъ. Многимъ наивнымъ людямъ идея свободной торговли кажется первой ступенью къ братскимъ отношеніямъ между народами; но они забываютъ, что этихъ братскихъ отношеній въ дѣйствительности не имѣется и что, благодаря этому, экономически слабый свободно притѣсняется экономически сильнымъ. Въ дѣйствительности же свободная торговля есть система вполнѣ аналогичная съ тѣми системами политическихъ международныхъ отношеній, въ которыхъ нѣтъ никакого стѣсненія болѣе сильнымъ въ ихъ борьбѣ съ болѣе слабыми. Европа, къ счастью, уже вышла изъ этой эры свободныхъ политическихъ отношеній, — путемъ союзовъ слабыхъ противъ сильныхъ; въ послѣднія десятилѣтія мы даже встрѣчаемъ попытки ограничить свободу политическихъ отношеній путемъ организаціи международнаго суда. Такимъ образомъ, народы приходятъ къ мысли о необходимости ограждать себя отъ свободы политическихъ отношеній. Поэтому было бы странно, если бы они стояли за свободу международныхъ экономическихъ отношеній, такъ какъ экономическіе захваты и насилія имъ не менѣе тяжелы, чѣмъ политическіе, хотя и менѣе обидны и замѣтны, — подобно тому, какъ экономическая зависимость вольнонаемнаго рабочаго менѣе замѣтна и обидна, чѣмъ прямая крѣпостная зависимость или рабство.

Впрочемъ, необходимо прибавить, что признавая протекціонизмъ орудіемъ борьбы съ международнымъ экономическимъ хищничествомъ, мы не желаемъ оправдывать тѣ практическія

мѣры, къ которымъ прибѣгаютъ народы для огражденія себя отъ этого хищничества. Подобно тому, какъ политическія войны полны ошибокъ и неудачъ, такъ полны ими и таможенные тарифы—выразители экономической войны народовъ. Помимо весьма частой нецѣлесообразности этихъ тарифовъ, необходимо указать на весьма нерѣдко встрѣчающееся вредное вліяніе таможенныхъ пошлинъ на внутреннюю промышленность страны. Эта промышленность можетъ быть въ свою очередь капиталистически-хищнической и дѣйствительно народной. Поэтому недостаточно, чтобы таможенный тарифъ ограждалъ внутреннее производство отъ международнаго хищничества; необходимо, чтобы одновременно съ этимъ онъ позаботился, главнымъ образомъ, о народномъ производствѣ, которое у насъ имѣетъ кустарную форму. Для примѣра возьмемъ стремленіе способствовать каменно-угольной промышленности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Донецкомъ бассейнѣ находится очень много крестьянскихъ шахтъ, а потому огражденіе каменно-угольной промышленности можетъ способствовать ихъ развитію, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, поведетъ и къ развитію артельнаго начала въ производствѣ. Г. Шредеръ говоритъ, «кустарныя шахты могутъ быть смѣло противополагаемы капиталистическимъ: ни въ отношеніи производства, ни въ отношеніи сбыта между ними нѣтъ ничего общаго»... «Кустарныя шахты и община по своему значенію вполнѣ тождественны, одинаково развивая духъ коллективизма и солидарности»... «Уже въ силу самыхъ техническихъ условій производства, превышающаго силы отдѣльной семьи, въ основу его положено а р т е л ь н о е н а ч а л о,—слѣдовательно, здѣсь коллективизмъ проведенъ гораздо дальше, чѣмъ въ

области земледѣлія». Крестьянскихъ шахтъ не артельныхъ «нельзя насчитать и десятка» [1]).

Разумѣется, что при господствѣ въ настоящее время, во многихъ отрасляхъ промышленности, капиталистическаго производства, покровительство внутреннему производству, вмѣстѣ съ тѣмъ, отразиться благопріятно прямымъ образомъ на отечественныхъ капиталистахъ и только косвенно на рабочемъ классѣ. Но смущаться этимъ нечего, такъ какъ, очевидно, приходится выбирать между отечественнымъ и иностраннымъ капиталистомъ. Мы все таки можемъ себя утѣшить, что часть защиты внутренняго производства перепадетъ и чисто народному производству, не говоря объ улучшеніи заработной платы рабочихъ, эксплуатируемыхъ капиталистическимъ производствомъ.

Кромѣ вышеуказанной опасности нецѣлесообразной установки таможенныхъ тарифовъ, необходимо имѣть въ виду, что отечественные промышленники способны такъ же хищнически отнестись къ интересамъ всего общества, какъ и иностранные. Недовольствуясь только такимъ покровительствомъ таможенныхъ пошлинъ, при которомъ они могли бы только выдерживать конкурренцію съ иностранными производителями, они своими ложными воплями о бѣдственномъ положеніи внутренней промышленности стараются чрезмѣрно возвышать пошлины и, пользуясь отсутствіемъ внутренней конкурренціи, возвышаютъ свою прибыль на счетъ потребителей своихъ товаровъ. Такъ, напримѣръ, изъ опубликованныхъ въ «Вѣстникѣ Финансовъ» свѣдѣній за 1887 годъ видно, что чистая прибыль на основные капиталы была слѣдующая: 1) товарищество шерстяныхъ

[1]) Г. И. Шредеръ. Очерки кустарной горной промышленности («Русск. Мысль» 1889 г., № 10, стр. 62).

издѣлій Торнтона—45%%, 2)Кренгольмская мануфактура — 44,9%, 3) Невская бумагопрядильня — 38%%, 4) Никольская мануфактура Морозова—28%%, 5) Измайловская бумагопрядильня—26%%, 6) бумаго-красильная фабрика Рабенека—25,4%, 7) Екатерингофская бумагопрядильня—23%, 8) Сампсоніевская бумагопрядильня—21,3% и 9) Нарвская льнопрядильня—18%% и т. д. Хищническія поползновенія сахарозаводчиковъ тоже достаточно извѣстны. Но всѣ эти факты говорятъ только за необходимость тщательнаго наблюденія за вліяніемъ таможенныхъ тарифовъ, съ тѣмъ, чтобы это вліяніе только достигало своей цѣли и не давало промышленникамъ возможности злоупотреблять имъ.

Повторяемъ, таможенныя пошлины должны быть только орудіями защиты народовъ отъ международнаго экономическаго хищничества и идти на помощь росту экономической ихъ независимости—подобно тому, какъ военныя организаціи всякаго рода должны быть только орудіями защиты политической независимости тѣхъ же народовъ. Устраненія покровительственныхъ пошлинъ можно желать только послѣ установленія между народами дѣйствительнаго братства, при которомъ появится международный регуляторъ ихъ экономическихъ отношеній, обуздывающій хищническія поползновенія отдѣльныхъ народовъ.

ГЛАВА VIII.

Современные моралисты.

1. *Плакальщики и злобники.*

Моралисты всѣхъ временъ и народовъ имѣютъ обыкновеніе представлять современную имъ нравственность въ самыхъ черныхъ краскахъ,—причемъ для контраста выставляютъ въ розовомъ цвѣтѣ прошлое народовъ Только недавно нѣкоторые изъ нихъ стали указывать на будущее, какъ на то время когда человѣчество явится въ полномъ блескѣ своего нравственнаго величія. Пока, это послѣднее направленіе еще сравнительно слабо,—къ нему мало наклонны не только необразованные или полуобразованные проповѣдники нравственности среди простого народа, т. е. разнаго рода сектантскіе моралисты, но и тѣ, кто составляетъ, по ихъ собственному мнѣнію, умственную соль русской земли,—ученые люди, стремящіеся руководить общественной мыслью. Это доказывается тѣмъ, что наши моралисты, въ своихъ нападкахъ на современную нравственность, постоянно указываютъ на мнимое нравственное паденіе нашего общества, сравнительно съ прошлыми, шестидесятыми и сороковыми годами. Эта характерная черта,—отыскиваніе идеаловъ въ прошломъ,—связываетъ нашихъ литератур-

ныхъ моралистовъ со всѣмъ сонмомъ недальновидныхъ проповѣдниковъ нравственности, когда-либо работавшихъ надъ нравственнымъ усовершенствованіемъ человѣчества [1]). Юношескій оптимизмъ и старческій пессимизмъ всегда были главными причинами ошибочнаго воззрѣнія на ходъ общественнаго развитія. Когда-то эти ошибочныя воззрѣнія вполнѣ господствовали надъ умами людей. Теорія постепеннаго вырожденія человѣчества считалась несомнѣнной. «Нерѣдко приходится слышать, говоритъ профессоръ Тархановъ, что родъ человѣческій въ дѣлѣ здоровья и физическаго склада спускается все по наклонной плоскости и все слабѣетъ и дряхлѣетъ. Однакоже, основательное изученіе вопроса приводитъ насъ къ тому, что и прежніе люди и народы не менѣе страдали отъ болѣзней, не менѣе гибли отъ нихъ: стоитъ только вспомнить тѣ страшныя чумныя и оспенныя эпидеміи, которыя опустошали Европу въ средніе вѣка, и то, что въ городахъ число смертей всегда превосходило число рожденій, чтобы заключить, что общая смертность была прежде выше, чѣмъ теперь» [2]). Кто изъ насъ не слышалъ въ дѣтствѣ доказательствъ физическаго вырожденія человѣческаго рода? Нашимъ отцамъ это казалось вполнѣ научно-доказаннымъ явленіемъ. А между тѣмъ большее знакомство съ прошедшимъ доказало, что человѣчество физически совершенствуется,

---

[1]) Въ первобытныя времена, говоритъ Вундтъ, «врожденное человѣку стремленіе—создавать въ своей мысли идеальный образецъ того, что онъ считаетъ добродѣтельнымъ и желательнымъ—ищетъ своего удовлетворенія въ культѣ предковъ». (Этика. Стр. 80).

[2]) Ив. Р. Тархановъ. Долголѣтіе животныхъ, растеній и людей. Стр. 84. («Вѣс. Евр.» 1891 г., № 11).

что цивилизація (въ общемъ ея ходѣ) способствуетъ продолжительности жизни, а не укорачиваетъ ее, что сумма земныхъ благъ не уменьшается, а увеличивается и при томъ распредѣляется равномѣрнѣе. Это вполнѣ доказывается тѣми единичными случаями, въ которыхъ мы имѣемъ возможность сравнить цифры прошедшаго времени съ нынѣшними. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ генералъ-губернаторъ Румянцевъ произвелъ «генеральную опись Малороссіи». Если сравнить данныя этой описи съ цифрами статистическихъ данныхъ, напримѣръ Черниговской губерніи, добытыхъ въ 80-хъ годахъ нашего столѣтія то, получимъ слѣдующіе выводы: 1) «въ настоящее время большее число лицъ достигаетъ зрѣлаго и старческаго возраста, нежели то было прежде, или, говоря иначе, средняя продолжительность жизни увеличилась» и 2) совершился «общій подъемъ экономическаго благосостоянія и болѣе равномѣрное распредѣленіе его въ населеніи въ настоящее время, сравнительно съ прошлымъ столѣтіемъ»... «Въ настоящее время земля распредѣляется среди населенія гораздо равномѣрнѣе, нежели въ прошломъ столѣтіи»... «Число богачей уменьшилось, но еще больше уменьшилось число бѣдняковъ, и благосостояніе распредѣлилось въ населеніи несравненно равномѣрнѣе» [1]).

Мы имѣемъ право надѣяться, что нашъ экономическій бытъ будетъ развиваться въ томъ же направленіи, если примемъ во вниманіе, что «современные успѣхи техники обѣщаютъ въ близкомъ будущемъ произвесть значительныя перемѣны установившихся въ

[1]) „Недѣля". 1888 г. № 9. Столѣтняя параллель.

производствѣ отношеній... Въ производствѣ ожидаются такія перемѣны, которыя облегчатъ конкурренцію мелкой (если хотите, кустарной) промышленности съ крупной» [1]).

Кромѣ того, нельзя не видѣть, что «въ подмогу народному мірскому владѣнію и падающей артельности пришло съ большой гуманной силой, съ теплой вѣрой въ будущее чоловѣчества и съ евангельскими словами самаго Христа, сектантство; пришло оно на подмогу изнывающимъ мірскимъ институтамъ, объявило кровную войну новымъ тенденціямъ среди міра армяковъ и сорвало покрывало съ своего врага»... У такъ называемыхъ «дурмановцевъ», сектантовъ, распространившихся въ Оренбургскамъ и Бузулукскомъ уѣздахъ, «дѣла рѣшаются по единогласному заключенію. Участвуютъ на собраніи рѣшительно всѣ съ правомъ голоса, въ томъ числѣ и женщины. Равенство считается необходимымъ и безусловнымъ. Если въ крестьянской средѣ равенъ лишь работникъ въ сферѣ земельныхъ распорядковъ, — то въ сектантствѣ не знаютъ такого различія и имѣютъ въ виду просто человѣка, будь то калѣка, маломощный, женщина, дитя» [2]).

Нравственный и умственный прогрессъ человѣчества—несомнѣненъ. Исторія нашей нравственности начинается не великими образцами добродѣтелей, которые постепенно понижаются и падаютъ, доходя, наконецъ, до насъ, «дрянныхъ и пошлыхъ людишекъ», а

[1]) П. К. Энгельмейеръ. Экономическое значеніе современной техники. Изд. журнала „Техникъ“.

[2]) С. Пономаревъ. Земледѣльческое братство, какъ обычно правовой институтъ сектантовъ. Стр. 1 и 11. („Сѣв. Вѣстникъ“ 1886 г., № 9 и 10

наоборотъ, начали мы съ животнаго эгоизма и, мало-по-малу, работой многихъ тысячелѣтій достигли той ступени нравственнаго развитія, на которой находимся теперь и которую осуждаемъ во имя стремленія къ дальнѣйшему усовершенствованію. Если наши предки были убѣждены, что человѣчество начало свое существованіе съ золотого вѣка, — счастья и довольства,— потомъ перешло въ вѣкъ мѣдный и, наконецъ, теперь находится въ вѣкѣ желѣзномъ, полномъ печали, горестей и воздыханій, то мы, наоборотъ, достовѣрно знаемъ, что назади у Европы была только кровавая эпопея человѣческихъ несчастій и страданій, кровожадная борьба за блага жизни и что эта борьба, мало-по-малу, смягчалась, принимала все болѣе и болѣе мягкія формы и, наконецъ, явилась намъ въ той формѣ, которой недовольны наши моралисты

Признавая несомнѣннымъ, что исторія человѣчества есть исторія его прогрессивнаго развитія [1]), мы все-таки не можетъ не видѣть, что иногда отдѣльныя группы этого человѣчества регрессируютъ очень замѣтнымъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Примѣромъ такого регресса можетъ служить римская имперія. Но регрессъ въ ней явился не процессомъ внутренняго разложенія, какъ старались объяснить прежніе историки, не съумѣвшіе понять, что переходъ отъ республики къ имперіи былъ результатомъ не нравственнаго паденія, а, наоборотъ, стремленія къ равенству провинціальныхъ жителей съ римскими гражданами. Римская республика погибла потому, что считала своими полноправными граж-

[1]) Къ сожалѣнію, „психологическій прогрессъ долженъ будетъ когда-нибудь необходимо остановиться въ виду существованія... абсолютнаго предѣла органическаго совершенствованія человѣческаго мозга“. (А. Герценъ. Общая физіологія души. Стр. 196).

данами только самое незначительное количество лицъ. Провинціямъ плохо жилось при этой республикѣ и онѣ ниспровергли ее. Такимъ образомъ, переходъ отъ республики къ имперіи былъ не нравственнымъ паденіемъ, а шагомъ впередъ. Нравственное развитіе продолжалось и во время императоровъ. Было-бы вполнѣ ошибочно смѣшивать общенародную жизнь и нравственность съ тѣми грандіозно-порочными обычаями, которые господствовали при дворахъ Нероновъ и Каллигулъ. Только тѣ, кто не видитъ ничего кромѣ войнъ, придворныхъ интригъ и т. п. вещей въ исторіяхъ народовъ, могутъ отождествлять обычаи римскихъ императоровъ съ обычаями народа вообще. Распространеніе разнообразныхъ нравственныхъ ученій, начиная стоиками и кончая христіанствомъ, доказываетъ намъ, что нравственная жизнь римской имперіи не застыла, а совершенствовалась и шла впередъ.

Но, къ несчастью для римской цивилизаціи, имперія была черезъ-чуръ слаба физически, сравнительно съ наступавшими на нее со всѣхъ сторонъ воинственными варварами, и должна была пасть подъ ихъ ударами. Полудикія племена разселились на ея территоріи и, понятно, стали заводить порядки, соотвѣтственные своему умственному и нравственному уровню. Тѣ національности, которыя образовались изъ смѣшенія варваровъ съ прежними болѣе или менѣе цивилизованными гражданами римской имперіи, понятно, должны были уступать какъ въ умственныхъ, такъ и въ нравственныхъ сплахъ прежнимъ поколѣніямъ римскихъ гражданъ. Отсюда невозможность дальнѣйшаго развитія римской цивилизаціи и временный регрессъ общественный жизни. Прошло нѣсколько вѣковъ, пока эти смѣшанныя націи достигли того уровня, на которомъ стояли римляне.

Другимъ примѣромъ регресса можетъ служить татарскій эпизодъ въ русской исторіи. Въ этомъ случаѣ дѣло произошло нѣсколько не такъ, какъ у римлянъ; татары не поселились на русской землѣ, не смѣшались съ русскимъ народомъ, а потому и не дѣйствовали на ослабленіе умственныхъ и нравственныхъ силъ его органическимъ путемъ Но за то ихъ механическое давленіе заставило Русь организоваться по такому государственному типу, цѣль котораго была почти исключительно направлена на обезпеченіе внѣшней безопасности. Этоже стремленіе къ внѣшней безопасности заставило московскихъ государей принимать массами на свою службу татарскихъ князей, царевичей и вообще служилыхъ людей. Эти инородцы смѣшались путемъ браковъ съ московскимъ боярскимъ и вообще служилымъ людомъ и составили такимъ образомъ ту органическую смѣсь, которая руководила государственной жизнью московской Руси.

Такимъ образомъ мы видимъ, что прогрессивное развитіе человѣчества есть общая тенденція его исторіи,— регрессивные эпизоды являются исключеніемъ. А такъ какъ регрессъ есть исключеніе, то онъ и долженъ быть точно доказанъ тѣми, кто указываетъ на его существованіе въ какой-либо періодъ времени. Посмотримъ-же, есть-ли у нашихъ пессимистическихъ моралистовъ какія-либо основательныя доказательства въ пользу положенія, что въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ наше общество было нравственнѣе, нежели теперь.

Прежде всего мы должны указать на то, что общественныя формы почти во всѣхъ существующихъ обществахъ не зависятъ прямо и непосредственно отъ умственнаго и нравственнаго развитія общества. Разумѣется, что это несоотвѣтствіе имѣетъ извѣстныя, до-

вольно тѣсныя границы, но все-таки оно существуетъ повсюду. Это зависитъ отъ того, что общественныя формы создаются не только обществомъ, но и тѣми историческими условіями, которыя, будучи созданы когда-то самимъ обществомъ, стали могущественной силой, имѣющей даже большее вліянія при образованіи новыхъ формъ, нежели само общество. И такъ умственный и нравственный прогрессъ не состоитъ въ непосредственной связи съ общественными формами, а потому и по развитію или застою въ общественныхъ формахъ нельзя судить о развитіи или застоѣ въ умственной и нравственной жизни общества. Духовная жизнь общества можетъ развиваться и совершенствоваться на ряду съ застоемъ въ общественныхъ формахъ, кристаллизовавшихся на основаніи прежняго уровня духовнаго развитія Возьмемъ для примѣра хотя-бы наполеоновской режимъ во Франціи. Послѣ франко-прусской войны всѣ стали кричать, что этотъ режимъ развратилъ Францію, что онъ погубилъ въ ней умственныя и нравственныя силы и т. д. Правда, въ этихъ крикахъ есть извѣстная доля правды,—наполеоновскій режимъ стѣснялъ развитіе духовныхъ силъ народа, систематически устранялъ отъ себя все талантливое и честное, а потому и не могъ выдержать напора пруссаковъ и погибъ. Но стѣсненіе развитія не есть его пріостановка или регрессъ,—этого, къ счастію, не можетъ сдѣлать никакой режимъ. Развѣ Франція семидесятыхъ годовъ тождественна съ Франціей сороковыхъ? Такимъ образомъ, несмотря на стѣсненія, Франція продолжала развиваться, хотя и медленѣе, чѣмъ могла-бы при другихъ обстоятельствахъ. Благодаря только этому, Франція и могла такъ быстро оправиться отъ удара, нанесеннаго ей пруссаками, и устроить свой

бытъ на лучшихъ началахъ, чѣмъ это было при Наполеонѣ.

Наши плакальщики-моралисты, по всей вѣроятности, вполнѣ убѣждены въ благотворномъ дѣйствіи проливаемыхъ ими слезъ. Убѣждая насъ, «что ничтожество намъ имя», сравнительно съ нравственными гигантами, которыми были люди шестидесятыхъ и сороковыхъ годовъ, они убѣждены, что будятъ общественную совѣсть и подвигаютъ на благія дѣла. Но, по нашему мнѣнію, ихъ оружіе обоюдо-остро. Правда, критикой существующаго они дѣлаютъ доброе дѣло, возбуждаютъ желаніе къ исправленію недостатковъ и т. д., но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выливаютъ на своихъ читателей ушаты холодной воды, доказывая нравственное паденіе общества. Обыкновенный, средній человѣкъ, убѣждаясь ихъ доводами, опускаетъ безнадежно руки и отступаетъ изъ арены общественной дѣятельности въ частную, личную жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать слабый потомокъ великихъ предковъ, если даже они не съумѣли предупредить нравственнаго разложенія общества? И вотъ появляется на сценѣ теорія о непреложной необходимости этого паденія, ибо это — необходимый фазисъ естественно-историческаго процесса, котораго предотвратить не въ силахъ и милліоны людей. Этотъ фазисъ нравственнаго разложенія самъ собою долженъ въ будущемъ перейти въ фазисъ нравственнаго величія и этотъ переходъ не остановятъ никакія силы. Личностямъ тутъ дѣлать нечего, за нихъ работаетъ естественно-историческій процессъ. Такимъ образомъ, мы однимъ ударомъ сумѣли и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти. Подъ флагомъ непреложности законовъ естественно-историческаго процесса мы можемъ спокойно вступать въ обѣтованныя земли личной жизни.

Намъ могутъ замѣтить, что мысль о прогрессивномъ развитіи человѣчества, какъ общей тенденціи его исторіи, можетъ породить тотъ-же квіетизмъ. Но дѣло въ томъ, что мы не считаемъ это развитіе результатомъ какого-то естественно-историческаго процесса, дѣйствующаго помимо жеданій отдѣльныхъ лицъ; это развитіе получается только усиліями членовъ общества и если оказывается преобладающимъ явленіемъ въ исторіи человѣческихъ группъ, то только благодаря дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, побуждаемыхъ естественною наклонностью къ счастью,—не будь этой дѣятельности, не было бы и развитія, и чѣмъ энергичнѣе дѣятельность, тѣмъ быстрѣе развитіе.

Посмотримъ-же, насколько вѣрны утвержденія моралистовъ, что наше общество развращается и нравственно падаетъ. Что касается народа, то всѣ утвержденія насчетъ его нравственнаго паденія не имѣютъ подъ собой никакой почвы [1]). Мы стали изучать его только недавно, и если даже признать, что наше теперешнее знакомство съ его бытомъ достаточно, то все-таки у насъ нѣтъ данныхъ для сравненія, такъ какъ нашимъ отцамъ и дѣдамъ онъ былъ неизвѣстенъ, или, лучше сказать, они намъ не оставили объ этомъ никакихъ свѣдѣній. За неимѣніемъ фактическихъ данныхъ, перейдемъ къ гипотетическимъ. Тутъ, главнымъ образомъ,

---

[1]) «Господа капиталисты, точно также какъ находящаяся у нихъ въ услуженіи печать, говоритъ К. Маркс, часто бываютъ недовольны тѣмъ способомъ, какимъ рабочая сила расходуетъ свои деньги, и тѣми товарами, въ которыхъ она имъ реализируетъ. Въ подобномъ случаѣ они философствуютъ и мелютъ всякій культурный вздоръ». У насъ это выражается въ недовольствѣ «спиньжаками», «ботинками» и т. д. (К. Марксъ. Капиталъ. Т. II. Стр. 397).

нужно оцѣнить вліяніе тѣхъ новыхъ условій жизни, въ которыя былъ поставленъ народъ. Одна половина нашего крестьянства находилась въ крѣпостной зависимости и была освобождена отъ нея. Какое же нравственное вліяніе могла оказать на него свобода? Думаемъ, что смѣло можно отвѣтить: самое благотворное. Что свобода можетъ только содѣйствовать нравственному развитію личности, въ этомъ почти никто не сомнѣвается. «Совокупность фактовъ заставляетъ меня твердо вѣрить, говоритъ Спенсеръ, что унаслѣдованіе функціонально произведенныхъ измѣненій имѣетъ всеобщій характеръ» [1]). Поэтому потомство свободныхъ родителей не можетъ не быть нравственно выше подавляемыхъ прежде рабствомъ. Кромѣ того, измѣнились и многія другія условія крестьянской жизни вообще. Что касается правъ личности, то, несомнѣнно, они расширились, сравнительно съ сороковыми годами. Правда, экономическое положеніе крестьянъ, какъ засвидѣтельствовано правительственными коммиссіями, ухудшилось, но изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, чтобы за этимъ ухудшеніемъ послѣдовало нравственное паденіе. Если-бы даже было доказано, что бѣдность побуждаетъ крестьянъ къ совершенію большаго количества преступленій и проступковъ, нежели это ими дѣлалось въ прежнее время, то и это не доказываетъ нравственнаго разложенія, а только усиленіе импульсовъ къ преступленіямъ и проступкамъ, которымъ прежній или даже немного повышенный уровень нравственности не можетъ дать надлежащаго отпора. «Ни одинъ безпристрастный человѣкъ, говоритъ Вундтъ, не можетъ не сознаться,

---

[1]) Герб. Спенсеръ. Факторы органической эволюціи. („Русское Богатство“ 1892 г., № 4—5, стр. 272)

что то отношеніе между богатствомъ и рабочею платой, какое создаетъ новѣйшая культура, въ значительной степени содѣйствуетъ возрастающей силѣ и распространенію не нравственныхъ мотивовъ» [1]).

Что реформы прошлаго царствованія имѣли благотворное нравственное вліяніе на личность крестьянина, видно изъ того, что въ немъ, какъ утверждаютъ многіе наблюдатели его жизни, пробудилось въ сильной степени желаніе сознательно отнестись къ своимъ религіознымъ представленіямъ. А это указываетъ на расширеніе потребностей его духовной жизни [2]).

Теперь о культурномъ слоѣ. Моралисты-плакальщики, указываютъ на колоссальныя мошенничества, на повальное очищеніе всякаго рода кассъ ихъ хранителями и т. д. Да, этихъ явленій было немного въ прежнее время, ибо кассъ было мало, а если немногія изъ нихъ и страдали, то, благодаря условіямъ прежней жизни, это не замѣчалось. Людямъ сороковыхъ годовъ не нужно было обкрадывать кассы и идти за это въ Сибирь; они на законномъ основаніи очищали тощія мош-

---

[1]) Вильг. Вундтъ. Этика. Стр. 100 (Ч. 3-я).

[2]) „Изъ Черниговской губерніи сообщаютъ „Кіевлянину“ что тамъ теперь широко примѣняются опыты тѣлесныхъ наказаній, исполняемые посредствомъ волостныхъ судовъ. Сѣченіе распространили и на казаковъ, которые до сихъ поръ считались свободными отъ тѣлеснаго наказанія, и часто, будучи владѣльцами значительныхъ участковъ земли, представляютъ своего рода аристократію въ сельскомъ быту. Но отвращеніе населенія къ сѣченію чувствуется очень замѣтно и выражается въ его отношеніи къ людямъ, рѣшающимся принимать на себя сѣкуторскія обязанности. Такихъ людей прозвали „катами“ (палачами), и теперь становится трудно пріискивать въ деревняхъ охотниковъ до подобныхъ должностей“. („Недѣля“ 1890 г., № 46, стр. 1465).

ны своихъ ближнихъ и это очищеніе было занятіемъ большинства. Крѣпостное право отучало ихъ отъ труда, пріучало къ мысли о возможности существованія на чужой счетъ; понятно, что лишившись даровыхъ работниковъ, будучи поставлены въ необходимость хотя-бы мнимымъ трудомъ добывать хлѣбъ, они не могли преобразиться сразу и воспитать своихъ дѣтей, примѣняясь къ новымъ условіямъ: яблочко, говорятъ, недалеко падаетъ отъ яблони. Привычка къ роскошной жизни сохранилась, а добываніе этой роскоши легальнымъ образомъ (путемъ крѣпостного труда) затруднилось,—и пошли безнравственные потомки не менѣе безнравственныхъ отцовъ добывать эту роскошь всякаго рода неизящными способами. Разумѣется, что съ эстетической точки зрѣнія человѣкъ сороковыхъ годовъ, занимающійся лицезрѣніемъ всего прекраснаго въ Парижѣ и другихъ иностранныхъ городахъ и отъ времени до времени посылающій краткія, но вразумительныя посланія въ глухую русскую деревню о присылкѣ такого-то и такого-то количества презрѣннаго металла, можетъ казаться гораздо пріятнѣе какого-нибудь современнаго кулака, но, какъ намъ кажется, разница между ними можетъ быть сведена только на меньшую эстетичность поступковъ послѣдняго. Если-бы спросить у крестьянина, кого изъ нихъ онъ предпочитаетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ укажетъ на неизящнаго кулака.

Что касается лучшей части культурнаго слоя,—той, которая на самомъ дѣлѣ является цивилизующимъ элементомъ въ нашемъ обществѣ, —думаемъ, что эти группа тоже не пошла назадъ, не развратилась, а, напротивъ, очень сильно развилась какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. «Всѣ высокіе умы Европы, писалъ И. В. Кирѣевскій въ 1838 году,—жалуются на

теперешнее состояніе нравственной апатіи, на недостатокъ убѣжденій, на всеобщій эгоизмъ» [1]). Намъ постоянно указываютъ на личности Бѣлинскаго, Добролюбова и другихъ, прибавляя со вздохомъ, что такихъ теперь ужь нѣтъ. Тутъ мы видимъ нѣкоторое смѣшеніе понятій; Бѣлинскій былъ прекрасный, высоко-нравственный человѣкъ, но такихъ высоконравственныхъ людей мы могли бы насчитать тысячи въ нынѣшнемъ культурномъ слоѣ. Преимущество Бѣлинскаго надъ этими людьми заключается только въ силѣ литературнаго таланта; правда, обаятельность его критики была-бы невозможна безъ существованія той нравственной подкладки, на которой она была построена, но нужно твердо помнить, что не будь у него литературнаго дарованія, его личность, по всей вѣроятности, оставила-бы по себѣ очень мало воспоминаній. Чѣмъ объясняется паденіе литературной критики въ наше время—мы не знаемъ навѣрное; но очень можетъ быть, что причина его лежитъ въ необходимости сосредоточить лучшія дарованія на разработкѣ другихъ вопросовъ жизни, которые оставались въ прежнее время въ забросѣ. Во всякомъ случаѣ, паденіе литературной критики отнюдь не указываетъ даже на умственный застой, такъ какъ несомнѣнно, что въ большинствѣ умственныхъ областей мы оставили за собой людей сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

Лучшую характеристику своего нравственнаго типа люди сороковыхъ годовъ оставили намъ въ образѣ «лишняго» человѣка. Слабый, безхарактерный, съ такимъ нравственнымъ развитіемъ, которое давало ему возможность чувствовать всю мерзость окружающаго

[1]) И. В. Кирѣевскій. Полное собраніе сочиненій. Т. I, стр. 192.

міра, но не въ силахъ было побудить его къ активной дѣятельности,—онъ дѣйствительно былъ лишнимъ, даромъ ѣвшимъ хлѣбъ русской земли. Люди шестидесятыхъ годовъ составляютъ переходную ступень отъ «лишняго человѣка» къ нашему поколѣнію. Что касается этого послѣдняго, то намъ кажется, что только слѣпой или не хотящій видѣть не замѣчаетъ сравнительнаго превосходства современнаго культурнаго человѣка. Въ жизни его появился новый облагораживающій элементъ — трудъ. Если этотъ элементъ не успѣлъ еще войти въ кровь и плоть всего культурнаго слоя, то въ этомъ виновато прошлое; но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что трудовая жизнь, къ которой, отчасти, былъ обращенъ этотъ слой крѣпостной реформой, повліяетъ очень сильно на нравственныя понятія этого класса. «Трудъ, говоритъ Фурье, составляетъ удовольствіе различныхъ тварей: бобровъ, пчелъ, осъ, муравьевъ, которые имѣютъ полную свободу предпочесть ему бездѣятельность» [1]). Мы поэтому вправѣ надѣяться, что онъ сдѣлается удовольствіемъ и для культурныхъ людей. Намъ слѣдуетъ только стараться о дальнѣйшемъ усиленіи трудоваго элемента въ жизни культурныхъ людей, такъ какъ, по правдѣ сказать, онъ пока черезъ-чуръ слабъ въ ней. Трудовая жизнь вырабатываетъ людей стойкихъ, упорныхъ въ достиженіи своихъ цѣлей, а потому и не «лишнихъ» въ нашей жизни.

Яснымъ доказательствомъ того, что шестидесятые годы были не лучше нашего времени и что всѣ нападки на это послѣднее обусловлены обычнымъ идеализированіемъ прошлаго,—являются отзывы современниковъ объ этомъ прошломъ. Извѣстно, что выраженіе:

---

[1]) Д. Щегловъ. Исторія соціальн. системъ. Т. II, стр. 18.

«Бывали хуже времена, но не было подлѣй», — было излюбленнымъ людьми именно шестидесятыхъ годовъ. Пожилые люди того времени также пессимистически относились къ нему, какъ наши къ современному намъ. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ теперь раздаются постоянныя восхваленія литературы шестидесятыхъ годовъ, — тогда Тургеневъ писалъ о ней: «Читаю я мало, и то, что мнѣ попадается изъ русскихъ журналовъ, не очень способно возбудить желаніе подобнаго упражненія. Совершился какой-то наплывъ бездарныхъ и рьяныхъ семинаровъ—и появилась новая лающая и рыкающая литература. Что изъ этого выйдетъ—неизвѣстно,—но вотъ и мы попали въ старое поколѣніе, не понимающее новыхъ дѣлъ и новыхъ словъ» [1]). Но, быть можетъ, Тургеневъ принадлежитъ къ какому-нибудь изъ литературныхъ лагерей, который былъ преслѣдуемъ либеральной прессой шестидесятыхъ годовъ,—а потому и мститъ ей за это? Для контраста, возьмемъ другой отзывъ. «Появленіе этой книги, пишетъ Н. Костомаровъ въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, напоминаетъ шестидесятые года текущаго столѣтія. Въ этихъ годахъ въ нашей печати появилась такая мода: находились господа, которые на свою братью литераторовъ печатали нѣчто въ родѣ доносовъ, стараясь, на основаніи словъ, сказанныхъ послѣдними въ печати, обличать въ чемъ-нибудь неодобрительномъ, а болѣе всего набросить на нихъ тѣнь неблагонадежности въ политическихъ убѣжденіяхъ» [2]). Приводимъ оба мнѣнія современниковъ шестидесятыхъ годовъ не съ тѣмъ, чтобы унизить эти годы и возве-

[1]) П. В. Анненковъ. Переписка съ И. С. Тургеневымъ 1856—1862 г. («Вѣстн. Европы» 1885 г. № 3, стр. 495).

[2]) «Вѣстн. Европы» 1888 г. № 3, стр. 867.

личить на ихъ счетъ восьмидесятые, а лишь только для того, чтобы указать на фактъ возвеличенія пожилыми людьми того періода времени, который соотвѣтствуетъ ихъ молодости. Почти навѣрное можно сказать, что Тургеневъ и Костомаровъ иначе отзывались о сороковыхъ годахъ, т. е. годахъ, соотвѣтствующихъ ихъ расцвѣту. Это—старая повадка мысли, и пора бы уже перестать ею пользоваться.

Если мы требуемъ отъ нашихъ моралистовъ исканія идеаловъ въ будущемъ, а не въ прошедшемъ, то мы не хотимъ этимъ сказать, что прошедшее сплошь должно быть оплевано и унижено. Изъ него вышло наше настоящее, а, слѣдовательно, въ немъ было нѣчто хорошее, давшее свои плоды, которыми мы и пользуемся. Такъ-же мы должны относиться и къ нашему настоящему, — оно вѣдь дастъ плодъ въ видѣ «будущаго». Связь между будущимъ и настоящимъ должна быть ясна соціологу, онъ обязанъ указать на тѣ здоровые элементы, развитіе которыхъ дастъ намъ лучшее будущее. Сплошное отрицаніе всѣхъ элементовъ нашей жизни порождаетъ только отчаяніе и искаліе выхода или въ самоубійствѣ, или въ утѣхахъ личной жизни; бодрость и увѣренность въ успѣхѣ—даютъ силу идти впередъ.

Критика есть необходимое условіе прогресса Но всякій общественный дѣятель, имѣющій въ виду совершенствованіе того общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ, по необходимости долженъ выбрать какой-нибудь изъ общественныхъ элементовъ,—подъ вліяніемъ взаимодѣйствія которыхъ слагаются общественныя формы,—и, считая этотъ элементъ въ данную минуту болѣе здоровымъ, стараться о томъ, чтобы дальнѣйшіе шаги

общества по пути прогресса были совершаемы подъ вліяніемъ этого элемента. Разумѣется, что на бѣломъ свѣтѣ найдутся и такіе люди, которые в с ѣ общественные элементы объявятъ больными, зараженными, и только себя однихъ выставятъ единственными носителями добра и справедливости. Логика должна-бы заставить ихъ отказаться отъ надежды на дальнѣйшій прогрессъ, такъ какъ было-бы черезъ-чуръ наивно думать, что общественныя формы будутъ складываться не подъ вліяніемъ тѣхъ могущественныхъ факторовъ общественной жизни, которые оказались, по мнѣнію критика, больными, а подъ вліяніемъ личности здороваго критика и десятка ему подобныхъ. Пора-же, наконецъ, отказаться отъ этихъ мечтаній, въ которыхъ нѣсколько непризнанныхъ геніевъ отводятъ себѣ мѣсто какихъ-то чуть-ли не боговъ, вершителей человѣческихъ судебъ. Пора понять, что отдѣльная личность только тогда можетъ проявить свое вліяніе на созданіе общественныхъ формъ, когда она примыкаетъ къ той или другой сторонѣ взаимодѣйствующихъ другъ на друга общественныхъ элементовъ.

Мы здѣсь говоримъ о практической жизни, практической дѣятельности, а не о подготовкѣ тѣхъ элементовъ, которые явятся, можетъ быть, въ будущемъ однимъ изъ факторовъ общественной жизни. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ отложить насущное дѣло, —усовершенствованіе общественныхъ формъ,—ради этой педагогической дѣятельности. Если-же считать практическое усовершенствованіе общественныхъ формъ дѣломъ важнымъ, главнымъ дѣломъ всѣхъ добропорядочныхъ силъ нашего общества, то придется непреложно каждому изъ насъ отыскать тотъ элементъ нашей общественной жизни, который, по его мнѣнію, заключаетъ въ себѣ наиболѣе

здоровыхъ соковъ, болѣе другихъ способенъ къ внесенію правды и добра въ общественную жизнь, и постараться связать свою дѣятельность съ стремленіями этого элемента. Стараніе расширить вліяніе этого элемента будетъ главной заботой дня. У всякаго практическаго общественнаго дѣятеля по необходимости окажется излюбленный имъ элементъ, на вліяніи котораго онъ основываетъ свои надежды на дальнѣйшій прогрессъ. Одинъ надѣется на литературу и интеллигенцію, другой — на народъ и на его общинныя чувства и привычки, третій—на бюрократію и ежевыя рукавицы и т. д. и т. д. Каждый съ своей точки зрѣнія будетъ критиковать тѣ элементы общественной жизни, которые, по его мнѣнію, не даютъ ходу, препятствуютъ вліянію его излюбленнаго элемента. Кто можетъ сомнѣваться въ необходимости, въ благодѣтельности такой критики?

Но этого мало. Критика должна идти дальше, она не можетъ не касаться и излюбленнаго элемента. Всегда найдутся неразумныя головы, у которыхъ «усердіе паче разума» и которыя могутъ не въ мѣру преувеличивать достоинства избранной общественной силы. Добросовѣстная критика и будетъ умѣрять восторги этихъ пылкихъ людей. Но все-таки всякій дѣятель будетъ указывать на относительное превосходство своего излюбленнаго элемента; безъ этого онъ будетъ, какъ мы уже говорили, не практическимъ участникомъ взаимодѣйствія общественныхъ силъ, а въ самыхъ лучшихъ случаяхъ—педагогомъ, работающимъ надъ созданіемъ такой силы, которая только въ будущемъ выступитъ на арену жизни. Наше время—не время педагоговъ и подготовленія общественныхъ реформъ; оно—время самихъ реформъ, время практическаго дѣла. Работа надъ практическимъ усовершенствованіемъ общественныхъ формъ—

вотъ истинная задача русскаго общества. Дѣло не ждетъ, и откладываніе его въ долгій ящикъ было-бы непростительно.

Каждый изъ насъ долженъ принять участіе въ томъ взаимодѣйствіи, которое оказываютъ другъ на друга различные общественные элементы, и примкнуть къ тому или другому. Такъ и дѣлаетъ большинство нашихъ дѣятелей. Но, къ несчастію, есть и такіе, которыхъ мы назовемъ злобными. Прикрываясь знаменемъ критики, они только и дѣлаютъ, что лаютъ на всѣ элементы нашей общественной жизни. По ихъ словамъ, Россія наполнена сплошь негодяями; куда ни посмотришь, вездѣ мерзость запустѣнія, вездѣ гнусность, продажность, начиная сверху и до самаго низу [1]). Ихъ «лисья, повыраженію Карлейля, премудрость до сихъ поръ возится со своею безнадежною проблемою; именно: «данъ міръ мошенниковъ; требуется привести ихъ совокупную дѣятельность къ честности» [2]). Попробуйте заговорить при нихъ о нашемъ крестьянствѣ — и у нихъ, прогрессистовъ, пѣна выступаетъ у рта, они съ презрѣніемъ, съ негодованіемъ накидываются на всякаго, кто видитъ въ крестьянинѣ человѣка, можетъ быть и забитаго, пассивнаго, но все-таки человѣка; они съ торжествомъ, съ захлебывающейся радостью подхватываютъ все то, что клеймитъ этого мужика и, не замѣчая, проходятъ мимо тѣхъ фактовъ, которые говорятъ въ его пользу. Они съ ликованіемъ встрѣчаютъ

[1]) Это отчасти объясняется и тѣмъ, что люди „расположены и склонны вовсе не къ похвалѣ и прославленію, а къ порицанію и пороченію, такъ какъ черезъ это они косвеннымъ образомъ сами себя хвалятъ“. (Ар. Шопенгауэръ. Афоризмы и Максимы. Стр. 264).

[2]) Т. Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Стр. 318.

всѣ поверхностныя обобщенія всякаго наблюдателя деревни, который доказываетъ, что мужикъ—это жалкая тварь, способная за грошъ перервать горло своему ближнему, что мужикъ способенъ продать свою жену, дѣтей и вообще что угодно, что деревня—это скопище безнравственныхъ негодяевъ, ведущихъ между собою неустанную войну изъ за матеріальныхъ благъ [1]). Они

---

[1]) Оболгать мужика—большое удовольствіе для интеллигента, подбирающаго обыкновенно только факты, дурно характеризующіе мужика, и не замѣчающаго фактовъ противоположныхъ. Возьмемъ для примѣра слѣдующій фактъ:

«Изъ с. Паховки, Тимскаго уѣзда, Курской губ., сообщаютъ о слѣдующемъ преступленіи. За послѣдніе два года, 60-ти лѣтній дѣдъ Касулинъ, черезчуръ часто любовался своею красавицей внучкой, 16-ти-лѣтней Евдокіей, ласкалъ ее и щедро одарялъ подарками. Въ послѣднее время старику начало представляться, что дѣвушка неравнодушна къ одному деревенскому парню и что парень также заглядывается на красавицу. Дѣдъ началъ грозить молодому крестьянину «раздѣлаться съ нимъ по-свойски», если онъ не оставитъ своихъ ухаживаній. Парень началъ избѣгать встрѣчъ съ дѣдомъ, а самъ распустилъ слухъ, что онъ твердо рѣшилъ жениться на любимой дѣвушкѣ и что онъ намѣренъ обвѣнчаться съ нею тайно, если дѣдъ будетъ противиться. Когда Касулинъ узналъ объ этомъ, онъ началъ сильно тосковать и пересталъ выпускать дѣвушку на улицу. На дняхъ онъ внезапно повеселѣлъ и началъ разсказывать знакомымъ и роднымъ о томъ, что онъ, будто бы, придумалъ средство, чтобы его внучка никогда не вышла замужъ и будетъ любить только его одного. Средство это, какъ вскорѣ обнаружилось, заключалось въ злодѣйскомъ опозореніи дѣвушки, совершенномъ надъ нею роднымъ дѣдомъ. Несчастная на другой день два раза покушалась на самоубійство, но родные оба раза спасали ее. Дѣдъ былъ немедленно арестованъ и черезъ то самое избѣгъ самосуда, который хотѣли надъ нимъ произвести женихъ несчастной дѣвушки и его товарищи. Преступленіе это настолько потрясло мѣстныхъ крестьянъ, что нѣсколько парней высказали желаніе жениться на опозоренной, если ея женихъ откажется отъ

заподозрѣваютъ въ искаженіи фактовъ, обвиняютъ въ идеализаціи всякаго, кто осмѣливается говорить въ противоположномъ духѣ. Одинъ изъ крестьянъ, защищая народъ отъ несправедливыхъ попрековъ, писалъ въ «Сельскомъ Вѣстникѣ»: «мнѣ думается, не пишется-ли это по чувству вовсе не христіанскому, т. е., замѣчая у своихъ ближнихъ и разглашая одно дурное, пропускаютъ мимо глазъ и ушей все хорошее?»... «Ежели сравнить съ настоящимъ все, что разсказываютъ старожилы и чему я самъ былъ очевидцемъ лѣтъ десять назадъ или болѣе, то я вижу во всемъ перемѣну къ лучшему» [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что презрѣніе, выказываемое людьми злобнаго направленія ко всему русскому крестьянству, не вытекаетъ у нихъ изъ какихъ-нибудь мотивовъ, сродныхъ крѣпостничеству; хотя нельзя сомнѣваться и въ томъ, что ихъ презрѣніе къ народу—остатокъ крѣпостническихъ отношеній, безсознательно дѣйствующій на ихъ мысль. И злоба эта —

нея. Арестованный старикъ оправдывается тѣмъ, что онъ былъ пьянъ». («Новое Время» 1890 г., № 5268).

Прочитавъ въ газетѣ о подобнаго рода преступленіи, интеллигентъ запоминаетъ только то, что крестьянинъ изнасиловалъ свою внучку, и забываетъ то, что касается впечатлѣнія, сдѣланнаго этимъ преступленіемъ на остальныхъ крестьянъ. А между тѣмъ, врядъ-ли можно сомнѣваться, что наша интеллигенція неспособна такъ глубоко сочувствовать потерпѣвшей дѣвушкѣ?

Говоря «наша» интеллигенція, мы этимъ не хотимъ унизить русскую интеллигенцію передъ западной, такъ какъ въ дѣйствительности она все-таки нравственно выше этой послѣдней. «Я видѣлъ въ одной изъ заграничныхъ клиникъ, какъ студенты хохотали надъ жалобными стонами беременной женщины, которой безъ хлороформа вырѣзали зобъ» («Книжки Недѣли» 1893 г., № 1. На холерѣ. В. П. Стр. 73 и «Недѣля» 1893 г., № 5).

[2]) Гл. И. Успенскій. Корреспонденты и публицисты. Стр. 243 и 244 («Рус. Мысль» 1890 г., № 11).

какого-то особеннаго свойства. Злобный критикъ, выставляя нашъ народъ скопищемъ гнусныхъ тварей, въ то-же время совершенно искренно жалѣетъ, что эти твари плохо ѣдятъ, плохо спятъ, одѣты въ рубищѣ. Онъ готовъ даже отстаивать необходимость деревенскаго самоуправленія или что-нибудь въ этомъ родѣ, не замѣчая, что это послѣднее требованіе совершенно не согласуется съ его понятіемъ о мужикѣ, такъ какъ повело-бы ко всеобщей травлѣ. Проливать слезы надъ пустыми щами людей, готовыхъ продать своихъ женъ, умиляться надъ рубищами тѣхъ, которые готовы съ легкимъ сердцемъ омыть руки въ крови со-деревенца (въ такомъ видѣ представляются крестьянскія расправы съ конокрадами) или вздыхать по поводу сгорѣвшей избы человѣка, безъ всякой нужды жгущаго избы сосѣдей — вотъ обычное занятіе, которому предаются люди злобнаго направленія. Убѣждать своихъ читателей, что мужикъ—жалкая тварь, и въ то-же время доказывать, что экономическое положеніе его скверно, это значитъ привести его къ мысли: по дѣламъ вору мука. Злобный критикъ не замѣчаетъ, что онъ рубитъ ту вѣтку, на которой сидитъ. Очевидно, онъ имѣлъ въ виду совершенно другое, онъ думалъ умилить читателя и подвинуть его на помощь мужику, но на дѣлѣ выйдетъ совершенно противоположное. Идти на помощь бываетъ часто не особенно легко, но лучшая энергическая часть общества, подъ вліяніемъ мысли о страданіяхъ человѣка, можетъ преодолѣть эти препятствія. Совсѣмъ другое дѣло выйдетъ тогда, когда общество слышитъ о страданіяхъ жалкой твари; многіе-ли захотятъ пойти на помощь при этихъ условіяхъ? Думаемъ, что охотниковъ найдется немного; да и помощь этихъ немногихъ выльется, разумѣется, въ совершенно иныя формы. Такъ,

напримѣръ, и теперь мы видимъ людей, ходящихъ по тюрьмамъ и раздающихъ преступникамъ калачи и сайки, но никто изъ этихъ добрыхъ людей, по всей вѣроятности, не пожелаетъ выпустить на бѣлый свѣтъ эти сотни грабителей, конокрадовъ, убійцъ и т. п., такъ какъ знаетъ, что плохо пришлось-бы и ему самому, и его согражданамъ. То-же случилось-бы и въ отношеніи ко всему русскому крестьянству. Начали-бы думать о томъ, чтобы вліяніе мужика на общественную жизнь свести до минимума и, даже, его собственную жизнь какъ можно больше подчинить, въ виду общественныхъ интересовъ, болѣе нравственнымъ элементамъ. При такихъ условіяхъ немыслимо было-бы крестьянское самоуправленіе, даже въ такомъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь. «Глубоко вѣрили, говоритъ г. Градовскій, въ свой народъ люди, предложившіе только-что освобожденной массѣ крѣпостныхъ формы общиннаго самоуправленія безъ той чиновничьей опеки, что царствовала въ области «самоуправленія» государственныхъ крестьянъ. Горячо вѣрили въ общество люди, замѣнявшіе старыя формы суда судомъ гласнымъ, съ участіемъ присяжныхъ» [1]). И вотъ эту-то вѣру въ свой народъ хотятъ отнять у насъ люди злобнаго направленія. Удастся-ли имъ это — покажетъ будущее.

2. *Восточники—проповѣдники буддійскаго отношенія къ животнымъ.*

Въ послѣднее время у насъ появились моралисты, проповѣдующіе коренное измѣненіе отношеній человѣка къ животнымъ,—при чемъ это стремленіе доходитъ до забвенія интересовъ человѣчества. Изъ числа этихъ

[1]) «Русская рѣчь» 1879 г., №9. Статья А. Градовскаго.

моралистовъ особенно выдѣлился г. В. Ч—въ, помѣстившій въ «Новомъ Времени» [1]) статью по этому вопросу,—съ предисловіемъ Л. Н. Толстого, составленномъ въ томъ же духѣ. Предупреждаю, что цѣль моя состоитъ не столько въ борьбѣ съ идеями г. Ч—ва, сколько въ выясненіи нравственной почвы, ихъ породившей. По моему мнѣнію, идеи эти настолько, такъ сказать, оранжерейны, что завянутъ сами собою, будучи вынесены на вольный воздухъ нашихъ полей, луговъ и лѣсовъ, такъ что съ ними не стоило бы и бороться. Но безжизненность и даже совершенная практическая нелѣпость нѣкоторыхъ принциповъ не лишаетъ, обыкновенно, обладателей этихъ принциповъ извѣстнаго чувства гордости, которое присуще человѣку, стоящему нравственно выше другихъ. Вотъ противъ этого ложнаго чувства нравственнаго превосходства я и хочу возражать, такъ какъ вижу, что воззрѣнія г. Ч—ва родились не на почвѣ трудовой нравственности, а въ оранжереѣ, изнѣживающей не только наши руки, ноги и вообще все тѣло, но и наши души. Гордость этой душевной изнѣженностью, по моему мнѣнію, ничѣмъ не отличается отъ гордости бѣлизной своихъ рукъ, свободныхъ отъ мозолей, незаскорузлыхъ отъ работы, а потому и могущихъ производить на фальшивое эстетическое чувство нѣкоторыхъ особъ лучшее впечатлѣніе. Если бы кто-нибудь на этомъ основаніи сталъ проповѣдывать необходимость людямъ бросить физическую работу и «подняться», такимъ образомъ, до высоты, на которой стоятъ бѣлоручки, указывая, что прогрессъ именно и ведетъ къ этому, такъ какъ стремится введеніемъ машинъ замѣнить человѣка,—то

[1]) «Новое Время» отъ 13 ноября 1890 г.

это, вѣроятно, считалось бы парадоксомъ сытаго человѣка, достойнымъ только презрѣнія. Къ сожалѣнію, мысли г. Ч—ва, вполнѣ аналогичныя съ мыслями людей, гордящихся своею бѣлоручностью, и выросшія на той же почвѣ, настолько внѣшне привлекательны для той части интеллигенціи, которая не поставлена лицомъ къ лицу съ природой вообще и животными въ частности, что она легко можетъ воспринять ихъ. На отношеніяхъ человѣчества къ животнымъ это нисколько не отразится, такъ какъ вести борьбу съ животными все-таки будетъ необходимо, но эта борьба будетъ продолжаться съ тою разницею, что къ народу мы будемъ питать чувство, аналогичное съ тѣмъ, какое выработалось у горожанъ къ такъ называемымъ «гицелямъ», т. е. истребителямъ собакъ. Конечно, не этого желаетъ г. Ч—въ, но это сдѣлается самымъ ходомъ общественной жизни, стоящей на современныхъ намъ основахъ.

«Жалость, говоритъ г. Ч—въ,—одно и то же чувство, будь оно вызвано страданіями человѣка или мухи»... «Человѣкъ, понимающій значенье жалости, не станетъ опасаться того, что проявленія ея могутъ показаться людямъ смѣшными. Что ему за дѣло до того, что, вынесши на дворъ и выпустивъ изъ мышеловки пойманную мышь, вмѣсто того, чтобы ее убить, онъ вызвалъ насмѣшки или неодобреніе окружающихъ его людей, когда онъ знаетъ, что этимъ онъ не только спасъ отъ смерти существо, не менѣе его дорожащее жизнью, но, давъ свободный ходъ чувству состраданія, приблизился на шагъ къ той высшей жизни всеобъемлющей любви, которая, не вмѣщаясь ни въ какихъ условныхъ границахъ, освобождаетъ его отъ смерти и сливается съ источникомъ жизни?»

Постараюсь умѣрить то чувство негодованія, которое возбуждаетъ во мнѣ чтеніе этихъ строкъ, и отнестись хладнокровно и серьезно къ проповѣди г. Ч—ва. Итакъ, мы должны не убивать мышей, съѣдающихъ наши съѣстные припасы, а терпѣть ихъ сосѣдство во имя «всеобъемлющей любви». Представимъ же себѣ, что тѣ земства юга Россіи, которыя, въ настоящее время, заботятся такъ много объ истребленіи сусликовъ, саранчи и т. п, прониклись убѣжденіями г. Ч—ва: суслики и саранча не только не истребляются, а къ нимъ относятся со «всеобъемлющей любовью». Неужели оторванность отъ реальной жизни людей, подобныхъ г. Ч—ву, настолько велика, что они не видятъ, какъ ихъ любовь къ сусликамъ и саранчѣ поведетъ къ обездоленію человѣческихъ существъ, интересы которыхъ прямо противоположны интересамъ животныхъ, взятыхъ ими подъ свое покровительство? «Очевидно, что благородныя чувства, будучи утрированы до крайности, производятъ иногда тѣ же слѣдствія, какъ и величайшіе пороки» [1]). Вѣдь, надо замѣтить, намъ проповѣдуютъ не болѣе мягкое отношеніе къ животнымъ, не стараніе избѣжать напрасныхъ мученій для нихъ,—съ чѣмъ нельзя было бы не согласиться,— а прямо требуютъ, чтобы человѣчество пожертвовало собою въ пользу животныхъ! Нельзя сомнѣваться въ томъ, что возможность того чувства жалости, которое проповѣдуетъ г. Ч—въ, обусловлена полнѣйшей обезпеченностью личнаго существованія проповѣдника, не замѣчающаго, что мыши, суслики и саранча могутъ отнять хлѣбъ у его сосѣдей съ ихъ женами и дѣтьми. Если люди, присутствовавшіе при сценѣ выпусканія

[1]) Бальзакъ. Исторія бѣдныхъ родственниковъ.

г. Ч—ымъ мышенка, только смѣялись, то это было потому, что они не знали принципіальной подкладки подобнаго поведенія: проповѣдь равенства въ отношеніи ко всякой жизни, будь то жизнь мухи или человѣка. Принципіальное значеніе обсуждаемаго нами поступка нѣсколько затемняется тѣмъ, что была выпущена на волю только о д н а мышь, но необходимо признать, что если бы въ рукахъ г. Ч—ва находилась жизнь нѣсколькихъ милліоновъ мышей (напримѣръ, въ видѣ возможности породить среди нихъ повальную болѣзнь), то онъ долженъ былъ бы сохранить имъ жизнь, хотя бы онѣ и составляли страшное бѣдствіе для данной мѣстности, объѣдая хлѣбные амбары людей, какъ то не разъ уже и бывало. Навѣрное можно сказать, что не смѣхъ вызвалъ бы у крестьянъ подобный поступокъ,— а между тѣмъ съ точки зрѣнія г. Ч—ва его поведеніе въ указываемомъ нами случаѣ было бы еще болѣе похвально, нежели въ томъ, когда онъ выпустилъ только одну мышь. Если въ барской усадьбѣ хватаетъ хлѣба и для мышей, и для людей, въ ней живущихъ, то это обстоятельство не должно было бы закрывать той несомнѣнной истины, что въ избахъ и хатахъ хлѣба можетъ не хватить для тѣхъ и другихъ, а, слѣдовательно, придется сдѣлать выборъ между жизнью людей и мышей. Какъ бы посмотрѣли обитатели избъ и хатъ на поведеніе г. Ч—ва въ предложенномъ нами случаѣ!

«Чрезмѣрно развитая чувствительность, говоритъ Дюрингъ, принадлежитъ къ болѣзненнымъ формамъ нервной жизни... Она встрѣчается часто тамъ, гдѣ утонченность цивилизаціи вызываетъ на свѣтъ самыя крайнія противоположности. Она возникаетъ и с у щ е с т в у е т ъ ч а с т о н а р я д у с ъ с а м о й г р у б о й ж е с т о к о с т ь ю; нерѣдко она является крайней утон-

ченностью жизни чувства, которое можетъ подвергаться самымъ ужаснымъ искаженіямъ. Жестокость и ложная чувствительность суть не только плоды на томъ же самомъ деревѣ испорченной цивилизаціи, но еще и такіе, которые могутъ существовать одновременно въ томъ же самомъ человѣкѣ» [1]). Профессоръ Ломброзо въ статьѣ «Неврозъ даровитыхъ женщинъ» увѣряетъ, что необыкновенное пристрастіе къ животнымъ часто бываетъ у помѣшанныхъ. Одна изъ польскихъ газетъ передаетъ «о слѣдующемъ, выходящемъ изъ ряда сумасбродствѣ, достовѣрность котораго провѣрена редакціею этой газеты. Г-жа Х., вдова-помѣщица, живущая близъ площади св. Александра, въ Варшавѣ, имѣетъ трехъ комнатныхъ собаченокъ, которыхъ окружаетъ особенною заботливостью. Недавно г-жа Х. устроила для своихъ любимцевъ собачій раутъ. Въ назначенный часъ на раутъ пріѣхали въ каретахъ и экипажахъ 12 собачекъ, приглашенныхъ на раутъ. Собачки были наряжены въ разныя фантастическія платья и шапочки. Въ столовой приготовленъ былъ обѣденный столъ. Меню для четвероногихъ гостей было весьма изысканное. Сначала поданы были изящно уложенныя тартинки, затѣмъ ростбифъ, телячье жаркое, птичье, дичь и, наконецъ, десертъ. Прислуживали четвероногимъ лакеи, которые хотя и исполняли приказы госпожи, но чрезвычайно возмущались этою эксцентричностью. Не лучше ли было бы, замѣчаетъ газета, устроить угощеніе для бѣдняковъ, которыхъ такъ много находится въ Варшавѣ?»

Повторяю, что я хочу обратить вниманіе читателя не столько на анти-гуманность самыхъ идей г. Ч—ва,

---

[1]) Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Стр. 148 и 149.

которыя намъ выдаютъ за послѣдній распустившійся цвѣтокъ россійскаго нравственнаго прогресса, сколько на то обстоятельство, что это пренебреженіе человѣческими интересами въ пользу интересовъ животныхъ порождено тѣмъ, что мы устранились отъ жизненной борьбы съ животными, предоставивъ вести ее народу, хотя львиную долю плодовъ этой борьбы и получаемъ на свой пай. Питаясь мясомъ животныхъ и птицъ въ гораздо большей степени, нежели народъ, мы сами не принуждены рѣзать тѣхъ воловъ, телятъ, куницъ и т. п., которыхъ съѣдаемъ: мы устранили отъ себя непріятную сторону дѣла и взяли львиную долю пріятностей. Подобно крыловской свиньѣ, мы готовы подрывать корни питающаго насъ дерева; впрочемъ, только чисто теоретически, т.-е. пока есть мужикъ, который рѣжетъ намъ животныхъ, при чемъ мы презираемъ его за его грубые нервы, могущіе выносить страданія такихъ невинныхъ и милыхъ созданій, какъ телята и т. п. Разумѣется, что о страданіяхъ этихъ животныхъ мы говоримъ не во время обѣда съ блюдомъ телятины, а больше всего на журфиксахъ, на которыхъ только и достигаетъ высшихъ предѣловъ наше животнолюбіе.

Мнѣ могутъ возразить, что я напрасно связываю излишнюю нѣжность къ животнымъ съ барскою жизнью, такъ какъ мы видимъ-де, что буддисты Индіи доводятъ любовь къ животнымъ до такихъ предѣловъ, которые, кажется, самъ г. Ч—въ считаетъ совсѣмъ излишними: мы не обязаны вырѣзать у себя куски собственнаго мяса для того, чтобы накормить червей,—какъ то сдѣлалъ истинный буддистъ, по одному изъ буддійскихъ сказаній. Думаю, что это нисколько не опровергаетъ моего мнѣнія, такъ какъ несомнѣнно, что проповѣдь буддистовъ имѣла въ Индіи извѣстное raison d'être въ рас-

пространенной вѣрѣ въ переселеніе *душъ*. Если я вѣрю, что душа моего отца, матери, дѣда и вообще другихъ людей можетъ быть въ теленкѣ, червѣ или сусликѣ, то, понятно, что мои отношенія къ этимъ животнымъ совершенно видоизмѣняются, и животное можетъ требовать для себя не меньшаго, какъ и любой согражданинъ. Нашимъ поклонникамъ буддизма, кажется, невдомекъ, что вѣра въ переселеніе душъ и была истинной основой для возможности распространенія въ народныхъ массахъ ученія, родившагося во дворцѣ, проповѣдникъ котораго никогда не вѣдалъ, что такое трудъ, и прямо перешелъ отъ пышности царскихъ палатъ къ нищенству и жизни подаяніемъ, не знающему ни хлопотъ, ни заботъ людей физическаго труда [1]), а потому и имѣющему возможность развить въ себѣ чувствительность къ животнымъ до предпочтенія ихъ интересовъ человѣческимъ [2]).

---

[1]) Про Будду Ольденбергъ говоритъ: «того, передъ кѣмъ склонялись цари, можно было видѣть ежедневно ходящимъ отъ дома къ дому по улицамъ города, съ чашей въ рукѣ, съ опущеннымъ взоромъ, и молча ждавшимъ, не произнося ни одной просьбы, чтобъ кто-либо опустилъ въ его чашу малую толику ѣды». (Герм. Ольденбергъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Стр. 126).

[2]) «Той страстности, съ которой защитникъ угнетенныхъ выступаетъ противъ притѣснителей, мы не найдемъ въ душѣ Будды Пусть государство и общество остаются тѣмъ, чѣмъ они есть благочестивый, отрекшійся отъ міра монахъ не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ заботахъ и дрязгахъ міра. Каста, какъ и все земное, утратила для него свое значеніе, но онъ далекъ отъ мысли содѣйствовать ея упраздненію, или смягчать суровость ея постановленій для тѣхъ, кто продолжаетъ пребывать въ міру». Только «духовное облаченіе учениковъ Будды равняетъ всѣхъ безъ исключенія, слугъ и господъ, браминовъ и судръ». Правда, Буддѣ приходилось иногда вступаться «за духовныя права бѣдняковъ простолюдиновъ и защищать ихъ передъ

Наши модные восточники, подобно прежнимъ западникамъ, указываютъ намъ на чужіе обычаи, воззрѣнія и учрежденія какъ на достойныя подражанія, не замѣчая, что они у насъ, при отсутствіи вѣры въ переселеніе душъ, являются величайшей нелѣпостью, которая не замѣчается только тѣми, кто маленькое зерно своего чувства привыкъ, путемъ чисто логическаго процесса, вполнѣ чуждаго самому чувству, раздувать въ цѣлую гору этого чувства, существующую, только въ качествѣ фикціи, въ воображеніи такого душевнаго акробата. Г. Ч—въ увѣряетъ, что «нѣтъ предѣловъ увеличенія чувства жалости, и что оно никогда не должно быть заглушено, а, напротивъ, всегда поощряемо». Утверждая это, г. Ч—въ самъ даетъ намъ ключъ къ разъясненію своего душевнаго процесса, благодаря которому онъ выпускалъ пойманную мышь. «Нѣтъ предѣловъ увеличенія чувства жалости», говоритъ онъ; мы же прибавимъ: для того, кто развиваетъ только его форму чисто логическимъ процессомъ, не замѣчая, что самое содержаніе чувства у

лицемъ знатныхъ и ученыхъ», но «подобнаго рода борьба не занимала особенно виднаго мѣста въ исторіи его жизни». По мнѣнію буддистовъ, ихъ «ученіе, это достояніе разумныхъ, а не темныхъ». Соціальнымъ коментаріемъ къ этому положенію можетъ служить слѣдующее описаніе странствій Будды: «И когда онъ, въ сопровожденіи цѣлыхъ сотенъ учениковъ своихъ, переходилъ съ одного мѣста на другое, толпы благочестивыхъ почитателей съ разнаго рода повозками и фурами сопровождали его шествіе и везли необходимые съѣсные припасы, соль и масло, чтобы, соблюдая строго очередь между собою, готовить путешественникамъ трапезу; а вслѣдъ за этими толпами шли толпы нуждающихся, подбиравшихъ остатки трапевъ». (Герм. Ольденбергъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Стр. 129—131, 133 и 138).

каждаго даннаго человѣка идетъ только до извѣстныхъ предѣловъ. Утверждаемъ, что самъ г. Ч—въ, углубившись въ свое изнѣженное чувство жалости до самаго его дна, все-таки не найдетъ въ немъ реальнаго, а не воображаемаго чувства сожалѣнія о гибели туберкулезныхъ бациллъ, которыхъ жестокосердый нѣмецъ Кохъ хочетъ стереть съ лица земли. Слѣдовательно: есть предѣлъ увеличенія чувства жалости и этотъ предѣлъ останется навсегда, такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія, что человѣчество никогда не предпочтетъ жизнь холерной и туберкулезной бациллы своей собственной. Проповѣдь-же г. Ч—ва есть простое перенесеніе воззрѣній буддистовъ на русскую душевную почву безъ соображенія: способна-ли эта почва дать возможность разростись тому, что самымъ тѣснымъ образомъ связано съ вѣрой въ переселеніе душъ. Неужели русскому человѣку на роду написано не быть самимъ собою, а постоянно стараться быть похожимъ на другихъ: то были мы западниками, теперь будемъ восточниками,—и все безъ толку.

Г. Ч—въ утверждаетъ, что «въ настоящее время человѣчеству становится вовсе не нужнымъ убіеніе животныхъ даже для своего пропитанія, какъ то подтверждается всѣми людьми, количество которыхъ постоянно увеличивается, сознательно питающимися одной растительной и молочной пищей» [1]). Странно, что

---

[1]) «Исторія, говоритъ Вирховъ, свидѣтельствуетъ, что высшіе успѣхи во всемъ человѣчествѣ достигнуты тѣми народами, которые питались и питаются смѣшанною пищей». (Руд. Вирховъ. О питательныхъ и вкусовыхъ веществахъ. Стр. 33). Если даже признать вполнѣ достовѣрнымъ это положеніе, то все-таки нельзя не видѣть, что въ недалекомъ даже будущемъ у человѣчества не хватитъ мясной пищи. Да и теперь ею питается только привил-

нашъ авторъ не замѣчаетъ ловушки, въ которую онъ самъ себя загналъ, допустивши молочную пищу. Вѣдь для того, чтобы у коровы было молоко, нужны бугаи и телята; телятъ, разумѣется, онъ будетъ сильно угнетать, отнимая отъ нихъ молоко, предназначенное вѣдь не вегетаріанцамъ, а только телятамъ. Да и куда же будемъ мы дѣвать ту массу бычковъ, которые, очевидно, на зло русскимъ буддистамъ, будутъ появляться на свѣтъ? Обращать въ рабочій скотъ? Не говоря объ операціи, которая нужна для этого,—операціи, какъ извѣстно, весьма и весьма жестокой,—необходимо помнить, что нашъ скотъ, безпрепятственно размножаясь подъ скотолюбивымъ режимомъ, способенъ вытѣснить насъ самихъ изъ этого міра. Очевидно, что избѣжать этой опасности можно или постояннымъ прирѣзываніемъ части скота, или же единовременнымъ истребленіемъ его въ корень, такъ что гг. вегетаріанцамъ про молоко-то надо будетъ и позабыть. Г. Ч—въ не замѣчаетъ того, что безпрепятственное размноженіе, напримѣръ, собакъ въ Петербургѣ, дало бы въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ такой приростъ собачьей породы, что у жителей не хватило бы средствъ прокормить ихъ. И выйдти изъ этого печальнаго положенія можно только, опять-таки, или нынѣшнимъ способомъ истребленія извѣстной части собакъ въ каждое данное время, или единовременнымъ истребленіемъ собачьей породы въ корнѣ. Изъ этихъ двухъ примѣ-

легированное меньшинство въ странахъ культурныхъ, да охотничьи племена. Быть можетъ, что въ будущемъ человѣчество будетъ кормить мясомъ лишь дѣтей и больныхъ. Во всякомъ случаѣ, даже еслибы все человѣчество сдѣлалось вегетаріанцемъ—это не избавило бы его отъ необходимости на всякомъ шагу убивать животныхъ, какъ друзей, такъ и враговъ.

ровъ можно видѣть, насколько правъ былъ Спиноза, говоря: «Законъ, запрещающій убивать животныхъ, скорѣе основывается на пустомъ суевѣріи и бабьемъ сердоболіи, чѣмъ на здравомъ разсудкѣ» [1]).

Спиноза, называющій излишнюю чувствительность по отношенію къ животнымъ, «бабьимъ сердоболіемъ», очевидно, хочетъ сказать, что она присуща, главнымъ образомъ, женщинамъ. И это «бабье сердоболіе», по нашему мнѣнію, вполнѣ оправдывается положеніемъ женщинъ въ семьѣ и первобытной общинѣ: вѣдь съ самыхъ древнихъ временъ женщина не вела прямой борьбы съ животными,—добывалъ рыбу, птицъ и звѣрей почти исключительно мужчина, и женщина видѣла ихъ уже мертвыми. Понятно, почему и при переходѣ къ другому порядку жизни, когда пришлось убивать своихъ домашнихъ животныхъ, мужчина взялъ на себя этотъ трудъ,—онъ былъ ему вполнѣ знакомъ и не возбуждалъ въ немъ той жалости къ животнымъ, какую чувствовали женщины, непривыкшія къ такимъ сценамъ. Будучи, такимъ образомъ, освобожденными отъ труда убивать домашнихъ животныхъ, женщины, мало-по-малу развили въ себѣ ту чувствительность, которая мужчинами презрительно названа «бабьимъ сердоболіемъ».

Итакъ, человѣчеству придется убивать не только бациллъ, ядовитыхъ змѣй, крысъ, волковъ и т. п., но и всѣхъ совершенно невинныхъ животныхъ, даже своихъ пріятелей собакъ, иначе ихъ размноженіе грозитъ опасностью голодной смерти человѣку. Такимъ образомъ, каждый изъ насъ долженъ быть готовымъ на непріятное дѣло истребленія своихъ домашнихъ животныхъ,—если не брать въ счетъ нынѣшнихъ порядковъ,

---

[1]) Бен. Спиноза. Этика. Стр. 282.

при которыхъ мы сваливаемъ это дѣло на народъ. Слѣдовательно, извѣстная жестокость должна остаться у человѣка даже по отношенію къ своимъ пріятелямъ изъ животныхъ, не говоря уже о врагахъ. «Человѣкъ, не знающій суровости, по словамъ Карлейля, не можетъ знать также, что такое жалость. Жалость такого человѣка будетъ всегда запечатлѣна характеромъ трусливымъ, эгоистическимъ, сентиментальнымъ или немного чѣмъ лучше» [1]). Проповѣдь буддійскаго отношенія къ животнымъ поведетъ только къ тому, что мы устранимся отъ непріятнаго дѣла еще болѣе, чѣмъ это есть теперь, и, сваливши его на народъ, будемъ превозносить себя за свою чувствительность. Справедливый, нормальный общественный порядокъ не можетъ не поддерживать въ насъ нормальной жестокости чувствъ къ животнымъ; особенно по отношенію къ враждующимъ съ человѣкомъ. Этимъ послѣднимъ человѣчество не можетъ не объявлять истребительной войны, и люди съ изнѣженной чувствительностью по отношенію къ этимъ врагамъ человѣка являются измѣнниками и предателями по отношенію къ интересамъ человѣчества. Христосъ сказалъ: «не слѣдуетъ отнимать хлѣбъ отъ дѣтей для того, чтобы бросать его собакамъ».

Обратимся теперь «къ жестокой забавѣ» по словамъ г. Ч—ва, т. е. къ удовольствію, доставляемому человѣку охотой за животными, хотя бы и безвредными, каковы бекасы, утки и т. п. Устраняя вопросъ объ охотѣ, какъ способѣ добыть себѣ извѣстный предметъ питанія,—хотя на самомъ дѣлѣ этотъ элементъ необходимо присутствуетъ во всякомъ охотникѣ, такъ какъ никто не охотится на воронъ, галокъ и т. п. — поста-

[1]) Т. Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Стр. 132.

раемся разсмотрѣть то чувство удовольствія, которое доставляетъ самый процессъ охоты. Говорить о томъ, что охотникамъ доставляетъ удовольствіе созерцаніе смерти животнаго—это значитъ не имѣть никакого понятія о наслажденіи охотой, въ той формѣ, какую испытываетъ это обыденный, заурядный охотникъ. Удовольствіе отъ охоты происходитъ отъ стремленія о в л а дѣ т ь животнымъ, при чемъ это удовольствіе даже увеличивается въ тѣхъ случаяхъ, когда животное убивается наповалъ, и охотникъ не видитъ его предсмертныхъ страданій. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что это стремленіе овладѣть животнымъ является вполнѣ нормальнымъ для людей, у которыхъ паразитный способъ существованія не атрофировалъ способности кормить себя и свою семью собственными руками и собственной душевной дѣятельностью. Но то, что являлось въ тысячѣ людскихъ поколѣній неизбѣжно необходимымъ трудомъ, то, по извѣстнымъ психологическимъ законамъ, начинаетъ доставлять удовольствіе само по себѣ, даже помимо тѣхъ практическихъ цѣлей, которыя породили этотъ трудъ. Такъ, напримѣръ, мозговая дѣятельность, выросшая на почвѣ необходимости защиты человѣкомъ своего существованія, впослѣдствіи стала доставлять удовольствіе сама по себѣ. И подобно тому, какъ сильный и дѣятельный мозгъ, если онъ не поглощенъ цѣлесообразнымъ трудомъ, набрасывается на всякаго рода игры, доставляющія удовольствіе самымъ мозговымъ процессомъ, такъ и сильный, дѣятельный человѣкъ, не поглощенный физическимъ трудомъ, какъ то часто бываетъ съ пожилыми крестьянами, обладая при этомъ дѣятельной волевой энергіей въ борьбѣ съ природой, не можетъ не набрасываться на эту борьбу, какъ на удовольствіе само по себѣ. Мы видимъ, что этой борь-

бой наслаждались и Л. Толстой, и г. Ч—въ, и многіе другіе знаменитые и не знаменитые филантропы русской земли. Мы вправѣ даже думать, что удовольствіямъ охоты отдаютъ дань всѣ энергичные представители человѣческаго рода, разумѣется, если они поставлены въ мало-мальски способствующія этому обстоятельства.

Что при охотѣ, какъ удовольствіи, нами руководитъ желаніе удовлетворить извѣстному чувству, состоящему въ стремленіи о в л а д ѣ т ь добычею, а не самое желаніе пролить кровь—это можетъ быть аналогично объяснено людямъ, не знакомымъ съ охотничьимъ чувствомъ, слѣдующимъ образомъ: держащій соловья въ клѣткѣ (т. е. несомнѣнно въ тюремномъ заключеніи, доставляющемъ соловью извѣстнаго рода муки), наслаждается-ли самими страданіями птицы или чѣмъ-нибудь другимъ. Человѣкъ съ формально-логическимъ умомъ можетъ также логически заключить, что именно страданія плѣнной птицы доставляютъ наслажденіе ихъ тюремщикамъ, какъ формально-логически разсуждаютъ тѣ, кто обвиняетъ охотниковъ въ наслажденіи убійствомъ. Люди болѣе дальновидные легко признаютъ, что держащій соловья или чижика въ клѣткѣ имѣетъ желаніе насладиться или голосомъ птицы, или (въ примѣрѣ чижика) просто присутствіемъ ея. Желаніе овладѣть птицей—вотъ суть его дѣйствій, а не стремленіе мучить ее плѣномъ. Такимъ же образомъ необходимо болѣе глубоко заглянуть и въ душу охотника: не желаніе пролить кровь, а стремленіе овладѣть животнымъ или птицей руководитъ охотникомъ. Въ одномъ случаѣ человѣкъ держитъ животное въ плѣну, въ тюремномъ заключеніи; въ другомъ убиваетъ, но не эти дѣйствія доставляютъ ему удовольствіе, а сопутствующее имъ о в л а д ѣ н і е животными. «Всякая сила, говоритъ Герб.

Спенсеръ, какого-бы рода она ни была, составляетъ сама по себѣ источникъ самоудовлетворенія» [1]).

Ратовать противъ удовольствій охоты во имя разнѣживанія чувствъ людей по отношенію къ животнымъ—это значитъ уменьшать ихъ способность борьбы съ міромъ, окружающимъ насъ отовсюду враждебной стѣной, не видной для нѣкоторыхъ изъ насъ изъ-за широкой спины мужика. Кромѣ того, нельзя не принять во вниманіе и аргументовъ Ж. Ж. Руссо, который старался заинтересовать своего Эмиля удовольствіями охоты съ цѣлью отвлечь его вниманіе отъ другихъ опасныхъ для физическаго и нравственнаго здоровья наслажденій, къ которымъ начинаютъ стремиться молодые люди въ періодъ созрѣванія. А г. Ч—въ къ этимъ молодымъ людямъ и обращается съ своею проповѣдью! Руссо зналъ, что «охота одинаково очерствляетъ и сердце, и тѣло»; однако, стремился заинтересовать Эмиля охотой, потому что хотѣлъ выработать изъ него энергичнаго человѣка, а не монаха буддійскаго монастыря и не сердобольную бабу, не способную понять, какъ вредитъ ея сердоболіе другимъ людямъ [2]). Дѣло въ томъ, что «храбрость все еще имѣетъ свою цѣнность. Первая обязанность человѣка все еще и до сихъ поръ заключается въ подавленіи страха. Мы должны освободиться отъ страха; мы не можемъ вовсе дѣйствовать, пока не достигнемъ этого. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ не повергнетъ страха подъ пяту ногъ своихъ, поступки его будутъ носить раболѣпствующій характеръ, они будутъ не правдивы, а лишь правдоподобны; сами его мысли будутъ ложны; онъ будетъ

[1]) Герб. Спенсеръ. Обрядовыя учрежденія. Стр. 54.

[2]) Ж. Ж. Руссо. Собраніе сочиненій. Т. I.

думать совершенно, какъ рабъ и трусъ»... «Отвага всегда бываетъ также источникомъ настоящей жалости, истины и всего великаго и добраго, что есть въ человѣкѣ» [1]). Охота же несомнѣнно развиваетъ отвагу, не вредя, въ то же время, развитію нравственныхъ чувствъ. Это послѣднее обстоятельство доказывается существованіемъ охотничьихъ племенъ съ болѣе высокимъ развитіемъ нравственнаго чувства, нежели тотъ, который имѣется у насъ вообще. Такъ, у тунгусовъ Сибири, занимающихся исключительно охотой и рыбной ловлей, «почти не бываетъ преступленій; да и вообще, я, говоритъ г. Яблонскій, что-то не слышалъ, чтобы тунгусъ хоть одинъ разъ фигурировалъ на скамьѣ подсудимыхъ» [2]).

---

[1]) Том. Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Стр. 44 и 49.

[2]) Н. Яблонскій. Весна въ тайгѣ. Стр. 12. («Природа и охота». 1892 г., № 11).

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Народничество есть ученіе объ обществѣ вообще. Ошибочно думаютъ тѣ, кто примѣняетъ это ученіе только къ русскому обществу. Оно можетъ быть не только русскимъ, а и англійскимъ, польскимъ, французскимъ, чувашскимъ, индусскимъ и т. д. Народничество прежде всего опирается на обще-человѣческія свойства и потребности, а затѣмъ уже, принимая во вниманіе особенности того или другого народа, становится національнымъ. Но, при этомъ, оно ничуть не думаетъ поощрять національный эгоизмъ, а, наоборотъ, старается выяснить полнѣйшую несправедливость хищническаго отношенія народовъ другъ къ другу. Такимъ образомъ, народничество, отрицая космополитическое ученіе объ уничтоженіи національныхъ отличій, вмѣстѣ съ тѣмъ, является общечеловѣческимъ ученіемъ объ обществѣ.

Къ числу общечеловѣческихъ основъ народничества необходимо отнести ту истину, что общество имѣетъ единственною своею цѣлью счастье личности, — при чемъ единственнымъ дѣятелемъ общественнаго устройства является тоже только личность со

всѣми своими чувствованіями, желаніями и мыслями. Намъ могутъ возразить, что и другія прогрессивныя ученія объ обществѣ имѣютъ въ виду счастье личности, а потому стремленіе къ нему не можетъ считаться особенностью народничества. Мы утверждаемъ, что подобныя возраженія могутъ быть только результатомъ непониманія представителями этихъ ученій собственныхъ идей. Всѣ они, въ концѣ концовъ, подмѣниваютъ первоначально поставленную себѣ цѣль—счастье личности—всякаго рода другими принципами. Если выкинуть изъ счета ретроградовъ и консерваторовъ, то самымъ употребительнымъ пріемомъ является замѣна принципа счастья личности принципомъ прогресса, иначе принципомъ «счастья будущихъ поколѣній». Намъ уже приходилось указывать, что общественныя задачи не могутъ быть опредѣляемы, какъ исканіе счастья будущихъ поколѣній, такъ какъ при этомъ всѣ поколѣнія должны будутъ искать не своего счастья, а счастья будущихъ только поколѣній. Исторія всѣхъ обществъ превратится въ рядъ жертвъ,—такъ какъ ни одно поколѣніе не будетъ жить для себя, а только подготовлять счастье будущихъ поколѣній. Такимъ образомъ, прогрессъ у многихъ является какимъ-то богомъ Молохомъ, на алтарѣ котораго они и готовы заклать счастье существующихъ поколѣній личностей,—какъ будто прогрессъ есть самодовлѣющая цѣль, а не долженъ быть только орудіемъ счастья личности.

Народничество указываетъ, что счастье личности, благодаря разнообразію ея свойствъ и потребностей, вполнѣ условно, научно неопредѣлимо и можетъ быть выяснено только опросомъ самой личности. Намъ раньше приходилось говорить, что уже Кантъ утверждалъ слѣдующее: «Такъ какъ счастіе не есть нѣчто безу

словное и состоитъ только въ исполненіи моихъ желаній, то тотъ, кто хочетъ дѣлать людей счастливыми, долженъ исполнять ихъ желанія, а не свои предположенія о томъ, что было бы для нихъ лучше». Противники народничества, одержимые тупоумнымъ самомнѣніемъ, утверждаютъ, что народъ, за отсутствіемъ у него школьно-книжныхъ познаній, не имѣетъ права на самоопредѣленіе своей жизни, а долженъ быть насильно подчиненъ имъ, пріобрѣвшимъ усидчивымъ зубреніемъ всякаго рода якобы знанія. При этомъ они забываютъ, что пріобрѣтеніе знаній часто не только не развиваетъ умъ, а подавляетъ его. Это доказывается не только примѣрами дѣйствія на умственныя способности узкихъ областей знанія, но и дѣйствіемъ на нихъ современныхъ европейскихъ формъ образованія вообще, о которомъ мы во II главѣ этого труда привели отзывы многихъ компетентныхъ лицъ [1]).

---

[1]) Европейская «средне-образовательная» школа, по словамъ журнала «Русская Мысль» «переутомляетъ дѣтей, лишаетъ ихъ мысль бодрости и силы, внушаетъ равнодушіе и даже отвращеніе къ знанію и мышленію». («Русск. Мысль» 1893 г., № 3. О пессимизмѣ въ современной литературѣ. О. Т. В. Стр. 56). Справедливость этой мысли подтверждается тѣмъ, что свои досуги большинство интеллигенціи посвящаетъ картежной игрѣ, пьянству и только въ лучшихъ случаяхъ—музыкѣ или легкому чтенію, преимущественно, романовъ, но отнюдь не занятіямъ, требующимъ мышленія. Врядъ-ли чтеніе романовъ можно предпочесть картежной игрѣ или пьянству, — если смотрѣть съ точки зрѣнія усовершенствованія общественной нравственности Мы говоримъ объ обыденномъ ихъ типѣ, героевъ и героинь котораго одинъ критикъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ большинствѣ случаевъ мужчины, долженствующіе представить нѣчто возвышенное и благородное, начиная съ Чайльдъ-Гарольда и до послѣднихъ героевъ Фельe, Троллопа, Мопасана,—суть не что иное, какъ развратные тунеядцы, ни на что, ни для кого не нуж-

Впрочемъ, необходимо допустить, что люди съ выдающимися природными умственными способностями могутъ побѣдоносно выходить изъ борьбы, съ только что указанными неблагопріятными условіями умственнаго развитія. У нихъ знаніе является могучимъ орудіемъ воздѣйствія на природу и общество, а не хламомъ, загромождающимъ только умъ. Но вся суть вопроса въ томъ, что ни выдающіяся умственныя способности, ни обладаніе полезнѣйшими знаніями не дѣлаютъ человѣка болѣе нравственнымъ, т. е. способнымъ пожертвовать своимъ личнымъ и сословнымъ эгоизмомъ на общенародную пользу. Поэтому народничество не видитъ никакихъ основаній для соціальнаго подчиненія народа группѣ людей, обладающихъ даже выдающимися умственными способностями, оплодотворенными полезнѣйшими знаніями,—не говоря уже объ ограниченныхъ, хотя и ученыхъ, начетчикахъ съ умомъ, загроможденнымъ всякаго рода мнимыми знаніями или отравленнымъ сословно-эгоистическими теоріями. Пора, наконецъ, признать, что главнымъ факторомъ прогресса общественныхъ формъ являются не люди знанія, а люди нравственнаго чувства. Это же послѣднее нисколько не развивается накопленіемъ знаній, а только совершеніемъ дѣйствій, внушаемыхъ этимъ чувствомъ. Общинная и артельная жизнь русскаго народа ставитъ его въ неизмѣримо лучшія условія по отношенію къ развитію нравственныхъ чувствъ, нежели это мы видимъ въ жизни интеллигенціи, живущей въ атмосферѣ взаимной конкурренціи на хлѣбныя мѣста. Народъ, по-

---

ные; героини же—это такъ или иначе, болѣе или менѣе доставляющія наслажденіе мужчинамъ любовницы, точно такъ-же праздныя и преданныя роскоши». (В. Буренинъ. Критическіе очерки. «Нов. Время». 1893 г. № 6133).

ставленный лицомъ къ лицу съ природой, ведетъ, главнымъ образомъ, борьбу съ животными и стихіями, а интеллигенція — съ людьми. Слѣдовательно, никакая интеллигенція не вправѣ считать себя лучшимъ общественнымъ дѣятелемъ, чѣмъ народъ, такъ какъ руководители общества, въ его стремленіяхъ къ прогрессу общественныхъ формъ, должны быть прежде всего людьми нравственными. Всякаго же рода дипломы и свидѣтельства о познаніяхъ не свидѣтельствуютъ о нравственныхъ качествахъ, а потому необходимо опасаться, что, руководя насильно народомъ, интеллигенція будетъ стремиться не къ счастью личности вообще, а—интеллигенціи по преимуществу. Къ сожалѣнію, эти опасенія вполнѣ подтверждаются исторіей.

Правда, люди дѣйствительнаго, а не мнимаго знанія много способствуютъ улучшенію матерьяльной обстановки человѣчества, но нужно имѣть въ виду, что громаднѣйшая доля ихъ работы, пока, способствовала только улучшенію быта господствующихъ классовъ,—чуть-ли даже не въ ущербъ народнымъ интересамъ. Впрочемъ, если даже признать, что крохи этого матерьяльнаго прогресса перепадали народу, то изъ этого можно заключать только о полезности человѣчеству людей знанія. Несомнѣнно, что эта полезность давно уже признана людьми, оплачивающими ихъ знанія и трудъ по очень высокой цѣнѣ, сравнительно съ трудомъ вообще. Дѣлать же выводъ о необходимости соціальнаго подчиненія человѣчества людямъ знанія на томъ только основаніи, что они весьма и весьма полезны человѣчеству въ его стремленіяхъ къ улучшенію матерьяльной обстановки,—было бы вполнѣ неразумно и несправедливо, тѣмъ болѣе, что эта полезная дѣятельность не только не расширилась бы, благодаря общественному господ-

ству людей знанія, а только пошла бы на убыль, что можно ясно видѣть изъ примѣровъ жрецовъ Египта и мандариновъ Китая. Люди знанія, даже обладающіе изобрѣтательными способностями, поставленные въ обстановку соціальнаго господства надъ людьми, не только не могутъ совершенствоваться, а заглушаютъ въ себѣ изобрѣтательныя способности,—подобно тому какъ разнаго рода животныя, переходя къ паразитной жизни, начинаютъ терять органы мысли, чувства, передвиженія и т. п. Къ тому же извѣстно, что изобрѣтенія, по большей части, сдѣланы не аристократіей, а людьми труда. Люди знанія — несомнѣнно могутъ быть полезны человѣчеству, но не какъ его господа, а какъ его члены, владѣющіе могучимъ орудіемъ матерьяльнаго прогресса.

Только-что высказанная нами мысль о бо́льшей, сравнительно, прогрессивности народа, какъ общественнаго дѣятеля, подтверждается отзывами многихъ людей науки и жизни о народныхъ массахъ. Такъ, напримѣръ, Поль Жанэ говоритъ, что «народъ въ цѣломъ всегда лучше, нежели отдѣльныя лица, подобно тому какъ вода, чѣмъ въ большемъ она количествѣ, тѣмъ меньше подвержена порчѣ» [1]). Гладстонъ въ рѣчи, произнесенной къ избирателямъ въ Мидкольдерѣ, въ 1890 г., между прочимъ сказалъ: «Сужденіе массъ о крупныхъ вопросахъ дѣльнѣе, чѣмъ сужденіе образованныхъ классовъ» [2]). Кардиналъ Манингъ утверждаетъ, что «современные политиканы и экономисты до-

[1]) Поль-Жанэ. Исторія государственной науки въ связи съ нравственной философіей. Кн. I, стр. 153.

[2]) Телеграмма «Сѣв. телегр. Агентства» отъ 11 октября 1890 г.

живаютъ свой вѣкъ. Двадцатый вѣкъ будетъ всецѣло принадлежать народу и законамъ общаго преуспѣянія христіанскаго общественнаго строя» [1]). Про простой народъ Руссо говоритъ: «Изучите людей этого сословія и вы увидите, что у нихъ столько же ума и больше здраваго смысла, чѣмъ у васъ, хотя они говорятъ другимъ языкомъ. Уважайте же родъ человѣческій; подумайте, что онъ, главнымъ образомъ, состоитъ изъ собранія народовъ; что еслибъ исключить изъ него всѣхъ королей и всѣхъ философовъ, то это было бы незамѣтно и на свѣтѣ отъ этого не сдѣлалось бы хуже» [2]). Послѣднія слова Руссо могутъ многимъ показаться парадоксомъ. «Философы вносятъ свѣтъ въ общественныя потемки и Руссо можетъ послужить первымъ примѣромъ этому»,—скажутъ они. Но не надо упускать изъ виду, что на одного Руссо можно считать тысячи философовъ (признанныхъ таковыми оффиціально), которые служатъ именно потемкамъ, такъ что причиняемый ими вредъ даже больше пользы, принесенной трудами Руссо. Къ сожалѣнію, все это факты, незамѣчаемые нами, благодаря господству въ насъ корпоративныхъ интересовъ. Е. Дюрингъ, разсуждая о нѣкоторыхъ частныхъ экономическихъ вопросахъ, говоритъ «народныя сужденія, несмотря на ихъ грубость и ошибки незнанія, обыкновенно ближе къ истинѣ, чѣмъ мнимо-научныя откровенія» [3]).

[1]) «Новое Время» 1891 г. отъ 4-го января.

[2]) Ж. Ж. Руссо. Собр. соч., т. I. Эмиль. Стр. 237.

[3]) Евгеній Дюрингъ. Курсъ національной и соціальной экономіи со включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и соціализма. Стр. 525. Переводъ съ 3-го изданія.

«Легкомысліе и ослѣпленіе диллеттантовъ, по словамъ польскаго историка Боржинскаго, могутъ считать народъ мертвою массою, направляемою только внѣшними вліяніями; но такого положенія не можетъ занять историкъ, который, смотря на свѣтъ нѣсколько шире, видитъ, какъ народъ мыслитъ и рѣшаетъ, дѣйствуетъ и борется собирательной волей своихъ единицъ, и въ дальнѣйшемъ развитіи отвѣчаетъ за каждый свой поступокъ» [1]). Къ этимъ «легкомысленнымъ и ослѣпленнымъ диллеттантамъ» мы должны относить и противниковъ народничества, коснѣющихъ въ своемъ интеллигентномъ бюрократизмѣ и готовыхъ даже подтрунивать надъ народничествомъ по поводу его отношеній къ народу, «на который теперь возлагаютъ, по словамъ г. Пыпина, столько надеждъ народническіе патріоты, полагая, что отъ этого народа можемъ многому научиться и мы, интеллигенція» [2]). Мы не думаемъ, чтобы «народническіе патріоты» мечтали научить, напримѣръ, народной справедливости гг. начетчиковъ интеллигенціи. Они знаютъ, что «несправедливому недостаточно одной доброй воли, чтобы перестать быть несправедливымъ и стать праведнымъ: вѣдь и больной не становится (въ силу одной своей воли) здоровымъ» [3]). Но «народническіе патріоты» просятъ гг. начетчиковъ обратить вниманіе на слѣдующую историческую справку: «Кто припишетъ, говоритъ Дюрингъ, всемірно историческія преслѣдованія значительныхъ умовъ прежде всего церкви и государству, тотъ составитъ

[1]) М. Бобржинскій. Очеркъ исторіи Польши. Т. II, стр. 314

[2]) «Вѣс. Европы» 1891 г., № 1. Литературное обозрѣніе А П. Стр. 433.

[3]) Этика Аристотеля. Пер. Э. Радлова Стр. 50.

себѣ ложное представленіе о характерѣ этихъ гоненій. Церковь и государство во многихъ случаяхъ являются совершенно индифферентными и оставались бы часто не затронутыми, еслибы стоящая ближе къ преслѣдуемымъ лицамъ враждебная каста или группа, и внутри ея совершенно опредѣленные личные завистники и враги не брали на себя иниціативы и первые не возбуждали церкви и государства. Такъ было и съ Галлилеемъ, испытавшимъ съ самаго начала своихъ лекцій враждебное отношеніе къ себѣ аристотеликовъ, которые господствовали тогда въ университетахъ» [1]).

По мнѣнію народниковъ, главный недостатокъ интеллигенціи по сравненію съ народомъ есть относительно менѣе чуткая совѣсть. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ англичанинъ В. Стэдъ въ книгѣ «Правда о Россіи»:

«Безчисленныя деревенскія общины, совокупность которыхъ составляетъ Имперію, каждая содержитъ въ себѣ сердце и голову Россіи»... «Первое, что поражаетъ англичанина, это безусловно республиканскій, демократическій характеръ управленія этихъ русскихъ деревень. Собраніе домохозяевъ, вымершее въ Европѣ, сохранило свою жизненную силу и до сихъ поръ процвѣтаетъ въ Россіи»... «Это единственная форма управленія, которая на опытѣ знакома большинству русскихъ. Для крестьянъ это все управленіе. Оно имъ подходитъ»;.. «оно пріучило этотъ некультурный классъ къ практикѣ и идеѣ ассоціацій, оно наложило на каждаго взрослаго извѣстную долю отвѣтственности и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ внѣшнимъ обликомъ неограниченнаго

[1]) Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Стр. 199 и 200 («Рус. Бог.». 1892 г., № 12).

правленія оно сохранило въ дѣйствительности самое близкое практическое осуществленіе идеала парижской коммуны, но на прочномъ основаніи христіанства»... «Не русскій, а итальянецъ Манчини первый провозгласилъ, что кончился вѣкъ индивидуализма и настаетъ эпоха ассоціацій. И если онъ былъ правъ, въ такомъ случаѣ русскій мужикъ, по всей вѣроятности, съ своимъ общиннымъ устройствомъ, станетъ во главѣ поступательнаго движенія человѣческаго прогресса»... «Въ этой жизни, конечно, какъ и во всякой, есть свои темныя и отталкивающія стороны, но въ общемъ нельзя не признать, что жизнь русскаго мужика болѣе естественна и человѣчна и поэтому заключаетъ въ себѣ большую возможность достигнуть идеальнаго и божественнаго начала, чѣмъ жизнь обитателя нашихъ лондонскихъ окраинъ» [1]).

Что касается совѣсти нашихъ образованныхъ классовъ, то мы уже приводили отзывы о ней въ главѣ «Интеллигентный бюрократизмъ и народничество». Тутъ мы дополнимъ эти отзывы слѣдующимъ: «мы, говоритъ одинъ искренній интеллигентъ, прежде всего рутинеры и чиновники, до мозга костей, на старой барской закваскѣ» [2]). Эта старая барская закваска обнаруживается и во врагахъ народничества. Извѣстно, что народничество указываетъ на эксплуататорское отношеніе интеллигенціи къ народу. По этому поводу, защищая интеллигенцію, г. Пыпинъ говоритъ: «Какъ бы ни стояли они (т. е. интеллигенція и на-

[1]) В. Стэдъ. Правда о Россіи. („Рус. Вѣс." 1889 г., № 4).

[2]) М. О. Перфильевъ. О положеніи медицинскаго дѣла въ Россіи. Стр. 122.

родъ) теперь между собою, эти отношенія образовались не даромъ, и виноватыхъ трудно искать на почвѣ до чрезвычайности сложныхъ историческихъ явленій» [1]). И такъ, хотя интеллигенція относится къ народу вполнѣ недобросовѣстно (мы говоримъ про большинство ея, такъ какъ радѣющихъ о народномъ благѣ всегда было незначительное меньшинство среди интеллигенцій всѣхъ народовъ), но въ виду того, что эти отношенія «образовались не даромъ», мы должны считать ихъ справедливыми. Народничество не должно указывать на несправедливость этихъ отношеній, не должно стремиться къ измѣненію ихъ, такъ какъ это значило бы «искать виновныхъ на почвѣ до чрезвычайности сложныхъ историческихъ явленій». Какая странная, однако, аргументація! И не очевидно-ли, что она является результатомъ «одуряющей переученности», по выраженію Дюринга. Ею защищали крѣпостное право, защищаютъ теперь кулачество и. т. п. явленія нашей общественной жизни. Ученому начетчику кажется достаточнымъ объявить извѣстную несправедливость образовавшеюся исторически, чтобы оправдать ее. Народники чувствуютъ и разсуждаютъ иначе. Они знаютъ, что всѣ «сложныя историческія явленія»—результатъ чувствъ, желаній и мыслей личностей, связанныхъ между собою этимъ «сложнымъ историческимъ явленіемъ». Всякое измѣненіе въ чувствахъ, желаніяхъ и мысляхъ этихъ личностей несомнѣнно отразится на «сложномъ историческомъ явленіи».—къ чему и стре-

[1]) «Вѣст. Европы» 1891 г., № 2. Народники и народъ. А. В—нъ. Стр. 664. А. В—нъ заявилъ, что его мнѣнія «сходны даже тождественны» съ мнѣніями автора «Исторіи русской этнографіи», обнаруживъ тѣмъ самымъ, что «А. В—нъ» есть псевдонимъ г. Пыпина. („Вѣс. Евр." 1893 г., № 2, стр 776).

мятся народники. Разумѣется, что это не нравится людямъ, не признающимъ, въ своемъ интеллигентномъ самомнѣніи, истины: «Каждый не больше и не меньше человѣкъ, чѣмъ другіе» [1]). И эти люди вступаютъ въ борьбу съ народничествомъ за свои корпоративныя привиллегіи, внося въ нее тѣ-же пріемы, какіе интеллигенція употребляетъ въ своихъ отношеніяхъ къ народу. «Чуть не всякій писатель, говоритъ г. В. В.. пытающійся характеризовать народничество, прежде всего старается представить его въ найболѣе уродливомъ видѣ; для этого онъ или выставляетъ на первый планъ какую либо крайнюю мысль, высказанную кѣмъ-либо изъ народниковъ, или даже не точно употребленный терминъ, или приписываетъ народникамъ мысли, какихъ они никогда не высказывали» [2]). Такъ дѣйствуютъ и главные враги народничества,— гг. защитники прогресса сверху... Они клевещутъ на народничество, увѣряя своихъ читателей, что оно стремится къ уничтоженію науки и интеллигенціи. Желаніе народничества удержать интеллигенцію въ предѣлахъ ея естественной общественной функціи, опредѣляемой тѣмъ, что она является носительницею необходимаго обществу знанія,—они подмѣнили мнимымъ желаніемъ народничества уничтожить науку и интеллигенцію. Стремленіе народничества удержать интеллигенцію отъ насильническаго господства надъ народомъ было объявлено этими интеллигентами—на «старой барской закваскѣ»—походомъ противъ интеллигенціи. Народни-

---

[1]) Фихте. Замкнутое государство. Стр. 40.

[2]) В. В. Попытки обоснованія народничества. Стр. 6 („Рус. Бог." 1892 г., № 10).

чество стали обвинять передъ интеллигенціей въ желаніи обидѣть ее—бѣдняжку. Разумѣется, она, въ большинствѣ своемъ, повѣрила защитникамъ своихъ корпоративныхъ интересовъ. Мы можемъ только укоризненно возразить: «Умникъ Разумниковичъ!—кто смѣетъ тебя обидѣть?! Ты самъ всякаго обидишь! Такъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ было у всѣхъ народовъ».

Идейная борьба народничества съ наступающимъ повсюду въ Европѣ общественнымъ господствомъ интеллигенціи, мало-по-малу вытѣсняющимъ феодализмъ и капитализмъ, и дѣйствующимъ подъ знаменемъ «демократизма», — вполнѣ аналогична съ борьбою противъ господства капитала. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ «*знаніе* начинается отъ богатства какъ богатство отъ силы» [1]). Борьба съ насильниками, въ какой бы формѣ они ни явились на общественной аренѣ, непремѣнно будетъ имѣть нѣкоторыя аналогичныя черты. Отсюда происходитъ и сходство пріемовъ враговъ народничества, интеллигентныхъ бюрократовъ, защищающихъ господство интеллигенціи, и либераловъ, защищающихъ господство капитализма. Такъ, напримѣръ, когда противники капитализма указываютъ на вредную дѣятельность капитала въ нашей современной жизни и при этомъ, разумѣется, относятся къ капиталистамъ враждебно, то либералы дѣлаютъ видъ, будто принимаютъ борьбу съ капитализмомъ за стремленіе уничтожить самый «капиталъ» и разглагольствуютъ на тему о его необходимости. Враги капитализма уже давно выяснили, что они не враги «капитала», такъ какъ онъ также необходимъ и въ артельномъ производствѣ, какъ и въ нынѣшнемъ капи-

[1]) А. Стронинъ. Политика какъ наука. Стр. 223.

талистическомъ, а желаютъ только поддержать народныя формы производства и тѣмъ самымъ способствовать уничтоженію господства капиталистовъ надъ народомъ. Ихъ нападенія на капиталистовъ не обозначаютъ нападеніе на «капиталъ», каковъ онъ самъ по себѣ, а выражаютъ ихъ отвращеніе къ злоупотребленію капиталомъ, въ видахъ личнаго эгоизма его владѣтелей.

Защитники интеллигентнаго бюрократизма также дѣлаютъ видъ, что борьбу противъ нихъ они принимаютъ за вражду къ знаніямъ и наукѣ,—при чемъ лгутъ, подобно защитникамъ капитализма. Борьба народничества съ господствомъ интеллигенціи не есть борьба съ знаніями и наукою, а съ нынѣшнимъ злоупотребленіемъ ими. Обладаніе дипломированнымъ знаніемъ, въ настоящее время, дѣлается такимъ же орудіемъ эксплуатаціи, какъ и капиталъ. Говорить, что это естественное дѣло, — это значитъ стоять на низкой ступени нравственнаго развитія, такъ какъ для народа все равно—господствуютъ-ли надъ нимъ во имя владѣнія капиталомъ или знаніями. Вѣдь и отъ капиталистическаго производства перепадаютъ ему извѣстныя крохи, будутъ перепадать только крохи и при господствѣ во имя знаній—такова уже закваска тѣхъ классовъ, которые окажутся обладателями дипломированнаго знанія.

Такъ какъ интеллигентный бюрократизмъ прочитъ себя въ наслѣдники феодализму и капиталистическому строю, то необходимо теперь же раскрывать всю обманчивость надеждъ на интеллигенцію, какъ общественно-руководящій классъ. Если этимъ народничество и не предотвратитъ желаніе сдѣлать соціальный опытъ съ устройствомъ общества при господствѣ исключительно интеллигенціи, то все-таки своей критикой подготовитъ

почву для болѣе справедливаго общественнаго строя. Во всякомъ случаѣ, народамъ не зачѣмъ лѣзть изъ огня да въ полымя, а надо поискать общественнаго устройства свободнаго отъ всякаго рода эксплуатаціи.

Народничество, высказывавшееся противъ господства интеллигенціи, было объявлено большинствомъ нашей печати врагомъ прогресса; народникамъ остается утѣшить себя воспоминаніемъ, что въ концѣ XVIII вѣка, прогрессивнымъ считалось большинствомъ европейской печати лишь то, что расчищало путь господству буржуазіи. Теперь настаетъ очередь интеллигентнаго бюрократизма и ему расчищаютъ путь люди «не вѣдающіе бо, что творятъ». Быть можетъ, эти послѣдніе съ удивленіемъ услышатъ, что М. Е. Салтыковъ-Щедринъ устами героя своей автобіографической повѣсти относится отрицательно ко всякого рода интеллигентному бюрократизму:

— «Такъ, по вашему, приходится сложить руки и смотрѣть равнодушно на всѣ уродства и нелѣпости?

— О, нѣтъ, сохрани Боже! Нужно дѣйствовать, какъ можно больше дѣйствовать! Но я хочу, чтобы каждому оставили полную свободу жить, какъ онъ понимаетъ, а не навязывались съ своими теоріями, которыя только раздражаютъ. Я иду за вами слѣдомъ въ отрицаніи идоловъ, но поступаю откровеннѣе васъ, потому что не хочу ровно никакого идола, даже... идола пользы» [1]).

Въ послѣднее время многіе враги народничества стараются увѣрить общественное мнѣніе, что оно есть

---

[1]) М. Е. Салтыковъ. Брусинъ («Вѣст. Европы» 1890 г., № 5. Стр. 56).

простой перепѣвъ демократическихъ идей шестидесятыхъ годовъ. Мы считаемъ это невѣрнымъ. Лучшую характеристику, такъ называемой, «эмансипаціи» шестидесятыхъ годовъ мы можемъ найти у самаго чистаго демократа тѣхъ временъ—Гр. Елисѣева По его словамъ, «Катковъ съ самаго начала эмансипаціи, угрожавшей поглотить всѣ права дворянства и поставить во главу русской цивилизаціи, вмѣсто дворянства рода, дворянство образованія, сталъ заботиться о поддержаніи дворянства и о сохраніи его историческихъ правъ» [1]). Разумѣется, Гр. Елисѣевъ сталъ на сторону «эмансипаціи» и явился противникомъ Каткова, т. е. защитникомъ «эмансипаціи», стремившейся, по его словамъ, поставить во главу русской цивилизаціи «дворянство образованія». Рядомъ съ нимъ очутились всѣ стремившіеся къ тому, чтобы интеллигенція была поставлена во главу русской цивилизаціи. Вслѣдъ за этимъ, защитники «дворянства образованія» выдѣлили изъ себя группу мнимыхъ народолюбцевъ, которую мы можемъ назвать проповѣдниками «олигархіи образованія». Эти приверженцы «олигархіи образованія», объявляя себя защитниками народныхъ «интересовъ», провозглашали о своемъ презрѣніи къ «мнѣнію» народа объ этихъ его интересахъ. Разумѣется, что ихъ народолюбіе, хотя и своеобразное, поневолѣ привело ихъ къ столкновенію съ защитниками «дворянства образованія», которые въ большинствѣ своемъ нисколько не отличаются никакимъ народолюбіемъ; но они, кажется, не замѣчаютъ, что вся ихъ работа все-

[1]) Н. К. Михайловскій. Литература и жизнь. Стр. 156. («Рус. Мысль» 1892 г., № 11)

таки идетъ на поддержаніе проповѣди господства «дворянства образованія», такъ какъ основаніе своего права на презрѣніе народнаго «мнѣнія» они видятъ только въ образованіи. Къ числу защитниковъ «олигархіи образованія» мы относимъ и извѣстнаго Н. К. Михайловскаго, котораго многіе причисляютъ къ народникамъ только по недоразумѣнію, смѣшивая его интеллигентно-бюрократическое народолюбіе съ истиннымъ народничествомъ, защищающимъ право народа жить соотвѣтственно своему «мнѣнію» [1]).

Въ настоящее время народничество находится въ большой опасности, вслѣдствіе стремленій многихъ смѣшать, такъ сказать, шашки и прикрыть знаменемъ народничества интеллигентно-бюрократическое народолюбіе. Благодаря многочисленности защитниковъ этого

[1]) Многіе ученики и почитатели г. Михайловскаго до сихъ поръ не хотятъ замѣчать нравственной тупости своего учителя, которая привела его въ лагерь «насильническихъ заботъ» о народѣ. Одинъ изъ нихъ, г. Яковенко, глубоко опечаленный этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, въ письмѣ къ г. Михайловскому спрашивалъ: «вы полагаете, что нужно дѣйствовать въ интересахъ народа, а согласно-ли это будетъ съ его мнѣніями или нѣтъ, это ужь второстепенный вопросъ» («Сѣв. Вѣс.» 1886 г., № 11). На это нашъ народолюбивый интеллигентный бюрократъ «ничтоже сумняшеся» отвѣчалъ: «Не то чтобы второстепенный, но во всякомъ случаѣ второй, да, я такъ полагаю». При этомъ, онъ обстоятельно объяснилъ, что съ «мнѣніемъ» народа все-таки приходиться считаться, какъ считаются, прибавимъ для ясности отъ себя, кузнецы со свойствами металла, столяры—дерева и т. п. (Тамъ же. Дневникъ читателя. Н. М.). По нашему глубокому убѣжденію, смѣлость и прямота этого отвѣта могли быть внушены только нравственной тупостью, благодаря которой г. Михайловскій готовъ лишить народъ лучшаго изъ благъ жизни, какъ ихъ представляетъ себѣ самъ народъ. «Идолъ пользы», какъ выражается Щедринъ, вытѣсняетъ изъ его сердца народническіе идеалы.

послѣдняго направленія, ихъ грабительскія попытки на терминъ «народничество» могутъ быть успѣшны и тогда народники окажутся вытѣсненными изъ собственнаго дома. Мы считаемъ себя вправѣ протестовать противъ этихъ хищническихъ поползновеній, такъ какъ для народничества весьма важно не быть смѣшиваемымъ съ интеллигентно-бюрократическимъ народолюбіемъ, отъ котораго оно отдѣлено, можно сказать, цѣлою пропастью. Правда, интеллигентно-бюрократическое народолюбіе составляетъ наивысшую ступень развитія бюрократическаго міросозерцанія вообще, за то народничество, хотя и есть только первая ступень развитія міросозерцанія, но міросозерцанія болѣе высокаго типа. Не надо забывать, что типъ развитія народническаго міросозерцанія совершенно иной, болѣе нравственно-высокій, чѣмъ типъ развитія бюрократическаго міросозерцанія. Борьбу народничества съ интеллигентно-бюрократическимъ міросозерцаніемъ мы можемъ сравнить съ борьбою европейскаго ребенка съ взрослой обезьяной. Нельзя отрицать возможности временной побѣды взрослой обезьяны надъ ребенкомъ, просто благодаря ея физической силѣ, а потому для насъ не будетъ удивительно и грабительское вытѣсненіе народниковъ изъ собственнаго ихъ дома, благодаря многочисленности ихъ противниковъ. Но противодѣйствовоть этому грабежу народники обязаны всѣми силами, а средствомъ для этого можетъ быть только выясненіе отличій народничества отъ бюрократическаго народолюбія.

Народничество утверждаетъ, что «образованіе» не должно быть предлогомъ для привиллегій, такъ же какъ капиталъ или родовитость; по его мнѣнію, во главу русской цивилизаціи никто не долженъ быть поставв-

ленъ и русская цивилизація должна быть основана на общенародныхъ желаніяхъ, чувствахъ и мнѣніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ шестидесятыхъ годахъ у насъ уже были люди съ народническими наклонностями, но общій характеръ той части литературы, которая у насъ извѣстна подъ именемъ «литературы шестидесятыхъ годовъ», былъ другой. Въ общемъ, она несомнѣнно была проникнута народолюбивымъ интеллигентнымъ бюрократизмомъ и благоговѣніемъ къ «идолу пользы»— реакціей которому и явилось народничество.

По мнѣнію народниковъ извѣстная общественная форма можетъ быть сама по себѣ прекрасна, но коллективная мысль можетъ отвергнуть ее, какъ вредную при данныхъ условіяхъ; она можетъ ясно видѣть, что умственный или нравственный уровень развитія личностей, входящихъ въ ея составъ, не допуститъ существованія этой формы или извратитъ ее до неузнаваемости. Коллективное рѣшеніе, слѣдовательно, является лучшимъ мѣриломъ практической годности общественной формы.

Мыслящій и чувствующій человѣкъ не можетъ не имѣть извѣстнаго идеала общественныхъ отношеній, въ которомъ онъ выражаетъ свои личныя понятія объ истинно справедливыхъ и мудрыхъ отношеніяхъ *людей другъ къ другу. Онъ старается примкнуть къ* практической жизненной работѣ и своей дѣятельностью усиливать то теченіе, которое увлекаетъ общество по направленію къ его идеалу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, онъ старается найти въ самомъ окружающемъ его обществѣ такіе элементы, которые шли бы съ нимъ по одной дорогѣ. И вотъ въ своихъ поискахъ этотъ человѣкъ, живя въ Россіи, наткнулся на тотъ фактъ, что коллективное міросозерцаніе русскаго народа по обще-

ственнымъ вопросамъ указываетъ на самую практичную форму общественнаго прогресса, и что осуществленіе желаній народа будетъ дѣйствительно ближайшей станціей по направленію къ идеалу. Признавъ этотъ фактъ, онъ сдѣлался русскимъ народникомъ. Идеалъ не рушился, не исчезъ, онъ такъ и остался путеводной звѣздой; но жизненная практическая работа стала приноравливаться къ осуществленію ближайшей цѣли, которую, какъ мы уже говорили, онъ нашелъ въ общественныхъ идеяхъ русскаго народа. Но изъ того факта, что народникъ признаетъ общественныя идеи народа лучшими и практическими опредѣлителями общественныхъ формъ, совершенно не слѣдуетъ заключать, что онъ и свое личное міросозерцаніе, и свою личную жизнь обязанъ подчинять народнымъ воззрѣніямъ. Вѣдь онъ призналъ только ту истину, что общественныя формы, въ которыхъ живетъ народъ, должны быть согласованы съ потребностями и взглядами этого народа; поэтому нечего и говорить, что онъ вправѣ устроивать свою личную жизнь такъ, какъ ему угодно ненарушая, разумѣется, интересовъ другихъ людей.

Въ противоположность западно-европейской «соціальной демократіи», для которой, по словамъ Е. Дюринга, «всякое расширеніе принудительной власти, начиная съ области собственно соціальной и до вопросовъ личнаго врачеванія включительно, представляется безспорнымъ прогрессомъ» [1]),—основнымъ положеніемъ народничества является устраненіе насилія

---

[1]) Е. Дюрингъ. Курсъ національной и соціальной экономіи.... Переводъ съ 3-го изданія. Стр. 542.

изъ области творчества общественныхъ формъ. Поэтому оно считаетъ несправедливымъ и неразумнымъ не только подчинять народъ интеллигенціи, но и наоборотъ. Всякому—свое. Имѣя въ виду единственную цѣль—счастье личности и ясно видя, что народъ не есть что-то казарменно-однообразное, а состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ группъ, народничество настаиваетъ на необходимости допустить свободно складывающееся разнообразіе формъ нашей общественности.

Нечего и говорить, что общественныя задачи народничества могутъ быть осуществлены только трудами многихъ поколѣній. Ближайшимъ же путемъ къ осуществленію этого идеала будетъ устраненіе насилія изъ текущей творческой общественной работы, а не интеллигентно-бюрократическое насажденіе въ душахъ людей любви къ свободѣ и независимости,—попираніемъ этой свободы и независимости, ради, будто-бы, болѣе быстраго прогресса, безсмысленно противопоставляемаго «мнѣнію» и желаніямъ народа. Смѣшивать же насиліе, употребляемое какъ отдѣльною личностью, такъ и народами съ цѣлью защиты своихъ правъ, съ тѣмъ насиліемъ, которое употребляется насильниками съ цѣлью облагодѣтельствовать личность и народы—это значитъ недобросовѣстно играть словами, такъ какъ несомнѣнно, что насколько всякій вправѣ защищать себя насиліемъ отъ чужаго преступнаго насилія, настолько же никто не вправѣ употреблять насиліе для облагодѣтельствованія личности, не желающей этого, вслѣдствіе чего это насиліе является уже преступнымъ.

Русской интеллигенціи необходимо, наконецъ, сознать, что ея интеллигентный бюрократизмъ основанъ

на крѣпостническихъ воззрѣніяхъ на народъ, приспособленныхъ только къ новымъ обстоятельствамъ жизни русскаго государства. Искренніе враги прежнихъ формъ крѣпостничества все-таки настолько заражены имъ что не замѣчаютъ въ себѣ значительной доли остатка тѣхъ же крѣпостническихъ воззрѣній.

КОНЕЦЪ.

